

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕПОНЯТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1864.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Московская Духовная Академія. Мая 25 дня, 1864 года.

Цензоръ *Протоіерей Павелъ Беневоленскій.*

ЖЕНИХИ И НЕВѢСТЫ.

Именемъ жениха и невѣсты называются лица сговоренныя или помолвленныя, такъже ищущія себѣ невѣсту или жениха, а иногда достигшія совершеннолѣтія, брачнаго возраста. Мы будемъ говорить о женихахъ и невѣстахъ въ первомъ смыслѣ.

Положеніе жениха и невѣсты въ продолженіе времени между помолвкою и свадьбою не всегда бываетъ пріятнымъ положеніемъ. Иногда люди рѣшаются вступить въ бракъ не по личному расположенію къ той особѣ, которую называютъ своимъ женихомъ, или своею невѣстою, а либо по расчету, либо по принужденію, и потому, естественно, отношенія ихъ къ этой особѣ, на самыхъ первыхъ порахъ сближенія, бываютъ натянуты, или лишены той нѣжности, какая свойственна лицамъ, чувствующимъ личную привязанность къ кому либо. Эта натянутость, этотъ недостатокъ нѣжности обыкновенно не укрываются отъ взора людей постороннихъ и подають поводъ однимъ къ сожалѣнію, другимъ къ пересудамъ и насмѣшкамъ. Совсѣмъ не та-

ково положеніе жениха и невѣсты, которыхъ соединило личное расположеніе. И со стороны пріятно смотрѣть на ихъ радость, на ихъ довольство, на ихъ поэтическое настроеніе духа. Радость, которою бывають исполнены любящія сердца жениха и невѣсты, отражается и на ихъ отношеніяхъ ко всему окружающему: она заставляетъ смотрѣть свѣтло на міръ Божій и быть ко всѣмъ добрыми и ласковыми даже тѣхъ изъ нихъ, которые до тѣхъ поръ всего дичились, на все смотрѣли мрачно, недовѣрчиво, всѣхъ убѣгали. Такова могущественная сила личной привязанности. Она производитъ на душу жениха и невѣсты такое же благотворное вліяніе, какое производятъ весенніе лучи солнца на почки растеній,—она согрѣваетъ, умягчаетъ ихъ душу, производя въ ней тѣ радостныя ощущенія, какихъ дотолѣ они не знали. Самыя заботы объ устроеніи будущаго хозяйства и разныя приготовленія къ свадьбѣ дѣлаются для нихъ легкими и нечувствительными подъ вліяніемъ господствующаго въ нихъ радостнаго настроенія души. Время и опытъ, безъ сомнѣнія, могутъ ослабить его, но молодость не смотритъ въ будущее,—она любитъ жить настоящимъ, и не любитъ, если ей напоминають о возможности разныхъ непріятностей въ будущемъ.

Такъ, положеніе жениха и невѣсты, соединившихся по личному расположенію другъ къ другу, есть одно изъ самыхъ пріятныхъ поло-

женій въ жизни. Но надобно желать, чтобы оно было не только пріятно имъ самимъ и производило пріятное впечатлѣніе на ближнихъ, но чтобы оно было богоугодно и соотвѣтствовало тѣмъ обязанностямъ, которыя ожидаютъ ихъ въ брачной жизни. Къ сожалѣнію поведеніе жениха и невѣстны до брака въ большей части случаевъ является совсѣмъ не такимъ, какимъ бы оно должно быть по этому справедливому желанію. Все время между обрученіемъ и свадьбою обыкновенно проходитъ у нихъ въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и забавахъ, въ визитахъ, въ изліяніи взаимной любви, въ мечтахъ о будущихъ развлеченіяхъ, въ хлопотахъ о приданомъ, объ устроеніи хозяйства. Такъ ли должны проводить время христіане въ положеніи жениха и невѣсты? Нѣтъ. Они не должны забывать, что, проводя такъ время, они находятся въ опасности лишиться благословенія Божія на будущее время. Кто забываетъ Бога, того и Богъ забудетъ Своею милостію. Смотри на иныхъ супруговъ, многіе говорятъ: «имъ ли не жить на свѣтѣ припѣваючи? Всего у нихъ много, такъ много, что не прожить всего ни имъ, ни ихъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ; всѣ удобства и удовольствія жизни общественной имъ доступны, и нельзя сказать, чтобы они не любили другъ друга. А между тѣмъ имъ скучно, они недовольны своею жизнію, не довольны дѣтьми, не довольны тѣмъ, что нѣтъ дѣтей; самая привязанность ихъ другъ

къ другу, для иныхъ служащая источникомъ утѣшенія въ горѣ и бѣдности, приноситъ имъ мученія, имѣетъ какой-то раздражительный характеръ, порождаетъ между ними ревность, подозрѣніе въ вѣрности и одинаковой взаимности, слезы и ссоры». А отъ чего происходитъ это прискорбное явленіе? Не отъ того ли, что на этихъ супругахъ не почиваетъ благословеніе Божіе, что они не позаботились пріобрѣсти его вступая въ супружескій союзъ, что они мало, или совсѣмъ не помышляли о Богѣ и о важности предстоящихъ имъ супружескихъ обязанностей? Вѣдь что посеешь, то и пожнешь. Трудно ожидать хорошихъ плодовъ въ супружествѣ отъ недоброкачественныхъ сѣмянъ нехристіанскаго поведенія до супружества. Отсюда возникаетъ вопросъ: какъ должны вести себя до свадьбы женихъ и невѣста, чтобы привлечь и упрочить на себѣ благословеніе Божіе?

Радостное настроеніе жениха и невѣсты естественно въ ихъ положеніи; пусть радуются, но только о Господѣ. Они согрѣшили бы предъ Богомъ, если бы предавались радости до забвенія о Богѣ, отъ котораго исходитъ всякое даяніе благое, слѣдственно и благо супружеской жизни. Посему радость свою пусть они освящаютъ благодарностію Господу, положившему начало ихъ сожитію. Если они не встрѣтили ни физическихъ, ни законныхъ, ни нравственныхъ препятствій къ сближенію другъ съ другомъ,

то пусть видятъ въ этомъ сближеніи устройство промысла Божія, судившаго имъ проходить вмѣстѣ путь земной жизни, и пусть славословятъ за сіе Бога. Еліезеръ, рабъ Авраама, посланный своимъ господиномъ въ Месопотамію съ порученіемъ найти для сына его Исаака невѣсту, молитъ Бога, чтобы Онъ указалъ ему ту, которая должна быть женою Исаака, и когда Господь услышалъ его молитву, то изливаетъ свою благодарность Богу въ слѣдующихъ словахъ: «Благословенъ Іегова Богъ господина моего Авраама, который не оставилъ господина моего милостію своею и истиною своею! Господь прямымъ путемъ привелъ меня въ домъ родственниковъ господина моего» (Быт. 24, 27.). Если посредникъ, нашедшій для жениха невѣсту, благодаритъ за сіе Господа, Ему приписывая успѣхъ своего путешествія, то не гораздо ли большею благодарностію должны быть исполнены сердца жениха, нашедшаго невѣсту, и невѣсты? Неизвѣстно, дастъ ли счастье эта находка тѣмъ, кому она досталась; вмѣсто счастья, можетъ быть, она принесетъ имъ горе въ жизни. Но и горе мы должны быть готовы встрѣтить съ преданностію Богу и благодарностію, ибо и горе можетъ послужить къ нашему благу, если примемъ его какъ вразумленіе намъ отъ Господа, какъ побужденіе къ раскаянію во грѣхахъ, какъ испытаніе любви нашей къ Господу, какъ даруемую намъ отъ Бога возможность засвидѣтельствовать искренность сей любви.

Но женихъ и невѣста должны не только благодарить Господа за полученную отъ Него милость, но вмѣстѣ молить Его о милости къ нимъ въ будущемъ. Они должны проникнуться убѣжденіемъ, что одними собственными силами и средствами, безъ благословія Божія, имъ не устроить счастья и добраго порядка въ супружеской жизни. Вѣрно слово псалмопѣвца: *аще не Господь созиждетъ домъ* (т. е. семейный кровъ), *всѣ трудишася зиждущи* (Пс. 126, 1.). И вотъ по этой-то нуждѣ въ благословіи Божіемъ, по уставу св. Церкви, брачная жизнь освящается особымъ таинствомъ, въ которомъ испрашивается и низводится на брачующихся благодать Божія, необходимая имъ для будущаго ихъ счастья и для того, чтобы они могли въ славу Божію исполнить предстоящія имъ супружескія обязанности. Къ сожалѣнію, не всегда понимаютъ важность этого священнодѣйствія тѣ, надъ которыми оно совершается. Для многихъ оно имѣетъ только ту важность, что безъ него не можетъ быть законнаго брака,—важность юридическую, формальную, не больше. Отъ того-то они и во время совершенія его ведутъ себя безъ надлежащаго благоговѣнія и не приготовляются къ нему предварительными молитвами о низпосланіи благословія Божія. Къ сожалѣнію, иногда не почитаютъ для себя нужнымъ такое приготовленіе даже тѣ, которые благоговѣютъ предъ самымъ таинствомъ брака. Они полагаютъ доста-

точнымъ вести себя благоговѣнно только при совершеніи этого таинства. Но если священнодѣйствіе брака есть таинство, то, какъ и всякое другое таинство, оно требуетъ отъ приступающихъ къ нему предварительно возбужденнаго молитвеннаго настроенія духа. Какъ на примѣръ, приступающіе къ таинству исповѣди должны predispose себя къ нему предварительнымъ продолжительнымъ подвигомъ молитвы, иначе не получаютъ ожидаемой отъ него пользы для души: такъ и вступающіе въ бракъ обязаны быть въ молитвенномъ настроеніи духа не только во время совершенія надъ ними сего таинства, но и до совершенія его. Въ комъ нѣтъ такого настроенія до вѣнчанія, въ томъ оно или совсѣмъ не является, или съ трудомъ пробуждается во время самаго вѣнчанія, потому что встрѣчаетъ препятствіе къ своему пробужденію и раскрытію въ несоотвѣтствующихъ величію таинства предшествующихъ впечатлѣніяхъ, и такимъ образомъ благодать Божія, даруемая въ таинствѣ брака, падаетъ на почву совершенно неплодную. Трудно ожидать, чтобы молитвенное настроеніе могло быть господствующимъ въ женихѣ и невѣстѣ, когда они стоятъ подъ вѣнцемъ,—послѣ тѣхъ забавъ и развлеченій, которыя отнимали у нихъ все время до свадьбы и убивали въ нихъ духъ молитвы. Самое говѣніе въ день свадьбы, это, можно сказать, единственное, доселѣ остающееся въ силѣ христіанское при-

готовленіе къ таинству брака, оказывается недостаточнымъ къ тому, чтобы привести жениха и невѣсту въ надлежащее молитвенное настроеніе, если это говѣніе составляетъ одинъ внѣшній трудъ, совершается по одному обычаю, и если говѣющіе не берутъ на себя труда собраться духомъ и посвятить все остающееся время до свадьбы молитвѣ и духовному размышленію, и удерживаясь отъ забавъ, не удерживаются отъ суетныхъ попеченій напр. о туалетѣ, и о другихъ подобныхъ предметахъ.

Дѣломъ молитвы женихъ и невѣста должны заниматься не только каждый порознь, но и вмѣстѣ. Совокупная молитва болѣе успешна и угодна Богу, чѣмъ одиночная. Притомъ молясь вмѣстѣ, они легче могутъ побѣдить въ себѣ лѣность къ молитвѣ, нерасположеніе къ ней, чѣмъ молясь порознь: усердіе въ молитвѣ одного поощряетъ къ ней другаго. О чемъ же именно должны молиться женихъ и невѣста, желающіе получить благословеніе Божіе на предстоящую имъ жизнь въ супружествѣ? О томъ же, о чемъ положено молиться въ церковныхъ молитвахъ въ чинѣ вѣнчанія. Пусть они усердно умоляютъ Господа: чтобы Онъ Своєю благодатію сподобилъ ихъ исполнить супружескія обязанности къ славѣ Его святаго имени, къ собственному ихъ благу и ко благу ихъ потомства, если будутъ у нихъ дѣти; пусть молятъ Господа, чтобы благословилъ ихъ чадородіемъ, помогъ имъ вос-

питать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, ко благу церкви и отечества, на утѣшеніе имъ самимъ, чтобы ущедрить ихъ обиліемъ благъ земныхъ и чрезъ то даровалъ имъ возможность устроить счастье своихъ дѣтей и помогать ближнимъ въ ихъ нуждахъ. Для того, чтобы имѣть ясное понятіе о предметахъ молитвы, женихъ и невѣста могутъ заранее прочесть чинъ брака. Это лучшее руководство для молитвы, свойственной имъ въ ихъ положеніи, а вмѣстѣ и для того, чтобы имъ достаточно ознакомиться съ тѣми обязанностями, которыя ожидаютъ ихъ въ супружеской жизни.

Такъ, женихъ и невѣста должны составить себѣ ясное понятіе о предстоящихъ имъ обязанностяхъ, должны заранее дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ они должны вести себя въ будущемъ. Они не могутъ знать будущую свою судьбу, не могутъ предусмотрѣть разныхъ переворотовъ въ своей жизни,—это знаетъ одинъ Богъ, во власти котораго наша судьба, а потому пусть они предадутъ себя Его святой волѣ; но они могутъ и должны знать, какъ имъ устроить нравственный порядокъ своей жизни,—это совершенно отъ нихъ зависитъ, и они погрѣшили бы противъ Бога, показали бы равнодушіе къ своему благу и благу дѣтей, если бы, вступая въ новое поприще жизни, смотрѣли на это шутя, и удаляли отъ себя всякое заботливое помышленіе о принимаемыхъ на себя обязанностяхъ. Итъ, жизнь вообще, и преимущественно супру-

жеская,—совѣтъ не шутка и забава. Кто, вступающій въ нее, смотритъ на нее легко, улыбаясь, безопасно, тому не пришлось бы впоследствии горько раскаяться въ своемъ заблужденіи. Чтобы не доводить себя до такого, можетъ быть, поздняго раскаянія, женихъ и невѣста должны заблаговременно опредѣлить предстоящія имъ обязанности и приготовить себя къ исполненію ихъ. Пусть женихъ откровенно выскажетъ своей невѣстѣ, что онъ ожидаетъ и желаетъ видѣть въ ней вѣрную жену, готовую разделить съ нимъ пополамъ радость и горе жизни, утѣшать и ободрять его въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, дѣлить вмѣстѣ съ нимъ заботы по хозяйству, воспитанію дѣтей, блюсти честь дома, а паче всего поддерживать его въ дѣлѣ служенія Богу, и пусть съ своей стороны дастъ ей такое же обѣщаніе. Пусть оба они примутъ къ сердцу ученіе св. апостола Павла, что ихъ супружескій союзъ долженъ быть образомъ духовнаго союза Христа съ Церковію, что по примѣру Христа, возлюбившаго Церковь до преданія Себя за нее въ жертву, мужъ долженъ до самоотверженія любить свою жену и заботиться о ея преимущественно нравственномъ благѣ, и что жена должна повиноваться мужу, какъ церковь повиновалась Господу. Пусть невѣста не слушаетъ и не увлекается нехристіанскимъ ученіемъ современныхъ эманципаторовъ женскаго пола о незаконности власти мужа надъ женою. Пусть

также не мечтаетъ утвердить власть надъ мужемъ изученіемъ слабыхъ сторонъ его характера. Нѣкоторыя невѣсты заранѣе стараются подмѣтить эти слабыя стороны, чтобы потомъ извлечь изъ нихъ для себя пользу со вредомъ для мужа. Не личная какая нибудь выгода должна быть предметомъ желаній жениха и невѣсты, а общее благо обоихъ. Ими должно руководить убѣжденіе, что они могутъ быть счастливы въ супружествѣ только *оба*, въ союзѣ, а не порознь.

По древнему церковному правилу вступающіе въ бракъ должны быть испытываемы въ знаніи Символа вѣры, молитвъ и Десятословія (Кормч. гл. 50.), то есть должны быть испытываемы въ томъ, могутъ ли они исполнять заповѣдь, данную родителямъ, воспитывать дѣтей въ наказаніи и ученіи Господни (Еф. 6, 4.). Но прежде чѣмъ женихъ и невѣста дадутъ отчетъ кому слѣдуетъ въ знаніи вѣры, они напередъ должны сами себя взаимно испытать въ этомъ знаніи, и остающееся до свадьбы время должны употребить на чтеніе слова Божія и книгъ, руководствующихъ къ познанію закона Господня, для того, чтобы или восполнить недостатокъ своихъ познаній въ вѣрѣ и благочестіи, или утвердить и даже расширить уже пріобрѣтенныя познанія. Женихъ и невѣста показали бы крайнее легкомысліе, если бы стали стыдиться такихъ занятій, какъ будто излишнихъ, и скучать ими. Въдѣ знаніе закона Божія необходимо всякому христіа-

нину, если онъ не хочетъ быть христіаниномъ только по имени, а особенно тѣмъ, которые готовятся быть главами семейства. Какъ они могутъ воспитывать своихъ дѣтей въ повиновеніи закону Божию, когда сами не знаютъ, или слишкомъ мало знаютъ этотъ законъ? И какъ они будутъ управлять семействомъ, когда имъ не извѣстны, или мало извѣстны начертанные въ словѣ Божіемъ законы, какими родители необходимо должны руководствоваться въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, если не хотятъ погубить ихъ ложнымъ воспитаніемъ? Не говорите, что поученіе въ законѣ Господнемъ неблагоприятно для людей въ положеніи жениха и невѣсты, что они успѣютъ заняться этимъ дѣломъ послѣ свадьбы. Нѣтъ, дѣлать доброе дѣло всегда благоприятно, и у людей, которые любятъ откладывать добрыя дѣла подъ предлогомъ неблагоприятности, никогда не будетъ недостатка въ подобныхъ предложенияхъ. Равнымъ образомъ, если женихъ и невѣста покажутъ равнодушіе къ поученію въ законѣ Господнемъ до свадьбы, то трудно ожидать отъ нихъ ревности къ этому занятію послѣ свадьбы; тогда потребуется много времени на устройство новаго вѣнчаго порядка въ жизни и слѣдовательно откроется новый предлогъ, чтобы отложить до неопредѣленнаго времени духовныя занятія.

Молитва, размышленіе о супружескихъ обязанностяхъ, чтеніе слова Божія—это такія заня-

тія, которыя свѣтское общество почитаетъ неприличными для жениха и невѣсты. Но если когда, то преимущественно въ положеніи жениха и невѣсты христіане всего менѣе должны дорожить мнѣніемъ свѣта. Вѣдь они не для свѣта готовятся вступить въ новую жизнь, а для семейнаго счастья, и не о томъ должны заботиться, чтобы угодить свѣту съ его суетными и нехристіанскими обычаями, а Господу. Вѣдь свѣтъ ничѣмъ не вознаградитъ ихъ за рабское слѣдованіе его обычаямъ, напротивъ онъ же будетъ смѣяться надъ своими жертвами. Когда же наконецъ прекратится у насъ это постыдное раболѣпство обычаямъ и мнѣніямъ свѣта, когда же мы образумимся и увидимъ необходимость слѣдовать обычаямъ и порядкамъ, внушаемымъ духомъ христіанскаго благочестія, а не духомъ суетности? . .

Во многихъ нѣмецкихъ земляхъ существовалъ и до сихъ поръ не вывелся обычай, что женихъ даритъ невѣстѣ прежде всего Библію, или молитвенникъ. На переплетѣ этихъ книгъ въ золотой оправѣ красуются имена жениха и невѣсты. У нѣмецкихъ крестьянъ слова: «онъ подарилъ ей молитвенникъ», означаютъ: онъ на ней помолвленъ. И между городскими жителями у нѣмцевъ по мѣстамъ встрѣчается обычай дѣлать такіе многознаменательные подарки. Почему бы и намъ русскимъ у иностранцевъ не перенимать хорошихъ, по истинѣ христіанскихъ обычаевъ?

Чѣмъ слѣдовать дурнымъ и несмысленнымъ, пришедшимъ къ намъ отъ иноземцевъ, обычаямъ,—раззоряться, по случаю помолвокъ, на балы, вечеринки, даренье дорогихъ бездѣлушекъ невѣстѣ, не гораздо ли лучше и христіанамъ приличнѣе перенимать у иностранцевъ только хорошее и христіанское? Обычай дарить невѣстѣ Библию или молитвенникъ поистинѣ достоинъ нашего подражанія. Но не ограничивайтесь однимъ подаркомъ, говорите невѣстѣ смѣло, безъ ложнаго стыда, что хотите выразить вашимъ подаркомъ; т. е. ваша Библия и молитвенникъ пусть напоминаютъ невѣстѣ ваше желаніе проводить супружескую жизнь въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Господомъ, въ святомъ словѣ Его искать себѣ свѣта, радости, утѣшенія, въ молитвахъ, во славу Его составленныхъ, руководства для прославленія Его святаго имени и для изліянія предъ Нимъ чувства нужды въ Его благодатной помощи. Къ сожалѣнію въ нашемъ обществѣ не принято дѣлать подобныя заявленія, для всѣхъ они кажутся несвоевременными. И чтожь отъ этого происходитъ? Многіе супруги во всю жизнь не произнесутъ другъ передъ другомъ ни одного задушевнаго слова о своемъ спасеніи, не потому, чтобы они были невѣрующіе, а потому, что не положили основанія для этого съ самаго начала, когда только что вступали въ общую жизнь. Слово о Богѣ, и вообще задушевный обмѣнъ благочестивыхъ мыслей и чувствъ,

это для нихъ такая область, въ которую съ непривычки они уже боятся войти твердою ногою. Съ самаго начала своего знакомства дѣло спасенія души они считали личнымъ каждого дѣломъ, въ которое никому непозволительно вмѣшиваться. И потому удивительно ли, что вступившіе въ супружескую жизнь любятъ бесѣдовать о всемъ, только не о спасеніи души, предоставляя другъ другу думать объ этомъ предметѣ, какъ угодно? Пусть, говорятъ они, каждый изъ насъ какъ знаетъ, такъ и спасается.

Женихъ и невѣста поступаютъ неодобрительно не только въ томъ случаѣ, если проводятъ время до брака въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, но и въ томъ, если взаимная ихъ привязанность принимаетъ характеръ слѣпой страсти, доходящей до нѣкотораго обожанія предмета привязанности. *Да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене,* сказалъ Господь. Прежде и больше всего на свѣтѣ мы должны любить Господа и Спасителя нашего и любовь къ твари, простертую до забвенія Творца, почитать преступленіемъ противъ первой заповѣди Десятословія. И чѣмъ можетъ быть извинено такое преступленіе? Ни физическія, ни нравственные достоинства вашего жениха и невѣсты не могутъ оправдать вашей слѣпой привязанности къ нимъ, потому что, какъ бы ни были блестящи эти достоинства, они все-таки безконечно ниже верховнаго Блага, которое заключается въ Единомъ Богѣ, и свѣ-

тятъ не своимъ, а отъ Бога же заимствованнымъ свѣтомъ. Вы испытываете чувство счастья съ вашимъ женихомъ и невѣстою и ожидаете продолженія этого счастья въ будущемъ. Но какъ бы ни было продолжительно такое счастье, все-же оно временное, тогда какъ Господь есть нашъ вѣчный Благодѣтель, которому мы обязаны всѣми благами земными и духовными и который можетъ даровать намъ блаженство вѣчное. Можно ли, послѣ этого, что нибудь и кого нибудь на свѣтѣ любить больше Господа?—Какъ непродолжительно можетъ быть счастье, доставляемое земною привязанностію, это видно изъ многочисленныхъ случаевъ преждевременной смерти лицъ, служащихъ предметомъ этой привязанности. Не случается ли, что либо женихъ, либо невѣста вмѣсто свадебной одежды одѣваются въ саванъ? Вмѣсто того, чтобы явиться въ церковь подъ вѣнецъ, они должны предстать предъ страшный престолъ суда Божія. Часто бываетъ, что Господь по своимъ неизслѣдимымъ судьбамъ самую радость свадебную обращаетъ въ погребальный плачъ. Въ книгахъ Маккавейскихъ вотъ что повѣствуется объ одномъ свадебномъ торжествѣ: сыны Ямврія съ большою торжественностію вели невѣсту изъ Надавата. Тогда Ионаанъ и Симонъ, которыхъ брата Іоанна убили сыны Ямврія, скрылись въ засадѣ и изъ засады произвели нападеніе на свадебный поѣздъ, перебили большую часть участвовавшихъ въ немъ и расхитили

все добро, какое было съ ними. Такимъ образомъ вмѣсто свадебнаго торжества надобно было готовиться къ погребальной церемоніи, вмѣсто радости и ликованія пришлось плакать и горевать (1 Макк. 9, 37—41.).—Слѣпая привязанность къ жениху, или невѣстѣ обыкновенно высказывается въ выраженіяхъ не менѣе богопротивныхъ и несмысленныхъ, какъ и самая привязанность. «Ангелъ мой, божество мое, жизнь моя, ты для меня все»,—вотъ какъ обыкновенно выражается нѣжность къ жениху или невѣстѣ. Люди оттого такъ щедры на такія выраженія, что не взвѣшиваютъ силы ихъ. Ни одна невѣста не можетъ быть названа ангеломъ, ибо нѣтъ ни одной чистой отъ грѣховъ. Ни объ одномъ женихѣ нельзя сказать: «ты для меня все». Если бы онъ былъ для тебя *всѣмъ*, ты нашла бы въ немъ слишкомъ немного, ибо съ утратою его, возможною чрезъ нѣсколько дней, или часовъ, ты осталась бы въ такомъ случаѣ безъ всего. Ни одну невѣсту, ни одного жениха нельзя назвать «нашею жизнью». *Милъ еже жити Христосъ*. Чѣмъ неумѣреннѣе такія похвалы, такое превознесеніе, обращенное къ жениху или невѣстѣ, тѣмъ горьче можетъ быть разочарованіе въ послѣдствіи, въ брачномъ сожитіи. Опытъ вамъ покажетъ, что особа, которую вы называете своимъ божествомъ, грѣшитъ не меньше большей части смертныхъ, что вашъ «ангелъ» имѣетъ нужду въ вашихъ обличеніяхъ и вразу-

мленіяхъ. Ваше «божество» иногда вспыльчиво и своенравно, у вашего «ангела» иногда злоба такъ искажаетъ черты лица, что дѣлаетъ ихъ годными для снятія съ него образа злаго духа. Иаковъ сердечно любилъ Рахиль и семь лѣтъ служилъ за нее ея отцу, но такой неумѣренной лести никогда не было на его устахъ.

У нѣкоторыхъ невѣстъ по желанію ли угодить жениху, или по легкомысленному равнодушію къ дѣвической чести, проявляется недостатокъ скромности и стыдливости въ обращеніи съ женихомъ. Въ до-петровскія времена на Руси невѣста, обыкновенно, не видала своего жениха до самаго вѣнца. Это была своего рода крайность, хотя въ основаніи ея было побужденіе доброе—оградить дѣвицу отъ всего, что можетъ вредить ея стыдливости и цѣломудрію. Но теперь нерѣдко замѣчается противоположная крайность, непростительная распущенность въ обращеніи невѣсты съ женихомъ, которой соответствуетъ нескромность въ самомъ туалетѣ невѣсты. Это достойно горькаго сожалѣнія тѣмъ болѣе, что не остается безъ худаго вліянія на послѣдующія отношенія вступающихъ въ бракъ. Если невѣста хочетъ, чтобы ея будущій мужъ дорожилъ ею и уважалъ ее, она должна заслужить это уваженіе, должна держать себя съ достоинствомъ въ обращеніи съ нимъ до свадьбы. Кто легко и дешево отдаетъ себя въ распоряженіе другаго, на того впослѣдствіи будутъ смотрѣть, какъ на

малоцѣнную вещь. Взаимное уваженіе, какое должно существовать между супругами во всю жизнь, большею частію бываетъ плодомъ достойнаго уваженія поведенія ихъ до свадьбы. Невѣста—это такой цвѣтокъ, до котораго не должна касаться грубая рука. Посему каждая невѣста должна себя вести такъ, чтобы не подавать повода къ такимъ грубымъ прикосновеніямъ. «Забывается ли дѣвица нарядъ свой, невѣста поясъ свой?» говоритъ Господь устами пророка Іереміи (2, 32.).

Вообще и невѣста и женихъ должны вести себя такъ, чтобы ихъ поведеніе могло быть благотворнымъ для нихъ въ нравственномъ отношеніи на все послѣдующее время. Пусть женихъ и невѣста другъ для друга одѣваются и наряжаются опрятно и со вкусомъ, — это хорошо; но главнымъ образомъ пусть украшаютъ себя христіанскимъ благочестіемъ и благоповеденіемъ, пусть заботятся не столько о томъ, чтобы производить другъ на друга выгодное впечатлѣніе нарядомъ и вообще наружными манерами, сколько о томъ, чтобы оказывать благотворное нравственное вліяніе другъ на друга. Многіе, глубоко падшіе люди, спасены отъ окончательной гибели единственно тѣмъ, что Господь по неизреченной своей милости даровалъ имъ въ спутники жизни нравственно чистое и благочестивое существо, вліянію котораго они покорились съ самыхъ первыхъ шаговъ сближенія съ нимъ. Го-

ворять: «женится,—перемѣнится». Для многихъ начало этой благотворной перемѣны, этой степенной жизни, совпадаетъ со временемъ помолвки, или обрученія. Съ этого времени начинается для нихъ новая жизнь и въ ихъ сердцахъ, заросшемъ терніемъ и волчцами порока, очищается мѣсто для благодатнаго посѣва.

У женика и невѣсты много времени до свадьбы отнимаютъ заботы о приданомъ и объ устроеніи будущаго хозяйства въ предстоящемъ новосельи. Заботы—необходимыя и благовременныя; но женихъ и невѣста не должны предаваться этимъ заботамъ до забвенія единаго на потребу, до забвенія того, что нужно для духовнаго ихъ благоустроенія; пусть они помнятъ, что милосердый Господь не оставляетъ никого безъ своего попеченія, а особенно не оставляетъ тѣхъ, которые надѣются на Его всеблагій промыслъ, и прежде всего ищутъ царствія Божія и правды Его; пусть воодушевляются этою надеждою и этою ревностію къ исканію царствія Божія, и тогда безъ особенныхъ трудовъ и усилій съ ихъ стороны удовлетворены будутъ ихъ внѣшнія нужды.—Всего менѣе женихъ и невѣста должны заботиться о великолѣпномъ устройствѣ жилища, въ которомъ готовятся поселиться. Иногда видишь: домъ блестящій, снаружи и внутри отдѣланный великолѣпно; весь капиталъ истраченъ на мебель и убранство его. Но потомъ вскорѣ обитатели этого великолѣпнаго дома начинаютъ

знакомиться съ нуждою и бѣдностью, домъ ихъ обезображивается развалинами и по мѣстамъ висящими доскутьями дорогихъ матерій, которыми были обиты стѣны и мебель; средства для поддержанія его истощились, потому что неразсчетливо трачены были въ самомъ началѣ хозяйства. вмѣстѣ съ оскудѣнiемъ средствъ жизни оскудѣваетъ въ хозяевахъ душевная бодрость, уступая мѣсто малодушию и унынію. Для избѣжанія такихъ печальныхъ послѣдствій благоразуміе требуетъ начинать хозяйство съ малаго и вести его сначала въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Современемъ, если Господь благословитъ васъ своею милостію, и у васъ увеличатся средства жизни, — вы можете постепенно вводить новыя перемѣны и улучшенія въ ваше хозяйство, и вообще чѣмъ скромнѣе и проще будете жить, тѣмъ меньше будетъ для васъ опасности отъ довольства и изобилія во всемъ перейти вдругъ къ нуждѣ и бѣдности.

Свящ. В. Нечаевъ.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ а).

8. сосуды глиняные.

Въ 30-й главѣ книги пророка Исаи (ст. 14) читается: *и паденіе будетъ его яко сокрушеніе сосуда илняна, отъ илны дробны, яко не можно обръсти въ нихъ черепа (черепка), ильже огнь возмеш и въ онъже вліеш воды мало.*

Въ первой части этой главы Пророкъ укоряетъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они отступили отъ Господа и предались всевозможнымъ порокамъ. И не только предались имъ, но нимало даже не думали о покаяніи и обращеніи ко Господу; посланникамъ Его они вотъ что говорили: «возвѣщайте намъ лишь то, что слышать пріятно намъ!»! Совѣсть свою усыпили— и не хотѣлось имъ, чтобы она, пробудясь, тревожила и мучила ихъ. Такое ожесточеніе сердца Иудеевъ повело наконецъ къ тому, что самъ Господь, долготерпѣливый и многомилостивый,

а) Продолженіе. См. предшествующія книжки.

Богъ отцевъ ихъ, опредѣлилъ разрушеніе ихъ царства; судъ Его возвѣщенъ былъ между прочимъ въ приведенныхъ выше иносказательныхъ словахъ. Эти слова должны были имѣть особенную выразительность на Востокѣ.

Вотъ что говорить одинъ писатель, самъ долго жившій въ Индіи: «путешественники по Востоку часто упоминають о глиняныхъ сосудахъ (горшкахъ); недавно я въ особенности вспомнилъ объ этомъ, читая извѣстное мѣсто у пророка Исаи. Эти сосуды, находящіяся въ ежедневномъ употребленіи, чрезвычайно непрочны и почти въ каждомъ домѣ попадаютъ на глаза черепки отъ нихъ. Если пойдешь по городу утромъ до обѣда или вечеромъ передъ ужиномъ, то рѣдко не встрѣтшишь женщинъ, несущихъ въ обломкѣ горшка огонь, зажженный въ домѣ сосѣдки. Когда я спрашивалъ себѣ для чего либо огня, то слуга обыкновенно подавалъ мнѣ уголекъ въ подобномъ же обломкѣ, если не было подъ рукою скорлупы кокосоваго орѣха. Когда нужно было дать воды моей собацѣ, онъ также отыскивалъ остатокъ горшка, побольше величиною, и имъ черпалъ воду».

Тотъже писатель говоритъ: «въ этихъ странахъ нерѣдко готовятъ себѣ пищу въ горшкахъ, прямо подъ нихъ подкладывая тернистыя растенія и зажигая ихъ; особенно часто бываетъ это въ равнинахъ, гдѣ тернистыя растенія попадаютъ въ большомъ количествѣ».

По этимъ рассказамъ можно заключать, какъ прилично было употребленное пророкомъ Исаіей сравненіе, чтобы возбудить въ душѣ Іудеевъ разительный образъ грозившихъ имъ бѣдствій. Имъ предстояло сдѣлаться подобными глинянымъ горшкамъ, разбитымъ въ такіе мелкіе куски, что они ни къ чему уже не годились,—ни на то, чтобы въ нихъ положить огня, ни на то, чтобы влить въ нихъ воды хотя немного.—Мы видимъ теперь точное исполненіе этого грознаго предсказанія. Уже давно царства израильское и іудейское разрушены; уже давно іудеи, за преступленія свои, разсѣяны по всему лицу земли, и едва ли гдѣ есть страна, въ которой бы нельзя было встрѣтить ихъ; нѣтъ у нихъ ни своего царя и правительства, ни какого нибудь независимаго города, но «разсѣяны они какъ на вѣялѣ» по выраженію пророка (Амос. 9, 9.). Въ такомъ состояніи и останутся они, пока не *воззрѣтъ на-Нь, Елюже прободоша, и восплачущся о Немъ плаканіемъ яко о возлюбленнѣмъ, и поболеятъ о Немъ болъзню яко о первенцѣ* (Захар. 12, 10.).

9. РЕХАВИТЫ.

Въ 35 главѣ книги пророка Іереміи упоминается объ одной фамиліи, извѣстной подъ именемъ Рехавитовъ. Эти Рехавиты сохраняли неиспорченные нравы древнихъ патріарховъ посреди изнѣженныхъ богатствомъ Іудеевъ. Болѣе двухъ

тысячъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; но потомки Рехавитовъ живутъ точно такъ же и теперь, какъ жили ихъ предки во времена пророка Іереміи.

Нѣкто по имени Іехонадавъ, сынъ Рихава, заповѣдалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ не пить вина, не строить домовъ, не воздѣлывать полей и не владѣть ими; онъ желалъ, чтобы они жили въ шатрахъ и довольствовались самою простою пищею.

Неизвѣстно положительно, кто былъ Рихавъ и въ какое время онъ жилъ; думаютъ однакожь, что онъ происходилъ отъ Іофора, тестя Моисея, — того самаго, который, какъ извѣстно, удалился отъ своихъ соотечественниковъ, Мадіанитянь, для того, чтобы присоединиться къ сынамъ Израилевымъ. Іехонадавъ есть вѣроятно одно лице съ Іонадавомъ, сыномъ Рихава, о которомъ говорится въ 4 кн. царст. 10, 15, что онъ встрѣтилъ Іиуя и сопровождалъ его въ храмъ Ваала для низверженія идоловъ; это свидѣтельство конечно о его особенной ревности къ славі Божіей, потому что если бы онъ не отличался ею, то Іиуй не взялъ бы его съ собою въ этомъ случаѣ. Предписанія Іонадава своимъ потомкамъ были заповѣдями добраго отца, который гораздо меньше заботился объ увеличеніи ихъ состоянія, нежели о сохраненіи ихъ цѣломудрія и добродѣтелей. Онъ предполагалъ, что его желаніе выполнилось бы съ большею удобностію, если бы его дѣти продолжали жить въ поляхъ; и потому

не хотѣлъ, чтобы они поселились въ большихъ городахъ, гдѣ столько искушеній можетъ отвратить отъ добраго пути.

Рехавиты повиновались завѣту своего родоначальника и продолжали жить среди полей до вторженія Навуходносора въ Иудею; тогда, не находя себя болѣе въ безопасности, они вошли въ Иерусалимъ, чтобы быть тамъ подъ защитою въ продолженіе всей войны.

Карая Иудеевъ за многократныя отступничества ихъ, Господь не переставалъ напоминать имъ въ это время о покаяніи, объ исправленіи; для сего онъ повелѣлъ пророку Іереміи указать Иудеямъ между прочимъ на Рехавитовъ, жившихъ теперь среди нихъ,—какъ на образецъ повиновенія, которое они должны оказывать своему небесному Отцу. Іеремія призвалъ Рехавитовъ въ храмъ, безъ сомнѣнія, въ присутствіи іудейскихъ начальниковъ, — поставилъ предъ потомками Рехавы полныя чаши вина и кубки, и сказалъ имъ: «пейте вино» (Іерем. 35, 5.); но никто изъ нихъ не захотѣлъ этого сдѣлать, хотя между ними было трое молодыхъ людей, которые, безъ сомнѣнія, желали бы вкусить изысканныхъ яствъ и выпить вина; чувство долга удержало ихъ. «Мы вина не пьемъ, сказали они, потому что Іонадавъ, сынъ Рехавы, отецъ нашъ, далъ намъ завѣщаніе, сказавъ: не пейте вина, ни вы, ни дѣти ваши, во вѣки; и домовъ не стройте, и сѣмянъ не сѣйте, и виноградниковъ не разводите,

чтобы ихъ не было у васъ, но живите въ шатрахъ во всѣ дни жизни вашей, чтобъ долгое время прожить на той землѣ, гдѣ вы вселитесь. И мы слушаемся повелѣнія Ионадава, сына Рехавова, отца нашего во всемъ, что онъ завѣщалъ намъ; такъ что не пьемъ вина во всѣ дни наши, ни мы, ни жены наши, ни сыновья наши, ни дочери наши, и не строимъ домовъ для жительства нашего, и виноградниковъ, и полей, и хлѣбнаго посѣва нѣтъ у насъ; а живемъ въ шатрахъ, и слушаемся, и поступаемъ во всемъ такъ, какъ завѣщалъ намъ Ионадавъ, отецъ нашъ. Только тогда, когда Навуходопосоръ, царь вавилонскій, пришелъ на землю сію, мы сказали: пойдѣмъ въ Иерусалимъ отъ войска халдейскаго, и отъ войска арамейскаго, и поживемъ въ Иерусалимѣ» (Иерем. 35, 6—11.).

Показавши Иудеямъ, какъ мало поведеніе ихъ въ отношеніи къ Богу походить на такое повиновеніе другихъ даже земному отцу, Иеремія получилъ повелѣніе сказать Рехавитамъ: «такъ говоритъ Иегова воинствъ, Богъ Израилевъ: за то, что вы слушаете завѣщанія Ионадава, отца вашего, и храните все заповѣдаиное имъ, и во всемъ поступаете такъ, какъ онъ завѣщалъ вамъ, за то, говоритъ Иегова воинствъ, Богъ Израилевъ, не исчезнетъ у Ионадава, сына Рихавова, челоувѣкъ предстоящій предъ лицомъ Моимъ во всѣ дни» (Иерем. 35, 18. 19.).

Таковы были Рехавиты за двѣ тысячи лѣтъ

до насъ; теперь посмотримъ на ихъ положеніе въ настоящее время.

Иосифъ Вольфъ, Іудей по происхожденію, но еще въ молодости обращенный въ христіанство, глубоко чувствовалъ, какъ драгоцѣнно спасеніе, которое даровалъ намъ Іисусъ Христосъ, и очень желалъ убѣдить Іудеевъ, «братьевъ своихъ по плоти,» что Іисусъ есть обѣтованный Мессія. Съ этою цѣлію онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ, ища Іудеевъ и изъясняя Библию тѣмъ, которые желали его слушать. Изучая тщательно священное Писаніе, онъ обратилъ вниманіе между прочимъ и на обѣтованіе, данное Рехавитамъ, и сталъ отыскивать ихъ во время своихъ путешествій по святой землѣ; наконецъ ему удалось встрѣтить одного изъ нихъ. Но предоставимъ говорить ему самому.

«На пути въ Іалоху (Ialooha), я увидѣлъ Евреевъ, которые бродили между Арабами; мнѣ тотчасъ подумалось, что это были Рехавиты. Когда я спросилъ ихъ объ этомъ, они дали мнѣ отрицательный отвѣтъ, но прибавили: вотъ одинъ изъ Рехавитовъ идетъ изъ меккскихъ пустынь. Я увидѣлъ стоявшаго передо мною человѣка съ дикимъ видомъ, одѣтаго поарабски и державшаго подъ уздцы свою лошадь. Я показалъ ему Библию на еврейскомъ и арабскомъ языкахъ; онъ зналъ оба эти языки, и очень обрадовался, увидя мою книгу; ему не былъ извѣстенъ Новый Завѣтъ. Я возвѣстилъ ему добрую вѣсть спасе-

нія и подарилъ книгу. Потомъ я спросилъ его, откуда онъ происходитъ. Муза (Mousa—это было его имя) сказалъ мнѣ громкимъ голосомъ: «подойдите, я покажу вамъ, отъ кого я происхожу» Онъ отыскалъ въ Библии 35 главу книги пророка Іереміи и прочелъ отъ 5 до 11 стиха. Когда онъ окончилъ чтеніе, я спросилъ его о мѣстѣ жительства. Онъ нашелъ въ 10 гл. книги Бытія 27 стихъ и сказалъ: въ Гадорамѣ (Hadoram), въ настоящее время извѣстной у Арабовъ подъ именемъ Самара (Samar), въ Узалѣ, теперь Сенаа, и въ Мезѣ, нынѣшней Меккѣ, въ пустыняхъ, которыя окружаютъ эти города; мы не пьемъ вина, не насаждаемъ виноградныхъ лозъ, не сѣемъ никакихъ сѣмянъ и живемъ въ шатрахъ какъ завѣщалъ намъ Іонадавъ, отецъ нашъ. Гобавъ, сынъ Іофора, былъ также нашимъ родоначальникомъ; приходите къ намъ, — вы увидите, что насъ теперь до 60 тысячъ, и вы убѣдитесь, какъ точно исполненіе этого пророчества: «такъ говоритъ Іегова воинствъ, Богъ Израилевъ: не исчезнетъ у Іонадава, сына Рехавова, человекъ, предстоящій предъ лицемъ Моимъ во всѣ дни».

Какой урокъ послушанія преподаютъ и намъ Рехавиты въ настоящее время, какъ нѣкогда древнимъ Іудеямъ! Изъ одного этого примѣра мы можемъ убѣдиться въ непреложности какъ обѣтованій, такъ и судовъ Божіихъ. Іудеи были непослушны Богу и судъ Его исполнился надъ ними; вотъ они разсѣяны теперь между всѣми

народами земли, какъ изгнанники и скитальцы, и слова псалмопѣвца: «Онъ превратитъ плодородную землю въ совершенно бесплодную въ наказаніе злобы тѣхъ, которые ее населяютъ» (Псал. 107, 34.), вполне приложимы къ современному состоянію Іудеи; эта страна была нѣкогда чрезвычайно плодородна, а теперь она не болѣе какъ знойная пустыня. Съ другой стороны Рехавиты служатъ для насъ яснымъ доказательствомъ того, что и обѣтованія благъ отъ Бога также непреложны и что тотъ, Кто отмщаетъ нечестіе отцевъ на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода, если они не повинуются ему, милость свою простираетъ до тысячи родовъ на тѣхъ, которые любятъ Его и хранятъ Его заповѣди (Исх. 20, 5. 6.). Не имѣя крѣпкихъ городовъ, Рехавиты уцѣлѣли среди разныхъ войнъ и опустошеній, которыя уничтожили цѣлыя націи.

11. ПЕРЕЧИСЛЕНІЕ НАРОДА.

Однажды, уже въ старости, Давидъ сказалъ Іоаву военачальнику, который находился при немъ: «обойди всѣ колѣна Израильскія, отъ Дана до Вирсавіи, и сочти народъ, чтобъ я зналъ число его» (2 кн. цар. 24, 2.).

Давидъ, сдѣлавшись надмѣннымъ отъ счастья, на этотъ разъ, кажется, забылъ то, что онъ нѣкогда самъ чувствовалъ, говоря: «не спасется царь множествомъ войска» (Псал. 33, 16.); ему

льстила мысль узнать число своихъ подданныхъ, какъ будто онъ обязанъ былъ имъ однимъ своими успѣхами и тогдашнимъ своимъ могуществомъ. Иоавъ, несмотря на то, что былъ человекъ неправедный, понялъ однакожъ, что Давидъ желалъ неугоднаго Богу, и старался отклонить его отъ принятаго намѣренія, но безуспѣшно. «Гнѣвъ Божій снова возгорѣлся противъ Израиля» безъ сомнѣнія за то, что въ немъ уменьшилось упованіе на Бога и ревность о славѣ Его, а напротивъ возрасла гордость; чтобы наказать его, онъ попустилъ Давиду искутиться отъ діавола, и Давидъ неустоялъ противъ искушенія удовлетворить своему тщеславію; «діаволь, сказано, побудилъ Давида сдѣлать исчисленіе народа Израильскаго» (1 Пар. 21, 1.). Въ этомъ случаѣ Давидъ, кажется, былъ вдвойнѣ виновенъ, потому что, не говоря уже о чувствѣ гордости, которое побудило его къ этому дѣлу, онъ не только самъ нарушилъ заповѣдь Божию, но еще допустилъ нарушить ее своему народу: въ законѣ Моисеевомъ прямо сказано: «когда ты будешь считать сыновъ Израилевыхъ, то пусть каждый изъ нихъ дастъ Иеговѣ выкупъ за самаго себя» (свидѣтельствуя этимъ, что ихъ жизнь и богатство зависятъ отъ Него одного), «и они не будутъ поражены никакимъ бѣдствіемъ, когда ты будешь дѣлать имъ счетъ» (Исх. 30, 12.). Но не видно, чтобы народъ исполнилъ это повелѣніе. И вотъ, какъ известно, страшная моровая язва въ нѣсколько

часовъ похитила изъ среды его 70,000 человѣкъ; и не осталось бы ни одного человѣка для охраненія царя, который столько возгордился силою своего войска, если бы Иегова не «раскаялся въ гнѣвѣ своемъ,» виявши Давиду, смиренно исповѣдавшему свой грѣхъ. Тогда Господь сказалъ избивающему Ангелу: «довольно, удержи твою карающую руку». Едва грѣшникъ начинаетъ раскаеваться, какъ Иегова судить его по своему милосердію, а «не въ ярости своей» (Иерем. 10, 24.); Давидъ «тотчасъ же прекратилъ свое странное дѣло, свое необычное предпріятіе» (Исаи 28, 21.).

Замѣчательно, что еще доселѣ бедуины считаютъ наказаніе, постигшее Давида за его гордость, предостереженіемъ для себя, чтобы не впадать въ тотъ же грѣхъ: «Арабъ—бедуинъ, говоритъ Буркхартъ, никогда не считаетъ шатровъ въ своемъ поколѣніи и не знаетъ опредѣленнаго числа своихъ овецъ,—равнымъ образомъ военачальникъ не знаетъ точнаго числа своихъ солдатъ, и правитель—числа жителей въ своемъ городѣ; купецъ никогда не старается точно узнать сумму денегъ, которыя у него есть; для него достаточно имѣть объ этомъ приблизительное понятіе. Они поступаютъ такъ изъ боязни получить нареканіе за гордость, которую Господь тотчасъ накажетъ уменьшеніемъ тѣхъ благъ, какія они считали бы съ удовольствіемъ».

Примѣръ Давида можетъ быть поучителенъ

также и для насъ; когда Богъ благословляетъ наши дѣла и умножаетъ наши богатства какимъ бы то ни было образомъ, то, вмѣсто того, чтобы слишкомъ радоваться на свои сокровища, какъ будто мы пріобрѣли ихъ одними своими силами, намъ должно благодарить Господа за здоровье и другіе дары Его, безъ которыхъ мы не могли бы трудиться. «Если богатство ваше умножается, не прилагайте къ нему сердца» (Псал. 62, 11.); вотъ предостереженіе, какое прямо даетъ намъ самъ Господь! Сокровища некрадомья, которыхъ *ни тля плитъ, ни татіе подкапываютъ и крадутъ*,—сокровища чистой совѣсти и доброй жизни, пріобрѣтаемыя при помощи благодати Божіей—вотъ чтó да будетъ главнѣйшимъ предметомъ нашихъ желаній, вотъ къ чему пусть *прилежитъ* сердце наше и все существо наше!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. 3—62.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ОБРЪТЕНІЯ МОЩЕЙ СВАТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ.

Вы есте свѣтъ міра. Не вѣшаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницу, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храмникъ суть. Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ (Матѣ. 5, 14. 15. 16.).

Во славу Господа и въ честь угодника Его, святиителя Алексія, который при жизни своей свѣтилъ міру ученіемъ своимъ и добрыми дѣлами и по блаженномъ усненіи не престааетъ свѣтить памятію богоугоднаго житія своего и славою чудесъ, чрезъ святаыя мощи его совершаемыхъ, посвятимъ, братіе, нѣсколько минутъ на размышленіе о приведенныхъ словахъ Господа Иисуса, относящихся ко всѣмъ ученикамъ Его (Матѣ. 5, 1.), преимущественно же къ избраннѣйшимъ изъ нихъ—св. апостоламъ, весь міръ

учеными своими просвѣтившимъ, и преемникамъ ихъ служенія—святителямъ.

Вы есте свѣтъ міра. Въ собственномъ смыслѣ свѣтъ міра, т. е. людей внѣ царства Христова находящихся, есть одинъ Христосъ. Онъ одинъ есть свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоан. 1, 5.). Самъ Онъ говорилъ о Себѣ: *Азъ свѣтъ въ мірѣ приидохъ, да всякъ вѣрующій во Мя во тмѣ не пребудетъ* (Іоан. 12, 46.). Онъ просвѣтилъ свѣтомъ истиннаго Боговѣденія тѣхъ, которые блуждали во мракѣ многобожія, идолопоклонства и всякаго рода суевѣрій. Истинное ученіе о Богѣ, содержащееся въ ветхозавѣтномъ откровеніи, Онъ яснѣе и полнѣе раскрылъ: такъ на примѣръ тайну святыхъ Троицы, мало извѣстную ветхозавѣтнымъ вѣрующимъ, Онъ открыто проповѣдалъ. Истина, что Богъ есть Отецъ нашъ милосердый, что Онъ есть любовь, была хорошо извѣстна имъ, но никогда въ такомъ поразительномъ свѣтѣ не открывалась любовь Божія къ людямъ, какъ со времени воплощенія Сына Божія, Его страданій и крестной смерти насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія. Равно и другія истины вѣры и дѣятельности Господь Иисусъ открылъ и уяснилъ намъ, такъ что при свѣтѣ Его ученія мы можемъ знать все, что нужно знать для нашего спасенія. Но какъ свѣтъ солнца не только свѣтитъ, озаряетъ, а вмѣстѣ согрѣваетъ и живитъ,—способ-

ствуешь пробужденію жизни, возрастанію и созрѣванію ея въ видимой природѣ, такъ и во Христѣ-свѣтѣ истинномъ заключается источникъ живота. Самъ Онъ сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь свѣтъ міру: ходяй по Мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный* (Іоан. 8, 12.). Христосъ есть для насъ свѣтъ животный, потому что въ таинствахъ сообщаетъ каждому вѣрующему *вся божественныя силы, яже къ животу и благодѣтелию* (2 Петр. 1, 3.). Но Христосъ Спаситель не только Самъ есть свѣтъ міра, а вмѣстѣ называетъ свѣтомъ міра учениковъ своихъ, вѣрою въ Него просвѣщенныхъ. Христосъ просвѣщаетъ свѣтомъ, ни отъ кого не заимствованнымъ, въ Немъ самомъ имѣющимъ начало; ученики же Христовы суть только проводники свѣта Христова въ міръ, могутъ свѣтить міру не своимъ собственнымъ свѣтомъ, а заимствованнымъ отъ источника всякаго свѣта—Христа, Который, какъ мы видѣли, одинъ есть свѣтъ истинный. Какъ сами они содѣлались *свѣтомъ о Господь* (Еф. 5, 8.), просвѣщены Господомъ, такъ и другимъ могутъ свѣтить только о Господѣ.

Быть свѣтомъ міра—какое высокое предназначеніе для учениковъ Христовыхъ! Но чѣмъ оно выше, тѣмъ непростительнѣе забывать его и поступать вопреки ему. И отъ сего-то Господь предостерегаетъ насъ словами: *не взидаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ сту-*

*домъ (сосудомъ), но на свѣцилицъ, и свѣтитъ
всѣмъ, иже въ храмниъ суть.* Тѣ, которыхъ
Господь называетъ свѣтомъ міра, поступили бы
вопреки волѣ Божіей, если бы сокрыли сей
свѣтъ подъ сосудомъ, если бы не послужили
спасенію ближнихъ талантами, какіе сами полу-
чили отъ Бога. Горе рабу, скрывшему свой та-
лантъ въ землю; горе и намъ, если свѣтъ ис-
тины и благодати Христовой, обильно излитый
на насъ чрезъ слово Божіе и таинства, мы со-
крываемъ подъ сосудомъ. Къ сожалѣнію, жизнь
и поведеніе многихъ изъ насъ не показываютъ
въ нихъ присутствія этого свѣта. Одни скры-
ваютъ его подъ сосудомъ пристрастія къ мір-
скимъ благамъ и радостямъ, такимъ непрони-
цаемымъ сосудомъ, что ни для нихъ самихъ,
ни для другихъ неощутительно, есть ли въ
нихъ этотъ свѣтъ. Другіе скрываютъ его подъ
сосудомъ челоуѣкоугодія и страха предъ люд-
скимъ мнѣніемъ. Они боятся исповѣдать Христа
словомъ и дѣломъ, боятся жить такъ, чтобы
всякій видѣлъ въ нихъ истинныхъ христіанъ,
истинныхъ израильтянъ, въ нихъже лести нѣсть,
истинныхъ сыновъ церкви, ревнующихъ объ ис-
полненіи ея святыхъ правилъ, всю жизнь свою
устраивающихъ по ея духу,—почему боятся? Пото-
му что боятся насмѣшекъ людей свѣта, боятся
упрековъ въ отсталости, боятся стать въ про-
тиворѣчіе съ обычаями и правилами міра. Иные
скрываютъ свѣтъ Христовой истины подъ со-

судомъ учености, показывая ее тамъ, гдѣ она не нужна; своей привычки говорить и писать объ истинахъ евангелія наукообразно и отвлеченно они не оставляютъ даже тогда, когда имъ приходится имѣть дѣло съ людьми простыми, забывая, что евангеліе дано для всѣхъ людей, а не для меньшинства посвященныхъ.

Нѣтъ, свѣтъ Христовой истины и благодати не должно скрывать ни подъ какимъ сосудомъ. Каждый изъ насъ долженъ распространять свѣтъ сей словомъ и твердымъ устнымъ исповѣданіемъ Христа вслухъ людей міра. Но паче всего мы обязаны свѣтити міру не столько словами, сколько добрыми дѣлами,—они лучше всякихъ словъ способствуютъ распространенію Христовой вѣры и успѣху ея въ сердцахъ. *Тако да просвѣтитсѣ свѣшз вашз предз чловѣки, яко да видятз ваша добрая дѣла, и прославятз Отца вашего, уже на небесѣхз.* Перенесемся мыслию къ первымъ временамъ христіанства и посмотримъ, отчего оно такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ распространялось повсюду и такъ могущественно дѣйствовало на сердца. Главная причина тому, безъ сомнѣнія, заключалась въ благодати Божіей,—безъ ней чловѣческія усилія ничего бы не могли сдѣлать. Но благодать Божія никогда не оскудѣваетъ въ своей силѣ,—она всегда присуща слову Божію, которое и теперь проповѣдуется всюду, какъ и тогда. Отъ чего же мы теперь не видимъ тѣхъ плодовъ отъ евангельской про-

повѣди, какіе она производила тогда? Отъ того, что теперь проповѣдь заключается нерѣдко въ словахъ не подкрѣпляемыхъ дѣлами, а тогда не въ однихъ словахъ, а вмѣстѣ, и главнымъ образомъ, въ добрыхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи каждый христіанинъ былъ тогда проповѣдникомъ, и проповѣдникомъ самымъ краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ, хотя бы ничего не говорилъ. Онъ убѣждалъ язычниковъ въ превосходствѣ Христовой вѣры самую жизнью своею. Язычникъ если не слышалъ отъ него слова, то видѣлъ его дѣла, по дѣламъ судилъ о его вѣрѣ и присоединялся къ числу исповѣдниковъ ея. Видѣли язычники, какъ согласно между собою живутъ христіане, какъ искренно они любятъ другъ друга, какъ чужды самолюбія во взаимныхъ сношеніяхъ, видѣли это и сами проникались любовію къ христіанамъ и присоединялись къ ихъ сществу. Вступалъ ли язычникъ въ сношеніе съ христіанами по дѣламъ торговли, промышленности и другимъ, честность и прямодушіе ихъ невольно располагали его въ пользу ихъ и вѣры ихъ. Въ общественныхъ бѣдствіяхъ христіане помогали не только братіямъ своимъ по вѣрѣ, но и язычникамъ,—они кормили голодныхъ, прилагали попеченіе о больныхъ, не разбирая, какую вѣру исповѣдуютъ тѣ, которые нуждаются въ ихъ помощи. Видѣли это язычники и заключали о превосходствѣ той вѣры, которая располагаетъ къ такимъ подвигамъ любви и самоот-

верженія. Необыкновенное благодушіе, съ какимъ христіане переносили пытки и смерть за вѣру, незлобіе ихъ и молитвы за мучителей, сильно поражали зрителей изъ язычниковъ, и многіе изъ нихъ немедля объявляли себя христіанами и сами шли на муки, на которыя пришли посмотрѣть изъ одного любопытства. Такъ, жизнь древнихъ христіанъ была самымъ могущественнымъ средствомъ къ распространенію христіанства и къ утвержденію его въ сердцахъ. Это же средство и теперь съ успѣхомъ могло бы быть употребляемо для тойже цѣли и вмѣстѣ для привлеченія къ православнои церкви не-правовѣрующихъ христіанъ. Среди православнаго народонаселенія въ нашемъ отечествѣ много язычниковъ, евреевъ, магометанъ, раскольниковъ, иновѣрцевъ христіанъ, много христіанъ съ языческими убѣжденіями, и даже хуже. Но живя вмѣстѣ съ нами, отчего они нехотятъ вмѣстѣ съ нами прославлять Отца небеснаго, отчего чуждаются насъ въ исповѣданіи вѣры? Въ первыя времена христіанства меньшинство христіанъ покоряло своей вѣрѣ большинство окружающихъ язычниковъ; отъ чего же теперь въ нашемъ отечествѣ большинство народа православнаго не привлекаетъ къ истинной вѣрѣ меньшинство разновѣрцевъ? Виною тому, братія, жизнь наша, несогласная съ ученіемъ истинной вѣры. Вѣдь разновѣрцы и невѣрующіе, живущіе среди насъ, большею частію судятъ о нашей

вѣрѣ не по внутреннему ея достоинству, а по исповѣдующимъ еѣ. Вѣра наша православная есть единая истинная вѣра, церковь наша есть единая истинная церковь, сохранившая вѣрность древнему апостольскому ученію и преданію,— это начинаютъ понимать чуждые намъ по вѣрѣ иностранцы, судя по тѣмъ посольствамъ, какія отъ нихъ приходятъ къ намъ съ предложеніями о соединеніи съ нами въ вѣрѣ;—но жизнь многихъ изъ насъ, къ сожалѣнію, несогласна съ вѣрою. Это бросается въ глаза каждому разновѣрцу и невѣрующему, живущимъ среди насъ, и отклоняетъ ихъ отъ нашей вѣры. Вѣра наша превосходная, а живутъ многіе изъ насъ не лучше, если не хуже, невѣрующихъ или неправовѣрующихъ, такъ что многіе изъ насъ по разнымъ дѣламъ вступаютъ въ сношеніе съ иновѣрцами предпочтительно предъ единовѣрцами. Нельзя не пожалѣть, что иновѣрцы, справедливо заслужившіе доброе наше мнѣніе за нравственныя качества, не обращаются къ истинной вѣрѣ; но можетъ быть мы препятствуемъ ихъ обращенію къ истинѣ нашимъ недобрымъ примѣромъ. Въ нашемъ обществѣ теперь есть люди ни во что невѣрующіе; но если станемъ когонибудь изъ нихъ склонять къ вѣрѣ, можемъ встрѣтить непріятный отвѣтъ: «и не имѣя вѣры, могу быть честнымъ человекомъ и не долженъ подражать вамъ въ вѣрѣ, при которой вы не опускаете случая обмануть ближняго и изъ обмана извлечь для себя какую ни-

будь выгоду». Понятно ли теперь, братія, отъ чего такъ незначительны успѣхи истинной вѣры въ наше время, отчего она не столько пріобрѣтаетъ новыхъ послѣдователей, сколько надлежало бы ожидать, отъ чего распространяются среди насъ невѣріе и расколъ. Сему виною, главнымъ образомъ, жизнь многихъ изъ насъ, — она соблазняетъ невѣрующихъ и неправовѣрующихъ и подаетъ имъ поводъ, хотъ и несправедливо, по нашей жизни судить о вѣрѣ.

Св. Апостолъ Павелъ, обличая Іудеевъ, хвалившихся истинною вѣрою и презиравшихъ язычниковъ, говоритъ имъ: *се ты Іудей именуешься, и почиаеши на законъ, и хвалишися о Бозѣ, и разумьеши волю (Его), и разсуждаеши лучшая, научаемъ отъ закона: уповая же себе всегда быти слѣпыми, свѣта сущыми во тмѣ, наказателя безумными. Научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповѣдая не красти, крадещи, млаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши; инушаяся идола, святая крадещи: иже въ законъ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчестуеши. Имя бо Божіе вами (ради васъ) хулится во языцехъ, якоже есть писано (Рим. 2, 17—24).* Сіи слова Апостола, сказанныя въ обличеніе Іудеямъ, могутъ быть приложены ко многимъ изъ насъ. И мы, какъ члены православной церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины, обладаемъ истиною, содержимъ истинное Богопочтеніе, истинную вѣру, но при

всемъ томъ ради насъ, ради нашей жизни имя Божіе хулится у язычниковъ и у христіанъ съ языческими убѣжденіями, какъ они хулили его, смотря на жизнь Іудеевъ. Да не будетъ сего, братія; будемъ жить такъ, какъ свойственно сынамъ свѣта (1 Сол. 5, 5.), перестанемъ предаваться *дѣламъ неплоднымъ тмы* (Еф. 5, 11.), будемъ свѣтить другимъ не вѣрою одною, а вмѣстѣ добрыми дѣлами, съ нею согласными, такъ чтобы и невѣрующіе видѣли наши добрыя дѣла и восхотѣли прославить вмѣстѣ съ нами великолѣпное имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Свящ. В. Печеевъ.

УЧЕНІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ІАКОВА

ОБЪ ОСТОРОЖНОСТИ ВЪ СЛОВЪ.

„Братія мои! не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осужденію. Ибо всѣ мы много согрѣшаемъ. Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздаты и все тѣло. Посмотри, мы влагаемъ удила въ ротъ конямъ, чтобы они повиновались намъ, и управляемъ всѣмъ тѣломъ ихъ. Вотъ и корабли, какъ ни велики они, и какъ ни сильными вѣтрами носятся, небольшимъ рулемъ направляются, куда хочетъ кормчій. Такъ и языкъ небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ. И языкъ огонь, прикраса неправды; языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ восплаемъ отъ геенны. Ибо всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ. А языкъ укротить никто изъ людей не можетъ: это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда. Имъ благословляемъ Бога и Отца, и имъ проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію. Изъ тѣхъже устъ исходитъ благословеніе и проклятіе: не должно, братія мои, сему такъ быть. Течетъ ли изъ одного отверстія источника сладкая и горькая вода? Не можетъ, братія мои, смоковница принести маслины, или виноградная лоза смоквы. Также и одинъ источникъ не можетъ изливать соленую и сладкую воду“ (Іак. 3, 1—12.).

Св. апостолъ Іаковъ въ приведенныхъ нами словахъ говоритъ прежде всего объ общественныхъ учителяхъ. Великое дѣло общественное учительство, кѣмъ бы, гдѣ бы и когда бы оно ни было совершаемо! Всякій, дѣлающійся об-

щественнымъ учителемъ, вмѣстѣ съ этимъ дѣлается руководителемъ своихъ ближнихъ на пути истины, возлагаетъ на себя обязанность образователя умовъ и сердецъ ихъ. Сколько великихъ качествъ потребно для этого! Какимъ высоко-нравственнымъ существомъ долженъ быть всякій общественный учитель! Какою силою слова долженъ обладать онъ! Какая глубокая вѣра, какая высокая чистосердечность потребны ему! Имѣя въ виду такую важность и вмѣстѣ многотрудность общественнаго учительства, св. ап. Іаковъ и дѣлаетъ такое предостереженіе: «Братія мои! не многіе дѣлайтесь учителями». Не каждый берись учить другихъ, но только способный и готовый къ этому, и не прежде берись, какъ спросивши себя: призванъ ли я къ этому, и испытавши себя: способенъ ли я вести другихъ по пути истины. Но апостоль не ограничивается этимъ только предостереженіемъ; онъ указываетъ еще на великую отвѣтственность, которой подвергается всякій дѣлающійся учителемъ. Сказавши: «не многіе дѣлайтесь учителями», онъ прибавляетъ: «зная, что мы подвергнемся большому осужденію». Такъ, чѣмъ больше кто на себя беретъ, тѣмъ большей тотъ подвергается и отвѣтственности; взявшій на себя трудъ руководителя другихъ вмѣстѣ съ симъ какъбы беретъ на свою отвѣтственность вѣчное спасеніе ихъ и, въ случаѣ неисполненія своего дѣла, долженъ будетъ отдать Господу отвѣтъ за всѣхъ тѣхъ,

которыхъ онъ совратилъ съ прямого пути своимъ учительскимъ словомъ.

Это спасительное предостереженіе апостола въ наше время, кажется, болѣе, нежели когда нибудь забывается, потому что въ наши дни болѣе, нежели когда нибудь замѣтно чрезвычайное обиліе въ самозванныхъ учителяхъ, которые, сами не имѣя силы благочестія, берутся учить другихъ; создавши себѣ убѣжденія, ложныя, а не рѣдко и прямо противорѣчащія духу и истинѣ евангельской, они и письменно и печатно стараются распространять ихъ, будто-бы для наученія своихъ ближнихъ. Жалкіе учителя! Они и не замѣчаютъ того, какъ сами идутъ къ гибели и другихъ вовлекаютъ въ ту же гибель. вмѣсто того, чтобы слушать ихъ ученіе, всякій долженъ молиться объ нихъ, чтобы Господь обуздалъ языкъ ихъ. Если къ кому, то къ нимъ въ особенности относится правило: храни свой языкъ.

Но это наставленіе можетъ относиться не къ однимъ только самозваннымъ учителямъ, но и ко всѣмъ безъ изъятія, потому что св. апостоль говоритъ: «всѣ мы много согрѣшаемъ. Кто не согрѣшаетъ въ словѣ; тотъ человѣкъ совершенный». Но кто же можетъ сказать о себѣ, что онъ совершенный человѣкъ? Или иначе: кто можетъ сказать о себѣ, что не согрѣшаетъ въ словѣ? Поэтому всѣ должны чаще напоминать себѣ это наставленіе: «храни свой языкъ». Всѣхъ

насъ близко касается умиленное воздыханіе премудраго Сираха: «о, если бы кто поставилъ стражу на уста мои и положилъ печать благоразумія на языкъ мой, чтобъ мнѣ не пасть отъ нихъ, и чтобъ языкъ мой не погубилъ меня!» (Сир. 22, 31.).

Всѣмъ прилична эта молитва Давида: «поставь, Господи, стражу при языкѣ моемъ, охраняй двери устъ моихъ» (Пс. 140, 3.). Всякій изъ насъ пусть дастъ обѣтъ, какой произнесъ псалмопѣвецъ: «я сказалъ: буду я остороженъ на путяхъ моихъ, чтобъ не согрѣшнить языкомъ моимъ; стану обуздывать уста мои» (Пс. 38, 2.).

Храни свой языкъ прежде всего потому, что онъ, какъ говоритъ Апостоль, «небольшой членъ». Когда говорятъ намъ: храни твои руки, чтобы не убить ими своего брата,—храни твои пальцы, чтобы они не простирались на чужую собственность,—храни твои ноги, чтобы онѣ не ходили по пути запрещенному,—кратко: когда напоминаютъ намъ о болѣе крупныхъ грѣховныхъ дѣйствіяхъ, тогда мы находимъ, что все это такъ и должно быть,—сознаемъ всю важность напоминаемаго. Но когда говорятъ намъ: храни свой языкъ, тогда многіе можетъ быть готовы сказать про себя: «если только это требуется, то это еще не такъ много». Правда, — языкъ «небольшой членъ» и слово человѣческое есть, по видимому, незначительная вещь; оно легко сказывается, легко и забывается. Но не должно

обманываться тѣмъ, что языкъ нашъ такой малый, повидимому, незначительный членъ, не должно обольщаться кажущеюся незначительностію нашихъ словъ. Нужно помнить, что настанетъ нѣкогда время, въ которое каждому изъ самыхъ незначительныхъ словъ дасть будетъ свой вѣсъ. Есть вѣсы, на которыхъ будутъ нѣкогда взвѣшены всѣ до одного наши слова, когда бы и гдѣ бы мы ихъ ни высказали,— это вѣсы правосудія, — вѣсы всеправеднаго, небеснаго Судіи, непрестанно взывающаго къ намъ: *«глаголю вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный»* (Мѡ. 12, 36.). Да, языкъ небольшой членъ и слово какъ скоро сказывается, такъ же скоро и позабывается, но поэтому-то именно мы и должны тщательно хранить свой языкъ и быть крайне осторожными въ словѣ. О, какъ трудно хранить этотъ малый членъ именно потому, что онъ малъ! И какъ легко мы обыкновенно относимся къ нашимъ словамъ именно потому, что они слова! Сколько въ самомъ дѣлѣ тысячъ словъ говорится иногда нами или по увлеченію страсти, или по легкомыслію и вѣтрености, или наконецъ просто отъ скуки, для препровожденія времени, которое все,—кстати замѣтимъ, — должно быть посвящено приготовленію къ вѣчности,—говорится словъ такихъ, въ которыхъ мы часто не можемъ дать отчета не только предъ Богомъ и предъ людьми, но

иногда и предъ самими собой! Все эти слова никогда не появлялись бы на устахъ нашихъ, если бы мы всегда старались говорить съ размышленіемъ и полнымъ сознаниемъ себя и того, о чемъ говоримъ... Вспомнимъ притомъ о нашихъ общественныхъ собраніяхъ, визитахъ, такъ называемыхъ вечеринкахъ и балахъ, на которыхъ обыкновенно убивается столь много драгоценнаго времени на пустую, а часто и прямо безнравственную болтовню. Сколько въ самомъ дѣлѣ часовъ проводится на этихъ вечеринкахъ въ разговорахъ непрерывныхъ, неумолкающихъ, и во всѣхъ этихъ разговорахъ часто не слышно ничего серьезнаго, ничего дѣльнаго, а одни пустые рассказы, пересуды, колкости, насмѣшки, остроты, замысловатыя, ничего не говоряція фразы! Но если бы кто нибудь изъ любителей такихъ бесѣдъ потрудился спросить себя, сколько пользы для души онъ изъ нихъ выносить, то навѣрное оказалось бы, что ровно никакой. А если онъ подумаетъ повнимательнѣе и взглянетъ въ сердце и совѣсть свою попристальнѣе, то непременно увидитъ, что въ этихъ бесѣдахъ онъ много добраго растерялъ и часто изъ нихъ много дурнаго и вреднаго приносилъ домой. Вспомнимъ еще о тѣхъ не кстати веселыхъ минутахъ, когда мы, въ преизбыткѣ веселья, даемъ такую свободу своему языку, что рѣчь его, пустая, безсвязная, безцѣльная рѣчь,—какъ говорится, рѣчкой льется. — Вспомнимъ о тѣхъ со-

рахъ, брани и спорахъ, при которыхъ мы въ жару увлеченія до того разгорячаемся, что рѣшительно бываемъ не въ состояніи взвѣшивать свои слова. Вспомнимъ о тѣхъ минутахъ мрачнаго настроенія, въ которыя мы, по малодушію и непривычкѣ терпѣливо переносить скорби, готовы бываемъ роптать, а иногда и рощемъ на Бога и сѣтуемъ на Его провидѣніе. Вспомнимъ наконецъ о тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, въ которыхъ мы, желая избавиться отъ замѣшательства и оправдывая себя необходимостію, прибѣгаемъ ко лжи, обманамъ и клеветѣ, даже и тогда, когда совѣсть сильно обличаетъ насъ за это. Сколько такимъ образомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ мы можемъ наговорить не только пустыхъ, праздныхъ, но и прямо зловредныхъ словъ! И какое изъ всѣхъ такихъ словъ можетъ составить огромное количество грѣховъ! Ясно, что послѣ этого нельзя смотрѣть на слова какъ на нѣчто незначительное. Какъ бы хорошо было, еслибы мы старались взвѣшивать свои слова прежде, нежели выскажемъ ихъ, чтобы такимъ образомъ не говорить ничего бесполезнаго, а тѣмъ болѣе вреднаго! Еще бы лучше было, если бы мы старались удерживать сказанныя нами слова въ своей памяти, чтобы послѣ разговоровъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ продолжительныхъ мы могли пересмотрѣть ихъ для того, чтобы раскаяться во грѣхахъ происшедшихъ отъ слова. А безъ этого, изъ всего безчисленнаго множе-

ства произносимыхъ нами словъ сколько словъ зловредныхъ можетъ остаться въ забвеніи и какъ увеличится ими количество нашихъ грѣховъ не очищенныхъ раскаяніемъ! Хорошо, что эти слова не оставляютъ никакого слѣда въ воздухѣ, въ которомъ раздаются, иначе непременно долженъ бы заразиться отъ нихъ тотъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. И если бы существовалъ какой нибудь искусный скорописецъ, который былъ бы въ состояніи изъ всего множества произносимыхъ нами словъ записывать хотя только вредныя слова наши, то, — невозможно себѣ представить, какая длинная и безобразная составилась бы запись.

Но мы не должны утѣшаться тѣмъ, что никто изъ людей дурныхъ словъ нашихъ за нами не записываетъ и записать не можетъ. Въ книгѣ правосудія Божія не только эти, но и всѣ вообще слова наши записаны и всевѣдущій Богъ знаетъ о нихъ; и что будетъ съ нами, когда эта книга раскроется предъ глазами нашими? А она непременно раскроется въ свое время, и тогда мы испугаемся всѣхъ этихъ пустыхъ рѣчей праздности, всѣхъ замысловатыхъ словъ мнимаго остроумія, лживыхъ словъ неправды, бранныхъ словъ гнѣва, ядовитыхъ словъ зависти и ненависти, — всѣхъ словъ гнилыхъ, — кратко — цѣлыхъ милліоновъ грѣховныхъ словъ, которыя мы перезабыли и которыя тогда окажутся нашими словами. Они тяжело падутъ тогда на

наши души, хотя, можетъ быть, языкъ, произносившій ихъ, давнымъ давно уже истлѣлъ, и уста, на которыхъ они появлялись, — давнымъ давно разлетѣлись въ прахъ. И если кто нибудь изъ насъ тогда спросить самаго себя: «какъ могъ я накопить такое необозримое множество грѣховныхъ словъ?» то въ глубинѣ души своей найдетъ отвѣтъ: «такъ какъ языкъ есть небольшой членъ, то я не оберегалъ его, и такъ какъ слова такъже легко забывались, какъ легко сказывались, то я и металъ ихъ во всѣ стороны безъ всякаго вниманія и осторожности, думая, что они исчезнутъ безъ слѣда». Тогда для насъ объяснится накопленіе множества грѣховъ, происходящихъ отъ слова, но облегчить тяжесть отвѣтственности за нихъ раскаяніемъ будетъ уже поздно.

Храни свой языкъ. Онъ небольшой членъ, но такой, чрезъ который высказывается весь человѣкъ, и по которому познается его духовное совершенство: «кто не согрѣшаетъ въ словѣ; тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло». Если мы обуздываемъ все свое тѣло,—глаза, чтобы они не смотрѣли ни на что запрещенное, уши, чтобы они не слышали ничего соблазнительнаго, руки, чтобы онѣ не дѣлали ничего вреднаго, ноги, чтобы онѣ не уклонялись отъ праваго пути, но въ тоже время не обуздываемъ своего языка, своихъ лживыхъ, насмѣшливыхъ, бранчивыхъ, ропотливыхъ, нечистыхъ

усть, то никто изъ насъ не можетъ быть чело-
вѣкомъ совершеннымъ. Да и кто изъ насъ мо-
жетъ назваться совершеннымъ челоѣкомъ? Всѣ
мы знаемъ одного всесовершеннаго праведника,
Господа Иисуса Христа, который не сотворилъ
ни одного грѣха, и у котораго никогда «необрѣ-
талась леть на устахъ,» котораго слова во вся-
кое время можно въ сладость послушать, возвѣ-
щаетъ ли Онъ въ нихъ всенародно святую волю
Отца Своего Небеснаго, говоритъ ли дружески
съ «своею братіею» въ уединеніи, бесѣдуетъ
ли Онъ во храмѣ, или отдыхая на пути, или
вечеряя со грѣшниками и мытарами. У Него
поучимся хранить свой языкъ и взвѣшивать свои
слова; Ему да послѣдуемъ во всемъ, какъ въ сло-
вахъ, такъ и дѣлахъ. «Подавшій намъ образъ,
да послѣдуемъ стопамъ Твоимъ,» Господи, подай
намъ силы и научи насъ подражать этому образу!
Ты все для насъ Господи! Помоги намъ управ-
лять языкомъ нашимъ, чтобы онъ служилъ ору-
діемъ Твоей истины и любви Твоей.

Храни свой языкъ: онъ небольшой членъ, но
много дѣлаеть. «Посмотри, мы влагаемъ удила
въ ротъ конямъ, чтобы они повиновались намъ,
и управляемъ всѣмъ тѣломъ ихъ. Вотъ и кораб-
ли, какъ ни велики они, и какъ ни сильными
вѣтрами носятся, небольшимъ рулемъ направ-
ляются, куда хочетъ кормчій. Такъ и языкъ
небольшой членъ, но много дѣлаеть». Да, по-
истинѣ, языкъ производитъ многія великія дѣла!

Не языкъ ли отличаетъ людей отъ прочихъ животныхъ и дѣлаетъ ихъ именно людьми? Даръ слова не есть ли самый драгоцѣнный даръ, сообщенный людямъ отъ Творца, тотъ даръ, который служить знакомъ ихъ Богоподобія? Не языкъ ли создалъ всемірную исторію? Не языкъ ли создалъ всѣ науки? Слово, человѣческое слово, не есть ли та сила, которая и теперь управляетъ государствами и направляетъ ходъ дѣятельности ихъ, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ? Бурливаго, безпокойнаго коня ловкій всадникъ обуздываетъ удилами и направляетъ куда захочетъ, однимъ лишь движеніемъ руки: неспокойный и бунтующій народъ сдерживается ловкимъ ораторомъ и направляется туда, куда хочетъ послѣдній,—какимъ образомъ? Посредствомъ слова, одного лишь слова. Искусный кормчій управляетъ среди волнъ большимъ кораблемъ и располагаетъ его движеніями сообразно съ измѣненіями вѣтра и морскихъ теченій посредствомъ руля. И величественный корабль государства чѣмъ управляется и направляется по неспокойнымъ волнамъ времени? Словомъ,—словомъ, которое въ совѣтѣ правительственномъ изрекается и потомъ въ видѣ закона и повелѣнія распространяется по всему государству. И какъ мы назовемъ ту силу, посредствомъ которой и теперь сильные земли управляютъ различными частями міра,—которая владетъ свой отпечатокъ на духъ времени и даетъ извѣстное направленіе всему, можно ска-

зять, міровому теченію? Это опять тоже слово, которое, будучи высказано, или написано, или же напечатано, обтекаетъ весь міръ, и въ видѣ разговора, книги, или журнала находитъ себѣ путь ко всѣмъ странамъ и морямъ, проявляетъ свою власть надъ богатыми и сильными, и находитъ себѣ доступъ въ хижину бѣдняка.

Понстинѣ, языкъ, хотя малый членъ, но производитъ великія дѣла. Великія дѣла онъ производитъ даже и въ маломъ. Посмотрите на каждого въ его званіи и кругѣ дѣятельности: мастеръ чѣмъ управляетъ своими подмастерьями? Мать чѣмъ руководитъ своихъ дѣтей? Хозяйка какъ управляетъ своимъ домомъ? Уполномоченный чиновникъ какъ распоряжается своими подчиненными? Учитель какъ учитъ своихъ слушателей и полководецъ командуетъ своими солдатами? Ученый посредствомъ чего распространяетъ свои мысли и поэтъ воодушевляетъ сердца? Все посредствомъ слова. Слово производитъ всѣ эти часто не видныя, но всегда важныя дѣла. Имъ все рѣшается и въ дѣтской и учебной комнатѣ, также какъ въ государственной залѣ и совѣтѣ министерскомъ,—у домашняго очага и на кафедрѣ, и на кровавомъ полѣ битвы. Отъ правильнаго, или неправильнаго употребленія слова распространяется на тысячи тысячъ людей благополучіе, или злополучіе, жизнь или смерть, свѣтъ или тьма, порокъ или добродѣтель, богобоязненность, или безбожіе и развращеніе. И

это ли слово, совершающее такія громадныя дѣла, мы не обязаны взвѣшивать? Можемъ ли мы это слово произносить легкомысленно и безъ размы-шленія? Можемъ ли употреблять его на пустые и праздные разговоры? И этотъ ли языкъ, даю-щій направленіе всякому движенію жизни, мы не обязаны охранять всеусердно? И этотъ ли драгоценный даръ мы не обязаны беречь и не тратить на пустое? Незаконное употребленіе его не будетъ ли ужаснымъ злоупотребленіемъ тѣмъ драгоценнымъ даромъ, который сообщенъ отъ подателя всѣхъ благъ Бога для одной лишь поль-зы человѣчества? О если бы всѣ наши слова растворены были солию божественнаго слова и если бы во всемъ, что ни говоримъ мы, слы-шались преимущественно страхъ Божій и духъ благочестія! Сколько бы пользы принесли мы и себѣ и другимъ, если бы старались больше всего говорить о предметахъ серьезныхъ, полезныхъ и нравственно-добрыхъ! Сколько пользы мы мог-ли бы принести и своей душѣ и ближнимъ, если бы благочестивая и разумная бесѣда была на-шею любимою бесѣдою! Предметовъ для подоб-ной бесѣды найти можно много послѣ каждого посѣщенія храма Божія и благоговѣнно—внима-тельнаго слушанія всего, произносимаго въ немъ, послѣ внимательнаго слушанія проповѣди пасты-ря церкви, послѣ чтенія духовной, или другой полезной книги, послѣ важнаго общественнаго происшествія, или семейнаго событія, при раз-

мышленіи о новомъ и воспоминаніи стараго, при успѣхѣ въ собственномъ добромъ дѣлѣ и при безуспѣшности, при горѣ и радости. О всемъ-то мы можемъ говорить, и говорить съ пользою,— разумно, тихо, мѣрно, съ взаимнымъ утѣшеніемъ и назидательностію. Какъ бы хорошо было, если бы во всемъ, что только произносятъ уста человѣческія, чаще всего слышался голосъ Того, Который одинъ имѣетъ глаголы жизни вѣчной!

Храни свой языкъ; ибо онъ хотя небольшой огонь, но много вещества зажигаетъ. «Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ. И языкъ огонь, прикраса неправды; языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ восплаемъ отъ геенны. Ибо всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ. А языкъ укротить никто изъ людей не можетъ: это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда». Огненная искра, зажигающая все вещество, прикраса неправды, неудержимое зло, полное смертоноснаго яда! По истинѣ, тяжелыя укоризны дѣлаетъ языку св. Апостоль! Это потому, что языкъ сколько заслуживаетъ похвалы при правильномъ его употребленіи, столькоже порицанія при неправильномъ. Смотри по употребленію, онъ есть и самый лучший и самый худшій членъ человѣческаго тѣла. Объ одномъ

греческомъ мудрецъ (Питтакъ) рассказываютъ, что царь однажды прислалъ къ нему жертвенное животное съ приказаніемъ возвратитъ къ нему и самыя лучшія и самыя худшія части изъ этого животнаго, по убіеніи его. Мудрецъ возвратилъ царю языкъ животнаго, и этимъ хотѣлъ показать, что языкъ есть и самая лучшая и самая худшая часть въ человѣкѣ, смотря по тому, какъ его употребляютъ въ дѣло.

Къ сожалѣнію. языкъ чаще бываетъ худшимъ членомъ нашимъ, нежели лучшимъ. Какъ много вреда онъ уже произвелъ въ мірѣ! Какъ много адскаго огня онъ уже воспламенилъ на землѣ! Искра, брошенная въ вѣтви сухаго дерева, можетъ сжечь цѣлые лѣса: и слово пущенное, какъ говорится, въ злой часъ можетъ не только множество душъ и семействъ, но и цѣлые народы—цѣлый міръ объять пожаромъ. Представимъ себѣ, что мы видимъ пламенѣющее сердце, но пламенѣющее не отъ священнаго жара любви къ Богу, и ближнему, а отъ зловреднаго жара нечистыхъ пожеланій. Злая похоть сожигаетъ его, какъ огонь. Злая похоть свѣтится изъ глазъ возбужденнаго страстію человѣка, какъ огонь изъ оконъ пылающаго дома. Злая похоть пожираетъ въ бѣдномъ сердцѣ и обращаетъ въ пепелъ благоговѣніе къ закону Божію, стыдливость невинности, чувство чести и приличія, страхъ осужденія и позора, ожидающаго преступленіе. Кто виновникъ этого вредоноснаго огня? Злой языкъ. Пе-

чистая книга воспламенила этотъ тлетворный огонь, или вкрадчивое слово соблазнителя, которое слилось въ бѣдное сердце съ его змѣинаго языка, произвело этотъ жаръ. Берегитесь подобныхъ зажигателей. — Вотъ я вижу горящій домъ, но въ немъ горитъ не тотъ огонь, который замѣчается почнымъ сторожемъ и угашается пожарною трубою, но много худшій этого, — огонь ненависти и ссоры, брани и спора, который поддерживается между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми, между господиномъ и прислугой. Кто возжегъ этотъ огонь? Виновникъ этого опять языкъ, — грубый языкъ вспыльчиваго мужа, ядовитый языкъ сварливой жены, лживый языкъ злой нравной служанки, или клеветливый языкъ злораднаго сосѣда. Будемъ или совѣмъ избѣгать, или по крайней мѣрѣ сдерживать этихъ зажигателей. — Всѣ мы видѣли недавно пожаръ польскаго возстанія. Пламя мятежа быстро успѣло распространится по городамъ и селеніямъ, опустошило поля, разрушило благосостояніе многихъ мирныхъ гражданъ, цѣлую обширную страну объяло ужасомъ и наполнило всякаго рода бѣдствіями. Кто возжегъ это пламя? Виновникъ этого опять злой языкъ народныхъ предводителей — самозванцевъ, которые какъ сами были воспаляемы огнемъ честолюбія и ненависти, такъ и въ другихъ старались поддерживать этотъ огонь, и такимъ образомъ раздули пламя всеобщаго пожара. Исторія представляетъ

намъ горящими цѣлыя части свѣта. Пламя войны быстро распространяется и переходитъ изъ одной страны въ другую; сотни тысячъ людей, съ ихъ изувѣченными членами, исходятъ кровію на поляхъ сраженій. Кто возжигалъ этотъ огонь? Языкъ честолюбцевъ — завоевателей призывалъ сотни тысячъ къ оружію и мчалъ ихъ на смерть; сотни тысячъ дѣлалъ мертвецами и калѣками, сотни тысячъ вдовами и сиротами; города и деревни, церкви Божіи и храмы наукъ и искусствъ превращалъ въ пепель. Да, языкъ небольшой огонь, но много вещества зажигаетъ!—Вотъ видится еще огонь, но такой, который ужаснѣе всѣхъ доселѣ названныхъ нами, огонь, который не отъ міра сего и который не угашается. Не тѣла сжеть этотъ огонь, но души: это огонь бесплоднаго раскаянія, яростныхъ угрызений совѣсти, безвыходнаго отчаянія, огонь постоянно, вѣчно продолжающихся мученій, — это огонь адскій. Кто раздуваетъ этотъ огонь? Кто первоначально вноситъ его въ души? Лжеучители и соблазнители сокрушающіе въ простыхъ душахъ вѣру и благоговѣніе къ имени и закону Божію, возмущающіе внутренній миръ невинныхъ сердець, раздражающіе человѣческія страсти, всегда легко возбуждаемыя, льстящіе чувственности, подрывающіе силу добрыхъ правилъ жизни, и благихъ обычаевъ. Не забудемъ, что можно быть поджигателемъ безъ сѣрной спички, отравителемъ безъ яда, смертоубійцсю безъ ножа, съ однимъ лишь

необузданнымъ языкомъ. Языкъ можетъ быть и опасною зажигательной спичкой, и вредоноснымъ ядомъ, и смертоноснымъ ножемъ.

Пусть замѣтятъ это въ особенности родители и воспитатели, такъ называемые передовые люди и общественные дѣятели; пусть чаще думаютъ объ этомъ писатели и книгопродавцы. Имъ особенно нужно тщательно взвѣшивать свои слова и обдумывать свои произведенія.

Языкъ производитъ гибельный огонь, «будучи, какъ говоритъ апостоль, самъ восплаемъ отъ геенны». Сердце, злое сердце человѣческое есть проводникъ, чрезъ который пламя, исходящее изъ геенны, отъ источниковъ зла, разливается по землѣ. Изъ него оно прорывается въ наши уста и извергается въ зловредныхъ словахъ, подобно тому, какъ изъ огнедышущей горы изрыгается огненная лава и раскаленные каменья. «Изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелободѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія» (Матѳ. 15, 19.). Какимъ зломъ оно исполнено, то и извергаетъ чрезъ уста. «Порожденія эхиднины, говоритъ Господь развращеннымъ людямъ, какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста» (Матѳ. 12, 32.). Чѣмъ дальше достигаетъ злое слово, чѣмъ большее число людей заражаетъ оно, тѣмъ дальше разливается геенскій пламень зла. Злой языкъ, движимый развращеннымъ сердцемъ, «восплаляетъ кругъ жизни».

Итакъ совершенно понапрасну мы будемъ охранять свои уста, если не охраняемъ сердца отъ грѣховъ. И если ктонибудь изъ насъ, имѣя злое сердце, притворнымъ образомъ хочетъ обуздать свой языкъ и лицемерно старается высказывать благоразумныя слова, то онъ обманывается: при малѣйшей неосторожности съ его стороны злое пламя нечистыхъ мыслей и чувствованій опять прорвется чрезъ его уста. При одномъ необдуманномъ словѣ, при одной легкомысленной насмѣлкѣ будетъ ясно, —каково сердце произносящаго и это слово и эту насмѣлку. Нѣтъ, «всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ. А языкъ укротить никто изъ людей не можетъ; это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда». Да, безъ очищенія сердца языкъ никто изъ людей укротить не можетъ. Только въ такомъ случаѣ можно удерживать языкъ отъ зла, когда сердце бываетъ удерживаемо отъ грѣховъ. Только человѣкъ съ чистымъ сердцемъ можетъ сохранить свой языкъ отъ всякаго вреднаго и гнилаго слова. Пусть же всякій заботящійся объ охраненіи своего языка, постарается прежде всего объ очищеніи своего сердца; пусть изгонитъ оттуда огонь плотскихъ страстей и замѣнитъ его спасительнымъ огнемъ живой вѣры, любви и преданности въ волю Божию, и тогда только богобоязненныя слова благочестія будутъ

на устахъ его. Пусть всякій изгонитъ изъ своего сердца враждебныя наклонности и всякаго рода недоброжелательство,—и тогда слова брани и ссоры не появятся на его устахъ. Пусть,—однимъ словомъ,—всякій заботится по мѣрѣ силъ своихъ о благочестивой жизни, и тогда языкъ его будетъ свободенъ отъ всякаго злаго слова. Но такъ какъ для всего этого требуется такое глубокое очищеніе сердца, котораго самъ человекъ не въ силахъ и сдѣлать, то пусть всякій отверзаетъ предъ Господомъ свое сердце и горячо молить Его о томъ, чтобы Онъ Самъ обновилъ наше сердце, исполнилъ его духомъ истины и чистоты и уготовалъ въ немъ храмину для своей всемогущей и всеосвящающей благодати.

Храни свой языкъ наконецъ и потому, что имъ мы исполняемъ высшую нашу обязанность, уподобляющую насъ небожителямъ: *«имъ благословляемъ Бога и Отца»*.

Въ природѣ всѣ твари имѣютъ свой языкъ, на которомъ такъ, или иначе прославляютъ Бога: левъ, когда рыкаетъ въ пустынѣ, соловей, когда поетъ на кустѣ, дерево, когда движется тысячами своихъ листьевъ, какъ шепчущими язычками и ревущія морскія волны, когда съ брызгами и пѣною бьютъ о гранитныя скалы,—всѣ они хвалятъ Бога и Господа каждый на томъ языкѣ, который данъ ему отъ Творца. А ты, человекъ, для чего имѣешь языкъ? Неужели для того, чтобы выражать на немъ все, кромѣ хвалы Богу?

Не унизишь ли ты себя въ такомъ случаѣ предъ львомъ, ревущимъ въ пустынѣ, и предъ соловьемъ, поющимъ на кустѣ? Нежели и листъ на деревѣ и волна на морѣ должны будутъ учить тебя,— для чего ты имѣешь языкъ?! «Имъ благословляемъ Бога и Отца». Да, это поистинѣ высокая, небесная обязанность языка! И къ счастью нѣтъ среди насъ ни одного человѣка, у котораго языкъ не былъ бы способенъ къ исполненію этой обязанности. И нѣмой находитъ понятные знаки, которыми можетъ замѣнить его звуки. И всегда и вездѣ мы можемъ прославлять Бога языкомъ своимъ: пропоемъ ли мы въ честь Господа благочестивую пѣснь, произнесемъ ли молитву домашнюю, или общественную—это будетъ прославленіе Бога. Возопіемъ ли въ скорби къ Господу о помощи, или въ радости вознесемъ ему благодареніе — и это будетъ прославленіе Бога. Утѣшаемъ ли печальнаго, подаемъ ли благовременный и добрый совѣтъ ближнему, учимъ ли дитя добру, или наставляемъ невѣдущаго въ истинѣ, удерживаемъ ли ближняго отъ соблазна, или уговариваемъ не предаваться излишней скорби, и уповать на Бога—во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ нашъ языкъ прославляетъ Господа. И настанетъ еще нѣкогда то блаженное время, когда мы будемъ имѣть возможность прославлять Господа не такъ, какъ теперь, а устами обновленными, прославлять на небесахъ, вмѣстѣ съ ангелами и святыми. Но чтобы имѣть возможность участвовать

въ этомъ великомъ славословіи Господа, мы должны теперь же приготовляться къ нему, теперь же обучать свой языкъ къ прославленію Господа, иначе мы не въ состояніи будемъ участвовать на небесахъ въ ангельскихъ пѣснопѣніяхъ.

Будемъ хранить свой языкъ, назначенный къ исполненію такой высокой обязанности, каково прославленіе Бога, будемъ хранить такъ, чтобы онъ не служилъ вмѣстѣ съ Богомъ и діаволу. Но не часто ли съ нами случается, что мы однимъ и тѣмъ же языкомъ «благословляемъ Бога и Отца, и проклинаемъ челоуѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божию? Изъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и проклятіе.» Послушаемъ, что дальше говоритъ св. Апостолъ: «Не должно, братія мои, сему такъ быть.— Течеть ли изъ одного отверстія источника сладкая и горькая вода? Не можетъ, братія мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы. Также и одинъ источникъ не можетъ изливать соленую и сладкую воду». Какъ? Однимъ и тѣмъ же языкомъ, которымъ сегодня прославляемъ Бога, завтра будемъ хулить, или сегодня же вечеромъ говорить злыя рѣчи? Какъ? Однимъ и тотъ же языкъ, которымъ мы такъ согласно напр. въ церкви воспѣваемъ Бога, въ домахъ нашихъ будемъ направлять другъ противъ друга во взаимныхъ ссорахъ и спорахъ? «Не должно, братія мои, сему такъ быть». Нѣтъ, будемъ хранить свой языкъ такъ, чтобы онъ

не забывалъ своей небесной обязанности. Жертва хвалы и благодаренія должна восходить отъ нашихъ устъ на небо, но не слова ропота, богохульства и кощунства. Наши уста должны быть сладкимъ источникомъ утѣшенія и назиданія для ближнихъ, а не горькимъ источникомъ упрековъ и оскорбленій. О, да будетъ это священною обязанностію для всѣхъ насъ! И немощной, слабый, больной, который ничѣмъ инымъ не можетъ служить Богу, и тотъ можетъ однако прославлять Его чистыми устами. И бѣднякъ, который очень мало можетъ дать своему ближнему, и тотъ можетъ утѣшить его любвеобильными словами. Когда всѣ мы въ здѣшней жизни научимся такимъ образомъ непрестанно славословить и прославлять Господа своими устами, тогда мы и въ будущей, вѣчной жизни достойны и способны будемъ вмѣстѣ съ ангелами и небожителями воспѣть Господу хвалебную пѣснь.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

ЗАИМСТВОВАННЫХЪ ИЗЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА

НАИМЕНОВАНІЙ

ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ БЛАГОДАРСТВЕННОМЪ ЕЙ КАНОНѢ И
АКАѦИСТѢ ^а).

40. «Истинная лоза виноградная, произрастившая зрѣлымъ гроздь, изъ котораго источается вино, веселящее души съ вѣрою прославляющихъ (Ее)». Канона пѣсен. 7, тропарь 1-й.

Изъ виноградника Господня—Иудеевъ, принесшаго, при всемъ тщательномъ уходѣ за нимъ Небеснаго Виноградаря, вмѣсто добрыхъ гроздовъ дикія ягоды (Ис. 5, 1—2. 7. слич. Матѣ. 21, 33 и слѣд.), Пресвятая Дѣва Марія оказалась истинною лозою виноградною, произра-

а) Окончаніе. См. октябрск. книжку Душеп. Чтенія за 1863 годъ, и январскую и мартовскую книжки за 1864 годъ.

стившею зрѣлый Гроздь—Христа, изъ Котораго истекаетъ вино духовной жизни и веселія для вѣрующихъ. «Радуйся винограде, даже Гроздь животный рождающая, Богородице, чистая Одигитрие» (кан. Одигитрии, пѣсни 9-й тропарь 2.)! «Мысленный винограде, израстившій намъ Гроздь Божественный, отъ Негоже напаяемся водою нетлѣннѣя! Источни моей души умиленіе, и вино очищенія (октоиха глас. 3-го кан. Богород. пѣсни 9-й)».

41. Въ ирмосѣ 8-й пѣсни канона говорится, что рожденіе Пресвятою Дѣвою Маріею Господа прообразовано благочестивыми отроками въ печи. «Благочестивыхъ отроковъ въ печи сохранило рождество Богородицы; будучи тогда образуемымъ, а нынѣ дѣйствительнымъ, оно всю вселенную побуждаетъ пѣть Тебѣ: воспѣвайте Господа творенія и превозносите во всѣ вѣки»

Благочестивые отроки, прообразовавшіе Пресвятую Богородицу, были совоспитанники пророка Даніила въ плѣну Вавилонскомъ и потомъ за свою мудрость содѣлались помощниками ему въ правленіи областію Вавилонскою — Ананія, Азарія и Мисаиль (Дан. гл. 1 и 2.). Вопреки строгому приказанію царя Вавилонскаго Навуходоносора, чтобы всѣ знатныя особы царства его, въ опредѣленное время, при данномъ знакѣ, поклонились поставленному имъ золотому истукану, сіи святые отроки не согласились измѣнить вѣрѣ Бога отцевъ своихъ, не поклонились истукану и

за сіе, по повелѣнію царя, связанные были брошены въ печь, раскаленную въ семеро болѣе противъ обыкновеннаго, такъ что пламя огня убило служителей казни. Но какъ ни сильно раскалена была печь, святые отроки свободно ходили въ ней и благословляли Господа. Ангель Завѣта Божія (Малах. 3, 1.), Единородный Сынъ Божій, Господь Іисусъ Христосъ, снизшедши въ печь къ отрокамъ, всемошною силою Своею преложилъ пламень въ росу (Дан. гл. 3^о), и въ чудесномъ сохраненіи ихъ отъ пламени благоволилъ предызобразить чудное таинство рожденія Своего отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи. Посему, какъ въ изъясняемомъ нами ирмосѣ ка-

о) Что подъ ангеломъ Божіимъ, явившимся въ печи между отроками и преложившимъ пламень въ росу (Дан. 3, 49—50.), надобно разумѣть Сына Божія, сему учитъ сама святая Церковь. „Прообразовавший Тебя сильный Ассирійскій пламень Ты, Христе, преложилъ въ росу“ (2 Кан. на Богояв. Госп. пѣс. 7, троп. 1.). „Тебя—Бога Слово, оросившаго въ огнѣ отроковъ богословствовавшихъ и вселившагося въ Дѣву нетлѣнную, мы славимъ, благочестно воспѣвая: благословенъ Богъ отецъ нашихъ“ (Кан. на Срѣт. Госп. пѣс. 7, ирмосъ). „Отроки равночисленные Троицѣ! Благословите Бога—Отца Создателя, воспойте Слово снизшедшее и претворившее огонь въ росу, и превозносите подающаго всѣмъ жизнь Духа всесвятаго во вѣки (Кан. на Воздвиж. пѣс. 8 ирм.). См. еще 1 кан. на Успеніе Пр. Бог. пѣс. 8, ирмосъ, также канона ко св. причащенію пѣсни 8, ирмосъ. Замѣчательно, Навуходоносоръ, увидѣвшій въ печи между отроками новое лицо, уподобляетъ его видомъ Сыну Божію (Дан. гл. 3, ст. 92.).

нона, такъ и въ другихъ церковныхъ пѣсняхъ сохраненіе отроковъ отъ пламени приписывается рожденію отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи Господа. «Въ печи отроковъ Ты прообразовалъ нѣкогда Матерь Свою, Господи, и это прообразование отъ огня спасало ихъ, ходившихъ (среди его) неопально» (1 кан. Рожд. Богород. пѣсн. 8, ирмосъ.).

Неопаленіемъ отроковъ въ пламени, подобно какъ и неопаленіемъ видѣнной Моисеемъ купины, прообразовано въ Пресвятой Матери Господа:

Во первыхъ: неопаленіе утробы Ея отъ Огня Божества. «Росоносная печь представила образъ сверхъ-естественнаго чуда; ибо она не опаляетъ принятыхъ юношей, какъ и огонь Божества— утробы Дѣвы, въ которую низшелъ, посему воспоемъ пѣснь: вся тварь да благословитъ Господа и превозноситъ во всѣ вѣки» (1 кан. Рожд. Хр. пѣс. 8, ирм.). «Купина, пылавшая огнемъ на горѣ, и печь Халдейская, источавшая росу, ясно прообразовали Тебя, Богоневѣста; ибо Ты неопально приняла Божественный невещественный огонь въ вещественное чрево, посему къ Родившемуся отъ Тебя мы взываемъ: благословенъ Ты, Богъ отцевъ нашихъ» (1 кан. Рожд. Богор. пѣсн. 7, ирм.). «Яко печь древе приѣмшая отроки не опали, тако и Дѣва, зачещи Зиждителя, не опалися утробою (Ирмол. гл. 3-го пѣс. 8-я.)».

Во вторыхъ несгораемость дѣвственнаго Ея состоянія. «Ветхозавѣтные юноши, объятые огнемъ неопально, прообразуютъ утробу Отроковицы, свѣрхъ-естественно раждающую, запечатлѣнную: единая же чудодѣйствующая благодать, совершая то и другое, возбуждаетъ людей къ пѣнію» (2 кан. Рожд. Хр. пѣс. 8 ирм.). «Утробу неопально образуютъ Отроковицы, иже въ ветсѣмъ опаляемѣ юноши, преестественно раждающую, запечатлѣнну» (ирмол. гл. 1, пѣс. 8.). «Чуда преестественнаго показа образъ огнеросная пещь древле, огонь бо не опали юныя дѣти, Христово являя безсѣменное отъ Дѣвы Божественное рождество» (ирмол. гл. 1, пѣс. 8.).

42. «Голубица, родившая Милостиваго». Канон. пѣс. 9-й троп. 4-й.

Ной, спасаясь въ ковчегѣ отъ всемірнаго потопа, опредѣленно узналъ о приближающемъ концѣ его, послѣ того какъ въ другой разъ пущенная имъ изъ ковчега голубица возвратилась къ нему, держа во рту своемъ масличный сучецъ. Въ третій же разъ пущенная имъ изъ ковчега голубица, уже къ нему не возвращавшаяся, совершенно увѣрила его въ прекращеніи потопа (Быт. 8, 7—12.). Голубица сія прообразовала Пресвятую Дѣву Марію: вмѣстивъ въ утробѣ своей Милостиваго Спасителя міра, не имѣла ли Она въ себѣ, подобно голубицѣ Ноевой, держащей во рту своемъ масличный сучецъ, задатокъ приближающагося конца всемірнаго потопа грѣхов-

наго? А потомъ, родивъ Сего Милостиваго в), не возвѣстила ли Она избраннымъ людямъ, подобно голубицѣ, въ третій разъ пущенной Ноемъ изъ ковчега, совершенный миръ на землѣ и въ чело-вѣкахъ благоволеніе (Лук. 2, 10—11. 14.)? «Ра-дуйся, Всенспорочная, родившая Путь жизни, спасающая міръ отъ потопленія грѣховнаго» (Кан. пѣс. 5, троп. 1.)!

Въ книгѣ: Пѣснь Пѣсней таинственная Невѣ-ста, въ знакъ Своей доброты и нравственной красоты, неоднократно именуется голубицею. «О какъ Ты прекрасна, подруга Моя, говоритъ Ей Женихъ,—какъ Ты прекрасна! Очи Твои голубиныя (1, 14.). Голубица Моя, сидящая въ ущеліяхъ скалы, подъ кровомъ утеса! Дай Миѣ увидѣть лице Твое, дай миѣ услышать голосъ Твой, ибо голосъ Твой пріятенъ, и лице Твое прекрасно (2, 14.). Отвори Миѣ, сестра Моя, подруга Моя, голубица Моя, чистая Моя (5, 2). См. еще 4 гл. 1 ст. 2 гл. 10 ст. 6 гл. 8 ст.

43. «Царево Сѣдалище». Акаѳ. икосъ 1-й.

Сынъ царя Израильскаго Давида, Соломонъ, въ одномъ изъ отдѣленій дворца своего устроилъ притворъ судилища, или судебную палату, гдѣ рѣшались важныя государственныя дѣла. Въ ней стоялъ облеченный чистымъ золотомъ изъ сло-

в) *Ελεημονα* отъ *ελεος* милость. Примѣтно, что пѣснопѣ-вецъ къ названію Христа милостивымъ хотѣлъ примѣнить названіе суща *масличнаго*, ибо маслина по гречески *Ελαιος*.

новой кости престоль для възсѣданія царя, възвышавшійся надъ сѣдалищами прочихъ судей на шесть степеней (3 Цар. 7, 7; 10, 18. и слѣд. слич. Псал. 121, 5.).

Вмѣстивъ въ утробѣ своей Первообразъ Соломона, Царя неба и земли (Лук. 1, 32—33. 2 Цар. 7, 12 и слѣд.), Господа Иисуса Христа, Пресвятая Дѣва Марія не содѣлалась ли для Него живымъ и одушевленнымъ Сѣдалищемъ, подобнымъ тому, какое устроилъ для себя Соломонъ? Сѣдалище Соломона было облечено чистымъ золотомъ. Не облечена ли была и Пресвятая Дѣва Марія чистымъ золотомъ благодати Святаго Духа? Шестъ степеней вели къ сѣдалищу Соломона. Не чрезъ многія ли также ступени благодатнаго возхожденія и Пресвятая Дѣва Марія дошла до того, чтобы сдѣлаться Сѣдалищемъ небеснаго Соломона? На шесть степеней сѣдалище Соломона возвышалось надъ сѣдалищами прочихъ судей. И Сѣдалище Небеснаго Соломона — Пресвятая Дѣва Марія, явилась гораздо выше херувимовъ служащихъ престолами Царю славы. «Богомудрые родители Богоматери получили достойный Бога небесный даръ,—Сѣдалище (Бога), превысшее самихъ херувимовъ, родительницу Слова и Создателя» (1 Кан. Рожд. Богор. пѣс. 6, троп 2.).

4/4. «Море, потопившее Фараона мысленнаго»
Акаѳ. икосъ 6.

Чермное море, потопившее египетскаго Фара-

она (Исх. 14, 28.), прообразовало Пресвятую Дѣву Марію, Неистошное Море благодати (1 Кан. введенія во хр. Прес. Бог. пѣс. 1, троп. 1.), потопившее князя власти воздушныя (Еф. 2, 2.), мысленнаго Фараона.

Море потопило Фараона, чрезъ простертіе на него чудодѣйственнаго жезла, находившагося въ рукѣ Моисея (—ст. 26—27.): Пресвятая Дѣва Марія потопила сатану, также чрезъ простертіе на Нее чудодѣйственнаго Жезла (Ис. 11, 1.), находившагося въ дѣсницѣ Отца Небеснаго (Ис. 48, 13;—53, 1. Іоан. 1, 18.), то есть, чрезъ низшествіе въ утробу Ея и рожденіе отъ Нея Единороднаго Сына Божія, Господа Иисуса Христа. Чрезъ простертіе на море Моисеева жезла, — оно было погибельно для фараона, а для странствовавшихъ Евреевъ чрезъ тотъ же самый жезлъ оно было напротивъ спасительнымъ. Евреи шли по морю, какъ по суху; воды моря раздвинулись для нихъ на обѣ стороны, возвысились и отвердѣли на подобіе стѣны (Исх. 14, 16. 21—22; 15, 8.). Тоже самое надобно сказать и о Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Чрезъ рожденіе Господа, Она служитъ для сатаны — жестокаго фараона моремъ погибели; — для вѣрующихъ же въ Господа, истинныхъ Израильтянъ, почитающихъ себя странными и пришельцами на земли (Евр. 11, 13. Рим. 9, 6—8.), служитъ моремъ спасенія, твердою и непреоборимою стѣною, защищающею и охраняющею ихъ въ странствіи отъ

враговъ видимыхъ и невидимыхъ. «Яко стѣну прибѣжище стяжахомъ, и душъ всесовершенное спасеніе, и пространство въ скорбехъ, Отроковице»).

Въ черномъ морѣ, чудесно проведемъ Евре-евъ и потопившемъ фараона, по ученію святыхъ Церкви, — преднаписанъ также образъ безмужнаго рожденія Пресвятою Дѣвою Маріею Господа. «Въ чернѣмъ мори неискусобрачныя Невѣсты образъ написася иногда. Тамо Моисей, раздѣлитель воды: здѣже Гавріиль, служитель чудесе. Тогда глубину шествова немокренно Израиль: нынѣ же Христа роди безсѣменно Дѣва. Море, по прошествіи Израилевѣ, пребысть неприходно: Непорочная, по рождествѣ Еммануилевѣ, пребысть нетлѣнна (Ирмол. Богородичень гласа 5-го)»).

44. «Камень, напоивцій жаждущихъ жизни»
Акаѳ. Икосъ 6.

Когда странствовавшіе Евреи остановились въ пустынѣ Рафадинѣ, то ощутили большой недостатокъ въ водѣ. По повелѣнію Божию, Моисей ударяетъ чудодѣйственнымъ жезломъ своимъ въ камень горы Хорива, — и вода истекаетъ изъ него въ количествѣ, достаточномъ для всего сонма (Исх. 17, 1—6.). До пришествія въ міръ Спасителя, — большая часть человѣчества изсыхала отъ бесплоднаго зноя языческаго идолопоклонства и суевѣрія и готова была, подобно евреямъ въ безводной пустынѣ, духовно погиб-

нуть отъ жажды живыя воды — спасительныя благодати (Ис. 55, 1. Иоан. 4, 13—14.). По благоволенію Божию, нехотящему духовной смерти людей (Іез. 33, 11),—отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, какъ изъ камня горы Хорива, чрезъ удареніе въ Нее, то есть чрезъ снисшествіе въ утробу Ея и рожденіе отъ Нея Чудодѣйственнаго Жезла—Господа Иисуса Христа, истекла вода живоносной благодати, могущая утолить жажду жизни вѣчной и спасенія всего человѣчества (Іоан. 7, 37—39.)¹⁾.

46. «Земля обѣтованія, изъ которой течеть медъ и млеко» Акаѳ. Икосъ 6.

Земля Ханаанская, занятая народомъ еврейскимъ, по Божию обѣтованію, изреченному отцамъ ихъ—Аврааму, Исааку и Іакову (Быт. 12, 7; 15, 7. Второз. 9, 5.), земля, названная, по изобилію своихъ плодовъ, Самимъ Господомъ «кипящею медомъ и млекомъ» (Исх. 3, 8. Слич. Второз 8, 7.), — по ученію святыя Церкви,

г) Святой ап. Павелъ подъ чувственнымъ образомъ камня, утолившаго жажду евреевъ въ безводной пустынѣ, созерцаетъ не Пресвятую Дѣву Марію, а Самаго Господа Иисуса Христа. 1 Кор. 10, 4. Не противорѣчитъ ли святому апостолу церковь, относя наименованіе камня къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи? Нѣсколько. Пресвятая Дѣва Марія, какъ мы видѣли, содѣлалась камнемъ живоносной воды для человѣчества не Сама по Себѣ, а чрезъ Господа Иисуса Христа, потому и „канемъ, наповнившимъ жаждущихъ жизни“ именуется св. церковію, только по отношенію къ Господу Иисусу Христу,—какъ Матерь Его по плоти.

предызображала таинственную землю обѣтованія Божія (Быт. 3, 15.),—пресвятую Дѣву Марію, источившую, чрезъ произращеніе божественнаго класа—Христа (Кан. пѣс. 3, троп. 1.),—медь и млеко неистоцимыхъ духовныхъ благъ. «Радуйся, нива, возвращающая многоплодіе щедротъ» (Акаѳ. икосъ 3.) .

Въ книгѣ «Пѣсь Пѣсней» таинственная Невѣста представляется источающею также медь и млеко: «сотовый медь капаеть изъ устъ Твоихъ, Невѣста; подъ языкомъ Твоимъ медь и молоко» (—4, 11.).

47. «Одежда нагихъ дерзновенія» (одежда дерзновенія для нагихъ, или ясенѣ, по другому переводу,—одежда для тѣхъ, которые, какъ обнаженные, лишены дерзновенія). Акаѳ. икосъ 7.

Кто это, какъ обнаженные, лишены дерзновенія? Это согрѣшившіе праотцы Адамъ и Ева, а въ лицѣ ихъ и всѣ люди. Какъ только праотцы преступили заповѣдь Божию, вкусили отъ запрещеннаго плода, то тотчасъ увидѣли себя лишенными одежды нравственной красоты и совершенства и, какъ обнаженные, потеряли прежнее дерзновеніе являться предъ лице Божіе и бесѣдовать съ Богомъ. «И отверзошася очи обѣма, и разумѣша, яко нази бѣша, и сниста листовіе смоковное, и сотвориша себѣ препоясанія. И услышаста гласъ Господа Бога, ходяща въ рай по полудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посреде древа рай-

скаго. И призва Господь Богъ Адама и рече ему. Адаме, гдѣ еси? И рече ему: гласъ слышахъ Тебе ходяща въ рай, и убояся, яко нагъ есмь и скрыхся» (Быт. 3, 7—10.). Отъ согрѣшившихъ праотцевъ, по естественному порядку природы, духовная нагота перешла и на все чело-вѣчество. Оно чѣмъ болѣе умножалось, тѣмъ болѣе удалялось отъ Бога, и глубже погружалось въ бездну духовной смерти (Рим. 5, 12.) и погибели. Собственными силами возстать изъ сей бездны, облечься въ первобытное совершенство, какъ духовно мертвые, люди не могли. Требовалась для сего сила высшая, сила Божественная. Она и явилась. Единородный Сынъ Божій, единосущный Богу Отцу, низходитъ въ утробу Предочищенной отъ всего грѣховнаго Духомъ Святымъ дщери челоувѣческой — Дѣвы Маріи, заимствуетъ отъ Нея Себѣ плоть, раждается и возрастаетъ, какъ челоувѣкъ, со всѣми его немощами, кромѣ только грѣха, испытываетъ на себѣ за челоувѣчество всю кару гнѣва Божія за грѣхъ, терпитъ крестныя страданія и смерть и, внолнѣ удовлетворивъ тѣмъ разгнѣванному за грѣхъ правосудію Божію, со славою воскресаетъ и въ лицѣ своемъ, какъ Богочелоувѣкъ, со славою воскрешаетъ и все, духовно умершее челоувѣчество, облакаетъ его въ первобытную одежду чистоты и непорочности, приближаетъ къ Богу и соединяетъ съ Нимъ (Іоа. 17, 21). Посему и пресвятую Дѣву, отъ которой родился Сынъ

Божій, облекшій духовнообнаженное челоѣчество въ первобытную славу, св. церковь именуется одеждою дерзновенія обнаженныхъ, — потому что она доставила людямъ, или возвратила имъ, чрезъ Божественнаго Сына Своего, первобытную одежду нравственной красоты и совершенства, въ которой они не постыдятся уже, подобно согрѣшившимъ праотцамъ, приближаться къ Богу и, въ слѣдствіе того, будутъ духовно живы и вѣчно блаженствовать. «Радуйся, чрезъ которую мы облечены славою (Акао. Икосъ 4).» — «Мы, прежде обнаженные чрезъ обольщеніе, облечены въ одежду нетлѣнія чревоношеніемъ твоимъ (Кан. пѣс. 8, троп. 3).»

48. «Столпъ дѣвства.» Акао. икосъ 10. «Непоколебимый столпъ церкви.»—Икосъ 12.

Въ книгѣ: «Пѣснь пѣсней» Таинственная невѣста, въ знакъ внутренней ея силы и непобѣдимости, неоднократно представляется подь образомъ столпа. См. 4, 4; 7, 4; 8, 10. Пресвятая Дѣва Марія именуется въ акаоистѣ «столпомъ дѣвства,»—какъ чудная и безпримѣрная въ родѣ челоѣческомъ Дѣва, какъ первая изъ дочерей челоѣческихъ, явившая міру со всею ясностію красоту и достоинство дѣвственнаго цѣломудрія. Она же именуется «непоколебимымъ столпомъ церкви,» какъ родившая того, силою Котораго никакія усилія челоѣческія, даже самыя врата адавы (Мѡ. 16, 18.) не могутъ одолѣть основанной имъ Святой церкви.

49. «Баня (умывальница), омывающая совѣсть.» Акаѳ. Икосъ 11.

Въ первомъ отдѣленіи устроенной Моисеемъ скиніи свидѣнія— между олтаремъ жертвоприношеній и самою скиніею находилась мѣдная умывальница, изъ которой жрецы омывались предъ начатіемъ своего служенія (Исх. 40, 30 — 32). Умывальница сія, по ученію святыхъ церкви, предъизображала Пресвятую Дѣву Марію. Чрезъ рожденнаго отъ Нея Господа Иисуса Христа, установителя бани паки бытія (Тит. 3, 5), духовные іереи, всѣ увѣровавшіе въ Господа (Апок. 1, 6), предъ входомъ въ составъ тѣла Церкви Христовой на служеніе Господу,—омываются въ купѣли крещенія, подобно какъ и ветхозавѣтные жрецы омывались изъ умывальницы предъ началомъ своего служенія,—только не отъ нечистоты тѣлесной, какъ жрецы, а отъ нечистоты очерненной грѣхами совѣсти (1 Кор. 6, 11).

30. «Чаша, черплющая радость.» Акаѳ. Икосъ 11.

Наименованіе это, можно думать, заимствовано изъ 2 стиха 7 главы книги: Пѣснь пѣсней, гдѣ чрево Таинственной невѣсты именуется круглою чашею, въ которой не истощается ароматическое вино. Чрезъ рожденіе Господа Спасителя чловѣковъ, Пресвятая Дѣва Марія, по истинѣ, содѣлалась чашею, пзъ которой каждый мѣрою своей вѣры и усердія можетъ брать потребное себѣ количество вина духовнаго веселія и радости. «Радости мое сердце исполни Дѣво, Яже

радости пріємная исполненіе, грѣховную печаль потребляющіи (молеб. кан. пѣс. 9, троп. 2).»

51. «Святая Святыхъ большая» (высшая Святаго Святыхъ, — или: святостію превышающая Святое Святыхъ) — Икосъ 12.

Именемъ «Святая Святыхъ,» то есть священнѣйшимъ мѣстомъ называлось въ Ветхомъ Завѣтѣ третіе, главнѣйшее отдѣленіе Скиніи, гдѣ хранился ковчегъ Завета. Оно доступно было одному только архіерею, и то только однажды въ годъ, когда нужно было ему приносить очистительную жертву за грѣхи свои и грѣхи народа (Лев. гл. 16).

«Святая Святыхъ» предъизображало Богопріемное чрево Пресвятыя Богородицы, куда единою вошелъ безсѣменно Архіерей грядущихъ благъ — Господь Иисусъ Христосъ, чтобы Самого Себя предуготовить въ очистительную жертву за грѣхи всего міра (Евр. 9, 11—12). Сколько Господь Иисусъ Христосъ превосходитъ ветхозавѣтнаго первосвященника и сколько очистительная жертва Его за грѣхи міра выше ветхозавѣтной очистительной жертвы: столько, безъ сомнѣнія, и Пресвятая Богородица выше ветхозавѣтнаго «Святаго Свхтыхъ» (Евр. 9, 13—14). «Радуйся, взываетъ къ Пресвятой Богородицѣ св. Андрей Критскій, — «нерукодѣланная сѣнь и Богодѣланная, въ нюже единою на кончину вѣковъ Единъ Богъ и Слово и первый первосвященникъ вниде, юже выше всѣхъ въ тебѣ тайно тайную

священно-дѣйствовавъ службу.» (См. въ книгѣ: Величіе Пресв. Богор. стр. 229).

52. «Ковчегъ, позлащенный Духомъ». Икосъ 12.

Важнѣйшую принадлежность отдѣленія Скинии: «святая святыхъ» составлялъ ковчегъ завѣта или, иначе именуемый, кивотъ свидѣнія,—ящикъ, содержавшій въ себѣ двѣ скрижали Закона Божія. Онъ сдѣланъ былъ, по повелѣнію, Божию, изъ дровъ негніющихъ и позлащенъ внѣ и внутри золотомъ чистымъ (Исх. 25, 10—11. слич. — 40, 20). По ученію святыхъ церкви,—кивотъ свидѣнія Божія прообразовалъ позлащенную Духомъ Святымъ и никогда негнившую Своею дѣвственностію — Пресвятую Дѣву Марію, вмѣстившую въ себѣ не скрижали Закона, а самаго законодателя. «Ковчегъ, божественнымъ Духомъ позлащенный, Пречистая показася, не скрижали носящъ закона, но Христа Господа, Егоже законъ и пророцы древле предвозвѣстиша (Октоиха глас. 3-го кан. покаяненъ Иисусу, пѣс. 1 Богородичень).»

«Ты, Богоневѣста, какъ золотой кивотъ, воспріими нынѣ подателя закона, благоволившаго чрезъ Тебя избавить тлѣнное существо человѣческое (Кан. на Благов. пѣс. 7, трап. 4)». «Благость Твоя Христе, покрыла небеса; ибо изшедши изъ Кивота святыхъ Твоей не врежденный Матери, Ты явился въ храмъ славы Твоей, какъ носимый на рукахъ младенецъ, и все наполнилось хвалою Тебѣ (кан. на Срѣт. Гос. пѣс. 4, ирм.).»

Когда царь Давидъ возжелалъ перенести Кивоть свидѣнія Божія въ созданный имъ новый городъ Іерусалимъ и для сей цѣли Кивоть былъ везень, по подражанію Филистимлянамъ, на колесницѣ, а не несень, какъ бы слѣдовало, на раменахъ левитовъ: то тотчасъ оказалось, что руки непосвященныхъ не должны дерзновенно касаться священнаго Кивота Божія. Нѣкто, именемъ Оза, неприванный къ левитскому служенію, дерзновенно коснулся его, хотя съ благонамѣренною цѣлію предохранить его отъ паденія; но вмѣсто того самъ палъ бездыханень (2 цар. 6, 6—7). Подобное случилось и съ одушевленнымъ Кивотомъ Божиимъ—Пресвятою Дѣвою Марією. Когда, по блаженномъ успеніи Ея, Святые Апостолы—новые Левиты несли одръ съ пречистымъ тѣломъ Ея, для погребенія, чрезъ Іерусалимъ въ селеніе Геѡсиманію, одинъ изъ Іудейскихъ священниковъ, по имени Аѡній, принадлежаващій къ числу вѣрующихъ въ Господа, проходя случайно путемъ тѣмъ, съ неистовою яростію устремился къ одру съ злонамѣренною цѣлію низверзнуть на землю Пречистое тѣло Богородицы. Но какъ только его дерзкія руки хотѣли коснуться одра, то тотчасъ невидимымъ дѣйствіемъ правосудія Божія были отсѣчены до локтей, прильнули къ одру и повисли (см. подробности о семъ въ книгѣ: «величіе Пресв. Богородицы»—стр. 211 и слѣд.). «Злодѣйственныя руки дерзкаго не уمدлило поразить отсѣ-

ченіемъ правосудіе Бога, оградившаго божественною славою честь одушевленнаго Кивота, въ которомъ Слово сдѣлалось плотію (1 Кан. на Успеніе Прес. Богор. пѣс. 3, троп. 2).» «Рука не посвященныхъ отнюдь да не касается одушевленнаго Кивота Божія» (Кан. на благов. пѣс. 9, ирм. см. еще 1 кан. на введеніе во храмъ Пресв. Богор. пѣс. 9, ирмось).

Во второмъ храмѣ Іерусалимскомъ не было священнаго Кивота Божія: но онъ былъ болѣе и не нуженъ. Его вскорѣ замѣнилъ Одушевленный Кивотъ Божій—Пресвятая Дѣва Марія.

«Никакой языкъ не въ силахъ восхвалить по достоинству, и даже горній умъ недоумѣваетъ: какъ воспѣть Тебя, Богородица; но какъ благая, прими вѣру, и любовь нашу божественную Ты знаешь: ибо Ты предстательница христіанъ; Тебя мы величаемъ (1 Кан. на Богоявл. Госп. пѣс. 9, Ирмось).»

Діаконъ Николай Воиновъ.

О ХРИСТИАНСКОМЪ ДѢВСТВѢ.

Въ наше время, при распространеніи ложныхъ ученій, уничижающихъ достоинство души человѣческой, затмѣвающихъ истинную цѣль нашей земной жизни, потворствующихъ чувственности и ея страстямъ,—многія христіанскія добродѣтели понимаются превратно, многія совѣтъ отвергаются, какъ излишнія и несоотвѣтствующія природѣ человѣческой. Безпрестанно слышатся кривыя сужденія и рѣзкіе нападки на уединенную, созерцательную жизнь, на посты и бдѣнія, на продолжительные молитвенные труды и особенно на христіанское цѣломудріе и дѣвство. Христіанскую дѣвственную жизнь многіе не только отрицаютъ и порицаютъ, какъ противную нашей природѣ, но и смѣются надъ ней, какъ надъ трудомъ безцѣльнымъ, искажающимъ челоѣка, обращающимъ его въ состояніе дикости и отчужденности отъ общества; самихъ дѣвственниковъ называютъ добровольными и напрасными мучениками, врагами своего здоровья, преступниками противъ законовъ* ихъ собствен-

ной природы и законовъ человѣческаго обществія. Между тѣмъ, по ученію слова Божія и Церкви, дѣвственная жизнь представляетъ прямой и вѣрный путь къ христіанскому совершенству; дѣвство высоко цѣнится и восхваляется въ твореніяхъ великихъ подвижниковъ и учителей церковныхъ; сами дѣвственники являются великими и плодотворными дѣятелями въ исторіи церкви. При этомъ порицанія дѣвственной жизни, слышимыя въ наше время, для чувства здравогомыслящаго христіанина, понимающаго ея достоинство, становятся оскорбительными и возмутительными. Всего прискорбиѣе то, что многіе изъ православныхъ христіанъ отрицаютъ великое нравственное значеніе и высокое достоинство этой добродѣтели не потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ имѣли какія либо убѣжденія противныя ученію церкви, а просто потому, что сами лѣнятся узнать основательно церковное ученіе какъ объ этомъ, такъ и о другихъ предметахъ, и, не подумавши хорошо о дѣлѣ, повторяютъ чужія мысли и чужія слова. Если бы они потрудились узнать основательно то, на что нападаютъ, то имъ самимъ стало бы стыдно тѣхъ возраженій и насмѣшекъ, которыя они съ чужаго голоса такъ легкомысленно повторяютъ.

Лучшій способъ убѣдиться въ высокомъ достоинствѣ христіанскаго дѣвства, какъ и всякой христіанской добродѣтели, это вникнуть, въ какомъ видѣ, и въ какомъ духѣ она предлагается

христіанскимъ ученіемъ, какая ея цѣль и какіе плоды для блага людей пріобрѣтаются отъ ея правильнаго и полнаго обнаруженія въ жизни.

Что такое дѣвство? Дѣвствомъ прежде всего называется естественное состояніе человѣка, предшествующее браку, когда человѣкъ не только не испыталъ таинъ брака, но и не чувствуетъ влеченія узнавать ихъ. Въ этомъ смыслѣ все дѣти — дѣвственники. Но очевидно, что такъ какъ это состояніе есть естественная принадлежность ихъ возраста, а не плодъ ихъ свободной дѣятельности: то и дѣвство младенчества не есть добродѣтель, не есть подвигъ, который бы можно было поставить дѣтямъ въ особенную заслугу и признать достойнымъ особенной награды отъ Бога. Дѣвство, какъ христіанская добродѣтель, какъ подвигъ, является тогда, когда человѣкъ въ возрастѣ, болѣе или менѣе располагающемъ къ супружеской жизни, рѣшается соблюсти дѣвство, несмотря ни на влеченія и требованія плоти, ни на обычай, ни на пріятности и нужды общественной жизни. Но тотъ заблуждается, кто полагаетъ только въ этомъ сущность дѣвства. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, поэтому и отреченіе его отъ брачнаго союза не есть еще истинное и совершенное дѣвство. Дѣвство тѣла есть, такъ сказать, половина дѣла, и притомъ не главная. Совершенное дѣвство состоитъ въ чистотѣ и непорочности не только тѣла, но преимущественно души. Св.

Меѳодій объ этомъ такъ говорить: «не тѣло только должно соблюдать нерастлѣннымъ, нужно заботиться и о душѣ и украшать ее праведностью» ^{а)}. Такъ и должно быть: потому что цѣль всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей заключается въ томъ, чтобы чрезъ нихъ постоянно стремиться и приближаться къ Богу. Но очевидно, что это стремленіе и приближеніе къ Богу можетъ и должно совершаться единственно только въ душѣ человѣка. Поэтому дѣвство тѣла только помогаетъ этому стремленію души къ Богу, только отнимаетъ и устраняетъ препятствія, мѣшающія человѣку приближаться къ Богу, но одно само по себѣ еще не приближаетъ къ Нему. «Какая польза, скажемъ словами блаж. Діадоха, сохранившему тѣло свое дѣвственнымъ, когда душу его растлѣваетъ демонъ непослушанія? Или какъ получить вѣнецъ тотъ, кто подавилъ въ себѣ чревонеистовство и всякую тѣлесную похоть, а самомнѣніе и самолюбіе оставилъ безъ вниманія» ^{б)}? Поэтому въ дѣвственникѣ все должно быть дѣвственно—чисто, свято и непорочно. Глаза дѣвственника должны быть постоянно устремлены на созерцаніе прекраснаго, въ коемъ отражается красота божественная; его уши должны единственно внимать глаголамъ вѣчной жизни;

а) Тв. св. От. въ русс. пер. изд. при Моск. Дух. Акад. г. 1. кн. 3. „о дѣвственникахъ христіанскихъ“.

б) Хр. Чт. 1827 г. ч. XXVIII, стр. 38. гл. 43.

воображеніе должно заниматься только чистыми и святыми образами; умъ долженъ быть занятъ Богомъ и Его великими дѣлами. Св. Златоустъ говорить: «дѣва должна быть непорочна не тѣломъ только, но и душою, если хочетъ принять Святѣйшаго Жениха. Ибо дѣву дѣлаеть дѣвственницею не одна безбрачная жизнь, но непорочность, цѣломудріе, уединеніе отъ всѣхъ, пребываніе въ молитвѣ, воздержаніе отъ сластолюбія и роскошнаго питанія. Хотя тѣло дѣвы пребываетъ непорочно, но если главнѣйшая часть, т. е. душевныя ея мысли оскверняются: что пользы, когда, по разореніи храма, остается ограда» г)?

Но такъ какъ всякая добродѣтель имѣеть свои возрасты по отношенію къ чистотѣ и возвышенности; то и дѣвство имѣеть свои степени совершенства. Объ этомъ св. Іоаннъ Лѣстничникъ такъ говоритъ: «начало непорочности—неоизволеніе на помысль и безмечтанная по временамъ изверженія. Среднее состояніе непорочности—естественныя движенія при обилии яствъ, только безъ мечтаній и изверженій происходящія. Совершенная же чистота—мертвенность тѣла по предварительномъ омертвѣніи помысловъ, чтобы тѣмиже очами смотрѣть какъ на одушевленные, такъ и на бездушныя вещи, какъ на людей, такъ и на безсловесныхъ животныхъ.

г) Нрав. на 2 Тимоѳ. кн. о дѣвствѣ гл. 5.

Великъ человекъ, который при случаѣ прикосновенія къ чужому тѣлу не чувствуетъ смущенія; болѣе, кто, возрѣвъ на женскую красоту, происходящій отъ возрѣнія сего пламень погашаетъ воображеніемъ красоты небесной. Кто сладострастное вовсе уничтожилъ, тотъ, и въ смертной еще будучи плоти, воскресъ изъ гроба» г). Примѣръ такой высокой чистоты дѣвства представляетъ намъ Симеонъ Христа ради юродивый. Его спросилъ однажды наединѣ Іоаннъ (которому онъ во всемъ открывался): «отче, что чувствовала плоть твоя, когда ты былъ въ женской банѣ и при томъже среди нагихъ женщинъ»? Симеонъ сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, братъ, что я былъ среди ихъ, какъ дерево среди деревьевъ, и неощущалъ, что имѣю тѣло, ниже помышлялъ, что вошелъ къ тѣламъ, но весь умъ мой обращенъ былъ къ созерцанію дѣлъ божественныхъ» д). Св. Іоаннъ Лѣствичникъ приводитъ подобный же примѣръ высочайшей степени чистоты: «нѣкоторый человекъ, увидѣвъ однажды красивую женщину, вмѣсто того, чтобы прельститься ея красою, началъ прославлять и чудиться премудрости Создавшаго столь прекрасное твореніе, и возрѣвъ на нее возгорѣлъ чистѣйшею любовью къ Богу, проливая теплыя слезы. Чудное приключеніе! То, что

г) Лѣств. ст. 15, листъ 72, 73, изд. 1836 г.

д) Четьи-Миней. Іюля 21.

другому могло быть ровомъ погибели, сему сверхъестественно сдѣлалось вѣнцемъ славы» е).

Изъ сказаннаго видно, въ чемъ состоитъ христіанская добродѣтель дѣвства. Это есть *цѣломудріе безбрачной жизни*. Вѣнцѣмъ, или отрицательную сторону дѣвства составляетъ жизнь безбрачная—совершенное воздержаніе отъ всего дозволяемаго въ жизни супружеской; а внутреннюю, положительную сторону дѣвства составляетъ *цѣломудріе*, такая добродѣтель, которая, обуздывая чувственныя пожеланія и покаяя ихъ разуму, хранитъ въ чистотѣ душу и тѣло.

Дѣвство есть добродѣтель чадъ церкви Христовой, добродѣтель новозавѣтная. До Иисуса Христа человечество не знало ея. Въ самомъ Богоизбранномъ народѣ, въ ветхозавѣтной церкви, хотя и были примѣры добровольнаго дѣвства, хотя, по свидѣтельству бл. Іеронима ж), дѣвственникъ былъ Ілія, дѣвственникъ былъ Елисей, однакожъ высокій подвигъ дѣвства для чадъ ветхозавѣтной церкви не былъ ни общеизвѣстнымъ, ни достожелаемымъ, и поэтому дочь Іефоя, отказавшаяся отъ супружеской жизни для исполненія обѣта отца своего, два мѣсяца оплакивала дѣвство свое съ своими подругами (Суд. 11, 38. 39.). Это потому, что народъ еврейскій, еще несвободный отъ чувственныхъ понятій о

е) Св. Лѣств. степ. 15, листъ 78 на обор.

ж) Hieron. Epist. XXII, ad Eustoch.

предметахъ духовныхъ, не могъ дойти до той высоты нравственнаго совершенства, на которую въ послѣдствіи возвела христіанъ благодать Господа нашего Иисуса Христа. Григорій Богословъ разсуждаетъ объ этомъ такъ: «какъ живописецъ, изображая на картинѣ подобія вещей бездушныхъ, сперва легкими и неясными чертами отѣняетъ образъ, а потомъ выводитъ полное изображеніе разными красками: такъ и дѣвство, постоянно присносущаго Христа, являлось прежде въ маломъ числѣ людей, и пока царствовалъ законъ, отѣняемое слабыми красками, въ немногихъ чертахъ просіявало свѣтомъ» ³⁾. Въ новомъ же Заветѣ основаніе дѣвственной жизни положилъ самъ Подвигоположникъ Иисусъ Христосъ. «Господу, говоритъ св. Меѳодій, предоставлено преподавать сіе ученіе (о дѣвствѣ) людямъ: поелику Онъ одинъ, пришедъ на землю, научилъ возноситься къ Богу. Архіерею и Главѣ пророковъ прилично именоваться и главою дѣвственниковъ» ⁴⁾. «Иисусъ Христосъ, говоритъ другой учитель церкви, дѣвственная слава сый, не только рожденный отъ Бога безначально, но и какъ человекъ, подобный намъ, но высшій насъ, воплотившійся отъ Дѣвы безъ мужа, показалъ въ Себѣ Самомъ истинное и всесовершенство

3) Тв. Гр. Бог. ч. V, стр. 56.

4) Тв. св. От. въ русс. пер. годъ 1-й кн. 3 приб.: „о дѣвственникахъ христіанскихъ“.

ное дѣвство. Посему-то Онъ Самъ научилъ сему самымъ дѣломъ, хотя и неположилъ закономъ: ибо не вси вмѣщаютъ, какъ Онъ говоритъ» ¹⁾).

Другой чистѣйшій образецъ дѣвства мы видимъ въ пренепорочной Дѣвѣ Маріи. «Первая Дѣва Божія есть преблагословенная Марія. Въ непорочности младенческой бывъ посвящена Богу на всегдашнюю чистоту, она сдѣлалась навсегда непоколебимымъ основаніемъ ангельской на землѣ жизни» ^{к)}). «Съ того времени, какъ Дѣва содѣлалась Божіею Матерью, говоритъ Григорій Богословъ, уже открытымъ образомъ стали провождать безбрачную жизнь» ^{л)}).

Послѣ примѣровъ Главы дѣвственниковъ Иисуса Христа и пресвятой Дѣвы Маріи могутъ служить примѣрами Іоаннъ Предтеча, апостолы Іаковъ, Іоаннъ Богословъ, Павелъ. Объ Іоаннѣ Предтечѣ Іосифъ Флавій повѣствуетъ, что онъ былъ Илія по образу жизни и благочестивой ревности дѣвственника ^{м)}). О св. Іаковѣ свидѣтельствуемъ Егезиппъ, палестинскій писатель (2 в.), что онъ, посвященный Богу отъ чрева матери, не вкушалъ вина, не питался мясами животныхъ, не намащалъ тѣла своего елеемъ; колѣна его отъ частыхъ колѣнопреклоненій предъ Богомъ въ

1) Opera S. Damasceni. Orthod. fidei. Lib. IV, cap. XXV.

к) Хр. учен. о дѣвствѣ Высокопр. Филарета М. М.

л) Opera S. Gregor. Nasianz. Tom. II. *σὺγκρισις βίων* p. 220.

м) Iosph. Antiquit. Lib. XVIII. c. 7.

молитвахъ за себя и за другихъ покрыты были наростами ^{н)}). Бл. Иеронимъ прибавляетъ къ этому, что Иаковъ соблюдалъ и дѣвство ^{о)}). Тотъ же уч. церкви свидѣтельствуемъ, что дѣвственникъ былъ Иоаннъ Богословъ, удостоенный особенной любви Господа и усыновленный Имъ Преподобной Дѣвѣ со креста. «Тебя (дѣвство), говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, возлюбилъ и св. евангелистъ Иоаннъ и за сіе удостоился возлежать на персяхъ Господа славы», или, какъ другой учитель говоритъ, «за сіе ему болѣе другихъ апостоловъ была отверста дверь къ таинствамъ небеснымъ» ^{п)}). А св. Апостолъ Павелъ самъ о себѣ свидѣтельствуемъ, что онъ былъ дѣвственникъ: «безбрачнымъ и вдовицамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я» (1 Кор. 7, 8). «Или не имѣемъ власти, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, имѣть спутницею сестру жену? Однако мы не воспользовались сею властію, но все переносимъ, дабы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову» (1 Кор. 9, 5. 12.).

Послѣ апостоловъ мы видимъ, что жизнь дѣвственная болѣе и болѣе распространялась Евсевій приводитъ свидѣтельства другихъ прежде

н) Apud Evseb. Hist. Eccles. Lib. 2, c. 23.

о) Advers. Iovian.

п) Opp. S. Ephr. Syr. T II. *παράιτεβις XXXVI περί αγγίας*.

р) Opp. S. Ambros. T. III. Institutiv virginitatis cap. VIII

него жившихъ писателей, о томъ, что сынъ и дочери Николая, также двѣ дочери Филиппа, этихъ двухъ изъ семи поставленныхъ апостолами діаконѡвъ, «состарѣлись въ дѣвствѣ» с). Между коринѡскими христіанами было также не мало дѣвственниковъ, какъ это видно изъ посланія св. Климента, епископа римскаго, писаннаго къ церкви Коринѡской послѣ кончины апостола Павла г). Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Филadelphійцамъ привѣтствуетъ цѣлое общество дѣвъ у).

Св. Іустинъ мученикъ, чтобы показать высоту правилъ и совѣтовъ, преподанныхъ Иисусомъ Христомъ своимъ послѣдователямъ, между прочимъ писалъ: «весьма многіе у насъ, того и другаго пола, сдѣлавшись учениками Христовыми еще въ дѣтствѣ и достигши теперь 60 или 80 лѣтъ, пребываютъ въ дѣвствѣ» ф). Аѡинагоръ также свидѣтельствовалъ, что «между христіанами много такихъ, которые до глубокой старости оставались безбрачными, находя въ семъ состояніи болѣе удобства угождать Богу» х). Тертуліанъ, убѣждая жену свою не вступать во второй бракъ послѣ его смерти, писалъ ей:

с) Hist. Eus. Lib. III, cap. 29, 31.

г) Epist. 1 ad Corinth. c. 39.

у) Посл. къ Филад. гл. 4.

ф) Аполог. I, гл. 18.

х) Legat. pro Christ § 32.

«посмотри на сестеръ нашихъ, которыхъ имена у Господа; не взирая ни на красоту, ни на возрастъ, онѣ предпочитаютъ святую чистоту супружеству, хотягь лучше быть невѣстами Божиими, для Бога прекрасными, для Бога дѣвами. Онѣ пріобрѣли себѣ навсегда благаго Господа, и на землѣ уже, по безбрачію, причисляются къ лику ангельскому. Сколько такихъ, которые прямо послѣ крещенія посвящаютъ плоть свою чистотѣ! Сколько такихъ, которые по взаимному согласію пресѣкаютъ супружескія отношенія—произвольные скопцы ради царствія небеснаго» ¹¹⁾! Во всѣ послѣдующія времена до настоящаго дѣвственная жизнь была такою же досточтимою и достоподражаемою добродѣтелію и сдѣлалась необходимымъ условіемъ жизни монашеской подвижнической. Съ какою же цѣлью ревностные христіане избирали и избираютъ дѣвственную жизнь? Почему она предпочитается жизни супружеской? Главная цѣль дѣвственной жизни заключается въ томъ, чтобы чрезъ освященіе духа и тѣла и чрезъ удаленіе отъ заботъ, соединенныхъ съ супружескою жизнью, беспрепятственнѣе служить Богу и угождать Ему. Эту цѣль указываетъ и апостоль Павелъ въ своемъ ученіи о дѣвствѣ. «Если и женишься, не согрѣшишь; и если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ. Но таковыя будутъ имѣть скорбь по плоти; а

11) Epist. ad uxorem, Lib. 1, p. 4, 6.

мнѣ васъ жаль» (1 Кор. 7, 28.). По изъясненію св. Амвросія, подъ именемъ скорби по плоти здѣсь разумѣются житейскія заботы и безпокойства, которыми неизбѣжно сопровождается жизнь супружеская и отъ которыхъ между тѣмъ освобождаетъ дѣвство, какъ-то: болѣзни рожденія, смерть дѣтей, или одного изъ супруговъ, заботы объ управленіи домомъ, о пріобрѣтеніи содержанія для семейства и пр». ^{ч)}). Съ другой стороны апостоль указываетъ на то великое преимущество дѣвства предъ супружествомъ, что дѣвственникъ имѣетъ полную возможность исключительно заниматься угожденіемъ Богу и дѣлами благочестія, между тѣмъ какъ связанный узами брака такой полной свободы для служенія Богу неимѣетъ: «я хочу, чтобъ вы были безъ заботъ. Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Есть разность между замужнею и дѣвицею: незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобъ быть святою и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу. Говорю это для вашей же пользы, не съ вѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія» (1 Кор. 7, 32—35.). Объ этомъ такъ разсуждаетъ одинъ изъ знаменитыхъ архипастырей и учите-

ч) Ambros. comment. in 7 c. 1 epist. ad. Corinth.

лей нашихъ: «предметы міра и суетности его, какъ бы ни были невинны, могутъ уязвить скромные взоры дѣвственника; разговоры мірскіе, хотя бы они были только праздные и пустые, могутъ содѣлать нечистыми уста его; излишняя плотская привязанность можетъ осквернить святость сердца его (Матѳ. 10, 37. 38.). Супругъ вѣрный или супруга вѣрная въ мірѣ стараются угодить другъ другу, и сіе угожденіе не предосудительно; ибо долгъ священнаго союза дѣлаетъ оное необходимымъ. Но посвятившій себя Христу, обязанъ угождать только Ему одному. Все, клонящееся не къ тому, чтобы заслужить любовь Христа и доказать Ему свою всепреданность, оскорбляетъ Его и нарушаетъ вѣрность, въ которой Ему клялся; словомъ: все, что не есть свято, небесно, будетъ осквернять дѣвственника». «Угожденіе Богу и для сего освященіе духа и тѣла есть цѣль подвижающихся въ дѣвствѣ. Кто бѣжитъ на поприщѣ дѣвственной жизни не къ сей цѣли: тотъ не къ вѣнцу бѣжитъ. Для того дѣвственникъ и удаляется отъ супружества, чтобы особенная склонность къ существу земному не задерживала и не кривила его стремленія къ Богу. По сему стремленію всею силою ума и любви къ Господу и по направленію всей дѣятельности къ благоугожденію Ему, дѣвствующая душа и называется невѣстою Небеснаго Жениха» ш). «Помни, говоритъ св.

ш) Уч. о дѣвствѣ Высокопр. Филарета, Митр. М.

Іоаннъ Постникъ, что сказалъ апостоль: «я хочу, чтобъ вы были безъ заботъ» (1 Кор. 7, 32) и чтобы пеклись только о царствіи небесномъ. Очи твои да будутъ всегда на небѣ, гдѣ и вождѣнный Женихъ твой. Уже ты теперь имѣешь залогъ жизни вѣчной и упокоенія, потому что ты не терпишь отъ безпутнаго мужа, не испытываешь болѣзней рожденія, на плачешь объ умершемъ дитяти, не заботишься, чтобы мужъ, отшедшій въ чужую сторону, скорѣе возвратился; ты свободна отъ чадорожденія и отъ чадопитанія. Иди вслѣдъ Жениха твоего Христа, ведущаго тебя въ царство небесное; слѣдуй за Нимъ по слову: *аще не послушаете Мене и пойдете по Мнѣ страну, и Азъ пойду съ вами страну*» (Лев. 27, 27. 28.) ш).

Такимъ образомъ, дѣвственная жизнь доставляетъ истинному христіанину полную возможность заняться однимъ дѣломъ,—угожденіемъ Богу и спасеніемъ души, между тѣмъ какъ жизнь супружеская поставляетъ этому великому дѣлу много не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ препятствій. Опытъ показываетъ, что кто предается неумѣренному чувственнымъ удовольствіямъ (а какъ много опасностей въ этомъ отношеніи представляетъ при нашей немощи жизнь супружеская!), тотъ расслабляетъ душу и тѣло. Раз-

ш) Хр. Чт. 1826 г. ч. XXIV. Св. Іоаннъ Постн. посл. къ дѣвѣ гл. 30, стр. 295.

слабленіе это бываетъ въ человѣкѣ причиною нерадѣнія, лѣности, унынія, что въ свою очередь влечетъ за собою помраченіе ума и усиленіе грѣховныхъ помысловъ; сердце грубѣетъ и, такъ сказать, плотянѣетъ. Напротивъ, кто воздерживается отъ чувственныхъ удовольствій, даже дозволенныхъ въ брачной жизни, отъ наслажденія пищею и питіемъ, изсушая тучность плоти, тотъ освобождаетъ духъ отъ огрубѣлости и чувственности, и облегчаетъ его дѣятельность,— пареніе къ небу. При воздержаніи человѣкъ становится бодрѣе, неутомимѣе въ подвигахъ, такъ что и самое тѣло, вмѣстѣ съ очищеніемъ духа утончаясь, такъ сказать, одухотворяется и возвращаетъ въ себѣ сѣмя нетлѣнія ^ъ). Св Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: «находящійся въ тѣлѣ и возшедшій на пятнадцатую степень благочестія, —цѣломудрія, ѿумерши воскресъ, и чрезъ сію нетлѣнность предвкусилъ уже начатки будущаго безсмертія» ^ы).

Кто воздерживается отъ удовольствій брачной жизни, умѣренъ въ пищѣ и питіи, тотъ, отнимая пищу у похоти, подавляетъ ее, и отрѣшая сердце отъ привязанности къ земному, какъ отъ тяжелыхъ оковъ, дѣлаетъ его болѣе способнымъ возлюбить красоту божественную. Это и естественно. Когда сердцу нечего любить и нечѣмъ

ъ) Ефр. Сир. сл. 19.

ы) Ст. 15, стр. 84.

услаждаться на землѣ, тогда въ немъ сильнѣе можетъ возбуждаться жажда небснаго и оно тѣмъ совершеннѣе можетъ любить Бога. Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: «не женатый, но обложенный путами мірскихъ дѣлъ, подобенъ имѣющему связанныя руки; а находящійся въ супружествѣ подобенъ носящему узы на рукахъ и ногахъ» ^{в)}). Св. Златоустъ говоритъ: «дѣвство можетъ насадить въ насъ добрый корень, произрастающій всѣ блага: свободу, мужество, горячую ревность, пламенную любовь къ небесному, презрѣніе всего земнаго» ^{г)}).

И между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ очищается сердце, умъ освобождается отъ страстей, очищается вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣтляется и взоръ ума на предметы духовные, и онъ удобнѣе можетъ возноситься къ созерцанію Бога. Отъ того-то у дѣвственниковъ мы видимъ такую сосредоточенность и ясность ума и глубокое разумѣніе таинъ вѣры. Это можетъ видѣть всякій, кто со вниманіемъ читалъ и изучалъ писанія отцевъ и учителей церкви. Поэтому-то св. Златоустъ говоритъ: «что сладчае дѣвства? что свѣтозарнѣе? Ибо блистательнѣйшія самыхъ солнечныхъ лучей непускаетъ сіянія, и, отлучивши насъ отъ всего житейскаго, свѣтлыми очами пріучаетъ созерцать солнце правды». «Оно

в) Ст. 1. стр. 5.

г) О дѣвствѣ гл. 18.

вдыхаетъ въ человѣковъ ангельскую радость» з). И Спаситель ясное видѣніе Бога усвояетъ преимущественно чистымъ сердцемъ (Матѳ. 5, 8.).

Далѣе, цѣломудріе дѣвства, подавляя волненія страстей, приводитъ душевныя силы во внутренній миръ и порядокъ, а отсюда проистекаетъ спокойствіе души, чистое удовольствіе и духовное веселіе, котораго нельзя выразить словами. «Ибо, по словамъ аввы Херемона, чувствовать и понимать достоинство онаго можетъ только тотъ, кто пріобрѣлъ совершенное цѣломудріе» ю). Въ справедливости этого можетъ убѣдиться и каждый, кому приводилось видѣть и бесѣдовать съ дѣвственникомъ.

Вслѣдствіе этого-то высокаго нравственнаго значенія дѣвства св. отцы съ такимъ глубокимъ уваженіемъ относились къ нему, что не находили, можно сказать, словъ, чтобы достойно восхвалить его. Св. Кипріанъ карфагенскій говоритъ: «дѣвственницы суть цвѣты въ вертоградѣ церкви, красота и благолѣпіе благодати, торжество природы, славнѣйшая часть стада Христова» я). Антоній Великій говоритъ: «дѣвство есть печать совершенства, подобіе ангеламъ, духовная и святая жертва; вѣнецъ, сплетенный изъ цвѣтовъ добродѣтели, благоухающая роза, оживляющая

я) О дѣвств. гл. 21.

ю) Cassian. collat. XII, cap. 12.

я) Сл. объ одеждѣ дѣвственницъ. Хр. Чт. 1825 г ч. XVIII.

всѣхъ, находящихся близъ нея, пріятнѣйшее благоуханіе Господу Иисусу Христу, великій даръ Божій, залогъ будущаго наслѣдія въ царствѣ небесномъ»^{е)}).

Св. Аванасіи Великій говоритъ: «о дѣвство! богатство неистоимое, вѣнецъ неувядаемый, храмъ Божій, жилище Св. Духа, драгоценная маргарита, радость пророковъ, слава апостоловъ, жизнь ангеловъ, вѣнецъ святыхъ»^{в)}). Св. Кириллъ Иерусалимскій говоритъ: «не неизвѣстна намъ будущая слава чистоты (дѣвства): ибо она есть ангельскій вѣнецъ, и добродѣтель выше чело-вѣка. Сохранимъ же тѣло, имѣющее просіять, какъ солнце»^{а)}). По словамъ св. Златоуста, «дѣвство есть дѣло столь великое и чудное, что превосходитъ всѣ человѣческія добродѣтели. Дѣвство украшало первыхъ чело-вѣковъ больше, нежели царей діадама и золотыя одежды». «Какъ драгоценное муро хотя и въ сосудѣ заключается, наполняя воздухъ благовоіемъ, исполняетъ пріятности не только находящихся внутри дома, но и близъ него стоящихъ: такъ и благовоіе дѣвственной души, напаяя чувства, показываетъ сокровенную внутри добродѣтель»^{б)}). Бл. Иеронимъ говоритъ: «какую бы ты ни стяжалъ добродѣ-

е) Писъм. 17 о дѣвствѣ.

в) Кн. о дѣвствѣ. Хр. Чт. 1833 г. ч. III.

а) Оглас. поуч. 12.

б) О дѣвст. гл. 7, 10, 17, 21, 63.

тель, въ какихъ бы подвигахъ ты ни упражнялся, но если не имѣешь чистоты цѣломудрія, то все какъ бы влечешься по грязи» в). «Цѣломудріе и кротость—херувимъ души», говоритъ пр. Ниль¹⁾. «Хочешь ли видѣть, какъ важно дѣвство? спрашиваетъ св. Златоустъ. Христось, когда пришелъ на землю, не принуждалъ къ нему никого; ибо, когда настоятельно требовалъ исполненія прочихъ добродѣтелей, дѣвства не требовалъ, предоставляя вѣнецъ тому, кто сохранить оное добровольно. По смыслу словъ Его, подвизающійся въ воздержаніи хранить оное. *Суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ чловѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Матѹ. 19, 12.), не отсѣченіемъ тѣлесныхъ членовъ, но отложеніемъ необузданныхъ похотей; *мойй вльстити да вльститъ* (ст. 13.). И Апостоль, когда перечисляетъ всѣ добродѣтели, сознавая неудобоисполнимость дѣвства, говоритъ: *о дввахъ повельнія Господня не имамъ, совѣтъ же даю* (1 Кор. 7, 25.)^{а)}. «Нѣтъ подвига болѣе дѣвства, говоритъ Оеогность; ведущему безбрачную жизнь удивляются самые ангелы: потому что сколько

в) Въ письмахъ.

г) Дух. мнѣн. § 18. Хр. Чт., 1827 г. ч. XXVII.

а) Св. Злат. сл. о постѣ и милостыни. Хр. Чт. 1830 г. ч. XXXVII.

трудоу и усилюу потребно, чтобы, состоя изъ плоти и крови, стремиться всегда непорочноу подражать невещественнымъ ангеламъ! И подлинно, столь велика и возвышенна сія добродѣтель, что почти кажется невозможною, какъ превышающая природу, если Господь свыше не поможетъ» е). «Чѣмъ отъ ангеловъ отличаются искренніе оныя любители дѣвства—Илія, Елисей, Іоаннъ? Ничѣмъ, кромѣ того только, что они облечены смертноу природоу. Видишь ли ангеловъ земныхъ? видишь ли силу дѣвства» ж)?)

И какъ высоко подвижники и св. отцы цѣнили дѣвство, такъ строго и соблюдали его. Нѣкоторые изъ любви и уваженія къ дѣвству лучше соглашались потерять все, даже самую жизнь, чѣмъ лишиться этой драгоценнѣйшей добродѣтели. Для примѣра укажемъ на св. Евфрасію. Она жила во времяна великаго гонителя христіанства Максиміана. За исповѣданіе имени Христа дѣвицу Евфрасію взяли подъ стражу и стали принуждать, чтобы она принесла жертву языческимъ богамъ. Но всѣ усилія мучителей оказались напрасными: они не могли поколебать мужества и твердости св. дѣвицы. Тогда ее отдали самому дерзкому и развратному воину въ незаконное супружество. Воинъ повелъ ее къ

е) Пр. Феогноста главы о дѣятельности, созерцаніи и священствѣ гл. 66. Хр. Чт. 1826 г. ч. XXIII, стр. 168.

ж) Злат. о дѣвств. гл. 79.

себѣ въ домъ. Юная дѣвица, помолившись въ сердцѣ своемъ Господу, хранителю невинности, чтобы Онъ соблюлъ ее отъ всякаго зла, приняла на себя веселый видъ и сказала своему незаконному жениху: «какъ супруга, я должна теперь открыть тебѣ все, что у меня на сердцѣ: я волшебница; знаю силу всѣхъ травъ, всѣхъ растеній. Ты какъ воинъ всегда подверженъ смерти: выслушай же отъ меня важнѣйшую тайну: у меня есть на примѣтѣ трава, которую имѣя при себѣ, ты будешь невредимъ противъ стрѣлъ и копій; но таже волшебная наука открыла мнѣ, что трава эта имѣетъ дѣйствіе только тогда, когда вручена будетъ отъ дѣвицы». Воинъ, радуясь такому полезному для него откритію, идетъ вмѣстѣ съ нею въ садъ; Евфрасія срываетъ какую-то траву и отдавая ему, говорить съ притворною ласковостью: «вотъ тебѣ лучшее отъ меня приданое!» «Чѣмъ же ты увѣришь меня въ истинѣ твоихъ словъ»? спрашиваетъ ее воинъ. «Опытомъ надъ моею головою, если тебѣ угодно, отвѣчаетъ Евфрасія, и—вдругъ обнаживъ шею, прикладываетъ къ ней мнимо-таинственную траву и говоритъ: «взмахни какъ можно сильнѣе мечемъ твоимъ и ударь меня; ты увидишь, что скорѣе сокрушится острая сталь, нежели сдѣлаешь мнѣ малѣйшій вредъ». Воинъ повѣрилъ, и глава Евфрасіи отлетѣла отъ шеи. Св. дѣвственница—мученица пала бездыханна. Идолопоклонникъ, поруганный невинностью,

заскрежеталъ зубами, а цѣломудренная дѣвица отошла къ Жениху небесному ^з).—Изъ многихъ примѣровъ, подобныхъ этому, приведемъ еще одинъ. Святая Евѳимія, дочь благороднаго и богатаго человѣка, именемъ Филофрона, за исповѣданіе Христовой вѣры представлена была предъ судилище въ числѣ сорока девяти другихъ христіанъ, которые окончили жизнь свою мученическою смертію. По св. Евѳимія, какъ юная и прекрасная дѣвица, казалась для мучителя драгоценнѣйшею добычею; поэтому, отдѣливъ ее отъ прочихъ страдальцевъ, тираннъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобы уговорить ее къ нечестію: ласками, обѣщаніями уловлялъ онъ сердце дѣвическое; но все было безуспѣшно! Въ нѣжномъ тѣлѣ мучитель увидѣлъ мужественнѣйшую душу, готовую на всѣ ужасы. Тогда его любовь перемѣнилась на ярость. Прискъ (имя мучителя) приказалъ приготовить орудія казни: но устѣнное серпами колесо остановила десница Всемогущаго; раскаленную печь окропили ангелы прохладною росою; змѣи и всѣ ядовитыя гады не имѣли для нея смертоносныхъ жалъ; лютыя звѣри претворялись въ кроткихъ агнцевъ. Только одинъ звѣрь сдѣлалъ на ея ногѣ легкую рану; истекла кровь; услышанъ голосъ съ небеси, призывающій ее къ небесному Же-

з) Училище Благоч. 1817 г. изд. 2. час. 3. стр. 47—49.
Повѣсть XXII. Память ея 19 января.

ниху, и мгновенно святая душа оставила чистое тѣло и). «О чистота, восклицаетъ св. Ефремъ Сиринъ, стяжаніе доброе, непохищаемое звѣрjami и не сгарающее въ огнѣ» i)!

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ не только глубокое, искреннее уваженіе къ дѣвству у святыхъ дѣвственниковъ, такъ какъ они жертвуютъ жизнью для соблюденія дѣвства, но и то, какъ велико дѣвство въ очахъ Божіихъ, если Богъ самъ чудеснымъ образомъ помогаетъ храненію дѣвства. Кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ это подтверждаютъ и другіе опыты изъ жизни святыхъ дѣвственниковъ. Такъ Господь сохранилъ цѣломудріе св. дѣвственницъ Ирины и Даріи, на защиту первой пославъ двухъ ангеловъ, а послѣдней льва к). И другими различными чудесами Господь хранилъ и ознаменовывалъ чистоту дѣвства. Такъ монахъ Пахонъ рассказывалъ о себѣ Палладію: будучи уже 70 лѣтъ, живя въ своей келліи болѣе 40 лѣтъ, во все это время по навѣту діавола я неврестанно былъ смущаемъ похотию. Въ одно время до того возгорѣлась эта страсть, что я вовсе не имѣлъ силъ противиться ей, даже отчаялся въ помощи Божіей, думая, что Богъ меня оставилъ; поэтому

и) Училище Благоч. ч. 4. изд. 2. 1817. Пов. СХL. стр. 119—121. Сентября 16 дня.

i) Opera S. Ephraemi. Том. II. *παράινεσις* XXXVI *περι ἀγνείας*.

к) См. Четьи-Миней, подъ 16 ч. апрѣля и 19 марта.

рѣшился умереть, чтобы не нарушить цѣломудрія и неосквернить своего тѣла. Съ этимъ намѣреніемъ я пошелъ по пустынѣ, и увидѣвъ пещеру гіены, вошелъ въ нее, надѣясь, что гіена растерзаетъ меня. Но гіена, чрезъ нѣсколько времени пришедши въ пещеру, только обнюхала меня и удалилась. Опять я пошелъ по пустынѣ, нашелъ небольшого асида, приложилъ его голову къ своему тѣлу, чтобы умереть отъ его смертоноснаго жала; но и асидъ, по Божію покровительству, не угрызъ меня. Послѣ этого услышалъ я голосъ съ неба: «ступай, Пахонъ, подвижайся противъ страсти. Я для того попустилъ такое искушеніе тебѣ, чтобы ты не возгордился, и не надѣялся своими силами побѣдить эту страсть; но чтобы, познавъ свое безсиліе, смирился и просилъ высшей помощи» ¹⁾).—Одинъ старецъ рассказывалъ объ аввѣ Павлѣ, жившемъ близъ Оиваиды, что онъ безъ вреда бралъ руками асидовъ, змѣй и скорпіоновъ, и разрывалъ ихъ пополамъ. Братія, видя это, спросили его: «чѣмъ пріобрѣлъ ты, авва, такую благодать?» Старецъ отвѣчалъ: кто пріобрѣтетъ чистоту, тому все будетъ повиноваться такъ же, какъ все повиновалось Адаму въ раю, когда онъ не преступилъ еще заповѣди Божіей» ²⁾). Ибо чистота

1) Палад. *Lavs. cap. 29. apud Rosweid. p. 722.*

2) Достоп. сказ. о подв. св. отц., стр. 233.

дѣвственная, болѣе всего уясняя въ душѣ образъ Божій, по благодати Божіей, заставляеть благоговѣть предъ свѣтлымъ образомъ Божиимъ въ человѣкѣхъ и лютыхъ звѣрей. Объ аввѣ Аммоніѣ рассказываютъ, что онъ до такой степени сохранялъ цѣломудренную стыдливость, что, когда съ ученикомъ своимъ Оеодоромъ долженъ былъ на пути переправиться черезъ рѣку, сперва велѣлъ ему отойти отъ себя, потомъ и одинъ стыдился обнажить тѣло свое, и озабоченный этою мыслью, самъ не чувствовалъ, какъ, перенесенный сверхъестественною силою, увидѣлъ себя уже на другомъ берегу рѣки ^{н)}).

Прославляя дѣвство различными чудесами здѣсь на землѣ, Господь уготовалъ высокую награду за него и на небѣ. Св. Кипріанъ объ этомъ такъ говоритъ: «Иисусъ Христосъ, говоря, что у Отца Его есть много обителей, этимъ указываетъ на лучшія обители своего дома: вы (дѣвственники) ищите сихъ лучшихъ обителей, отсѣкаете плотскія вожделѣнія, и получаете на небесахъ награду большей благодати» ^{о)}.)» Какъ мірскіе вельможи поручаютъ слугамъ различныя должности, говоритъ св. Аѳанасій: иныхъ посылаютъ въ деревни для воздѣлыванія земель и распространенія своего рода, а дѣтей ихъ, если найдутъ

н) Прол. Іюн. 26 д.

о) Св. Кипр. сл. объ од. дѣвств. Хр. Чт. 1825 г. ч. XVIII, стр. 151,

хорошими, и особенно красивыми, переводятъ въ собственные дома для служенія себѣ: такъ и Господь, вступившихъ въ честный бракъ поставляетъ въ странѣ отъ міра, а лучшихъ дѣтей ихъ (дѣвственниковъ), которые удостоились особеннаго предъизбранія, поставляетъ на служеніе Себѣ» "). «Намъ (дѣвственникамъ) съ ангелами жребій и свѣтильники свѣтлѣйшіе, и, что всего блаженства верхъ есть, съ Женихомъ онымъ (Иисусомъ Христомъ) сопребываніе» »).

Наконецъ Тайнозритель — дѣвственникъ св. Іоаннъ Богословъ такъ описываетъ награду дѣвственниковъ въ будущей жизни: «И взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Отца Его написано на челахъ. И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гусяхъ своихъ. Они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ съ земли. Это суть тѣ, которые неосквернились съ женами: ибо они дѣвственники; это суть тѣ, которые слѣдуютъ за Агн-

п) Хр. Чт. 1844 г. ч. XVI, св. Аѳан. Алекс. жизнь и дѣянія св. Синклитикін. Стр. 64.

р) Злат. ки. о дѣвств. гл. 2.

цемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. Они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу.» (Апок. 14, 1—4).

Послѣ всѣхъ свидѣтельствъ въ пользу дѣвства, которыя мы видѣли въ ученіи и исторіи церкви, какъ-то странными и мелочными представляются возраженія противъ дѣвственной жизни со стороны враговъ ея. Если самъ Господь предложилъ дѣвство могущимъ вмѣстить, какъ вѣрный путь къ высшему нравственному совершенству, и освятилъ его Своимъ примѣромъ; если первые члены царствія Божія—пресвятая Дѣва, Апостолы и цѣлые сонмы святыхъ мужей и жень были дѣвственники,—если и святая церковь всегда признавала дѣвство досточтимымъ и достожелаемымъ; — если Богъ чудеснымъ образомъ хранить его отъ оскорбленія и уготовалъ дѣвственникамъ награды высшія, чѣмъ за другія добродѣтели: то не болѣе ли даже чѣмъ странно слышать, что дѣвство противно природѣ чело-вѣческой и даже вредно,—что дѣвственники грѣшать противъ общества, потому что неслужать къ распространенію рода чело-вѣческаго и т. п.? Но такъ какъ есть, къ сожалѣнію, люди, для которыхъ эти возраженія противъ дѣвственной жизни представляются сильными и подрываютъ ихъ уваженіе къ одной изъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, то мы разберемъ ихъ.

Полагая въ основаніе своихъ возраженій противъ дѣвства благо чело-вѣка и чело-вѣчества, про-

тивники дѣвственной жизни говорятъ, что «дѣвственникъ грѣшитъ противъ себя самаго, поступаетъ вопреки своей природѣ, созданной для супружества». Справедливо ли это? Справедливо ли, что дѣвство противно человѣческой природѣ и только жизнь супружеская есть жизнь естественная и законная для человѣка? Нѣтъ. Кто держится такого образа мыслей относительно дѣвства, тотъ долженъ видѣть въ человѣкѣ только плоть и кровь, недопускать присутствія въ немъ безсмертнаго духа. Разумѣется, если кто будетъ на основаніи такого понятія о природѣ человѣческой стоять за права и потребности плоти, считая высшія нравственныя потребности бредомъ разстроенаго воображенія, — если станетъ считать естественными — и потому разумными и законными даже всѣ безпорядочныя похоти и извращенныя требованія испорченной природы человѣческой: то, очевидно, онъ долженъ будетъ считать дѣвство противнымъ природѣ человѣческой, такъ какъ оно не только отвергаетъ все нечистое и грѣховное, но отказываетъ ради царствія небснаго въ удовлетвореніи даже законнымъ потребностямъ плоти. Но нужно ли говорить, какъ односторонни вообще такія понятія о природѣ человѣческой и какъ поэтому самому ложны всѣ сужденія о дѣвствѣ, разсматриваемомъ съ такой точки зрѣнія?

Исусъ Христосъ не только не видитъ насилія природѣ въ дѣвствѣ, но и указываетъ на такихъ

людей, для которыхъ насиліемъ было бы супружество, тогда какъ дѣвство для нихъ состояніе естественное, требуемое ихъ природою. Когда фарисеи спросили Его: «по всякой ли причинѣ можно разводиться съ женою своею?» Онъ далъ такой отвѣтъ: «Я говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ. Говорятъ Ему ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ; то лучше не жениться. Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскотлены отъ людей; и есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами ради царства небеснаго. Кто можетъ вмѣститъ, да вмѣститъ.» (Матѳ. 19, 3. 9—13).

Вотъ взгляды на дѣвство и супружество всеобъемлющій и всесторонній. Иисусъ Христосъ раздѣляетъ всѣхъ людей по отношенію къ браку и безбрачію на двѣ части, — на людей призванныхъ къ брачной жизни и на людей самою природою призванныхъ къ дѣвственной жизни. Изъ Его словъ ясно видно, что брачное состояніе есть состояніе не для всѣхъ естественное и обязательное, — что инымъ дано нести подвиги дѣвства, — что инымъ сама природа, инымъ высшее призваніе указываютъ на безбрачіе, какъ на состояніе самое естественное для нихъ, такъ что

для нихъ супружество было бы состояніемъ неестественнымъ. Такъ ясно и неотразимо словами Иисуса Христа обличается невѣрность взгляда на дѣвство его противниковъ!

Тоже самое подтверждаетъ и опытъ. Въ христіанскомъ обществѣ, хотя къ сожалѣнію и нечасто, встрѣчались всегда, встрѣчаются и нынѣ такія семейства, въ которыхъ все проникнуто цѣломудріемъ, на всѣхъ членахъ виденъ отпечатокъ дѣвственной чистоты; въ которыхъ цѣломудріе освящаетъ и одухотворяетъ даже тѣ дѣйствія человѣческой природы, которыми отдается дань плоти. Изъ такихъ благословенныхъ семействъ являются люди, обладающіе такою высотой и чистотою духа, что ихъ видимо сама природа, очищенная духовнымъ вліяніемъ христіанской жизни, назначена для цѣломудренно—дѣвственной жизни. Это природное цѣломудренное расположеніе въ такихъ людяхъ въ послѣдствіи развивается, дѣлается сознательнымъ, укрѣпляется физическимъ и нравственнымъ христіанскимъ воспитаніемъ. Въ такихъ-то людяхъ духовныя стремленія до такой степени преобладаютъ надъ влеченіями плоти, что самая мысль о супруществѣ пугаетъ и смущаетъ ихъ. Люди нашего времени, поработанные плоти во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и расположеніяхъ, этому не вѣрятъ, но это правда. Для примѣра достаточно указать на Алексѣя Божія человѣка и св. діакониссу Олимпіаду. Кто знакомъ съ жизнью этихъ свя-

тыхъ людей, тотъ не можетъ не изумиться той высотѣ дѣвственной чистоты, до которой можетъ возвыситься подѣ руководствомъ благодати бранный человѣкъ. Можно ли же сказать, что дѣвство противно природѣ такихъ людей? Нѣтъ и нѣтъ. Напротивъ, супружество поставило бы ихъ въ отношенія противныя ихъ природѣ и для нихъ неестественныя. Пожалуй, нынѣ назовутъ и такое духовное настроеніе искаженіемъ природы человѣческой, но съ мыслителями, которые, какъ мы выше замѣтили, почитаютъ человѣкомъ одно тѣло, и законами природы одни законы плоти, которые не признаютъ высшей жизни духа и ея законовъ,—христіанину нечего и спорить. Пусть они идутъ своею дорогою, которую одною чертою, но ясно опредѣлилъ св. апостоль Павелъ: «сбьющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе». Но они не должны отвлекать христіанина отъ его пути, о которомъ говоритъ тотъже Апостоль: «сбьющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную.» (Гал. 6. 8).

Надобно сознаться, что людей, рожденных дѣвственниками и сохраняющихъ до конца жизни совершенную чистоту и непорочность, немного въ родѣ человѣческомъ. Но они есть и всегда будутъ въ церкви Христовой, какъ живые храмы Духа святаго. А поэтому несправедливо вообще считать дѣвство противнымъ природѣ человѣческой. Но если немного такихъ людей, которымъ по самой природѣ ихъ проти-

вень союзъ супружескій, то есть не мало такихъ, которые, несмотря на высоту и трудность подвиговъ дѣвства, легче могутъ нести *эти именно* подвиги, чѣмъ многосложныя и многоотвѣтственныя обязанности жизни супружеской. Эти люди, при выборѣ себѣ состоянія и пути въ царство небесное, взвѣсивши и обдумавши все, находятъ естественнымъ для себя и соответственнымъ своей природѣ и наклонностямъ состояніе дѣвственное. Они видятъ, что и природный характеръ, и воспитаніе, и обстоятельства жизни приготовили ихъ къ жизни иноческой, по самому существу своему дѣвственной, но не къ супружеской. Они чувствуютъ, что не могли бы составить счастья лица, которое бы рѣшилось имъ вручить свою судьбу. Они ясно понимаютъ, что у нихъ не достало бы ни силъ, ни умѣнья наблюдать какъ должно за воспитаніемъ дѣтей, вести съ терпѣніемъ и неутомимостію семейныя и хозяйственныя дѣла, поддерживать общественныя связи и пр. Они сознаютъ, что, по свойству природы, они въ состояніи переносить самыя трудныя подвиги, когда будутъ дѣйствовать только одни, и готовы отвѣчать только за себя, страдать и переносить лишенія касающіяся только ихъ самихъ, но они нечувствуютъ въ сердцѣ своемъ способности раздѣляться во множествѣ привязанностей, связей и отношеній, для нихъ страшна сложность, многосторонность и неизбѣжная суетливость семейныхъ хлопотъ и домашней жизни.

Они готовы лучше обуздывать самые сильные порывы своей природы, нежели брать на себя бремя, о которомъ тяжело имъ и думать, и которое нести они не имѣютъ ни склонности, ни непрѣмѣнной обязанности. Неужели они въ этомъ случаѣ поступаютъ вопреки своей природѣ? Неужели противно нашей природѣ отрѣкаться отъ того, что намъ несродно, къ чему мы не имѣемъ склонности, не брать на себя добровольно обязанностей, которыя намъ не по дугѣ и не по силамъ? Неужели противно нашей природѣ отказываться отъ труда, по сознанію большинства людей болѣе легкаго, но для насъ именно очень труднаго, и брать на себя подвигъ для другихъ неудобноносимый, а для насъ хотя и трудный, но болѣе пріятный? Что же послѣ этого будутъ значить такъ часто употребляемая у насъ слова: личная склонность, особенность характера, личный вкусъ, выборъ и наконецъ призваніе? Неужели въ дѣлѣ свободнаго выбора дѣйствовать по личной склонности и по призванію противно нашей природѣ? Очевидно, нѣтъ. Напротивъ супружеская жизнь для людей, о которыхъ мы говоримъ, неестественна, поставила бы ихъ въ неправильныя отношенія къ жизни и людямъ и отдала бы ихъ отъ прямого пути къ достиженію вѣчнаго блаженства. Они могли бы быть въ супружествѣ причиною несчастія для другихъ, связанныхъ съ ними узами плоти и крови, сдѣлавшись худыми супругами и отцами.

Нѣтъ! кому дано, кто можетъ вмѣстить, пусть вмѣщаетъ. Такимъ образомъ мысль, что дѣвство противно природѣ человѣческой, выходитъ изъ узкаго и односторонняго воззрѣнія на человѣка и противорѣчитъ не только слову Божию, но и разуму и опыту.

Но порицатели дѣвства ссылаются на науку, думаютъ найти въ свою пользу основанія и свидѣтельства въ физиологiи. Говорятъ, будто бы физиологiя доказала, что дѣвство разрушительно дѣйствуетъ на организмъ человѣка, можетъ довести человѣка до суманствiя, или свести его преждевременно въ могилу,—что задержанiе въ организмѣ плодотворнаго сѣмени—ядъ для организма. На этомъ основанiи многiе современные врачи своими совѣтами уже не мало развратили чистыхъ и невинныхъ юношей, убѣждая ихъ вступать въ преступныя связи въ видахъ сохраненiя здоровья.

Оправдастъ ли ихъ въ этомъ наука? Нѣтъ; физиологiя говоритъ совсѣмъ другое. Начиная съ Иппократа, отца медицины, до настоящаго времени, всѣ истинно ученые и опытные врачи и физиологи согласны между собою въ чрезвычайно важномъ значенiи сѣмени для организма, — согласны въ томъ, что, сохраняясь въ тѣлѣ, оно всасывается и переносится обратно въ общую массу крови и способствуетъ питанiю, процвѣтанiю, возбужденiю, или энергiи цѣлаго организ-

ма с). «Повѣрить нельзя, говоритъ Гуфеландъ, сколь далеко могутъ простираться предразсудки относительно плотоугодія. Я зналъ одного молодого человѣка, который со всею увѣренностью думалъ, что нѣтъ ничего вреднѣе для человѣческаго тѣла, какъ плодотворные соки, и потому первымъ его попеченіемъ было избавиться отъ нихъ какъ можно скорѣе. Успѣхъ его въ этомъ дѣлѣ былъ такъ великъ, что на 20 году онъ состарѣлся, а на 25-мъ умеръ дряхлымъ и пресыщеннымъ жизнью» г). Эти слова знаменитаго врача говорятъ очень краснорѣчиво, въ какой степени правы противники дѣвства, ссылаясь на физиологію.

Что касается до того, будто дѣвство можетъ довести до съумасшествія, то подобное возраженіе незаслуживаетъ даже отвѣта. Если кто отличается глубиною, строгою логическою послѣдовательностью мысленія, яснымъ, обширнымъ, всестороннимъ умомъ, то именно дѣвственники. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этому служатъ творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, бл. Іеронима, и другихъ отцевъ и учителей церкви, которые проводили дѣвственную жизнь. Также и относительно того, что дѣвство преждевременно низводитъ

с) См. пространнѣе въ книгѣ: „О душевныхъ и тѣлеснымъ болѣзняхъ. III т. I. Краснопольскаго. Спб. 1859 г.

г) Макровіотика Гуфеланда, пер. проф. И. Заблотскаго

въ могилу, опытъ говоритъ противное. Изъ апостоловъ Іоаннъ Богословъ жилъ болѣе ста лѣтъ, Іаковъ умеръ въ глубокой старости, Павелъ усѣченъ мечемъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Павелъ Оивейскій, Антоній Великій, Онуфрій, Паисій и многіе другіи дѣвственники умерли въ глубокой старости. Нужно при этомъ взять во вниманіе и то, что дѣвственную жизнь они соединяли съ бдѣніями, продолжительными постами и непрестанною молитвою, — не пользовались никакими удобствами жизни, нуждались въ самомъ необходимомъ, — и при всемъ этомъ многіе изъ нихъ жили сто и болѣе лѣтъ. у). Вообще физиологія гораздо болѣе говоритъ въ пользу дѣвственной жизни, чѣмъ бы можно этого ожидать. Даже въ жизни супружеской она предписываетъ цѣломудріе и умѣренность, какъ естественныя и необходимыя условія здоровья супруговъ и дѣтей.

Теперь разсмотримъ еще одно возраженіе противъ дѣвства. Противники дѣвства говорятъ, что дѣвственники грѣшатъ противъ общества, потому что не служатъ распространенію рода человеческого.

Такъ ли это? Точно-ли дѣвственники, проводя дѣвственную жизнь, грѣшатъ противъ общества?

у) Гуфеландъ приводитъ также немало примѣровъ долголѣтія жизни людей, отличавшихся цѣломудренно—воздержною жизнью. См. Макров. Хр. Вилг. Гуфеланда, пер. проф. И. Заблонскаго, стр. 89—103.

Вопервыхъ, при отвѣтѣ на это возраженіе, нужно обратить вниманіе на то, что жизнь дѣвственная, по самому существу своему—по своей высотѣ и трудности, не есть жизнь обязательная для всѣхъ, — избираютъ ее только *могущіе вмѣстить, имже дано есть*. Бл. Иеронимъ говоритъ: «Иисусъ Хростосъ сего труднаго подвига (дѣвства) ни заповѣдуетъ, ни налагаетъ, но предлагаетъ. О дѣвствѣ можно сказать: *могій вмѣстити, да вмѣститъ*» *). «Подвигъ дѣвства, говоритъ Теофилактъ Болгарскій, есть жребій многихъ. Желая, чтобы мы добровольно несли подвигъ дѣвства, Господь говоритъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ*; Онъ не принуждаетъ къ дѣвству, не возбраняетъ брака» †). Слѣдовательно число дѣвственниковъ въ обществѣ не можетъ быть очень значительнымъ. А въ такомъ случаѣ упрекъ дѣвственникамъ въ томъ, что они, не оставляя послѣ себя потомства, грѣшатъ противъ общества, очень не важенъ и не имѣетъ силы самъ по себѣ. Если нѣкоторымъ количествомъ число людей вслѣдствіе дѣвственной жизни нѣкоторыхъ будетъ менѣе, то общество отъ этого нисколько не пострадаетъ. Притомъ, кто вѣритъ въ промыслъ Божій и въ то, что дѣв-

*) Oper. Hieronimi T. V. Parisiis. 1706. Epist. ad Demetriadem virginem de virginitate p. 17.

†) Благов. Теофилак. Болгар. Ч. I, стр. 333 — 334. Изд. 1855 г.

ство есть подвигъ угодный Богу: тотъ повѣритъ, что по молитвамъ дѣвственниковъ благословеніе Божіе низойдетъ на добрыхъ супруговъ и скорѣе воздѣйствуетъ на размноженіе рода человеческого, чѣмъ нѣсколько лишнихъ супруговъ.

Далѣе, если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на дѣвство, то въ такомъ случаѣ должно будетъ сказать, что грѣшитъ противъ общества и тотъ, кто вслѣдствіе великодушія и благородства, спасая ближняго отъ смерти, самъ въ цвѣтѣ лѣтъ лишается жизни; — грѣшитъ противъ общества молодой воинъ, падающій на полѣ брани за отечество;—грѣшитъ неутомимый труженникъ, разстроивающій свое здоровье вслѣдствіе добросовѣстнаго и усерднаго служенія обществу;—грѣшитъ и ученый, тратящій силы для просвѣщенія своихъ соотечественниковъ, — всѣ они грѣшатъ, потому что всѣ они могли бы оставить послѣ себя потомство. Если считать обязательнымъ для каждаго предъ обществомъ непременно оставлять послѣ себя потомство, то мы должны осудить всѣхъ этихъ людей, какъ преступниковъ предъ обществомъ за то, что они неоставили послѣ себя потомства. Но недумаемъ, чтобы кто нибудь осудилъ ихъ за это, потому что справедливость, религія, совѣсть заставляютъ насъ относиться съ уваженіемъ и почтеніемъ къ этимъ людямъ и къ ихъ подвигамъ и трудамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что распространеніе рода человеческого не составляетъ долга безусловно—обя-

зательнаго для всѣхъ людей. Долгъ этотъ можетъ быть приносимъ въ жертву обязанностямъ въ отношеніи къ обществу высшимъ. Сверхъ того, развѣ служеніе обществу ограничивается увеличеніемъ числа членовъ его? Развѣ размноженіе людей для человѣчества есть благо первое, исключительное, высшее? Нимало. Правда, что и размноженіе людей есть благо, потому что самъ Богъ повелѣлъ людямъ плодиться, множиться и наполнять землю; но это благо получаетъ свою силу и значеніе отъ другихъ благъ—высшихъ, и потому оно, какъ благо низшее, должно быть приносимо въ жертву благамъ высшимъ. Что пользы, если будетъ и много людей, но они будутъ грубы, дики, жестоки, безчеловѣчны, невѣжественны? Очевидно, что это уже не будетъ благо, а зло. Человѣчество получаетъ свое значеніе и достоинство не отъ численности, а отъ внутреннихъ качествъ, отъ умственного и нравственного развитія, отъ того, сколько оно приближается къ Богу. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что тотъ, кто служитъ развитію, духовному усовершенствованію человѣчества, тотъ приноситъ пользы болѣе, чѣмъ тотъ, кто заботится только о распространеніи рода.

Если же при этомъ возьмемъ во вниманіе еще и то, что многіе, какъ мы видѣли выше, избираютъ дѣвственную жизнь, чувствуя себя неспособными къ супружеской жизни и сознавая себя не въ силахъ — совмѣстить обязанности

жизни супружеской съ служеніемъ высшимъ интересамъ человѣчества: то мы должны будемъ назвать такихъ людей не только не преступниками предъ обществомъ, но напротивъ благодѣтельными слугами общества за усиленное, полное самоотверженія, исключительное служеніе высшимъ благамъ человѣчества. Дѣвство же благодѣтельно для человѣчества сколько тѣмъ, что оно возвыщаетъ и поддерживааетъ въ немъ чистоту нравовъ, столько и тѣмъ, что оно оказывало и оказываетъ обществу и другія важныя услуги. Освобождая человѣка отъ замкнутости въ тѣсномъ кругу семейства, дѣвство даетъ ему возможность полнѣе посвятить себя на служеніе обществу. Кто удобнѣе дѣвственника можетъ служить обществу своими созерцательными и учеными трудами? Вспомнимъ, что въ продолженіи всѣхъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ свѣтильникъ науки горѣлъ только въ рукахъ иноковъ—дѣвственниковъ. Кто съ большею свободою можетъ посвящать себя служенію больнымъ, страждущимъ, безпріютнымъ, какъ не дѣвствующіе? Сердца ихъ, не занятые семейными привязанностями, отверсты для всѣхъ людей. Можно даже усумниться, чтобы люди, находящіеся въ супружествѣ, были способны къ такой широкой, всеобъемлющей любви по отношенію къ ближнимъ, какую мы видимъ въ истинныхъ дѣвственникахъ и дѣвственницахъ. Но все это не говоритъ ли ясно, что можно при-

носить обществу, оставаясь въ дѣвствѣ, еще большую пользу, чѣмъ въ супружествѣ?

До сихъ поръ мы говорили противъ тѣхъ, которые отвергаютъ дѣвство на основаніи уже разобранныхъ нами доводовъ; но есть люди, не отвергающіе дѣвства, но понимающіе его превратно, искажающіе его внутренній смыслъ, сущность, значеніе и характеръ. Это—существующее и у насъ общество скопцовъ. Основываясь на невѣрномъ пониманіи словъ Иисуса Христа: «и есть скопцы, которые сдѣлали себя скопцами ради царства небеснаго», эти люди придали дѣвству характеръ чисто внѣшній. Что сказать объ этомъ пагубномъ заблужденіи? То, что скопечество не только не составляетъ добродѣтели и недостойно награды, но даже преступно, какъ дѣло неестественное, противное порядку и законамъ природы. Скопечество противно и понятію цѣломудрія, потому что цѣломудріе состоитъ не въ воздержаніи только отъ плотскаго союза, но преимущественно въ усмиреніи и подавленіи похоти плоти, нечистыхъ пожеланій и помысловъ въ душѣ, въ удаленіи нечистыхъ и сладострастныхъ образовъ; между тѣмъ скопечествомъ не обуздывается похоть, но только отнимается возможность обнаружить ее на дѣлѣ. Отъ сего происходитъ то, что чувственное пожеланіе, не уничтожаясь, еще болѣе возбуждается внутри, оскверняетъ душу и тѣло, и дѣлаетъ человѣка вмѣстилищемъ нечистоты,

жилицемъ сатаны. «Безплодную блудницу, говоритъ одинъ подвижнѣйшій благочестія (Илія Екдикъ), нельзя назвать цѣломудренною потому только, что она не раждаетъ»^{н)}). Тоже самое должно сказать и о скопечествѣ, и скопцы неразумно въ свое оправданіе ссылаются на слова Спасителя о тѣхъ, которые сдѣлали себя скопцами ради царствія небеснаго. Въ сихъ словахъ идетъ рѣчь не объ отсѣченіи тѣлесныхъ членовъ, а объ отложеніи необузданныхъ похотей. Такъ толкуетъ эти слова, какъ мы выше видѣли, св. Златоустъ. Тѣ, которые понимаютъ ихъ въ буквальномъ, а не въ духовномъ смыслѣ, также грубо погрѣшаютъ въ разумѣніи ихъ, какъ грубо погрѣшилъ Никодимъ, когда, услышавъ слово Спасителя о рожденіи свыше, т. е. о рожденіи не по плоти, а по духу, подумалъ, что для сего надобно снова войти въ утробу матернюю и произойти изъ нея на свѣтъ въ другой разъ.—Между христіанами были изувѣры, которые слова апостола Павла: *уже Христовы суть, плоть распяша со страстьми похотьми*, понимали буквально и пригвождали себя ко кресту. Не похожи ли на этихъ изувѣровъ тѣ, которые не менѣе грубо понимаютъ приведенныя слова Спасителя и уродованіе себя почитаютъ спасительнымъ подвигомъ?

М—ій.

н) Добротол. 7. 4 § 134. стр. 158.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ а).

11. ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНІЯ.

Жители жаркаго климата вмѣсто болѣе или менѣе узкаго платья, которое обыкновенно въ нашихъ странахъ, носятъ одежды широкія и развѣвающіяся. И мужчины и женщины у нихъ носятъ большіе и очень широкіе шальвары. Люди даже самые богатые не надѣваютъ чулокъ, а вмѣсто башмаковъ и сапоговъ употребляютъ туфли.

Одинъ англійскій путешественникъ описываетъ костюмъ Арабовъ, которыхъ онъ нанялъ провожать себя во время путешествія вдоль береговъ р. Нила, слѣдующимъ образомъ: «На всѣхъ ихъ была просторная бѣлая одежда, стянута поясомъ, поверхъ ея синій плащъ а обувь составляли одни сандаліи (подошвы), прикрѣпленныя

а) См. предшествующія книжки Душеп. Чтенія.

къ ногамъ ремнями. У каждаго изъ нихъ былъ сосудъ и кожаный мѣшокъ для воды» 6).

Когда восточные жители принимаются за какую нибудь работу, то они снимаютъ съ себя верхнюю одежду или стягиваютъ ее на себѣ при помощи пояса. Въ св. Писаніи мы встрѣчаемъ многія мѣста, гдѣ говорится объ этомъ обыкновеніи, такъ напримѣръ, въ 12 гл. 37 ст. Ев. Луки говорится, что тотъ, кто служилъ за трапезою, *опоясывался*. Спаситель, не задолго до своего вознесенія на небо, предрекая апостолу Петру жребій, который ожидалъ его впереди, сказалъ: «когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ куда хотѣлъ» (Іоан. 21, 18.). Это выраженіе очень часто употребляется въ св. Писаніи въ буквальный смыслъ; такъ о пророкѣ Іліи сказано; что онъ препоясалъ чресла свои и бѣжалъ предъ колесницею Ахава (1 кн. Царс. 18, 46.); но по мѣстамъ имѣетъ и значеніе иносказательное; напримѣръ, когда Спаситель изображаетъ бодрственное состояніе рабовъ, которые ожидаютъ господина своего *препоясавъ чресла* (Лук. 12, 35.), этимъ сравненіемъ Онъ научаетъ христіанъ тому, чтобы они всегда ожидали пришествія Спасителя и были готовы къ нему, — чтобы всегда бодрствовали и молились.

Чтобы имѣть больше силы во время сраженія,

6) Lord Lindsay's Letters on the East.

воины подпоясывались у поясицы; это подпоясываніе составляло даже какъ бы принадлежность ихъ вооруженія. Такимъ образомъ поясняются слѣдующія выраженія: «Онъ препоясалъ чресла свои силою» (Прит. 31, 17.); и еще: «Иегова облекся силою; Онъ препоясался ею» (Псал. 93, 1.) и т. п. Какъ воины и бѣгавшіе на ристалищахъ опоясывали на себѣ одежды, чтобы стать болѣе сильными; такъ и христіанинъ, по ученію св. апостола Петра, долженъ опоясать чресла своего духа» (1 Петр. 1, 13.), т. е. укрѣпиться для борьбы противъ міра и худыхъ влеченій своего собственнаго сердца.

Священное Писаніе само объясняетъ намъ, что такое духовный поясъ христіанина. Объ Иисусѣ Христѣ сказано, что «будетъ препоясаніемъ чреслъ Его правда и препоясаніемъ ребръ Его истина» (Ис. 11, 5.); потому и христіанину прилично быть вооруженнымъ точно такъ же, какъ «Вождь его спасенія» (Евр. 2, 10.), т. е. онъ долженъ также «препоясать чресла свои истинною» (Ефес. 6, 14.). Искренняя, живая вѣра и горячая ревность по славѣ Божіей могутъ даровать христіанину великую силу для пораженія своихъ духовныхъ враговъ; и если онъ не имѣетъ этихъ добродѣтелей, то всѣ другія добрыя качества, какія онъ можетъ имѣть, какъ бы прекрасны они ни были, не будутъ имѣть достаточной духовной силы, и, какъ верхняя одежда безъ пояса, могутъ даже мѣшать ему среди раз-

ныхъ искушеній и затрудненій, которыя онъ непремѣнно встрѣтитъ на своемъ пути. Давидъ учитъ насъ, къ кому мы должны обращаться за полученіемъ этого пояса, когда говоритъ: «Всемогуцій Богъ препоясываетъ меня силою и указываетъ мнѣ безопасный путь (Псал. 17, 33.).

Воинъ снималъ свой поясъ, когда наступало для него время отдыха. Такимъ образомъ когда пророкъ Исаія, говоря о Халдеяхъ, которые должны были опустошить Іудею, восклицаетъ между прочимъ: «не снимутъ они поясовъ съ чреслъ своихъ» (Ис. 5, 27.); то эти слова означаютъ, что Халдеи будутъ неутомимы въ борьбѣ и не дадутъ пощады Іудеямъ.

Евангелистъ Матѳеѣй говоритъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, что онъ носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и кожаный поясъ вокругъ чреслъ своихъ (Матѳ. 3, 4.). «Туркоманы, рассказываетъ одинъ путешественникъ ^{в)}, окружили насъ днемъ и принесли туники (нижнія одежды) изъ верблюжьяго волоса для продажи; онѣ были тотчасъ раскуплены». Дервиши (магометанскіе монахи) еще доселѣ носятъ эти грубыя одежды, сдѣланныя изъ верблюжьяго волоса, и опоясываются кожанымъ поясомъ. Вретище, которое носили ветхозавѣтные пророки и народъ во дни поста и покаянія, было почти похоже на упомянутую одежду дервишей. Этотъ родъ матеріи

в) Lieut. Burne.

такъ грубъ и толстъ, что его употребляютъ на обтягиваніе шатровъ.

Буккингамъ говоритъ, что онъ встрѣчалъ иногда людей въ Месопотаміи, которые были въ разноцвѣтной одеждѣ съ висящимъ капишономъ на спинѣ и на плечахъ. Вѣроятно и здѣсь эта одежда иногда дается отцомъ въ подарокъ любимѣйшему сыну, какъ сдѣлалъ нѣкогда Іаковъ съ Іосифомъ (Быт. 37, 3.), и тѣмъ возбудилъ зависть къ нему братьевъ.

Въ 19 гл. 23 ст. Евангелія отъ Іоанна мы читаемъ, что «хитонъ Спасителя былъ несшитый, а весь тканый сверху донизу». На востокѣ и до сихъ поръ употребляютъ подобныя одежды. Одинъ путешественникъ ^{г)} рассказываетъ, что Арабы носятъ туники верблюжьяго волоса, сдѣланныя изъ цѣльной матеріи, великолѣпно изукрашенныя, съ отверстіями для рукъ и безшовныя. Эти туники стоятъ очень дорого. Одинъ духовный писатель, разсуждая объ оправданіи, къ которому призваны христіане, дѣлаетъ такое замѣчаніе: «тогда какъ праведность фарисеевъ состояла только въ приобрѣтеніи какой-нибудь особенной добродѣтели и походила какъ бы на клочекъ одежды, праведность христіанъ должна быть подобна нешвенному хитону Спасителя, сотканному изъ цѣльной матеріи сверху донизу; она должна покрывать душу всецѣло и обнимать ее со всѣхъ сторонъ».

г) Rac Wilson's travels in Palestine.

Большая часть путешественниковъ, посѣщающихъ востокъ, надѣваютъ національную одежду жителей тѣхъ странъ, потому что этотъ костюмъ болѣе пригоденъ тому климату, чѣмъ нашъ, и потому что въ противномъ случаѣ они привлекали бы на себя вниманіе жителей, которое могло бы оканчиваться для нихъ непріятнымъ образомъ. «Послѣ того какъ я видѣлъ восточный костюмъ, пишетъ одинъ англійскій офицеръ ^{а)}, и даже самъ носилъ его, мнѣ болѣе сталъ понятенъ смыслъ тѣхъ выраженій, которыя употребляетъ св. Писаніе, когда говоритъ объ одеждѣ Іудеевъ. Никто не перемѣняетъ мѣста, не отрясая своей одежды; и никто, посидѣвши на землѣ, не поднимается, такъ же не «отрясая своей одежды» (Несм. 5, 13.), чтобы сбросить всё то, что могло пристать къ ней. Такъ какъ туфли всегда снимаютъ у внѣшнихъ воротъ, то довольно часто случается видѣть, какъ ударяютъ ими два или три раза объ камень, чтобы «отрясти прахъ» (Матѣ. 10, 14.), прежде чѣмъ снова надѣваютъ ихъ». «Съ того времени какъ я ношу костюмъ этой страны, говорить подобнымъ же образомъ другой путешественникъ, мнѣ очень понятны стали многія прежде темныя для меня мѣста св. Писанія; въ настоящее время я приведу только два изъ нихъ. Это во первыхъ образное выраженіе, которое употребляетъ пророкъ

а) Major Skinner's Overland journey to India.

Исаія, когда говоритъ, что «обнажилъ Ягова свя-
тую мышцу свою» (Ис. 52, 10.); оно очень
выразительно, ибо рукава у арабовъ оставляютъ
руку совершенно свободною, такъ что доста-
точно малѣйшаго движенія, чтобы обнажить ее;
такъ, на примѣръ, обнажаетъ свою руку воинъ,
когда начинаетъ дѣйствовать мечемъ. Въ этихъ
словахъ пророка Ягова представленъ готовымъ
къ строгому, но справедливому наказанію при-
тѣснявшихъ его народъ, чтобы не было больше
препятствій къ тому, да «увидятъ вси концы
земли Яго спасеніе». Другое мѣсто находится во
второмъ стихѣ тойже главы: «отряси съ себя
прахъ; поднимись и возсядь, Іерусалимъ» (Ис.
52, 2.)! На востокѣ нерѣдко можно видѣть груп-
пы людей, даже изъ высшаго сословія, сидя-
щихъ на голой землѣ; въ такомъ положеніи они
иногда по нѣсколькимъ часамъ проводятъ въ без-
печныхъ разговорахъ. Европейцы взяли бы сту-
лья; но здѣсь предпочитаютъ сидѣть на землѣ и
такимъ образомъ проводить время подъ тѣнью
деревьевъ въ знойные лѣтніе или весенніе дни;
при этомъ можно видѣть даже роскошно наря-
женныхъ женщинъ. Легко понять, что, какъ бы
заботливо ни выбирали мѣста жители востока,
когда садятся, ихъ широкія одежды мараются
пылью. Потому они приподнимаются по време-
намъ, чтобы оправиться и отряхнуться и потомъ
снова садятся. Подобнымъ образомъ и плѣнная
Сіонская дочь—Іудеи какъ бы лежала въ пыли,

терпѣла страданія и гоненія; Богъ повелѣваетъ ей встать, отрясти прахъ отъ одежды своей и послѣ этого опять сѣсть спокойно, съ приличіемъ и достоинствомъ, чтобы занять должное себѣ мѣсто между земными народами, которые прежде оскорбляли ее и попирали ногами» е).

Выраженіе «расторгните сердца ваши, а не одежды» (Іоил. 2, 13.), можетъ показаться страннымъ для тѣхъ, которые не знаютъ, что восточные жители высказываютъ скорбь свою разрываніемъ своей одежды. Это обыкновеніе, равно какъ и обычай искажать себѣ лице, безъ сомнѣнія было введено людьми искренно выражавшими такимъ образомъ силу своихъ чувствъ; но тѣ, которые не ощущаютъ въ глубинѣ своихъ сердець никакого живаго чувства, обратили его въ простую форму. Одинъ писатель (Mogier), который вполне изучилъ нравы Персовъ, говоритъ, что, желая иногда притворно показаться слишкомъ удрученными какимъ—нибудь горемъ, они распарываютъ свои одежды, надѣясь этимъ средствомъ увѣрить другихъ, что они разорвали ее въ порывѣ отчаянія. Видно, что и у древнихъ іудеевъ этотъ способъ выражать свою скорбь обратился въ одинъ пустой обрядъ; потому что пророкъ, побуждая ихъ оплакивать свои грѣхи, говоритъ, что одни внѣшніе признаки печали ничего не значутъ предъ Бо-

е) Rev. W. lowett's Missionary researches.

гомъ, который требуетъ отъ насъ не наружныхъ только знаковъ почитанія Его, но сердца, удрученнаго скорбью о грѣхахъ и пораженнаго глубокою духовною печалью. Еще доселѣ Іудеи, когда оплакиваютъ своихъ родителей, то дѣлаютъ на своихъ одеждахъ большія отверстія, но всегда почти такимъ образомъ, что ихъ легко можно опять зашить».

Самая важная часть богатства восточныхъ царей и шейховъ еще доселѣ заключается въ большомъ количествѣ одеждъ. Тоже самое было и во времена пророка Исаи. Описывая опустошеніе, которому подвергнется царство іудейское за грѣхи его царей и народа, онъ предсказываетъ, что придетъ время, когда счастливыми будутъ почитаться избирающіе вождя, имѣющаго достаточныя средства для поддержанія своего сана: «имется человекъ брата своего или домашняго отца своего, глаголя: ризу имаши, начало—вождь намъ буди» (Ис. 3, 6.). Рассказываютъ о двухъ турецкихъ шейхахъ недавно жившихъ, изъ которыхъ одинъ владѣлъ 46 верхними одеждами, цѣнимыми отъ 1,590 до 3,250 франк. (отъ 400 до 800 р. с.), а другой получилъ въ наслѣдство отъ отца своего 70 подобныхъ одеждъ ж). Болѣе могущественные владѣтели имѣютъ у себя еще большій запасъ подобныхъ одеждъ, потому что восточные обычаи требуютъ,

ж) Hartley's christian researches.

чтобы цари жаловали одну изъ своихъ одеждъ каждому, кого они считали достойнымъ получить особенный знакъ ихъ милости. Это мы видимъ между прочимъ. въ исторіи Есѣири (Есѣ. 6, 8.). Одинъ путешественникъ ³⁾ рассказываетъ о подробностяхъ относящихся къ этому обычаю, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ. Онъ встрѣтилъ Гамадара, или казначея начальника Друзовъ, который несъ въ подарокъ шейху и его племяннику, каждому по шубѣ. Гамадаръ былъ принятъ шейхомъ съ большимъ почетомъ; передъ приходомъ его шейхъ, окруженный представителями своего поколѣнія, сидѣлъ съ племянникомъ своимъ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Когда Гамадаръ надѣлъ на шейха и его племянника шелковыя багряныя шубы, подбитыя кунницею, то шейхъ поцѣловалъ край этой одежды, восклицая: «я рабъ Эмира»! И всѣ присутствующіе тотчасъ приблизились, чтобы въ свою очередь поцѣловать край тойже одежды.

Въ ветхомъ Завѣтѣ мы читаемъ, что Іосифъ (Быт. 41, 42.), и гораздо позже пророкъ Даниилъ (Дан. 5, 29.), получили великолѣпныя одежды какъ отличіе ихъ высокаго званія. Одинъ очень ученый іудей, Веніаминъ Тудельскій, скончавшійся въ 1170 году, написалъ между прочимъ рассказъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ своихъ братьевъ на востокѣ. Онъ нашелъ, что нѣкто-

3) Me. Michael's journey to Constantinople.

рые изъ нихъ жили въ довольствѣ и пользовались большою благосклонностію у багдадскаго калифа. Изображая состояніе тамошнихъ іудеевъ, онъ прибавляетъ: «Самый значительный изъ нихъ по достоинству былъ Даніиль, сынъ Гадаи (Hasdaï), его называли предводителемъ плѣнныхъ. Онъ имѣлъ родословную книгу, въ которой значилось, что родъ его происходилъ отъ пророка Даніила по прямой линіи. Значеніе его между Израильтянами было очень велико; самъ калифъ придалъ ему особый авторитетъ чрезъ возложеніе на него своихъ рукъ. По особенному указу, при его появленіи всѣ должны были вставать для привѣтствія, подъ страхомъ получить сто ударовъ палкою за ослушаніе. Въ тотъ день, когда совершалась церемонія возложенія на него рукъ, онъ садился во второй царскій экипажъ въ чрезвычайно богатой одеждѣ съ фригійскимъ золотымъ шитьемъ и съ великолѣпною шапкою на головѣ; къ этой шапкѣ было прикрѣплено бѣлое полотно, а вокругъ полотна обходила золотая цѣпь. Такимъ образомъ онъ садился въ экипажъ, окруженный такою же пышностію, какъ нѣкогда самъ пророкъ Даніиль при дворѣ Валтасара». Современные намъ іудеи, бѣдные и презрѣнные, уже давно перестали являться въ такой пышности на востокѣ; и если они еще въ состояніи носить красивое платье, то не смѣютъ показываться въ немъ внѣ своего дома.

Въ восточныхъ странахъ замѣчаютъ еще обы-

чай одѣвать въ блестящія одежды тѣхъ, которые возведены въ какую нибудь высокую должность. Когда умираетъ патріархъ греческой церкви въ Константинополь, султанъ назначаетъ его преемника и въ день назначенный для возведенія его въ должность посылаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ съ бѣлою лошадыю, на которую они помогаютъ сѣсть вновь избранному патріарху; потомъ посланные набрасываютъ ему на плеча великолѣпно вышитую одежду и въ такомъ видѣ провожаютъ его до главной церкви. Когда патріархъ идетъ здѣсь къ алтарю, то вѣрующіе, желая поцѣловать его одежду въ знакъ почтенія, такъ тѣснятся къ нему, что нерѣдко даже стаскиваютъ ее съ плечъ »).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ султанъ не принималъ ни одного иностранца, не устроивши ему трапезы, и ни одного посланника, не приготовивши напередъ великолѣпнаго обѣда какъ ему, такъ и главнымъ спутникамъ его; послѣ обѣда посланникъ получалъ шубу на куничьемъ мѣху; лицамъ его провожавшимъ также дарились одежды различной цѣнности, соотвѣтственно ихъ званію. Въ послѣднее время султаны оставили это обыкновеніе.

Большое значеніе доселѣ придаютъ на востокѣ длинной бородѣ. Такъ еще во времена Да-

и) Walch's Constantinople.

вида послы, отправленные имъ къ Аннону, царю Аммонитскому, остановились въ Иерихонѣ, чтобы отрастить себѣ бороду; потому что они считали большимъ безчестіемъ для себя лишеніе ея, которому здѣсь подверглись (2 кн. Царст. 10, 5.). Рассказываютъ по этому случаю объ одномъ Арабѣ, тяжело раненомъ въ подбородокъ, что онъ лучше желалъ подвергнуть жизнь свою опасности, чѣмъ дозволить отрѣзать часть своей бороды, чтобы можно было увидѣть рану. Христіане города Алеппо, которые посѣщали св. землю, отращали свою бороду какъ знакъ отличія; священники никогда не брѣютъ ее ⁱ⁾). Одинъ англійскій путешественникъ, говоря о перемѣнѣ, которую онъ долженъ былъ сдѣлать въ своемъ костюмѣ при вступленіи на св. землю, между прочимъ замѣчаетъ: «я прожилъ тамъ нѣсколько времени, чтобы отрастить себѣ бороду. Это на востокѣ составляетъ украшеніе, которымъ тамъ гордятся; очень многіе умащаютъ ее благовоніями и почти безпрестанно разглаживаютъ рукою. Въ св. Писаніи упоминается объ елѣ, который стекалъ на браду Аарона и на ометы (на края одежды его ^{k)}). Извѣстно также, что Песмія, возвратившись въ Иерусалимъ послѣ плѣна вавилонскаго, раздраженный нечестіемъ нѣкоторыхъ іудеевъ, приказалъ однихъ умертвить, а другимъ

i) Russell's history of Aleppo.

k) Rac Wilson's Travels in Palestine.

вырвать волоса (Неем. 13, 25.). Доселѣ у Турокъ и Персовъ вырваніе бороды считается наказаніемъ, которое употребляютъ иногда лица высшаго званія въ порывахъ своего часто слѣпаго гнѣва.

Въ Библии нерѣдко упоминается о пурпурѣ и багряницѣ; и въ настоящее время, также какъ въ древности, это—любимые цвѣта восточныхъ жителей. «Писатель Дѣяній Апостольскихъ, говоритъ Гартлей, замѣчаетъ, что Лидія торговала багрянницею (красною краскою) въ городѣ Өіатирѣ (Дѣян. 16, 14.). Замѣчательно, что въ этомъ городѣ найдены древнія надписи, въ которыхъ говорится о красильщикахъ: онѣ объясняютъ упомянутое мѣсто. Я не знаю, приходилось ли другимъ путешественникамъ замѣчать, что еще доселѣ въ Өіатирѣ приготавливаются особенно цѣнныя краски».

Когда Авимелехъ возвратилъ Аврааму Сарру, то сказалъ ей, указывая на мужа: «вотъ, это тебѣ покрывало для очей, предъ всѣми находящимися съ тобою и предъ всѣми прочими, чтобы знали тебя» (Быт. 20, 16.). Нѣкоторые думаютъ, что этими словами онъ хотѣлъ упрекнуть ее за то, что она не носила покрывала по обычаю всѣхъ почти женщинъ на востокѣ. Однако Буккингамъ замѣтилъ, что женщины той части Месопотаміи, откуда вышелъ Авраамъ, доселѣ составляютъ исключеніе относительно этого восточнаго обычая, и, какъ Сарра, не носятъ по-

крываль. «Онѣ, прибавляетъ онѣ, всѣ почти красивы и бодры, не обезображиваютъ себя подобно арабскимъ женщинамъ, не раскрашиваютъ свое лице синими пятнами, и не покрываются». И въ другомъ мѣстѣ: «женщины, которыхъ мы видѣли, дѣйствительно были красивы и имѣли всѣ признаки здоровья; онѣ были всѣ безъ покрываль. Сверхъ того всѣ онѣ были замѣчательно опрятны, и носили очень красивый костюмъ; онѣ состоялъ изъ бѣлыхъ или красныхъ шальваръ, бѣлаго платья и цѣпочекъ изъ кусочковъ золота, которыя онѣ прикрѣпляли къ своимъ вискамъ; длинные черные волосы упали локнами на ихъ плеча».

Когда Ревекка, послѣ долгаго путешествія съ рабомъ Авраама, *возвела очи* и увидѣла Исаака, который шелъ по полю, то сошла съ верблюда, «взяла покрывало и покрылась» (Быт. 24, 65.). Тоже самое сдѣлала бы въ настоящее время турецкая женщина, показываясь въ первый разъ своему будущему мужу; она почла бы для себя безчестіемъ, если бы другой кто кромѣ мужа увидалъ ее безъ покрывала. Св. апостоль Павелъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду этотъ обычай, когда сказалъ: «всякая женщина молящаяся или пророчествующая съ открытою головою, безчеститъ свою голову; ибо это тоже, какъ бы она была бритая» (1 Кор. 11, 5.). Снимая съ себя покрывало, чтобы открыто молиться или говорить публично, женщина казалась пренебре-

гающею всяквмъ чувствомъ стыда, какъ тѣ несчастныя, которыхъ за безправственную жизнь наказывали обрїтїемъ головы.

Покрывала восточныхъ женцихъ не похожи на тѣ, которыя у насъ дѣлають изъ легкой и прозрачной матерїи, чтобы завѣливать ими лицо (вуали). Они бывають различны смотря по мѣстности, званїю и состоянїю тѣхъ, которые носятъ ихъ. Покрывала палестинскихъ женщинъ обыкновенно состоятъ изъ куска бѣлой бумажной матерїи, которая покрываетъ голову и лице, оставляя только отверстїя для глазъ. Покрывала, которыя носятъ новобрачныя, бывають такъ длинны, что закрывають ихъ съ ногъ до головы; они нерѣдко бывають шелковыя и разукрашены блестящими цвѣтами.

Украшенїя, принесенныя рабомъ Авраама въ подарокъ Ревеккѣ (Быт. 24, 23.), были совершенно похожи на тѣ, которыя еще доселѣ носятъ женщины въ тойже самой странѣ. Одинъ путешественникъ, объясняя это мѣсто, говоритъ, что во всѣхъ азїатскихъ странахъ женщины носятъ очень тяжелыя кольца и запястья; у иныхъ запястья (браслеты) бывають толщиною въ палецъ; ихъ надѣвають одни за другими, такъ что рука иногда бываетъ покрыта ими отъ кисти до локтя. Запястья бѣдныхъ женцихъ бывають стекляныя или роговыя; онѣ не снимають ихъ почти никогда; въ этомъ ихъ богатство (Быт. 24, 47.).

Кольцо, которое было возложено на лобъ или точиѣ, по переводу съ подлинника, вдѣто въ ноздри Ревекки, безъ сомнѣнія, было тоже самое украшеніе, о которомъ говорится еще въ 3 гл. 21 ст. книги пророка Исаи и въ 11 гл. 22 ст. книги Притчей. Многіе путешественники говорятъ объ особенномъ украшеніи, которое въ обычаѣ между женщинами Персіи и Аравіи; онѣ прокалываютъ себѣ край лѣвой ноздри для вкладыванія въ него золотого кольца; это кольцо, иногда украшенное драгоценными камнями, достигаетъ подбородка. Такой обычай у насъ можетъ показаться смѣшнымъ: но много ли благоразумнѣе поступаютъ тѣ, которые прокалываютъ себѣ уши для тойже цѣли?

Пророкъ Исаія, перечисляя различные наряды женщинъ, говоритъ объ «украшеніи звучащими колокольчиками» («лучицахъ гривенныхъ») (Ис. 3, 18.). Руки и ноги нѣкоторыхъ арабскихъ женщинъ, рассказываетъ намъ одинъ путешественникъ (Wilson), были украшены большими стеклянными кольцами, которыя звучали, когда онѣ ходили. Эти кольца продаютъ въ Иерусалимѣ.

Въ тойже главѣ книги Пророка Исаи и въ 38 гл. 8 ст. книги Исходъ говорится о зеркалахъ іудейскихъ женщинъ; эти зеркала состояли не изъ полированного стекла, какъ теперь дѣлаются они у насъ,—а были не что иное, какъ ярко выполированныя металлическія полосы; зеркала іудейскихъ женщинъ были мѣдныя и при-

надлежали къ числу украшеній, потому что, какъ извѣстно, онѣ носили ихъ съ собою даже тогда, когда «собирались предъ дверьми скииніи свидѣнія». Маврскія женщины, живущія въ Варваріи, очень привержены къ своимъ нарядамъ, и въ особенности къ зеркаламъ, которыя онѣ вѣшаютъ передъ собою и не оставляютъ даже тогда, когда послѣ трудового дня онѣ принуждены бываютъ болѣе нежели за полмили, съ кувшинами или кожаными мѣшками въ рукахъ, идти отыскивать воду. Турецкія женщины также очень привержены къ своимъ зеркаламъ, которыя бываютъ малы, дегки и часто украшены драгоценными камнями. Въ Константинополѣ каждая модная женщина постоянно имѣетъ при себѣ зеркало и держитъ его или въ рукѣ, или на боку у себя. Езавель, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, для своего украшенія употребляла тѣже самыя средства, которыя и до настоящаго времени употребляютъ турецкія женщины высшаго званія. Выраженіе «она притирала свое лицо», безъ сомнѣнія, относится къ восточному обычаю разкрашивать вѣки темною краскою, нарочно для этого приготовленною.

Такъ вся эта суетность переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; она выражается различнымъ образомъ, смотря по особенностямъ страны и времени, но въ сущности остается все тѣмъ же безумнымъ тщеславіемъ, которое заставляетъ такъ многихъ придавать необыкновенную цѣну ни-

чтожнымъ побрякушкамъ и бесполезнымъ украшеніямъ; они какъ будто забыли, что придетъ для каждаго изъ насъ то время, когда отъ этихъ тѣлъ, столь усердно нами украшаемыхъ, не останется даже и того, что осталось отъ трупа Іезавели, — т. е. «ни черепа, ни ногъ, ни дланей рукъ» (4 Царст. 9, 35).

Кто устремилъ свой умъ къ духовнымъ предметамъ, для того самые обыкновенныя вещи бываютъ поводомъ къ серьезнымъ размышленіямъ. Такъ, напримѣръ, псалмопѣвецъ сравниваетъ тлѣнную человѣческую природу съ нашими одеждами: «ты уничтожаешь красоту его (тѣла), какъ моль истребляетъ одежду» (Псал. 39, 12.). Въ непрочности нашей одежды онъ видитъ образецъ непостоянства всѣхъ сотворенныхъ вещей и даже самихъ небесъ: «они обветшаютъ какъ одежда, восклицаетъ онъ; Ты измѣнишь ихъ какъ платье, и они преобразятся». Потомъ снова возвращаясь своею мыслию къ Единому Существо, въ которомъ нѣтъ измѣненія, ни даже тѣни переменны, онъ прибавляетъ: «но Ты всегда пребываешь и мѣта Твои не оскудѣютъ» (Пс. 102, 27. 28.).

Священные писатели часто употребляютъ слово «одежда» въ несобственномъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, для выраженія чувства радости они говорятъ объ одеждѣ, которую надѣваютъ въ радостныхъ случаяхъ,—«о ризѣ хвалы, которая будетъ дана вмѣсто духа унынія» (Ис. 61, 3.). Добрыя или худыя расположенія нашего духа

иногда представляются какъ бы нѣкоторою одеждою; такъ говорится, что «праведные облечены въ справедливость», а грѣшныя «облечены въ беззаконія, какъ въ одежду» (Псал. 104, 18.); грѣхъ изображается подл образомъ «ризы оскверненной плотію» (Іуд. 23 ст.). Чтобы выразить непорочность святыхъ ангеловъ и тѣхъ, которые приняты въ небесный Іерусалимъ, сказано, что они «облечены въ чистую и свѣтлую одежду» (Апок. 15, 6; 19, 8.). Священные писатели употребляютъ тотъ же способъ выраженія, когда говорятъ о Всемогущемъ, Который столь недоступенъ для нашего слабаго разума, что мы не можемъ составить себѣ понятіе о Его свойствахъ иначе, какъ чрезъ уподобленіе ихъ обыкновеннымъ предметамъ. «Ты облекся величіемъ и великолѣпіемъ» (Псал. 103, 1.), восклицаетъ псалмопѣвецъ, описывая непостижимость Творца вселенной; и далѣе сравниваетъ необъятныя совершенства Святѣйшаго святыхъ съ одеждою ослѣпительнаго блеска: «ты облекся свѣтомъ, говоритъ онъ, какъ ризою». Св. апостоль Павелъ употребляетъ подобный же способъ выраженія, когда описываетъ воскресеніе тѣла и соединеніе ихъ съ душами для вѣчнаго блаженства или мученія: «смертное тѣло будетъ облечено въ бессмертіе» (1 Кор. 15, 53.). Не должны ли и мы, одѣваясь каждое утро и приготавливаясь затѣмъ молиться, припоминать это выраженіе Апостола, чтобы мысль о томъ утрѣ воскресенія, въ кото-

рое мы пробудимся для «облеченія въ безсмертіе», произрдила каждодневно спасительное вліяніе на наше поведеніе?... Такимъ образомъ наши одежды вмѣсто повода къ паденіямъ, — вмѣсто того, чтобы возбуждать въ насъ чувства недовольства, зависти или тщеславія и т. п., служили бы для насъ предостерегающимъ средствомъ; мы на самомъ дѣлѣ увидѣли бы отрадное исполненіе той истины, что «любящимъ Бога все вспомоцествуетъ ко благу». Но, увы! сколько между нами такихъ, которые величайшую радость свою поставляютъ въ земныхъ украшеніяхъ и такимъ образомъ свои одежды обращаютъ къ собственной гибели!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. З—ва.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЧИНА СВЯТАГО ТАИНСТВА КРЕЩЕНІЯ ^{а)}).

П О У Ч Е Н І Е I.

(Освященіе воды).

По совершеніи оглашенія и заклинанія ^{б)}, готовящійся къ крещенію приносится, бр. мои, ко св. купели. «И входитъ священникъ и облачается въ священническую одежду бѣлую и на рукавницы, и вжигаемымъ всѣмъ свѣцамъ, возьмъ кадильницу, отходитъ къ купели, и кадитъ окрестъ, и отдавъ кадильницу покланяется Господу Богу». Блаж. Симеонъ въ объясненіе этихъ дѣйствій священника говоритъ слѣдующее: «Иерей становится, изображая собою Самого Христа, и имѣя силу Его. Купель наполняется водою, изображая Иорданъ; зажигаются свѣчи, — это означаетъ просвѣщеніе Духа и то, что крещаемый изъ тьмы идетъ къ свѣту и дѣлается уже сыномъ

а) Продолженіе поученій о церковныхъ требахъ. См. Душеп. Чтеніе за 1863 годъ.

б) Поученія о чинѣ оглашенія см. въ ноябр. книжкѣ Душеп. Чтен. 1863 г.

свѣта. Терей кадитъ вокругъ купели, знаменуя этимъ благоуханіе и святыню Духа, отгоняющаго всякое зловоніе грѣховное; ибо—это Духъ Святой»^{в)}). И отдавъ кадильницу, покланяется Господу Богу въ знакъ рабскаго служенія Ему.

Потомъ, послѣ предварительнаго діаконскаго воззванія: благослови Владыко, священникъ благословляетъ и прославляетъ царство—Отца и Сына и Святаго Духа, — царство Пресвятыя Троицы, которая едина владычествуеть надъ всѣми и которая явила свою царственную силу и теперь, исхитивъ младенца вашего отъ лукаваго. Къ этому-то царству окончательно и всецѣло причисляется онъ теперь. За тѣмъ слѣдуетъ великая ектенія, въ которой къ обыкновеннымъ прошеніямъ присоединяется нѣсколько особенныхъ прошеній, приличныхъ настоящему случаю. Вотъ эти прошенія, бр. мои:

а.) «О еже освятитися водѣ сей силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Св. Духа». Ради великаго и пренебеснаго таинства св. Церковь употребляетъ не простую воду, но освященную силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Св. Духа.

б.) «О еже ниспослатися ей благодати избавленія, благословенію Іорданову». Въ Іорданѣ крестился Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и освятить, какъ говорится въ церковныхъ пѣнопѣніяхъ, естество водное. Св. Церковь теперь

в) Сим. солун. т. II. 62.

молить Господа, чтобы и воды нашей купели были также святы и благословенны, какъ воды іорданскія во время крещенія Господа Иисуса Христа.

в.) «О еже пріити на воду сію очистительному Пресущественныя Троицы дѣйству». Вода обыкновенная омываетъ нечистоту плотскую; но мы не для того конечно принесли къ св. купели младенца нашего, чтобы омыть нечистоты тѣлесныя; ему потребно очищеніе души отъ грѣховъ. И потому мы молимъ Господа, чтобы дѣйствіемъ Пресвятой Троицы вода получила благодать и силу очистить и смыть съ души нашего младенца всякую скверну грѣховную; но вмѣстѣ съ душою безъ сомнѣнія очищается отъ грѣховной скверны и тѣло, жилище души и орудіе ея грѣховныхъ дѣйствій.

г.) «О еже просвѣтитися намъ просвѣщеніемъ разума и благочестія наитіемъ Святаго Духа». Не только младенецъ ванъ, приступающій къ св. крещенію имѣетъ нужду въ озареніи свѣтомъ разумѣнія и благочестія, но и всѣ мы, присутствующіе при совершеніи св. таинства крещенія, всѣ имѣемъ нужду въ томъже озареніи, ибо всѣ должны вѣровать, что здѣсь совершается духовное возрожденіе человѣка грѣшника благодатію Св. Духа, преведеніе его изъ области тьмы и грѣха въ царство свѣта и истины; что же, какъ не благодать Св. Духа, можетъ просвѣтить насъ сею вѣрою и укрѣпить въ ней?

д.) «О еже показатися ей (т. е. водѣ) отгна-
нію всякаго навѣта видимыхъ и невидимыхъ вра-
говъ». Доколѣ человекъ не омоется въ св. во-
дахъ крещенія, на него всячески нападаетъ врагъ
нашего спасенія діаволь; опъ, какъ левъ, ищетъ
поглотить его, строить ему ковы и навѣты не-
видимо, а иногда чрезъ видимыхъ враговъ, ста-
рающихся совратить его на путь нечестія; и по-
тому-то св. Церковь молитъ Господа, чтобы вода
сдѣлалась для крещаемого отгнаніемъ всякаго
навѣта видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

Доселѣ по преимуществу молились мы объ
освященіи воды; теперь мы будемъ возносить
молитвы наши и о приступающемъ къ крещенію.

е.) «О еже достойну быти нетлѣннаго царствія
въ ней крещаемому». Сподоби его, Господи,
чрезъ св. крещеніе удостоиться нетлѣннаго цар-
ствія Твоего, — быть членомъ церкви Твоей, въ
которой Ты обѣщаль пребывать до скончанія
вѣка, — и наслѣдникомъ небеснаго вѣчнаго цар-
ства.

ж.) «О еже нынѣ приходящемъ ко святому
просвѣщенію и о спасеніи его».

з.) «О еже показатися ему сыну свѣта и на-
слѣднику вѣчныхъ благъ». До крещенія каждый
есть сынъ тьмы, наслѣдникъ вѣчныхъ мукъ;
чрезъ св. крещеніе онъ имѣетъ содѣлаться сы-
номъ свѣта и наслѣдникомъ вѣчныхъ благъ.

и.) «О еже быти ему сраслену и причастнику
смерти и воскресенія Христа Бога нашего».

Черезъ св. крещеніе человѣкъ прививается ко Христу, какъ доброй, плодovитой маслинѣ, и является участникомъ въ плодахъ спасительной смерти и воскресенія Христа. Это участіе особенно ясно выражается въ видимомъ погруженіи крещаемого въ воду, и возникновеніи изъ воды. Погруженіе въ воду соотвѣтствуетъ погребенію Христову, возникновеніе изъ воды — возстанію Его изъ гроба. Такимъ образомъ купель крещенія есть какъ бы гробъ Христовъ — источникъ нашего воскресенія.

і.) «О еже сохранить ему одежду крещенія и обрученіе Духа нескверно и непорочно въ день страшный Христа Бога нашего». На каждаго по крещеніи возлагается тотчасъ бѣлая одежда въ знакъ того, что онъ омылся отъ всѣхъ грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ, что онъ вышелъ изъ св. купели чистымъ и непорочнымъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ для внушенія ему, что дальнѣйшая жизнь его въ христіанствѣ должна быть чиста, какъ его риза, въ которую онъ облекся по крещеніи; что онъ долженъ и на страшномъ судѣ Христовомъ, въ день страшнаго испытанія, явиться чистымъ и непорочнымъ. По облеченіи крещенаго въ бѣлую одежду, ему будутъ сообщены въ таинствѣ мвропомазанія дары Св. Духа, какъ залогъ наслѣдія вѣчной блаженной жизни, которые онъ долженъ вѣрно сохранять подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности на страшномъ судѣ Христовѣ. Поэтому-то св. Церковь и молитъ Госпо-

да, чтобы Онъ Своею божественною благодатію помогъ приѣмлющему крещеніе и муропомазаніе сохранить чистоту и непорочность души, полученныя имъ во св. крещеніи,—помогъ ему соблюсти, возрастить, раскрыть въ дѣятельности истинно-христіанской тѣ дары Св. Духа, которые даются ему въ таинствѣ св. муропомазанія, совершающемся у насъ тотчасъ послѣ крещенія.

к.) «О еже быти для него водѣ сей банею пакибытія, оставленію грѣховъ и одежды нетлѣнія». Пакибытіе, это, какъ и ниже увидимъ, значитъ возрожденіе для новой жизни. Вода крещенія называется банею пакибытія, потому что сею водою омываются скверны ветхаго человѣка и омытый въ ней является новымъ человѣкомъ.

л.) «О еже услышати Господу Богу гласъ моленія нашего». Высказавъ предъ Господомъ столь много и притомъ столь важныхъ моленій, св. Церковь молится наконецъ и о томъ, чтобы эти моленія не остались тщетными предъ Господомъ, но чтобы дошли до престола Божія, и были услышаны на небѣ.

Бр. мои! Много прошеній высказали мы Господу Богу прежде совершенія самаго таинства крещенія; много нашихъ благожеланій для имѣющаго креститься выразили мы предъ лицомъ самаго Бога, предъ лицомъ святыхъ Его Ангеловъ и всѣхъ присутствующихъ во храмѣ. И къ каждому изъ этихъ прошеній и благожеланій мы присоединяли одну обычную нашу молитву: «Го-

споди помилуй!»! «По истинѣ, — скажемъ словами блаж. Симеона солунскаго, — по истинѣ здѣсь даруется великая милость Божія: здѣсь усыновляется прежній врагъ и беззаконникъ» г).

Здѣсь мы на время остановимся, воздавъ хвалу Господу Богу. Аминь.

П О У Ч Е Н І Е П.

Въ то время, когда діаконъ читаетъ ектенію, а клиръ отъ лица всего народа взываетъ: Господи помилуй, преклоняя Господа на милость и къ намъ самимъ, и особенно къ имѣющему принять св. крещеніе, — въ то время священникъ молится втайнѣ за себя самага, исповѣдуя предъ Богомъ — сердцеѣдцемъ свое не достоинство и трепеща духомъ, чтобы, очищая другихъ, самому не явиться оскверненнымъ грѣхами, — и испрашиваетъ себѣ у Господа благодатной силы къ достойному совершенію великаго и пренебеснаго таинства крещенія. — «Да не свободу инымъ возвѣщай и сію подавая, самъ яко рабъ грѣха неискусенъ (непотребный) буду», — говоритъ священникъ въ своей тайной молитвѣ. То есть: мнѣ стыдно предъ лицомъ Твоимъ, Господи, возвѣщать и подавать другимъ освобожденіе отъ грѣховъ, и въ то же время самому быть непотребнымъ рабомъ грѣха. Да не будетъ сего со мною Господи. — «Ии, Владыко, едине благій и человеко-

г) Сим. Солун. т. II. 63.

любивый, да не возвращуся смиренъ (посрамленъ): но низпосли мнѣ силу съ высоты, и укрѣпи мя къ службѣ подлежащаго Твоего таинства, великаго и пренебеснаго; и вообрази Христа Твоего въ хотящемъ паки родитися моимъ окаянствомъ. И назидай его на основаніи Апостоль и Пророкъ Твоихъ».

Послѣ тайной молитвы, исполненной покаянія и сокрушенія, священникъ вслухъ всѣхъ, троекратно въ знакъ крѣпкой молитвы, взываетъ ко Господу Иисусу: «велий еси Господи, и чудна дѣла Твоя, и ни едино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ» ^{а)}! И вслѣдъ за тѣмъ изображаетъ въ подробныхъ чертахъ величіе Господа Иисуса и чудныя дѣла Его, какъ Творца, Промыслителя и Искупителя, и потомъ умоляетъ Его, чтобы Онъ, освятившій струи Іордана своимъ погруженіемъ въ нихъ и низпосланіемъ въ нихъ Св. Духа, пришелъ и освятилъ и уготованную воду для благодатнаго возрожденія въ ея струяхъ приступающаго къ крещенію. «Ты хотѣніемъ Твоимъ отъ небытія во еже быти приведый всяческая, Твоею державою содержиши тварь и Твоимъ Промысломъ строиши міръ.... Тебе трепещутъ умныя вся силы; Тебе поетъ солнце, Тебе славить луна; Тебѣ присутствуютъ звѣзды, Тебе слушаетъ свѣтъ; Тебе трепещутъ

а) Молитва эта читается также при освященіи воды въ день Богоявленія.

бездны; Тебѣ работаютъ источники. Ты простерль еси небо яко кожу; Ты утвердиль еси землю на водахъ; Ты ко отдыханію воздухъ изліяль еси. Ангельскія силы Тебѣ служатъ, архангельстїи лица Тебѣ кланяются; многоочитїи херувими и шестокрилатїи серафими окрестъ стояще и облетающе страхомъ неприступныя славы Твоея покрываются. Ты бо Богъ сый неописанный, безначальный же и неизглаголаный, пришелъ еси на землю, зракъ раба прїимъ, въ подобїи челоувѣчествъ бывъ: ибо не терпѣль еси Владыко, милосердія ради милости Твоея, зрѣти отъ діавола мучима рода челоувѣча; но пришелъ еси и спасль еси насъ. Исповѣдуемъ благодать, проповѣдуемъ милость, не таимъ благодѣянїя: естества нашего роды свободиль еси; дѣвственную освятиль еси утробу рождествомъ Твоимъ: вся тварь воспѣваетъ Тя явльшагося: Ты бо Богъ нашъ на земли явился еси и съ челоувѣки пожиль еси: Ты Иорданскія струи освятиль еси, съ небеси ниспославый Святаго Твоего Духа, и главы тамо гнѣздящихся сокрушилъ еси змїевъ. Ты убо челоувѣколюбче царю, прїиди и нынѣ наитїемъ Святаго Твоего Духа, и освяти воду сію». Послѣднїя слова священникъ возглашаетъ трижды, выражая усиленную свою молитву, и вмѣстѣ съ тѣмъ трижды крестообразно знаменуетъ воду, живописуя надъ нею образъ Христа.

«И даждь ей»—продолжаетъ священникъ свою

молитву—«и даждь ей благодать избавленія, благословеніе Иорданово: сотвори ю нетлѣнія источникъ, освященія даръ, грѣховъ разрѣшеніе, недуговъ исцѣленіе, демоновъ всегубительство, сопротивнымъ силамъ непрístupну, Ангельскія крѣпо́сти исполнену: да бѣжатъ отъ нея навѣтующіи созданію Твоему: яко имя Твое Господи призвахъ дивное и славное и страшное сопротивнымъ».

И снова знаменуетъ Священникъ воду трижды крестнымъ знаменіемъ, погружая переты свои въ водѣ, и, дунувъ на нее, говоритъ трижды: «да сокрушатся подъ знаменіемъ образа креста Твоего вся сопротивныя силы». Начертаніемъ крестнаго знаменія, страшнаго бѣсамъ, священникъ какъ бы преслѣдуетъ вражескія силы во всѣхъ частяхъ воднаго естества; а троекратнымъ дуновеніемъ въ воду сообщаетъ ей силу Духа Божія, который съ этой минуты осѣняетъ ее своимъ наитіемъ, подобно тому какъ нѣкогда Онъ осѣнялъ воды творенія (Быт. 1, 2.), прообразовавши собою воду крещенія.

Продолжая молитву освященія воды, священникъ говоритъ: «молимся Тебѣ, Господи, да отступятъ отъ насъ вся воздушная и неявленная привидѣнія: и да не утаится въ водѣ сей демонъ темный, ниже да снидетъ съ крещающимся духъ лукавый, помраченіе помысловъ и мятежь мысли наводяй: но Ты, Владыко всѣхъ, покажи воду сію—воду избавленія, воду освя-

щенія, очищеніе плоти и духа, ослабу узъ, оставленіе прегрѣшеній, просвѣщеніе душъ, баню паки-бытія, обновленіе духа, сыноположенія дарованіе, одѣяніе нетлѣнія, источникъ жизни. Ты бо реклъ еси Господи: измыйтеся и чисти будете, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ; Ты даровалъ еси намъ свыше пакирожденіе водою и Духомъ. Явися Господи на водѣ сей, и даждь претворитися въ ней крещасемому во еже отложить убо ветхаго человѣка, тлѣемаго въ похотѣхъ прелести, облещися же въ новаго, обновляемаго по образу его Создавшаго, да бывъ срасленъ подобію смерти Твоя крещеніемъ,—общникъ и воскресенія будетъ: и сохранивъ даръ Святаго Твоего Духа, и возрастивъ залогъ благодати, пріиметь почеть горняго званія, и сопричтется къ перворожденнымъ написаннымъ на небеси».

Въ этой молитвѣ вы слышали, бр. мои, нѣсколько выраженій, которыя требуютъ объясненія. Вотъ эти выраженія:

Покажи воду сію—баню пакибытія; и еще: Ты даровалъ еси намъ свыше пакирожденіе водою и Духомъ. Словами: *пакибытіе, свыше пакирожденіе* означается новос, благодатное, духовное, таинственное возрожденіе человѣка—грѣшника въ жизнь святую посредствомъ благодати Св. Духа въ таинствѣ крещенія. Младенецъ рождается отъ отца и матери, это его плотское, первое рожденіе; оно вводитъ насъ въ жизнь

естественную; но не даетъ намъ жизни вѣчной; мы раждаемся зараженными грѣхомъ, отягченными проклятіемъ, осужденными на смерть вѣчную. Человѣкъ крещается въ св. водахъ купели, вотъ его второе рожденіе, или, какъ выражается св. Церковь, *пакирожденіе, пакибытіе, возрожденіе водою и Духомъ Святымъ*. Оно не нами придумано, не нашими силами совершается; оно даровано намъ самимъ Господомъ Иисусомъ: «Ты даровалъ еси намъ свыше пакирожденіе водою и Духомъ», говоритъ священникъ въ молитвѣ своей къ Нему, оно совершается силою и дѣйствіемъ Св. Духа.

Дажь претворитися въ ней крещаемому во еже отложити убо ветхое чловѣка тльемаго въ похотьхъ прелести, облеущия же въ новое, обновляемаго по образу Создавшаго его. Въ таинствѣ крещенія мы возрождаемся, претворяемся, дѣлаемся, какъ говоритъ св. апостоль Павелъ, новою тварію (2 Кор. 5, 17.). Въ чемъ же состоитъ это возрожденіе и претвореніе? Вотъ въ чемъ: мы отлагаемъ, снимаемъ съ себя, какъ старую нечистую одежду, всю грѣховность и виновность свою, всю тяжесть осужденія, лежавшаго на насъ, всю поврежденность естества нашего, и облекаемся въ новаго чловѣка, который вновь создается въ насъ по образу Создателя нашего.

Еще: *да бывъ срасленъ (рѣчь идетъ о крещаемомъ) подобію смерти Твоя крещеніемъ,*

общникъ и воскресенія будетъ. Смысль этихъ словъ поясняется слѣдующимъ мѣстомъ изъ посланія св. апостола Павла къ Римлянамъ: *или не вѣсте, говоритъ св. апостоль, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ. Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенію будемъ* (Рим. 7, 3—5.). Эти слова Апостола читаются при совершеніи таинства св. крещенія, и означаютъ то, что, погружаясь въ освященную воду въ таинствѣ крещенія, мы умираемъ со Христомъ, а возникая изъ воды воскресаемъ съ Нимъ для жизни новой, благодатной, и такимъ образомъ въ томъ и другомъ случаѣ мы тѣснѣйшимъ образомъ соединяемся со Христомъ, являемся *срасленными* съ Нимъ, привитыми къ Нему.

Еще: *да пріиметъ почеть горняю званія и сопричтется перворожденнымъ написаннымъ на небеси.* Этими словами указывается на призваніе крещаемого къ вѣчной славѣ, къ вѣчному блаженству на небѣ, на сопричисленіе къ святымъ праотцамъ, патріархамъ, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ, святителямъ и прочимъ святымъ Божиимъ челоуѣкамъ. Всѣ они прежде насъ возродились въ жизнь духовную и прежде пріяли блаженство небесное и вписаны въ книгу вѣчной жизни (Евр. 12, 23.).

Такова бр. мои, молитва, читаемая при совершении водоосвященія предъ крещеніемъ. Съ какимъ трепетомъ и благоговѣніемъ мы должны слушать ее! Какъ пламенно должны молиться, принимая къ сердцу слова ея! И увы, бр. мои, какъ нерѣдко приходится замѣчать, что эта молитва пропускается многими изъ васъ вовсе безъ вниманія! Во время чтенія начинается приготовленіе ризокъ, рубашки, пояса и проч. Сего не должно быть, бр. мои!... Всѣмъ вниманіемъ вашимъ, всею силою молитвы и вѣры, любви и упованія вашего укрѣпите души ваши во время чтенія этой молитвы; этого требуетъ сущность дѣла. Аминь.

П О У Ч Е Н І Е Ш.

Послѣ молитвы освященія воды священникъ приступаетъ къ освященію другой принадлежности крещенія—елея. И здѣсь такъже, какъ при освященіи воды, онъ троекратно дуетъ въ сосудъ съ елеемъ, дуновеніемъ сообщая елею благодать Св. Духа по примѣру Иисуса Христа; трижды осѣняетъ елей крестнымъ знаменіемъ, и потомъ читаетъ молитву освященія елея. Въ сей молитвѣ священникъ воспоминаетъ масличную вѣтвь принесенную въ ковчегъ Ноевъ голубицею и послужившую знаменіемъ примиренія Бога съ міромъ и спасенія его отъ потопа, а вмѣстѣ знаменіемъ новозавѣтной благодати при-

мирения челоуѣка съ Богомъ ; воспоминаеть да-
лѣе о сообщеніи людемъ Св. Духа чрезъ пома-
заніе ихъ елеемъ въ ветхомъ и новомъ Завѣтѣ,
и потомъ умоляетъ Господа, чтобы Онъ силою
и дѣйствіемъ Св. Духа благословилъ и сей елей
и даровалъ ему силу быть помазаніемъ нетлѣ-
нія, оружіемъ правды, обновленіемъ души и тѣ-
ла, отгнаніемъ всякаго дѣйства діавольскаго, из-
бавленіемъ отъ всѣхъ золъ для помазующихся
отъ него. По окончаніи сей молитвы, священ-
никъ соединяетъ елей съ освященною водою
крещенія, творя три креста елеемъ въ водѣ.
Этимъ соединеніемъ елея съ водою явственно
изображается то, что крещеніе есть рожденіе
водою и Св. Духомъ, ибо елей въ ветхомъ за-
вѣтѣ употребляемъ былъ какъ проводникъ благо-
дати Св. Духа для освященія царей, первосвя-
щенниковъ и пророковъ. Во время приобщенія
елея къ водѣ, священникъ вмѣстѣ съ прочими
вѣрующими поетъ *аллилуія*, прославляя милость
Божію, готовую излиться на крещаемого въ ку-
пели. Къ пѣнію аллилуія въ древности е), при-
соединяемо было пѣніе 28-го псалма, въ кото-
ромъ прославляется могущество Господа, открыва-
ющееся въ величественномъ гласѣ Божіемъ,
или громѣ. Гласъ сей гремитъ надъ водами, . . .
Господь надъ водами многими (ст. 3.). Какъ
прилично вспомнить эти слова псалма при видѣ

е) См. примѣчаніе (N 12) Гоара къ чину крещенія.

водъ крещенія, въ которыхъ также проявляется слава Господа, освящающаго естество водное, и неизреченная милость Господа, призывающаго людей принять отъ сихъ водъ благодать освященія! «Гласъ Господень на водахъ вопіеть, глаголя: прїидите, прїимите вси Духа премудрости». . .

Вслѣдъ за описаннымъ дѣйствиємъ, священникъ взываетъ: «благословенъ Богъ просвѣщай и освящай всякаго человѣка грядущаго въ міръ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»,—и приступаетъ къ помазанію крещаемаго освященнымъ елеемъ. Онъ прїемлетъ струецъ съ елеемъ и творить образъ креста на челѣ, на персяхъ, на междурамїи, ушахъ, рукахъ и ногахъ. При помазаніи чела, говоритъ: «помазуется рабъ Божій имярекъ елеемъ радованія во имя Отца и Сына и Св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Потомъ помазуя крестообразно перси и междурамїя, говоритъ: «во исцѣленіе души и тѣла». Помазуя на ушахъ: «въ слышаніе вѣры». Помазуя на рукахъ: «руцѣ Твои сотворишь мя и создашь мя». Помазуя на ногахъ: «во еже ходити по стопамъ заповѣдей Твоихъ».

Помазаніе елеемъ, совершаемое предъ крещеніемъ, было всегдашнимъ обычаемъ Церкви,—объ этомъ свидѣтельствуютъ весьма многіе отцы и учителя древней Церкви, какъ восточной, такъ и западной. Только съ помазаніемъ они соединяли разныя знаменованія. По мнѣнію св. Ам-

вросія и св. Златоуста *), крещаемый, чрезъ помазаніе, содѣлывается способнымъ ратоборствовать противъ вѣка сего, по примѣру древнихъ борцевъ, которые, выходя на борьбу, помазывали тѣло свое елеемъ. По словамъ св. Кирилла іерусалимскаго, елеопомазаніе служитъ знаменіемъ привитія нашего къ Господу Иисусу Христу— истинной маслинѣ. «Уже вы отъ главы до ногъ помазаны заклінательнымъ елеемъ, говорилъ св. Отець въ свое время крещаемымъ,—и содѣлались причастниками Христа—сей плодовой маслины»³⁾. Св. Амвросій Медиоланскій даетъ этому елеопомазанію значеніе приготовленія крещаемого къ духовному, таинственному спогребенію со Христомъ. «Купель крещенія есть какъ бы нѣкая гробница, въ которой вѣрующіе спогребаются Христу, дабы совоскреснуть съ Нимъ; а предъ погребеніемъ Господа тѣло Его было помазано. Посему крещаемый чрезъ помазаніе елеемъ уготавливается къ духовному спогребенію со Христомъ»^{и)}.

Всѣ эти частныя мнѣнія св. отцевъ и учителей Церкви не противорѣчатъ одно другому и могутъ быть сведены въ общую мысль, которая можетъ быть выражена такъ: чрезъ помазаніе

ж) Амвросія De myst lib. I. c. 2. Златоуста бесѣд. на посл. къ Колос.

з) Св. Кир. Іер. 2. тайнов. оглаш. 3.

и) Ambr. Med. lib. de his, qui myst. initiantur. lib. 3. de Sacram.

освященнымъ елеемъ крещающійся прививается ко Христу, какъ къ плодовой маслинѣ, готовится къ духовному спогребенію со Христомъ, дабы совоскреснуть вмѣстѣ съ Нимъ и явиться мужественнымъ ратоборцемъ въ борьбѣ со врагомъ спасенія нашего. Соотвѣтственно сему значенію помазанія елеемъ предъ крещеніемъ, елей сей, въ молитвѣ освященія его, называется оружіемъ правды, отгнаніемъ всякаго дѣйства діавольскаго, подобно тому какъ для борцевъ лучшимъ средствомъ для защиты въ борьбѣ служило намащеніе тѣла елемъ. Въ молитвѣ елей называется помазаніемъ нетлѣнія и обновленіемъ души и тѣла конечно потому, что чрезъ помазаніе освященнымъ елеемъ крещаемый соединяется со Христомъ, какъ бесплодная маслина съ плодоносною, какъ духовно мертвый съ источникомъ жизни и нетлѣнія, и чрезъ то становится новою тварію и наслѣдникомъ вѣчной жизни.

Въ частности чело помазуется въ ознаменованіе радости о Дусѣ Святѣ; перси и междорамія во исцѣленіе души и тѣла, такъ какъ человекъ до крещенія израненъ бываетъ общимъ врагомъ и пораженъ имъ. Уши помазуются въ слышаніе вѣры; руки во свидѣтельство того, что мы созданы руками всемогущаго Бога; ноги—во еже ходити по стопамъ заповѣдей Его.

Такъ, бр. мои, св. Церковь уготовляетъ каждому къ духовному возрожденію и обновленію.

Мы дошли до самыхъ важнѣйшихъ минутъ въ

совершеніи таинства крещенія. Вода для совершенія крещенія освящена и вполнѣ уготована; благодать Духа Святаго готова возродить крещаемого въ святыхъ водахъ крещенія; и самъ крещаемый вполнѣ уготованъ къ этому таинственному возрожденію. Остается только совершить самое таинство. Объ этомъ, если Господь поможетъ, мы будемъ говорить въ слѣдующій разъ.

Свящ. Василій Владиславлевъ.

П И С Ъ М А

КЪ ИСКАВШИМЪ СОВѢТА.

I.

Отвѣтъ на слово: *желаю спастися.*

Хорошо желаніе спастися: но иногда желаютъ, чтобы спасеніе пришло, какъ завтрашній праздникъ; а не думаютъ, что до великаго праздника дойти надобно чрезъ страстную недѣлю. Если желаемъ праздновать и блаженствовать со Христомъ: возжелаемъ съ Нимъ не творить своей воли, терпѣть, страдать безъ роптанія, и во дни умерщвленія ветхаго человѣка, съ вѣрою и надеждою ждать предопредѣленнаго дня воскресенія новаго человѣка, или хотя предварительнаго прообразовательнаго преображенія.

Господь да сохранитъ и утвердитъ, да проститъ и очиститъ, да посѣтитъ и утѣшитъ Васъ!

Готовящемуся къ исповѣди.

Припадній призвать на покаяніе, да даруетъ тебѣ духъ покаянія, а по духу покаянія прощеніе всѣхъ грѣховъ, и плоды достойные покаянія.

Духъ же покаянія не въ томъ только, чтобы дохнуть имена грѣховъ въ слухъ пріемлющему исповѣдь. Надобно, чтобы сердце, отколѣ исходятъ помышленія, отказалось и отказывалось отъ нихъ, какъ скоро примѣтитъ ихъ злыми или нечистыми, и, елико можно, отверзалось къ ощущеніямъ чистымъ и святымъ. Скорби кротко; не вымучивай изъ себя скорби. Надѣйся: но не облѣняйся по надеждѣ. Можно быть жертву скорбію; можно быть обольщену утѣшеніемъ. Обличай въ себѣ и отвергай неправду; познавай и дѣлай правду; внимай себѣ; взирай на Вземлющаго грѣхи міра. Смотри по вѣрности въ семь упражненіи, свидѣтельство совѣсти откроется съ скорбію ли,—сладкою, съ утѣшеніемъ ли,—нелъстивымъ.

Чтобъ имѣть непрерывную память Господа Распятаго, не одно желаніе требуется, но и подвигъ. Если ученикъ скажетъ, какъ желалъ бы я знать урокъ! урокъ чрезъ то не будетъ выучень, а нужно повторять его многократно и часто, чтобъ изучаемое вселилось въ учащагося. Когда же и при упражненіи въ подвигъ, подвигъ оказывается недостаточнымъ, не предавайся унынію, но съ безмолвіемъ повергай себя предъ Богомъ, и терпя потерпи Господа. Случается, что утомленный ученикъ съ нетвердо выученнымъ урокомъ повергается, засыпаетъ, и по-утру находитъ урокъ свой совершенно выученнымъ.

Господь Іисусъ Наставникъ да научить тебя

всему. Господь Иисусъ, праведный, но и человѣколюбивый Судія, да проститъ тебѣ все. Господь Иисусъ, Божія сила, да укрѣпитъ тебя!

Если уныніе часто приходитъ: и уныніе принеси предъ очи Господни. Что вынесешь предъ солнце, все то свѣтлѣе становится. Спасеніе тебѣ! Спасеніе вамъ всѣмъ!

III.

Къ жаловавшемуся, что не можетъ молиться.

Не надобно разслаблять себя мыслию: не могу молиться. Ибо если не могу: то нечего дѣлать; нельзя дѣлать невозможное. Нѣтъ! По благодати крещенія, человѣкъ имѣетъ *начатокъ духа*, какъ говоритъ Апостолъ; и сей духъ есть духъ молитвы. Если онъ и недышетъ ощутительно: и въ обморокѣ скрывается способность дыханія, которая можетъ быть возбуждена. Признаемся же, что мы не довольно возбуждаемъ себя къ молитвѣ, которой способность непрестанно даруетъ Духъ Божій. Если кажется, что не можешь молиться; молись желаніемъ обрѣсти молитву; молись исповѣданіемъ предъ Богомъ своего охлажденія и нечувствія; взирай къ Нему въ молчаніи. *Се, яко очи рабъ въ руку господей своихъ: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны.* Иногда не смѣютъ и не умѣютъ рабы изъясниться предъ Господомъ: но Онъ сквозь возведенныя къ Нему очи видитъ сердца,

и даетъ слово прощенія, или исполняетъ прошеніе, котораго выговорить не умѣли. Да будутъ очи наши ко Господу Богу нашему.

IV.

О болящемъ.

Упованія на помощь Божию и послушанія волѣ Божіей усердно желаю Вашему болящему, и Вамъ соскорбящимъ ему.

У вашихъ врачей свои, а у меня свои врачебныя предписанія, или, какъ они говорятъ, рецепты. Вотъ одинъ, который написалъ добрый ученикъ единственнаго Врача. *Болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне: и молитва въры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему.* Часто случается, что и больные медлятъ прибѣгать къ сему врачевству, и окружающіе ихъ боятся предложить оное, какъ будто за нимъ слѣдуетъ смерть. Видите, что оно назначено, дабы спасти болящаго, воздвигнуть его, доставить ему отпущеніе грѣховъ; а отпущеніе грѣховъ врачебно и для временной жизни, умиротворяя душу, и во всякомъ случаѣ спасительно въ отношеніи къ жизни вѣчной. Подчинитесь въ употребленіи сего врачевства апостольскому

предписанію, а не предразсудку или обычаю, не всегда разсудительному.

Молитесь, и надѣйтесь на Бога. Впрочемъ скорби посылаются не для одной надежды, но и для терпѣнія. Надѣйтесь помощи, и будьте расположены терпѣть скорбь въ послушаніи. Пока болѣзнь по малу подаетъ мысль о смерти, рано или поздно неизбѣжной, пріучайтесь по малу и къ мысли о смерти, чтобы, когда и сія наконецъ явится, не явилась слишкомъ печально. Или я огорчаю Васъ сими мыслями, когда надлежало бы утѣшать? Не желалъ бы. Но мнѣ кажется, должно слѣдовать, сколько можно, указаніямъ Провидѣнія Божія. Ищите утѣшенія не всегда въ томъ одномъ, чтобы имѣть желаемое, но и въ томъ, чтобы послушно переносить неизвѣстность будущаго, и мирить настоящее съ будущимъ. Впрочемъ Богъ утѣшенія да будетъ съ вами, и да даруетъ вамъ по надеждѣ, и паче надежды.

V.

По вопросамъ о храмовомъ праздникѣ воскресенія Христова.

Посланные Вами, мною сего дня полученные, вопросы, возникшіе по случаю разговора о церкви воскресенія Христова, поднимаютъ меня отъ немощи, которую принесъ я изъ путешествія, и которая тяготѣетъ надо мною нѣсколько уже дней.

Утѣшительно знать, что церковные предметы близки къ сердцу высокопоставленныхъ особъ, и даже подробностями своими возбуждаютъ ихъ вниманіе, и входятъ въ ихъ бесѣду.

ВОПРОСЪ ПЕРВЫЙ.

Почему храмовый праздникъ храма воскресенія Христова бываетъ 13 сентября, а не въ день Пасхи?

ОТВѢТЪ.

Для полноты и ясности отвѣта нужно обратиться къ церковной исторіи.

Когда ветхозавѣтный Иерусалимскій храмъ былъ римлянами разрушенъ, и Иерусалимъ опустошенъ: христіане не преставали благоговѣть къ мѣсту страданія, погребенія и воскресенія Христова. Противодѣйствуя сему, Римскій императоръ *Элій Адрианъ*, построилъ на мѣстѣ Иерусалима городъ, и назвалъ его отъ своего имени *Элія*; холмы, Голгоѣскій и гроба Господня, велѣлъ засыпать, и на сихъ мѣстахъ поставилъ истуканы языческихъ божествъ, думая въ семъ видѣть совершенную побѣду язычества надъ христіанствомъ. *Живый на небесахъ посмѣялся ему*. Елена, мать Константина Великаго, низвергла идола; велѣла снять насыпи; открыла каменные холмы Голгоѣы и гроба Господня; и, какъ они были одинъ отъ другаго недалеко, рѣшилась создать обширный храмъ, въ которомъ бы они вмѣстились, отъ

чего храмъ сей и не имѣть симметрическаго расположенія нѣкоторыхъ частей. Константинъ Великій довершилъ созиданіе храма сего; созвалъ многихъ епископовъ для освященія его, и оно совершилось въ 13 день сентября.

Теперь спрашивается: не долженъ ли былъ быть храмовымъ праздникомъ сего храма день Пасхи? Константинъ и Іерархія отвѣтствовали: нѣтъ.

Во первыхъ, потому, что день Пасхи есть царь праздниковъ, полнота торжественности христіанской, всеобъемлющая радость, и потому не надобно было присоединять къ ней меньшаго и частнаго празднованія, каково есть воспоминаніе освященія храма. Во вторыхъ, потому, что въ ветхозавѣтномъ іерусалимскомъ храмѣ праздновался день освященія его (Іоан. 10, 22.); слѣдственно и въ новозавѣтномъ, на мѣсто того поставляемомъ храмѣ, прилично было сдѣлать храмовымъ праздникомъ день освященія его.

Но поелику храмъ, созданный на мѣстѣ креста, погребенія и воскресенія Христова, и сохраняющій въ себѣ истинный крестъ и гробъ Христовъ, по справедливости должно было признать главнымъ храмомъ не города, не области, но всего христіанскаго міра: то признано было личнымъ день освященія іерусалимскаго храма праздновать во всѣхъ христіанскихъ церквахъ.

Когда же сіе празднованіе повсюду распространилось: то и всѣ христіанскіе храмы, создан-

ные во имя воскресенія Христова, по примѣру іерусалимскаго, и по вышеизложеннымъ причинамъ, стали признавать своимъ храмовымъ праздникомъ храмовый праздникъ іерусалимскаго воскресенскаго храма, 13 день сентября.

В О П Р О С Ъ В Т О Р Ы Й.

Что значить названіе: *словущаго воскресенія*?

О Т В Ѣ Т Ъ.

Это названіе не церковное, а народное. Народъ видитъ храмъ воскресенія Христова; ждетъ храмоваго праздника, и видитъ, что праздникъ сей совершается не въ свѣтлое воскресенье, и часто (по движенію церковныхъ временъ) совѣмъ не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ, или другой день недѣли, въ какой приходится 13 день мѣсяца. Встрѣчая видъ несообразности, и не зная исторіи, чтобы объяснить ее, народъ искалъ выраженія, чтобы отличить сей праздникъ отъ воскресныхъ дней, и далъ ему названіе *словущаго*, то есть, такъ называемаго воскресенья. Онъ хотѣлъ сказать: это не свѣтлое воскресенье, не воскресный день седмицы, но особый праздникъ, который хотя случается и не въ воскресный день, но *словетъ*, въ народномъ словоупотребленіи именуется воскресеньемъ, потому что принадлежитъ храму воскресенія Христова.

СЕРДЦЕ НОВОЕ.

И дамъ вамъ сердце новое, и духъ новъ дамъ вамъ, и отъиму сердце каменное отъ плоти вашея, и дамъ вамъ сердце плотяно: и духъ Мой дамъ въ васъ (Иез. 36, 26. 27).

Почему Господь обѣщаетъ дать людямъ сердце новое, духъ новый? Потому что сердце старое, ветхое, ни на что не пригодно. Оно, по слову Господа, есть каменное сердце,—жестко какъ камень, холодно какъ камень, неподвижно какъ камень, мертво какъ камень. Впрочемъ Господь, говоря о сердцѣ каменномъ, имѣетъ въ виду, можетъ быть, однихъ Иудеевъ, которыхъ Онъ не разъ обличалъ въ жестоковѣйности, въ упорномъ противоборствѣ своей волѣ? Нѣтъ,—слова Господа должны отнести къ себѣ и многіе христіане. Никому изъ насъ, конечно, не понравится, если ему скажутъ: у тебя вмѣсто сердца камень въ груди. Но если каменное сердце означаетъ жестокое, холодное, неподвижное, мертвое сердце, то какъ много каменныхъ сердецъ между

христіанами! Такъ, иной осыпанъ благодѣяніями Божіими, пользуется внѣшнимъ благосостояніемъ, дѣла свои ведетъ съ отличнымъ успѣхомъ, но забылъ Бога благодѣтеля, не хочетъ знать, что Ему обязанъ дарами счастья, не помышляетъ о благодарности Ему, не замѣчаетъ, что Господь хочетъ привлечь его къ себѣ благодѣяніями, привязать къ себѣ узами благодарности: скажите, не каменное ли, безчувственное у него сердце? Иныхъ Господь поражаетъ болѣзнію и другими бѣдствіями и скорбями, съ благимъ намѣреніемъ смиритъ ихъ гордость, пробудитъ въ нихъ чувство своей немощи и зависимости отъ Него, обратитъ ихъ къ раскаянію во грѣхахъ, но эти бѣдствія и скорби не только не смиряютъ, а еще больше ожесточаютъ ихъ, возбуждаютъ въ нихъ ропоть и даже хулу на Бога: скажите, не каменное ли въ нихъ сердце?—На инаго посмотришь,—кажется, все въ немъ дышетъ жизнию, жизнь играетъ въ его смѣющемся взорѣ, въ его улыбающихся устахъ, въ его покрытыхъ всегдашнимъ румянцемъ ланитахъ, въ его безъ усталости скачущихъ ногахъ, въ его непрерывномъ круженіи въ вихрѣ суеты; зато сердце его, бѣдное сердце закрыто для всего духовнаго и божественнаго, незнакомо съ духовными радостями, не ощущаетъ потребности въ духовномъ очищеніи и освященіи: скажите, не каменное ли, духовно-мертвое это сердце, эта душа? Другой, въ качествѣ дѣловаго человѣка, всею душею по-

грузился въ заботы о дѣлахъ по хозяйству, торговлѣ, промышленности, должности, и совсѣмъ не помышляетъ о небѣ и о спасеніи души, какъ будто въ немъ нѣтъ души, и какъ будто кромѣ временной, нѣтъ другой, вѣчной жизни, кромѣ земныхъ нѣтъ другихъ, духовныхъ и вѣчныхъ благъ: скажите, не каменное ли и въ немъ сердце? Есть впрочемъ люди, которыхъ душа доступна впечатлѣніямъ духовнымъ, способна одушевляться благими намѣреніями, съ радостію пріемлетъ слово Божіе, но въ которыхъ не надолго удерживаются святыя впечатлѣнія и сѣмя слова Божія даетъ ростокъ, быстро всходящій, но такъ же быстро и увядающій, потому что оно не имѣетъ корня въ глубинѣ души, коснулось только поверхности ея: скажите, не каменное ли и въ нихъ сердце, какъ и въ притчѣ Спасителя о сѣмени такіа сердца уподобляются камни (Матѣ. 13, 20.)? Не каменное ли, жесткое и холодное сердце въ томъ, кто не сочувствуетъ ни радости, ни горю ближняго, кто не радуется съ радующимся, не трогается зрѣлицемъ страданій ближняго, равнодушно смотритъ на гибель его, отказываетъ ему въ вещественной и нравственной помощи? Не каменное ли сердце въ томъ, кто, подобно фарисею, тщательно исполняетъ наружныя дѣла благочестія, безъ духа и силы благочестія? Ахъ, какъ много каменныхъ сердецъ между христіанами, какъ много сердецъ, охладѣвшихъ въ любви къ Богу, жестокихъ къ

ближнимъ, лѣнивыхъ на добро, бременемъ заботъ и дѣлъ житейскихъ пригнетенныхъ, словно камень, къ землѣ и не могущихъ воспарить къ небу, мертвыхъ для жизни божественной!

И вотъ каждому, у кого есть такое каменное сердце (а у кого его, въ какомъ нибудь отношеніи, нѣтъ?), Господь обѣщаетъ дать новое сердце,— вмѣсто мертваго, холоднаго, жесткаго, живое, теплое, мягкое: *и дамъ вамъ сердце новое и духъ новъ дамъ вамъ*. Дать человѣку новое сердце значитъ произвести коренной переворотъ въ нравственной природѣ человѣка. Это потому, что сердце, по ученію слова Божія, служитъ средоточіемъ духовной жизни,—«изъ сердца источники жизни» (Прит. 4, 23.),—такъ что ему усвоятся въ Писаніи дѣйствія самой познавательной способности, когда напр. говорится о помышленіяхъ и совѣтахъ сердечныхъ (Матѳ. 9, 4. Лук. 3, 15. 1 Кор. 4, 5.), и дѣйствія совѣсти (Рим. 2, 15.). Ибо внушенія и разума и совѣсти могутъ получить надлежащую силу надъ человѣкомъ не прежде, какъ усвоены будутъ сердцемъ, въ немъ найдутъ сочувствіе. Посему чтобы съ успѣхомъ вести дѣло нравственнаго обновленія человѣка, надобно обращать преимущественное вниманіе на сердце. «Свѣтильникъ для тѣла есть око. Если око твое будетъ чисто, то все тѣло твое будетъ свѣтло» (Матѳ. 6, 22.). Это значитъ, что если внутреннее духовное расположеніе будетъ чисто, свято, то и

все поведеніе будетъ таковымъ; чтобы быть истинно-добрымъ членомъ церкви, семейства, общества, нужно приготовить себя къ тому добрымъ настроеніемъ сердца, нужно напередъ въ сердцѣ насадить сѣмена святыхъ чувствъ и стремленій; дѣла истиннаго благочестія и любви могутъ быть плодомъ возженной въ сердцѣ ревности къ благочестію, укорененной въ сердцѣ любви. Напротивъ трудно ожидать добрыхъ плодовъ христіанской жизни, когда сѣмена для ней не посѣяны въ сердцѣ, трудно быть чистымъ въ словахъ и поступкахъ, когда недостаетъ чистоты въ сердцѣ. «Порожденія ехиднины! сказалъ Господь Иисусъ Фарисеямъ, какъ вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста» (Матѣ. 12, 34.). Въ сердцѣ корень добра, въ немъ же и корень нравственнаго зла. «Ибо изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія» (—15, 19.). Впрочемъ зло, скрывающееся въ сердцѣ, не всегда выходитъ наружу, нечистота сердечная не всегда обнаруживается въ нечистыхъ дѣлахъ; но вѣдь мы должны отвѣчать предъ Богомъ не за одни грѣховныя слова а дѣла, но вмѣстѣ за грѣховныя сердечныя расположенія. Ихъ не примѣчаютъ люди, но ихъ видитъ Богъ сердецѣдецъ, предъ очами котораго вся нага и объявлена. Ваше внѣшнее поведеніе можетъ быть неукоризненно; по мнѣнію свѣта вы—образецъ чести; но горе

вамъ, если при этомъ сердце ваше раздѣлено между Богомъ и міромъ, если въ немъ гнѣздится скрытная вражда, честолюбіе, корыстолюбіе, ложь, зависть. Богъ видитъ все это, и отвергаетъ какъ скверну всю благовидность вашего поведенія.—Такъ, съ сердца, непременно съ сердца должно начинать дѣло нравственнаго обновленія человѣка,—сердце недоброе и нечистое располагаетъ къ словамъ и дѣламъ недобрымъ и нечистымъ и большею частію сказывается въ нихъ, и самыя, по видимому, добрыя слова и поступки теряютъ свою цѣну предъ Богомъ, если не исходятъ отъ сердца чистаго, нелицемѣрнаго.

Но если нравственное обновленіе человѣка должно быть начато съ сердца, то какъ оно можетъ совершиться? Какъ сердце каменное, — мертвое, холодное, жесткое можетъ сдѣлаться живымъ, теплымъ, мягкимъ? Безъ сомнѣнія сами мы собственными усиліями не можемъ обновить наше сердце. Еще неизобрѣтено искусство камень превращать въ растеніе, или въ животное. Опыты семи тысячелѣтій свидѣтельствуемъ о безсиліи человѣка создать себѣ новое сердце. И каждый въ частности испытываетъ на себѣ это безсиліе. Не часто ли случается, что добрыя правила имѣютъ силу надъ нашимъ сердцемъ только до первой вспышки страсти? Что рѣшимость наша не повторяетъ того или другаго грѣха продолжается до перваго искушенія, до

перваго иногда легкаго соблазна? Что ветхій человѣкъ одерживаетъ побѣду надъ ведущими упорную борьбу съ нимъ? Что въ сердцѣ нашемъ, предоставленномъ одному себѣ, хотя есть сочувствіе добру, но безсильное для борьбы съ влеченіями къ злу? Напрасно мы стали бы ожидать обновленія сердца и всего нравственнаго состоянія человѣка отъ успѣховъ просвѣщенія и образованности. Опытъ представляетъ не мало людей просвѣщенныхъ и весьма образованныхъ, но съ дурными наклонностями сердечными. Напрасно также сталъ бы кто думать, что эта же цѣль можетъ быть достигнута улучшеніемъ внѣшняго быта. По мнѣнію нѣкоторыхъ главная причина испорченности сердца заключается въ бѣдности, въ неправильномъ общественномъ устройствѣ. Они полагаютъ, что съ развитіемъ повсюду внѣшняго благосостоянія, внѣшняго довольства, и при другомъ общественномъ устройствѣ, должна возвыситься общественная нравственность, человѣкъ самъ собою сдѣлается добрѣе,—что повсюду на примѣръ водворится любовь къ честности и справедливости, ни въ комъ не будетъ поползновенія къ обману и воровству, когда всѣ будутъ обезпечены въ земныхъ благахъ, когда между всѣми они будутъ распределены поровну.—Нѣтъ, какъ бы ни была хороша внѣшняя обстановка, она не исторгнетъ изъ насъ нравственнаго зла, не обновитъ нашего сердца.

Есть больные, которые думаютъ, что если переложить ихъ на иную постелю, перемѣстить въ другую комнату, имъ будетъ легче; но вотъ и въ новомъ помѣщеніи они остаются съ прежнею болѣзною. Не похожи ли на этихъ больныхъ тѣ, которые стали бы вину нравственной своей испорченности слагать на внѣшнее свое положеніе и утверждать, что съ перемѣною его на лучшее они стали бы добрѣе и чище?—Нѣтъ, грѣхъ такъ глубоко проникъ въ наше сердце, такъ сроднился съ нашею природою, что внѣшнія удобства жизни служатъ иногда еще къ большому усиленію его, представляя много средствъ для удовлетворенія грѣховныхъ желаній. Притомъ, если человѣкъ и становится иногда добрѣе съ перемѣною внѣшняго положенія, то кто можетъ поручиться, что онъ останется добрымъ съ новою перемѣною?—Нѣтъ, если нравственное обновленіе человѣка состоитъ въ обновленіи его сердца, то оно не можетъ быть достигнуто никакими средствами и усиліями человѣческими. Но благодареніе всемогущему и милосердому Господу! Чего сами мы не можемъ сдѣлать, то обѣщаетъ совершить въ насъ Онъ одинъ. Себѣ одному Онъ предоставляетъ обновить наше сердце: «и дамъ вамъ новое сердце и новый духъ вложу въ васъ». Тотъ, кто сотворилъ насъ, Онъ же можетъ обновить насъ силою благодати своего животворящаго Духа. Намъ остается только пре-

дать себя Его всемогущей силѣ, не противиться Его десницѣ, если Онъ, для нашего обновленія, найдетъ нужнымъ совершить надъ нашимъ сердцемъ болѣзненный, но спасительный для насъ опытъ. И тѣлесныя застарѣлыя болѣзни врачуются иногда болѣзненными хирургическими операціями. Что удивительнаго, если подобную спасительную операцію Господу угодно будетъ прозвести надъ нашимъ больнымъ сердцемъ? «И возьму изъ тѣла вашего сердце каменное и дамъ вамъ сердце плотное». Это изъятіе изъ насъ сердца каменнаго, безъ сомнѣнія, не менѣе для насъ мучительно, какъ и отъятіе тѣлеснаго какого либо члена. Таковое болѣе или менѣе мучительное ощущеніе испытали—Іовъ, когда сидѣлъ на гноищи; Давидъ, когда горькими слезами раскаянія о грѣхѣхъ омочалъ ночное ложе свое; Манассія, когда въ темницѣ и цѣпяхъ почувствовалъ нужду въ покаяніи и взывалъ къ Богу о помилованіи; ап. Петръ, когда оплакивалъ грѣхъ отреченія отъ Христа; Павелъ, когда въ продолженіе трехъ дней въ Дамаскѣ рука Господня превращала его изъ гонителя въ апостола. Подобныя муки обращенія къ Богу терпятъ многіе изъ насъ. Однихъ Господь обращаетъ къ себѣ продолжительною болѣзнію, другихъ смертію дорогихъ для насъ лицъ, иныхъ внутренними искушеніями, которыя попускаются для возбужденія въ насъ чувства духовной немощи,—многихъ горькими ошиб-

ками и заблужденіями, допущенными по само-надѣянности. Въ горнилѣ всѣхъ подобныхъ испытаній ветхій человѣкъ умираетъ, гордость смиряется, порывы страстей ослабѣваютъ, каменное сердце силою Духа Животворящаго замѣняется новымъ—плотнымъ, мягкимъ, теплымъ, способнымъ къ воспріятію всего добраго,—словомъ, человѣкъ совсѣмъ измѣняется.

Пусть каждый изъ насъ, читатель, смиренно признаетъ нужду въ животворящей силѣ Святаго Духа для обновленія нашего сердца и пусть отъ всѣхъ насъ вознесется къ Нему такая молитва: Сердце наше, словно камень, нечувствительно ни къ милосердію Отца небеснаго, ни къ гнѣву Его, ни дары счастія не возбуждаютъ въ немъ благодарности къ Нему, ни бѣдствія не смиряютъ предъ Его величествомъ; коснись, Святыи Душе, этого сердца твоего благодатію и пробуди въ немъ чувство благодарности и смиренія предъ Владыкою судьбы нашей. Сердце наше, словно камень, холодно къ ближнимъ, не сочувствуетъ имъ въ радости и горѣ, не сѣдается ревностію о спасеніи ихъ отъ гибели; согрѣй, Святыи Душе, это холодное сердце и одушеви его ревностію о спасеніи ихъ. Сердце наше, словно камень, не чувствуетъ сокрушенія о грѣхахъ, не знакомо съ слезами раскаянія въ нихъ; но какъ нѣкогда изъ камня въ аравійской пустынѣ, пораженнаго жезломъ Моисея, обильно потекли воды, такъ и въ наше каменное сердце

ударь, Святыи Душе, жезломъ Твоей всемогущей силы и изведи изъ очей нашихъ слезныя воды покаянія. Сердце наше не ощущаетъ сладости общенія съ Тобою въ молитвахъ, въ св. таинствахъ, въ чтеніи евангелія; не дай ему погибнуть въ этомъ нечувствіи и пробуди въ немъ потребность общенія съ Тобою и освященія твоею благодатію, подаваемою въ молитвахъ, таинствахъ, евангеліи.

С В Я Т Ы Й

ВЛАДИМІРЪ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ И ВСЕЯ РУСИ.

Жизнь святаго Владиміра , великаго князя кіевскаго, представляетъ поучительный примѣръ того, какъ благодать святаго крещенія благодѣтельно дѣйствуетъ на душу человѣка, сподобившагося получить ее, какъ измѣняетъ его характеръ и перерождаетъ въ новаго человѣка, живущаго для Бога.

Владиміръ родился въ языческомъ Кіевѣ; родители его были язычники, отецъ великій князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ и мать Малуна, ключница Ольгина; воспитаніе онъ получилъ языческое и съ первыхъ дней рожденія былъ окруженъ язычниками. Правда, бабка Владиміра, мать Святослава, блаженная княгиня Ольга, была уже христіанкою; но она не могла имѣть на него большаго вліянія, ибо скончалась, когда Владиміру едвали было шесть лѣтъ отъ роду. Святославъ по тогдашнему обычаю съ самыхъ малыхъ

лѣтъ приставилъ къ Владиміру воспитателемъ дядю его по матери, Добрыню Любчанина, человека воинственнаго, очень умнаго, но суроваго и преданнаго язычеству. Съ такимъ воспитателемъ Владиміръ семи или осми лѣтъ отъ рожденія былъ отправленъ отцемъ въ Великій Новгородъ, гдѣ и жилъ среди закоренѣлыхъ язычниковъ до тѣхъ поръ, пока по смерти отца не завладѣлъ Кіевомъ.

Все это время Добрыня, какъ грубый язычникъ, давалъ полную волю всѣмъ дикимъ животнымъ страстямъ своего воспитанника Владиміра; и росъ Владиміръ у Добрыни на всемъ привольи разгульной молодости, никѣмъ и ничѣмъ несдерживаемый, гулялъ и пировалъ съ удалыми дружинниками, а Добрыня управлялъ всѣми дѣлами именемъ князя. Столы Владиміра ломились подъ жирными яствами и подъ сулеями и бадьями разныхъ винъ и крѣпкихъ медовъ; вѣще пѣвцы, по старому Славянскому обычаю, складывали пѣсни про старое бывшее, про князей и богатырей, и пѣли на княжескихъ пирахъ. Веселы были пиры Владиміра, каждый день сходились къ князю веселые и удалые, обжирались и опивались даровымъ угощеніемъ и тѣшили князя разными рассказами и потѣхами; и особенно шумными и разгульными сдѣлались сіи пиры, когда Владиміръ съ Добрынею перебрался изъ Новгорода въ Кіевъ. Охотникъ былъ до пировъ веселый Владиміръ; но еще болѣе онъ

былъ охотникомъ до женщинъ. Небыло красавицы въ Кіевѣ, съ которой бы не постарался познакомиться сладострастный и необузданный князь—юноша; стоило только провѣдать въ какой семьѣ красивую дѣвицу или женщину, и усердные безстыжіе княжіе дружинники, несмотря ни на какія препятствія, тащили ее къ князю. Лѣтописецъ говоритъ, что у Владиміра въ это время было пять женъ, да кромѣ женъ 300 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ и 200 на Берестовѣ; но и тѣмъ еще неудовлетворялось необузданное сластолюбіе буйнаго князя. Вмѣстѣ съ буйнымъ разгуломъ и сладострастіемъ незнавшимъ границъ Владиміръ въ это время отличался крайнею жестокостію, незнакомою ни съ жалостію, ни съ другими сколько нибудь человѣчными чувствованіями; онъ, задумавъ отнять Кіевскій престолъ у старшаго своего брата Ярополка, рѣшилъ въ то же время отнять у него и невѣсту Рогнеду, дочь Полотскаго князя Роговолода; и когда Рогнеда отказала ему въ своей рукѣ, то взявъ Полотскъ силою и обезчестилъ Рогнеду въ глазахъ ея отца и братьевъ, доставшихся ему въ плѣнъ, а потомъ передъ ея глазами велѣлъ убить отца и братьевъ. Далѣе измѣною взявши Кіевъ, онъ приказалъ въ своихъ комнатахъ убить кіевского князя Ярополка, своего старшаго брата, который пришелъ къ нему искать милости и братской любви и отдался въ полное его распоряженіе; а вслѣдъ затѣмъ взялъ

себѣ Ярополкову жену Гречанку, которая уже была беременна.

Впрочемъ пиры, разгуль и буйство молодости скоро оказались неудовлетворительными безпокойному Владиміру; въ немъ развилась новая страсть, страсть къ войнѣ и отдаленнымъ воинскимъ походамъ, которые и буйству и жестокости давали новую пищу. На удовлетвореніе этой новой страсти Владиміръ употребилъ цѣлые пять лѣтъ. Въ это время онъ успѣлъ по завоевать и въ землѣ Ляховъ, гдѣ покоришь Червенскіе города, и въ землѣ дикихъ Вятичей, жившихъ по Окѣ, куда онъ ходилъ два раза, производя жестокія опустошенія, и въ землѣ Радимичей, жившихъ по Сожѣ, которыхъ покоришь совершенно Русской власти, даже проникъ въ непроходимые лѣса и пуши воинственныхъ и неукротимыхъ Ятвяговъ, жившихъ по сосѣдству съ Польшею, въ нынѣшней Гродненской губерніи; и наконецъ воевалъ съ богатыми и сильными камскими Болгарами, жившими при впаденіи Камы въ Волгу. Всѣ сіи походы были очень удачны для Владиміра, вездѣ онъ поражалъ противниковъ и возвращался домой съ несмѣтными добычами и цѣлыми полками плѣнниковъ. Всѣ трепетали передъ воинственнымъ княземъ и его удакою дружиною, незнавшею неудачи. Все это предвѣщало, что конца nebude воинскимъ походамъ Владиміра, которому тогда было не болѣе 23 лѣтъ отъ рожденія, что онъ, подобно своему отцу, воинствен-

ному Святославу, до тѣхъ поръ не перестанетъ воевать, пока несложитъ голову. Но промысль Божій судилъ иначе; самая страсть къ войнѣ и воинскіе успѣхи послужили до нѣкоторой степени поводомъ къ рѣшительной перемѣнѣ въ характерѣ Владиміра.

Счастливыя войны кіевскихъ князей съ сосѣдями давно уже стали обращать на себя вниманіе ближнихъ и дальнихъ народовъ; объ Олегѣ и Владиміровомъ дѣдѣ Игорѣ уже хорошо знали въ Константинополѣ, а при Святославѣ, Владиміровомъ отцѣ Русское имя сдѣлалось извѣстнымъ даже въ отдаленномъ Римѣ. Владиміръ же, какъ мы уже видѣли, пронесъ Русское имя даже въ далскую Камскую Болгарію и чрезъ нее еще въ болѣе дальнюю магометанскую Азію; и его пятилѣтніе счастливые военные походы въ отдаленныя земли такъ перетревожили всѣхъ сосѣдей, что они, изъ желанія предупредить нападеніе воинственнаго неугомоннаго князя, стали заискивать союза съ Владиміромъ, и по тогдашнему между народами обычаю начали предлагать ему каждый свою вѣру, дабы тѣмъ удобнѣе привлечь опаснаго сосѣда на свою сторону и удержать отъ нападенія. И первые явились въ Кіевъ магометане Болгары, только что заключившіе миръ съ Владиміромъ. Проповѣдники магометанства первоначально очень поправились сладострастному, необузданному князю; онъ съ сладостію слушалъ ихъ рассказы о многоженствѣ и

о Магометовомъ раѣ съ его гуріями красавицами; но запрещеніе ѣсть свиное мясо и пить вино удержали Владиміра отъ магометанства. Вслѣдъ за магометанами пришли Нѣмцы посланниками отъ Римскаго папы, который въ это время войною и миромъ хлопоталъ подчинить своей церкви и власти языческія племена Славянъ. Нѣмцы начали проповѣдь хвалами своей вѣрѣ, говоря: «вѣра наша свѣтъ, мы кланяемся Богу сотворшему небо и землю, звѣзды и мѣсяць и всякое дыханіе, а ваши боги дерево». Владиміръ вступилъ съ нѣмецкими проповѣдниками въ разговоръ; его очевидно заняло начало проповѣди и онъ спросилъ: въ чемъ же состоитъ вашъ законъ? Нѣмцы отвѣчали: «пощеніе по силѣ, — кто пьетъ или ѣсть, то все во славу Божию, какъ говоритъ учитель нашъ Павелъ.» Такой уклончивый и вялый отвѣтъ, нисколько непотревожившій души грубаго и темнаго язычника, неудовлетворилъ Владиміра, и онъ отпустилъ Нѣмцевъ, сказавъ имъ: «отцы наши сего не приняли.» За Нѣмцами явились Жиды изъ Хазаріи, ближайшіе сосѣди къ кіевскимъ владѣніямъ съ восточной стороны, которые уже были разгромлены Святославомъ и ждали окончательнаго разоренія отъ Владиміра; они стали хвалить свою вѣру и порицать другія вѣры и начали такъ: «слышали мы, что къ тебѣ приходили Болгаре и христіане, и тѣ и другіе учили тебя своей вѣрѣ; но христіане вѣруютъ въ того, кого мы распя-

ли, а мы вѣруемъ единому Богу Авраама, Исаака и Иакова.» Владиміръ, незная ни Авраама, ни Исаака, ни Иакова, недалъ продолжать посланникамъ, и спросилъ ихъ: въ чемъ же вашъ законъ? Тѣ отвѣчали: «законъ нашъ требуетъ обрѣзанья, не ѣсть свинины, ни заячины и хранить субботу.» Конечно и это объясненіе съ невѣдомою субботою мало удовлетворило Владиміра, и онъ сказалъ проповѣдникамъ: «а гдѣ ваша земля?» Проповѣдники отвѣчали: «въ Іерусалимѣ». А тамъ ли вы живете? спросилъ опять Владиміръ, и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Богъ разгнѣвался на нашихъ отцевъ и расточилъ ихъ по странамъ, а земля наша предана христіанамъ». Тогда Владиміръ отпустилъ жидовскихъ проповѣдниковъ съ такимъ отвѣтовъ: «сами вы отвержены Богомъ и расточены, и учите еще другихъ; или хотите, чтобы и насъ Богъ отвергъ и расточилъ?»

Наконецъ и Греки прислали своего проповѣдника, мужа ученаго и краснорѣчиваго, который умѣлъ завлечь Владиміра въ длинный разговоръ; онъ началъ съ того, что сталъ порицать вѣры прежнихъ проповѣдниковъ, сперва магометанскую, а потомъ римскую. Потомъ Владиміръ сказалъ ему: «ко мнѣ приходили Жиды и говорятъ, что Немцы и Греки вѣрують въ того, который распятъ жидами». На это Грекъ отвѣчалъ: «дѣйствительно мы вѣруемъ въ Ряспятаго, ибо пророки предрекли, одинъ Богу родиться, а другіе распяты быть и погребену и въ третій день воскреснуть

и взойти на небеса. Жиды же избивали пророковъ и претирали. Когда же сбылись пророчества, Господь снисшелъ на землю, принялъ распятіе, воскресъ и восшелъ на небеса, и послѣ этого сорокъ шесть лѣтъ ждалъ покаянія отъ Жидовъ; но когда они не покаяться, то послалъ на нихъ Римлянъ, которые разбили ихъ города и самихъ разсточили по странамъ, гдѣ они и живутъ въ порабощеніи». Тогда Владиміръ спросилъ Грека: «чего ради Богъ снисшелъ на землю и принялъ такую страсть?» На это Грекъ отвѣчалъ: «ежели хочешь слушать, я расскажу тебѣ съ самаго начала, за чѣмъ Богъ сходилъ на землю». Слова сіи такъ заняли Владиміра, что онъ сказалъ: «говори, я радъ слушать». Грекъ незамедлилъ воспользоваться такимъ дозволеніемъ князя, и началъ свой рассказъ именно съ начала, т. е. отъ сотворенія міра, и съ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ большимъ умѣньемъ успѣлъ въ немъ изложить всю исторію ветхозавѣтной церкви и начало церкви новозавѣтной въ главныхъ существенныхъ и рѣзкихъ чертахъ. Рассказъ этотъ такъ хорошъ и такъ умно былъ принаровненъ къ тому, чтобы пробудить темнаго язычника Владиміра, усыпленнаго плотскими наслажденіями и грубо чувственною жизнію, что, я думаю, нисколько не будетъ лишнимъ представить его здѣсь хотя въ извлеченіи.

Грекъ началъ такъ: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, во второй день сотворилъ

твердь, которая посреде воды, и въ тотъже день раздѣлилъ воды, половина ихъ возшла на твердь, а половина подъ твердь. Въ третій день сотворилъ море, рѣки, источники и сѣмена; въ четвертый день солнце, луну и звѣзды и украсилъ небо». И далѣе говорилъ о прочихъ дняхъ творенія, о пребываніи Адама въ раю, о грѣхонаденіи, изгнаніи изъ рая, и объ убіеніи Каиномъ брата своего Авеля. Затѣмъ продолжалъ: «Бывъ же Адамъ лѣтъ двѣсти и тридцать, роди Сиѡа и двѣ дщери, и поя одну Каинъ, а другую Сиѡъ, и отъ того человѣки размножились на землѣ, и непознали Творца, развратились и исполнились всякой нечистоты, и убійства, и зависти, и стали жить поскотски. И во всемъ родѣ былъ праведнымъ только одинъ Ной, у котораго было три сына,—Симъ, Хамъ и Афеть. И сказалъ Богъ: не хочетъ духъ Мой пребывать въ человѣкахъ, и потреблю все, что сотворилъ, отъ человѣка до скота. И было слово Господне къ Ною: сотвори ковчегъ въ долготу въ 300 локтей, а въ ширину 50 локтей и въ вышину 30 локтей, локтемъ же называлась сажень. И строился ковчегъ сто лѣтъ, и говорилъ Ной людемъ, что будетъ потопъ, и всѣ смѣялись надъ нимъ. Когда же сдѣланъ былъ ковчегъ, Господь сказалъ Ною: войди ты, и жена твоя, и сыновья твои, и снохи твои, и возми съ собою по парѣ отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ птицъ, и отъ всѣхъ гадовъ. И ввелъ

Ной всѣхъ, какъ заповѣдалъ ему Богъ. И навелъ Богъ потопъ на землю, и потонуло все живущее, и плавалъ ковчегъ по водѣ. Когда же иссякла вода, вышелъ Ной изъ ковчега и сыновья его и жена его, и отъ нихъ расплодился земля. И всѣ люди говорили однимъ языкомъ и сказали другъ другу: созиждемъ столпъ до небеси. И стали дѣлать столпъ, и былъ у нихъ старѣйшина Немвродъ. И сказалъ Богъ: умножились люди и суетны помыслы ихъ; и сошелъ Богъ и размѣсилъ языки на 72 языка. Адамовъ же языкъ небылъ отнять у Эвера, ибо онъ одинъ не присталъ къ безумью прочихъ и сказалъ: ежелибы Богъ велѣлъ человѣкамъ дѣлать столпъ на небо; то повелѣлъ бы это самъ своимъ словомъ, какъ самъ сотворилъ небеса, землю, море и все видимое и невидимое. Сего ради языкъ Эвера не перемѣнился, и отъ него произошли Евреи. Прочіе же люди раздѣлились на 71 языкъ и разошлись по странамъ, и приняли каждый свой нравъ и свои обычаи, и утративши познаніе о Богѣ, по діаволу наученію стали приносить жертвы рощамъ, кладязямъ и рѣкамъ. Отъ Адама же до потопа 2242 года, а отъ потопа до раздѣленія языковъ 529 лѣтъ. Потомъ діаволъ вринулъ людей въ большее прельщеніе; начали дѣлать кумиры, иные деревянные, иные мѣдные, иные мраморные, иные золотые и серебряные; начали молиться имъ, приводить сыновей и дочерей своихъ и закалатъ передъ ними, и вся земля осквер-

нилась ими. Начальникъ же кумиротворенью былъ Серукъ; онъ дѣлалъ кумиры во имя умершихъ людей, то во имя бывшихъ царей, то храбрыхъ воиновъ, то волхвовъ и даже развратныхъ женъ. Этотъ Серукъ родилъ Оару, Оара же родилъ трехъ сыновей,—Аврама, Нахора и Арана. Оара, наученный отцемъ, также занимался дѣланіемъ кумировъ. Аврамъ же, пришедши въ умъ, воззрѣлъ на небо, и видѣвъ звѣзды и небо, сказалъ: «воистинну тотъ есть Богъ, который сотворилъ все сіе, отецъ же мой, дѣлая боговъ, обманываетъ только людей.» И сказалъ: искушу боговъ отца моего, и взявъ огонь, зажегъ идоловъ стоящихъ въ храминѣ. И возлюбилъ Богъ Аврама, и сказалъ ему: «Изыди изъ дома отца твоего въ землю, которую я тебѣ покажу, и сотворю тебя въ языкъ великъ, и благословятъ тебя колѣна земная.»—Затѣмъ слѣдуетъ краткій рассказъ объ Авраамѣ, Исаакѣ и Иаковѣ, переселеніи Израильтянъ во Египеть и возвращеніи изъ Египта въ землю обѣтованную до избранія на царство Саула. Потомъ миссіонеръ продолжаетъ: «И рѣша людіе Самуилу: постави намъ царя. И разгнѣвася Господь на Израиля, и постави надъ нимъ царя Саула. Только Саулъ не захотѣлъ ходить въ законѣ Господнемъ и избралъ Господь Давида, и поставилъ царемъ надъ Израилемъ, и угоди Давидъ Богу. Сему Давиду клялся Богъ, что отъ племени его родиться Богу. Съ этого времени начинается первое пророчест-

во о воплощеніи Божіи: *изъ чрева прежде денницы родихъ тя.* Давидъ пророчествовалъ сорокъ лѣтъ и умеръ. Послѣ его пророчествовалъ сынъ его Соломонъ, который соорудилъ Богу храмъ и нарекъ его Святая Святыхъ. Соломонъ былъ мудръ, но наконецъ поползнулся, царствовалъ 40 лѣтъ и умеръ. Послѣ Соломона царствовалъ сынъ его Ровоамъ, при немъ царство раздѣлилось надвое,—одно въ Иерусалимѣ жидовское, и другое въ Самаріи. Въ Самаріи царствовалъ Иеровоамъ, слуга Соломоновъ, который сдѣлалъ двухъ золотыхъ коровъ, и поставивъ одну въ Веѣилѣ, а другую въ Данѣ, сказалъ: вотъ твои боги, Израиль; и стали имъ поклоняться люди и Бога забыли. Тоже и въ Иерусалимѣ начали забывать Бога и поклоняться Ваалу, такъ называемому богу войны, онъ же и Орей,—оставивши Бога отцовъ своихъ. И началъ Богъ посылать къ нимъ пророковъ, которые стали обличать ихъ беззаконія и служеніе кумирамъ; они же, нестерпя обличенія, стали избивать пророковъ. И разгнѣвался Господь на Израиля и сказалъ: отрину отъ себя и призову другихъ людей, которые меня послушаютъ, и ежели согрѣшатъ, не помяну ихъ беззаконія. И началъ Господь посылать пророковъ, приказывая имъ: «прорицайте объ отверженіи жидовъ и о призваніи другихъ странъ» Первое началъ пророчествовать Осія, говоря: «преставлю царство дома Израилева, сокрушу лукъ Израилевъ и не приложу

помиловати дому Израилева, но отмѣтая отвергнуся ихъ, глаголетъ Господь, и будутъ блудяще въ языцѣхъ». Далѣ слѣдуютъ о томъже пророчества Іереміи, Іезекіиля, Малахіи, Исаіи, и Амоса. «За тѣмъ повелѣлъ Богъ пророчествовать о вризваніи иныхъ странъ вмѣсто жидовъ; и началъ взывать Исаія, говоря такъ: «яко законъ отъ Меня изыдетъ, и судъ Мой свѣтъ странамъ; приближается скоро правда моя, изыдетъ и на мылицу мою страны уповаютъ». Послѣ пророчествъ о призваніи странъ Грекъ привелъ пророчества о воплощеніи Божіемъ, о страданіяхъ Господа, о крестной смерти и воскресеніи.

Владиміръ, выслушавъ внимательно все пророчества, спросилъ Грека: когда это сбудется, или уже сбылось, или теперь хочеть быть? и тотъ отвѣчалъ: «Все это сбылось прежде, когда воплотился Богъ. Какъ я уже сказалъ, когда жиды избивали пророковъ и цари ихъ преступали законъ, то Богъ предалъ ихъ въ расхищеніе, и были отведены въ плѣнъ въ Ассирію за свои беззаконія и рабствовали тамъ 70 лѣтъ; потомъ они были возвращены въ свою землю, но у нихъ небыло уже царя; а владѣли ими архіереи до Прода иноплеменника, который возбладалъ ими. Во время его владычества въ 5500 году посланъ былъ Архангелъ Гавріиль въ Назаретъ къ дѣвѣ Маріи отъ колѣна Давидова, сказать ей: «радуйся обрадованная, Господь съ тобою». И отъ слова сего она зачала Слово Бо-

жіе въ утробѣ, и родила сына, и дано ему имя Іисусъ. И пришли волхвы отъ востока, спрашивая, гдѣ есть родившійся царь Жидовскій? ибо мы видѣли звѣзду его на востокѣ и пришли поклониться ему. Слышавъ же это, царь Иродъ смутился и весь Іерусалимъ съ нимъ, и призвавъ книжниковъ и старцевъ людскихъ, спросилъ ихъ, — гдѣ Христосъ рождается? они же отвѣчали: въ Виѳлеемѣ жидовскомъ. Иродъ же, получивъ такой отвѣтъ, послалъ приказаніе избить младенцевъ отъ двухъ лѣтъ и ниже; и посланные пошли и избili младенцевъ. Іосифъ же съ Маріею, взявши младенца, бѣжали въ Египетъ и были тамъ до смерти Ирода. Въ Египтѣ же ангелъ явился Іосифу и сказалъ: «вставъ, возми отроча и мать и иди въ землю Израилеву». Іосифъ пришедши, поселился въ Назаретѣ. Отроча Іисусъ, выросши и достигши 30 лѣтъ, началъ творить чудеса и проповѣдывать царство небесное, и избравъ двѣнадцать, назвалъ ихъ учениками, и сталъ творить большія чудеса, — воскрешать мертвыхъ, очищать прокаженныхъ, давать прозрѣніе слѣпымъ, хожденіе хромымъ, — и многія иныя великія чудеса, какъ прорекли о немъ пророки, говоря: «недуги наши изцѣли и болѣзни подъя». И крестился во Іорданѣ отъ Іоанна, показалъ новымъ людямъ обновленіе. И когда онъ крестился, то отверзлись небеса, и былъ видѣнъ сходящій на него Духъ въ образѣ голубя, и слышанъ гласъ съ небеси глаголющій: «се есть

сынъ мой возлюбленный, о немъже благоволихъ». Иисусъ же по крещеніи началъ посылать своихъ учениковъ проповѣдывать царство небесное и покаяніе въ оставленіе грѣховъ; и желая исполнить пророчества, началъ проповѣдывать, что подобаетъ сыну человѣческому пострадать, быть распяту и въ третій день воскреснуть. Архіереи же и книжники, исполнившись зависти къ его проповѣданію, искали убить его, и схвативши, отвели къ игемону Пилату (управлявшему Иудею отъ имени Римскаго Кесаря). Пилать же, узнавъ, что привели его безъ вины, хотѣлъ отпустить; они же сказали: ежели сегопустишь, то неможешь быть другомъ Кесаря. Тогда Пилать повелѣлъ, чтобы они распяли; они же, взявши Иисуса, привели его на лобное мѣсто и тамъ распяли; и сдѣлалась тьма по всей землѣ отъ шестаго часа до девятого, и въ девятомъ часѣ Иисусъ испустилъ духъ, церковная завѣса раздралась на двое, многіе мертвые возстали, и онъ повелѣлъ имъ идти въ рай. Снявши же Иисуса со креста, положили во гробъ, и жидовскіе люди запечатали гробъ печатями и поставили стражу, говоря, чтобы не украли его ученики. Онъ же въ третій день воскресъ, и воскресши изъ мертвыхъ, явился ученикамъ и сказалъ имъ: «идите во всѣ языки и научите всѣ страны крещенію во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Пробылъ съ ними сорокъ дней, являясь имъ по воскресеніи. И когда исполнилось сорокъ дней,

повелѣлъ имъ идти въ гору Елеонскую, и тамъ явился имъ, благословилъ ихъ и сказалъ: «сядьте въ градъ Іерусалимъ, пока пошлю къ вамъ обѣтованіе Отца моего». И сказавши это, вознесся на небо; они же поклонились ему, возвратились во Іерусалимъ и постоянно пребывали въ церкви. Когда же исполнилось пятьдесятъ дней, сошелъ на апостоловъ Святой Духъ; и они принявши обѣтованіе Святаго Духа, разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Выслушавши все это, Владиміръ спросилъ: «за чѣмъ родился отъ жены, распялся на деревѣ и крестился водою»? Грекъ отвѣчалъ: «того ради, что исперва родъ человѣческій согрѣшилъ черезъ жену, дьяволъ при помощи Еввы прельстилъ Адама, и тотъ былъ изгнанъ изъ рая; такъ и Богъ, мстя діаволу, во первыхъ женою показалъ побѣду надъ діаволомъ. Какъ женою во первыхъ Адамъ лишился рая, такъ Богъ, воплотившись отъ жены, повелѣлъ вѣрнымъ войти въ рай. А что былъ распятъ на деревѣ, то для того, что, вкусивши отъ древа, Адамъ отпалъ отъ породы; такъ Богъ принялъ страданіе на деревѣ, да побѣжденъ будетъ деревомъ діаволъ и отъ древа животнаго примутъ праведные. А что водою обновленіе, ибо при Ноѣ, когда умножились грѣхи въ людяхъ, Богъ навелъ потопъ на землю и потопилъ людей водою. Сего ради сказалъ Богъ: поелику погубилъ людей водою за ихъ грѣхи; нынѣ же опять водою очищу грѣ-

хи человѣкамъ, водою обновленія. И пророки проповѣдовали, что водою обновленіе будетъ. И пошли апостолы по вселенной, проповѣдуя ученіе, какъ вѣровать въ Бога; и мы Греки приняли отъ нихъ ученіе и вселенная вѣруетъ ихъ ученію. Установилъ же Богъ одинъ день, въ который, пришедши съ небеси, хочетъ судить живымъ и мертвымъ и воздать каждому по его дѣламъ,—праведнымъ царство небесное и неизреченную красоту, веселіе безъ конца и безсмертіе; грѣшнымъ же мѹку огненную, червь неусыпающій, и мѹкѣ не будетъ конца, и мучимы будутъ таковыми мученіями въ огнѣ всѣ невѣрующіе въ Бога нашего Иисуса Христа и непринявшіе крещенія».

И сказавши это, Грекъ показалъ завѣсу, на которой былъ написанъ судъ Господень, и указалъ Владиміру, какъ одесную праведники идутъ въ веселіи въ рай, и какъ ошуюю грѣшники идутъ въ мѹку. Владиміръ, вздохнувъ, сказалъ: «добро этимъ одесную и горе тѣмъ ошуюю». Грекъ же прибавилъ: «ежели хочешь стать одесную съ праведными, то крестись». Владиміръ ничего не сказалъ на это и отпустилъ Грека съ многими дарами и честію; но длинная рѣчь Грека сильно подѣйствовала на впечатлительнаго Владиміра; она открыла его уму, погруженному въ чувственность, новый доселѣ ему невѣдомый міръ, и такъ его встревожила и смутила, что онъ не зналъ, что ему дѣлать; но отпустивши

греческаго учителя, созвалъ на совѣтъ своихъ бояръ и городскхъ старѣйшинъ, и сказалъ имъ: «приходили ко мнѣ болгары и говорили: прими нашъ законъ; потомъ пришли нѣмцы и хвалили свой законъ, за тѣмъ были жиды и наконецъ явились греки; сіи хулили всѣ законы и хвалили только свой законъ, и много говорили, начиная съ того, какъ зачался міръ и какое бытіе всего міра; и рѣчи ихъ мудры и высоки, и чудно ихъ слышать и каждому любо послушать ихъ; они повѣдаютъ быть другому свѣту, и говорятъ, кто вступитъ въ нашу вѣру, тотъ по смерти возстанетъ и никогда уже неумретъ, а ежели вступить въ иной законъ, то на томъ свѣтѣ будетъ горѣть въ огнѣ. Умъ у меня помутился отъ такихъ рѣчей, придайте мнѣ ума и посовѣтуйте». На эту рѣчь бояре и старѣйшины безстрастно и холодно отвѣчали: «знаешь, княже, своего никто нехулить, но хвалить; а когда хочешь узнать путемъ, то у тебя есть умные мужи, пошли и испытай, какъ который народъ служить Богу».

Отвѣтъ бояръ и старѣйшинъ сильно понравился князю и всѣмъ людямъ, и избрали мужей добрыхъ и смышленныхъ, числомъ десять, и сказали имъ: «идите сперва къ болгарамъ и испытайте ихъ вѣру». — И по этому наказу выборные сходили къ Болгарамъ, посмотрѣли, какъ они служатъ Богу; и воротились домой, и Владиміръ сказалъ имъ: «теперь ступайте къ Нѣм-

цамъ и потомъ къ Грекамъ и испытайте ихъ службу». И пришли выборные къ Нѣмцамъ и, осмотрѣвши ихъ церковную службу, отправились въ Царьградъ къ Грекамъ и явились къ тамошнему царю. Царь же, узнавъ, зачѣмъ они пришли, былъ очень радъ и воздалъ имъ въ тотъ день большую честь. А на другой день послалъ къ патріарху сказать: «пришла Русь испытывать нашу вѣру; пристрой церковь и клиръ и самъ облачись въ святительскія ризы, чтобы пришедшіе видѣли славу Бога нашего». Получивши царское приказаніе, патріархъ устроилъ церковную службу во всемъ величїи, какъ въ праздникъ, приказалъ зажечь паникадилы, и оставилъ пѣніе и лики, и самъ съ Русскими выборными отправился въ церковь. Въ церкви поставили Русскихъ на просторномъ мѣстѣ, стали показывать красоту церковную и пѣніе и службу архіерейскую и предстояніе діаконовъ, и объяснять значеніе службы. Русскимъ выборнымъ Греческая служба такъ понравилась, что они стояли въ изумленїи. Послѣ церковной службы, Греческіе цари Василій и Константинъ пригласили Русскихъ выборныхъ къ себѣ и отпустили ихъ домой съ великими дарами и съ честію.

Когда выборные возвратились въ Кіевъ, то Владиміръ велѣлъ собрать бояръ и старѣйшинъ, и сказалъ имъ: «вотъ пришли мужи посланные нами, послушаемъ, что они скажутъ, что они узнали». И послы начали говорить: «были мы

въ Болгарахъ и смотрѣли, какъ они покланяются въ своемъ храмѣ; стоя безъ пояса, поклонившись сядетъ и озирается по сторонамъ, какъ бѣшенный; и нѣтъ веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ; нѣтъ ничего добраго въ ихъ законѣ. Были и у Нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ множество службъ, а красоты никакой не видали. Но когда мы пришли къ Грекамъ и насъ ввели туда, гдѣ они служатъ Богу; то мы не знаемъ, на небѣ ли мы были или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого вида и красоты; и мы недоумѣваемъ, что сказать, только одно знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ человѣками, и служба Греческая выше службы всѣхъ странъ. Мы не можемъ забыть такой красоты; ибо всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, уже не принимаетъ горькаго; такъ и мы не можемъ остаться при прежней нашей вѣрѣ». На такую рѣчь посланныхъ бояре сказали князю: «ежели бы худъ былъ Греческій законъ; то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣйшая изъ людей».

Послѣ таковаго отвѣта бояръ, Владиміръ окончательно рѣшился принять крещеніе отъ Грековъ, и сказалъ боярамъ: гдѣ же мы примемъ крещеніе; и тѣ отвѣчали: гдѣ тебѣ любо. Но этотъ отвѣтъ не рѣшалъ дѣла; ибо одно желаніе князя креститься и согласіе на то бояръ были недостаточны. Владиміръ и бояре конечно могли креститься, и имъ въ этомъ едвали бы кто помѣшалъ. Только Владиміру не того хотѣлось;

онъ, воспламененный ревностію къ новой еще непринятой вѣрѣ, желалъ крестить съ собою и весь Русскій народъ; а для этого немного бы принесло пользы крещеніе одного князя и приближенныхъ къ нему бояръ; ибо уже изъ опыта было извѣстно, что Великая Княгиня Ольга, мудрѣйшая изъ людей, хотя и крестилась съ своими приближенными, но народъ попрежнему остался въ язычествѣ. Княжеская власть въ то время на Руси вовсе еще неимѣла той силы, чтобы одинъ примѣръ или одно повелѣніе князя могли побудить Русскихъ людей къ переменѣ своей прародительской вѣры. Могло напротивъ случиться, что Кіевляне усердные къ своимъ идоламъ, передъ которыми еще недавно приносили человѣческія кровавыя жертвы, и которыхъ кумиры ставилъ самъ Владиміръ, вдругъ бы отказали князю не только въ переменѣ вѣры, но и въ повиновеніи и, защищая своихъ идоловъ, начали бы рѣзню съ княземъ. А посему дѣло крещенія Владиміра и всей Русской земли затянулось еще почти на цѣлый годъ, въ продолженіи котораго Владиміръ приискивалъ средства, какъ успѣшнѣе дѣйствовать на Кіевлянъ и другихъ Русскихъ людей. Наконецъ въ 988 году Владиміръ объявилъ походъ на Грековъ, и собравъ многочисленную дружину изъ людей наиболѣе ему преданныхъ, отправился въ Греческому городу Корсуню, или Херсонесу, лежащему не подалеку отъ нынѣшняго Севастополя въ Кры-

му. Главная цѣль этого похода очевидно состояла въ томъ, чтобы, взявъ Корсунь, тамъ принять святое крещеніе и крестить, ежели не всю, то большую часть своей дружины, и потомъ съ крещенною дружиною и съ Корсунскими священниками возвратиться въ Кіевъ и требовать крещенія Русскаго народа и, разумѣется, сперва Кіевлянъ.

Корсунцы затворились передъ Владиміромъ въ городъ, и Владиміръ съ своимъ войскомъ сталъ по заливу въ разстояніи отъ города на одинъ перестрѣль. Корсунцы оборонялись крѣпко, но такъже крѣпко осаждалъ городъ Владиміръ и послалъ сказать гражданамъ: «три года буду стоять, ежели вы не сдадитесь». Но эта угроза не дѣйствовала; и Владиміръ приказалъ воинамъ обводить городъ валомъ, какъ обыкновенно дѣлалось въ старыя годы при взятіи городовъ, упорно защищаемыхъ. Но что въ продолженіи дня Владиміровы воины наносили земли для вала, то Корсунцы въ продолженіи ночи уносили къ себѣ въ городъ, такъ что въ городѣ изъ этой земли образовался значительный холмъ, и дѣло построенія вала тянулось медленно; тѣмъ неменѣе Владиміръ продолжалъ стоять и насыпать валъ. Наконецъ одинъ Корсунянинъ, по имени Анастасъ, пустилъ въ Русскій лагерь стрѣлу съ запискою, въ которой совѣтовалъ Владиміру перекопать на восточной сторонѣ трубы, чрезъ которыя проходила въ городъ вода; по этому

совѣту трубы были перекопаны, и городъ, томимый жаждою, сдался. Взявши Корсунь, Владиміръ послалъ въ Царьградъ сказать тамошнимъ царямъ: «выдайте за меня сестру вашу Анну; а ежели невыдадите, то я съ вашимъ городомъ сдѣлаю тоже, что съ Корсунемъ». Цари Греческіе чрезъ посольство отвѣчали Владиміру: «ежели ты крестишься, то мы выдадимъ за тебя свою сестру, а ежели не крестишься, то не можемъ выдать». Владиміръ сказалъ посланнымъ: «донесите царямъ, что я крещуся, ибо узналъ уже прежде о вашемъ законѣ, и ваша вѣра мнѣ полюбилась». По этому отвѣту Владиміра Греческіе цари Василій и Константинъ отправили въ Корсунь свою сестру, царевну Анну съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами. Неохотно шла Анна въ Корсунь, говорила, что меня везуть какъ плѣнницу, и хотѣла лучше умереть въ Царьградѣ; но братья уговорили ее, представляя, что тобою Богъ приведетъ Русскую землю къ покаянію, а Греческую землю избавить отъ лютой рати. Когда царевна подошла къ Корсуню, то граждане вышли къ ней навстрѣчу съ поклономъ, и введши въ городъ, посадили въ особой палатѣ. А въ это время, по Божію устроенію, у Владиміра разболѣлись глаза, такъ что онъ ничего немогъ видѣть. Царевна, узнавши объ этомъ, послала сказать ему: «ежели хочешь избавиться отъ болѣзни, то немедленно крестись, иначе ты навѣкъ останешься слѣпымъ».

Владиміръ , выслушавъ посланнаго , сказалъ : « ежели это сбудется по словамъ царевны, то по истинѣ великъ Богъ христіанскій », — и приказалъ дѣлать приготовленія къ крещенію. По этому приказанію Корсунскій епископъ съ пресвитерами, прибывшими съ царевною изъ Царьграда, явились къ Владиміру, и сдѣлавъ ему оглашеніе по уставамъ церкви, приступили къ самому крещенію, и когда епископъ возложилъ руки на крещаемого Владиміра, то онъ вдругъ прозрѣлъ. Получивъ такое быстрое и неожиданное иещленіе, Владиміръ, въ чувствѣ глубокой благодарности къ Богу, воскликнулъ: « теперь-то я увѣдалъ истиннаго Бога! » Вслѣдъ за Владиміромъ крестилась и большая часть его дружинниковъ.

Когда Владиміръ принялъ крещеніе, то епископъ Корсунскій и царевнины пресвитеры, очевидно по наказу отъ патріарха и Греческихъ царей, передали ему подробное наставленіе, какъ содержать православную вѣру и оберегаться отъ еретиковъ. Это наставленіе, сохраненное для насъ лѣтописцемъ, было слѣдующее. « Вѣруй такъ: Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли. И паки вѣрую во единого Бога Отца нерожденна, и въ единого Сына рожденна, и во единый Святыи Духъ исходящъ. Три Лица совершенныя, единосущныя, раздѣляемая только личнымъ числомъ, а не по Божеству, раздѣляющіяся нераздѣльно, и соединяющіяся несмѣсно.

Отецъ, Богъ Отецъ, присно сый пребываетъ въ отчествѣ, нерожденъ, безначаленъ, начало и вина всѣмъ, однимъ нерожденемъ старѣй сый Сыну и Святому Духу; отъ негоже раждается Сынъ прежде всѣхъ вѣкъ, изходитъ же Святыи Духъ безъ времени и безъ тѣла; вкупѣ Отецъ, вкупѣ Сынъ, вкупѣ Духъ Святыи есть. Сынъ подобно-сущенъ (равносущенъ) Отцу, роженіемъ только разнствуя отъ Отца и Духа. Духъ пресвятыи есть Отцу и Сыну подобносущенъ и присносущенъ. Отцу отечество, Сыну сыновство, Святому же Духу изхождение. Ни Отецъ непереступаетъ въ Сына и Духа, ни Сынъ во Отца и въ Духа, и Духъ ни въ Сына, ни въ Отца; ибо неподвижны ихъ свойства. Не три Бога, а одинъ Богъ, а потому едино Божество въ трехъ Лицахъ. Хотѣніемъ же Отца и Духа спасти свою тварь, Сынъ Божій, неотступивъ отеческихъ нѣдръ, сошелъ въ дѣвическое чрево пречистое, аки Божіе сѣмя, вшелъ, и приимиши плоть съ душею словесною и умною, не прежде бывшую, явился Богъ воплощенъ, родился неизреченно, сохранивъ нетлѣнно дѣвство матери. Родился же не потерпѣвъ ни смятенья, ни размѣшенья, ни раздѣленья, но пребывъ тѣмъ, чѣмъ былъ, и только, чего небыло прежде, принялъ зракъ раба, но истинною, а не мечтаніемъ, бывши подобенъ намъ во всемъ кромѣ грѣха. Волею родился, волею взалкалъ, волею вжаждалъ, волею трудился, волею устранился, волею умеръ исти-

ною, а не мечтаньемъ, ибо принялъ на себя всѣ естественныя тягости человѣчества. Къ тому былъ распятъ, вкусилъ смерть безгрѣшный, воскресъ въ своей плоти, не видѣвъ истлѣнія, возшелъ на небеса и сѣлъ одесную Отца, и опять придетъ со славою судить живымъ и мертвымъ; какъ возшелъ со славою и плотію, такъ и снидетъ. Къ симъ еще исповѣдую едино крещеніе водою и Духомъ, приступаю къ пречистымъ тайнамъ, вѣрую (быти) воистину тѣло и кровь, пріемлю церковныя преданія, и кланяюсь честнымъ иконамъ, кланяюсь древу честному и всякому кресту, святымъ мощамъ и святымъ сосудамъ».

За тѣмъ наставленіе продолжаетъ: «Вѣруй же и семи соборамъ святыхъ отецъ. Изъ нихъ же первый въ Никей 318 отецъ, которые прокляли Арія и возвѣстили непорочную и правую вѣру. Второй соборъ въ Константиѣ—градѣ 150 святыхъ отецъ, которые прокляли Македонія духовборца и проповѣдали Троицу единосущную; третій соборъ въ Ефесѣ 200 отецъ на Несторія, проклавши котораго, проповѣдали святую Богородицу; четвертый соборъ въ Халкидонѣ 630 святыхъ отецъ на Евтихія и Діоскора, проклавши которыхъ, святые отцы возвѣстили совершенна Бога, и совершенна человѣка Господа нашего Иисуса Христа; пятый соборъ въ Царьградѣ 165 святыхъ отецъ на Оригеновы преданія и на Евагрія, которыхъ прокляли святые

отцы; шестый соборъ въ Царьградѣ 170 святыхъ отецъ на Сергія и Кира, которыхъ проклинали святые отцы; седьмой соборъ въ Никее 350 святыхъ отецъ, на которомъ прокляты все непоклоняющіеся святымъ иконамъ. Непринимай ученія отъ Латинянъ, ихъ ученіе развращенно; ибо вошедши въ церковь, не поклонясь иконамъ, стоя поклонится, и поклонившись напишетъ крестъ на землѣ и поцѣлуетъ, потомъ вставши станетъ на немъ ногами, и такимъ образомъ легши цѣлуетъ, а вставши попираетъ. Но апостолы сего не предавали, предавали же апостолы цѣловать крестъ поставленный и предавали иконы. Ибо Лука евангелистъ первый написавъ послалъ въ Римъ, какъ свидѣтельствуетъ Василій, ибо икона изображаетъ первообразъ. Латиняне еще землю называютъ матерію; да ежели имъ мать земля, то отецъ имъ есть небо, изкони сотворилъ Богъ небо и землю; такъ глаголютъ: Отче нашъ, иже еси на небеси. Ежели же по разуму Латинянъ земля есть мать; то зачѣмъ же плюютъ на мать свою, и потомъ лобзаютъ ее и опять оскверняютъ? А прежде Латиняне этого недѣлали, но участвовали на всѣхъ соборахъ, приходили изъ Рима и исправляли вмѣстѣ съ другими отцами. Такъ на первомъ соборѣ, что въ Никее на Арія, отъ Рима Сильвестръ прислалъ епископовъ и пресвитеровъ, отъ Александріи Аѳанасій, изъ Царьграда Митрофанъ прислалъ своихъ епископовъ и такъ исправляли вѣру. На

второмъ же соборѣ отъ Рима Дамасъ, отъ Александріи Тимоѳей, отъ Антиохіи Мелетій, Кирилль Іерусалимскій и Григорій Богословъ. На третьемъ соборѣ Целестинъ Римскій, Кирилль Александрійскій, Ювеналій Іерусалимскій. На четвертомъ соборѣ: Леонтій Римскій, Анатолій Цареградскій, Ювеналій Іерусалимскій. На пятомъ соборѣ: Вигилій Римскій, Евтихій Цареградскій, Аполинарій Александрійскій, Домникъ Антиохійскій. На шестомъ соборѣ: отъ Рима Агаѳонъ, отъ Царяграда Георгій, Теофанъ Антиохійскій и отъ Александрій Петръ монахъ. На седьмомъ соборѣ: Адрианъ отъ Рима, отъ Царяграда Тарасій, Политіанъ Александрійскій, Θεодоритъ Антиохійскій и Илья Іерусалимскій. И всѣ сіи сходились съ своими епископами и исправляли. По седьмомъ же соборѣ Петръ Гугнивый со иными ушелъ въ Римъ, захватилъ престолъ и развратилъ вѣру, отвергся отъ престоловъ Іерусалимскаго, Александрійскаго, Цареградскаго и Антиохійскаго. Послѣдователи Петра развратили всю Италію, разсѣвая разныя ученія; ибо у нихъ одни священники служатъ, женившись одною женою, а другіе служатъ взявши до седьмой жены. Должно оберегаться отъ ихъ ученія, они отпускаютъ грѣхи на дарахъ, что всего злѣе. Да сохранить тебя Богъ отъ сего».

Православная Греческая церковь считала необходимымъ дать такое подробное наставленіе новопросвѣщенному Русскому князю противъ ере-

сей и отступленій отъ истинной церкви; и такое наставленіе дѣйствительно было необходимо, какъ по множеству разныхъ религіозныхъ толковъ являвшихся въ то время въ разныхъ провинціяхъ Греческой имперіи, и могшихъ проникнуть и въ послѣдствіи дѣйствительно проникавшихъ, хотя и безуспѣшно, въ Русскую землю; такъ и потому, что папа Римскій, не успѣвши первоначально обратить Владиміра въ христіанство, кажется, еще неотчаявался отвести его отъ православной церкви, и въ послѣдствіи присылалъ въ Кіевъ одного своего епископа, чтобы перетянуть Владиміра и всю Русь къ Римской церкви. Чтó конечно должны были предвидѣть Греки, хорошо знавшіе характеръ дѣйствій Римскаго первосвященника; и посему заблаговременно позаботились новопросвѣщеннаго князя оградить противъ ожидаемыхъ Римскихъ козней.

По крещеніи Владиміръ вступилъ въ бракъ съ Греческою царевною Анною, и возвратилъ Корсунъ Грекамъ вмѣсто вѣна за царевну, по тогдашнему обычаю; приказалъ выстроить въ Корсунѣ церковь на томъ мѣстѣ, куда Корсунцы по ночамъ во время осады сносили землю съ Русскаго вала; и потомъ взявши царевну, свою супругу, Анастаса, который помогъ ему завоевать Корсунъ, царевниныхъ и Корсунскихъ священниковъ, мощи св. Климента и Оива, церковные сосуды и иконы, а также повелѣвши взять

четыре мѣдныхъ коня и два мѣдныхъ истукана, украшавшихъ корсунскую площадь, какъ военную добычу, отправился въ Кіевъ.

Возвратившись въ Кіевъ, новопросвѣщенный Владиміръ явился уже истиннымъ и горячимъ ревнителемъ православной вѣры; благодать полученная имъ при крещеніи дала ему такую силу и увѣренность, что онъ уже нераздумывалъ надъ обращеніемъ Русскаго народа въ христіанство, и не откладывая на долгое время, немедленно повелѣлъ уничтожить идолы Славянскихъ боговъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ въ началѣ своего царствованія онъ былъ усерднымъ чтителемъ и новые кумиры которыхъ поставилъ передъ своимъ теремнымъ дворцомъ. Сіи кумиры онъ теперь повелѣлъ иные посѣчь, другіе предать огню; а кумиръ главнаго языческаго бога Перуна, которому прежде придѣлалъ Владиміръ серебряную голову съ золотыми усами, теперь приказалъ привязать къ конскому хвосту, и волочить съ горы по Боричеву къ рѣкѣ и бить палками, а потомъ кинувъ въ Днѣпръ, отталкивать отъ берега до пороговъ и за порогами бросить. Усердные язычники Кіевскіе, видя такое поруганіе кумира перунова, провожали его со слезами; но кромѣ слезъ не предпринимали ничего въ защиту своего деревяннаго бога, который самъ неумѣлъ защищаться. Ниспровергнувши кумиры, Владиміръ въ тотъже день разослалъ глашатаевъ по городу кликать отъ имени князя: «ежели кто на

завтра не придетъ къ рѣкѣ богатый или убогій, нищій ли или работникъ; тотъ будетъ мнѣ противень». Язычники Кіевскіе, нерѣшившіеся защищать своихъ поруганныхъ боговъ, вѣроятно по чувству слабости противъ крещеной дружины Владиміра, нерѣшились противиться и новому повелѣнію князя, и даже, по свидѣтельству лѣтописца, приняли его съ радостію и говорили между собою: «ежели бы это было не добро, то князь и бояре не приняли бы сего». И на другой день утромъ, когда Владиміръ съ священниками царицыными и Корсунскими вышелъ къ рѣкѣ, то уже тамъ собралось безчисленное множество народа: иные стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, дѣти около берега, а младенцевъ взрослые держали на рукахъ. Священники начали читать положенныя уставомъ молитвы и совершать крещеніе, и люди, крестившись, спокойно разошлись по домамъ. День крещенія Кіевлянъ, по словамъ лѣтописи, былъ самымъ радостнымъ днемъ для Владиміра; онъ воззрѣвъ на небо сказалъ: «Боже, сотворивый небо и землю! призри на сихъ новыхъ людей; даждь имъ, Господи, увѣдать тебя истиннаго Бога, какъ увѣдали страны христіанскія; утверди въ нихъ вѣру праву и несовратну; и мнѣ, Господи, помоги на сопротивнаго врага, да надѣяся на тебя и на твою державу побѣжду его козни». За тѣмъ князь приступилъ къ построенію христіанскихъ церквей на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли кумиры, и

велѣлъ построить на Перуновомъ холмѣ церковь св. Василя, имя котораго ему дано было при крещеніи. Потомъ Владиміръ разослалъ своихъ вѣрныхъ мужей и священниковъ по ближайшимъ къ Кіеву городамъ и селамъ, чтобы ставили церкви и приводили людей ко крещенію. А между тѣмъ для успѣшнѣйшаго утвержденія христіанства въ народѣ, онъ повелѣлъ брать дѣтей изъ значительныхъ семействъ и отдавать въ книжное наученіе, чтобы на будущее время имѣть изъ русскихъ людей способныхъ къ принятію священства, и вообще, чтобы новая вѣра имѣла между Русскими своихъ хорошо обученныхъ и свѣдущихъ людей. Невѣжественныя матери, еще недавнія язычницы, крайне сѣтовали на таковое распоряженіе и отдавая дѣтей въ училища, плакали о нихъ, какъ о мертвецахъ. И конечно суевѣрныя матери, еще тайныя язычницы, не ошибались оплакивая дѣтей какъ умершихъ; дѣйствительно дѣти ихъ, отданныя въ христіанскія училища, умирали для язычества. Но съ утвержденіемъ христіанства это распоряженіе Владиміра было оцѣнено по достоинству и принято какъ особое благодѣяніе Божія промысла къ Русскимъ людямъ. Уже первый нашъ лѣтописецъ Несторъ говоритъ о немъ: «съ раздаяніемъ дѣтей на ученіе книгамъ сбылось пророчество надъ Русскою землею, глаголющее: во оныя дни услышатъ глухіе слова книжныя, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Мы прежде неслыхали

словесъ книжныхъ, но по Божію строенью и по милости Своей помиловалъ Богъ, якоже рече пророкъ: помилюю, егоже аще помилюю».

Владиміръ принялъ святое крещеніе на 26 году отъ рожденія, слѣдовательно въ такомъ возрастѣ, когда война бываетъ особенно любимымъ занятіемъ для человѣка воинственнаго, какимъ уже показалъ себя Владиміръ; но христіанская вѣра, вѣра любви и милости, такъ на него подѣйствовала, что онъ изъ войнолюбиваго вдругъ сдѣлался самымъ миролюбивымъ княземъ, и въ продолженіи 27 лѣтъ своей жизни послѣ крещенія непредпринималъ ни одного похода по собственному желанію, и воевалъ только вызываемый необходимостію и почти единственно противъ Печенѣговъ, которые недавали покоя пограничнымъ Русскимъ городамъ. Лѣтописецъ говоритъ о жизни Владиміра по крещеніи: «и жилъ онъ съ сосѣдними князьями мирно, — съ Болеславомъ Польскимъ, съ Стефаномъ Угорскимъ (Венгерскимъ) и съ Андрихомъ Чешскимъ (Богемскимъ), и былъ миръ и любовь между ними». Отвергнувши завоеванія, Владиміръ по крещеніи обратилъ все свое вниманіе на внутреннее устройство русской земли и защиту ея отъ непріятельскихъ нападений; по свидѣтельству лѣтописи, любя дружину, думалъ съ нею о приведеніи въ лучшій порядокъ земскаго устройства и объ отраженіи непріятелей. Съ этою послѣднею цѣлію онъ построилъ нѣсколько городовъ по рѣкамъ

Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, ближайшимъ къ предѣламъ Русской земли со стороны степей занятыхъ Печенѣгами. Кромѣ того для прегражденія пути Печенѣгамъ въ Русскую землю, впереди помянутыхъ городовъ въ самой степи протянулъ длинную линію лѣсныхъ застѣкъ и по мѣстамъ валовъ съ заставами, охраняемыми отрядами дружинниковъ подъ начальствомъ самыхъ удалыхъ витязей или богатырей, которые обязаны были дѣлать разъѣзды даже въ самыхъ степяхъ для наблюденія за движеніями Печенѣговъ и для подачи скорыхъ вѣстей по городамъ, въ случаѣ нападенія сихъ безпокойныхъ варваровъ. Таковыми благоразумными распоряженіями относительно ващиты границъ Владиміръ достигъ того, что Печенѣги, послѣ двухъ несовсѣмъ удачныхъ набѣговъ, бывшихъ въ 992 и 997 годахъ, во все остальное время Владимірова княженія, въ продолженіи семнадцати лѣтъ, неосмѣливались дѣлать нападеній на Русскіе города, или, встрѣчаемые Русскими разъѣздами въ степяхъ, отказывались отъ замышляемыхъ набѣговъ. И Русская земля, стараніями Владиміра огражденная отъ непріятельскихъ нашествій, наслаждалась миромъ и уваженіемъ отъ сосѣдей, и Кіевъ во все время Владимірова княженія былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, — онъ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ своего времени; Варяги, Греки, Болгары и Нѣмцы со всѣхъ сторонъ стекались въ Кіевъ,

одни везли туда свои товары, а другіе шли за тѣмъ, чтобы служить у ласковаго и богатаго Владиміра. Одинъ изъ Владиміровыхъ современниковъ, Нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ, называетъ Кіевъ уже великимъ городомъ, и нацѣтываетъ въ немъ 400 церквей и восемь торговыхъ площадей; а другій Нѣмецкій лѣтописецъ Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ вторымъ Константинополемъ.

Уъ одно время съ заѣзтами о внутреннемъ устройствѣ Русскоѣ земли и обѣ огражденіи ея отъ непріятельскихъ нашествій, Владиміръ по крещеніи съ особымъ усердіемъ и любовію занимался распространеніемъ и утвержденіемъ христіанской вѣры и устройствомъ Русской православной церкви. Для распространенія и утвержденія христіанской вѣры онъ, вслѣдъ за крещеніемъ Кіевлянъ и за построеніемъ церквей въ ближайшихъ къ Кіеву городахъ, разослалъ своихъ уже крещеныхъ сыновей по всѣмъ даже отдаленнымъ городамъ Русской земли. Именно: старѣйшаго своего сына Вышеслава посадилъ въ Новгородъ, а когда Вышеславъ умеръ, то перевелъ туда Ярослава изъ Ростова, а въ Ростовѣ посадилъ Бориса, въ Муромѣ Глѣба, въ землѣ Древлянскоѣ Святослава, во Владимірѣ Волинскомъ Всеволода, въ Полотскѣ Изяслава, въ Туровѣ Святополка и въ Томутаракани Мстислава. Сіи молодые князья отправились въ назначенные имъ города съ священниками и крещеными дру-

жинниками, и начали по городамъ и селамъ строить церкви и призывать людей къ крещенію. Мало этого: желая успѣшнѣе дѣйствовать къ распространенію и утвержденію вѣры, Владиміръ иногда и самъ съ этою цѣлію предпринималъ отдаленные походы по своимъ обширнымъ владѣніямъ; такъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописей, видя неочень успѣшныя дѣйствія своихъ сыновей въ распространеніи христіанства въ отдаленныхъ земляхъ Суздальской и Ростовской, Владиміръ съ епископами и священниками самъ ѣздилъ туда и старался привести ко Христу тамошнихъ закоренѣлыхъ язычниковъ. Недовольствуясь распространеніемъ христіанства въ собственныхъ владѣніяхъ, онъ даже дѣлалъ попытки просвѣтить крещеніемъ и своихъ сосѣдей. Такъ есть извѣстія, что онъ посылалъ проповѣдниковъ христіанской вѣры къ дикимъ язычникамъ Печенѣгамъ и къ магометанамъ Болгарамъ. Успѣхъ этого проповѣданія за предѣлами тогдашней Русской земли, очевидно, былъ незначителенъ; ибо ни Печенѣги, ни Камскіе Болгары не обратились въ православныхъ христіанъ; но тѣмъ не менѣе самая попытка, сдѣланная Владиміромъ, указываетъ на совершенное измѣненіе характера въ этомъ князѣ въ духѣ христіанства, любви и мира. Владиміръ—язычникъ, заботился только о завоеваніяхъ, а Владиміръ, христіанинъ, отъ завоеваній перешелъ къ мирной проповѣди крещенія, и радуясь самъ своему благодатному состоя-

дію по крещеніи, хотѣлъ въ духѣ христіанской любви, чтобы и другіе и даже враги его были причастны подобной святой радости.

Въ заботахъ о лучшемъ устройствѣ самой церкви въ русской землѣ, Владиміръ на третій годъ по крещеніи отправилъ посольство въ Царьградъ съ просьбою, чтобы тамошній патріархъ прислалъ для Русской земли особаго митрополита, который бы самостоятельно завѣдывалъ дѣлами управленія Русской церкви, которому бы были подчинены не только священники, но и мѣстные епископы, и который былъ бы духовнымъ отцемъ и пастыремъ всѣхъ православныхъ христіанъ въ Русской землѣ. И по этой просьбѣ царьградскій патріархъ прислалъ къ Владиміру митрополита Леона на митрополию Кіевскую и всея Руси. Митрополитъ Леонъ, пріѣхавши въ Кіевъ, прежде всего, для большаго порядка въ Русской церкви и для вѣщнаго утвержденія христіанства, поставилъ нѣсколько новыхъ епископовъ въ значительнѣйшіе Русскіе города,—именно: въ Новгородъ Іоакима Корсуянина, въ Черниговъ Неофита, въ Ростовъ Осодора, во Владиміръ Волынской Стефана и въ Бѣлгородъ Шикиту. За тѣмъ Владиміръ, по благословенію митрополита Леона и вѣроятно по его просьбѣ, приступилъ къ построенію большой соборной церкви въ Кіевѣ, которая бы была каедральною митрополичьею церковію. Для построенія этой церкви выбрано было то самое мѣсто, гдѣ во время Владимірова

язычества пострадали первые на Руси христіанскіе мученики Оеодоръ и Іоаннъ, которыхъ язычники Кіевляне хотѣли принести въ жертву своимъ идоламъ. Эта соборная церковь была заложена во имя пресвятѣй Богородицы, и для ея построенія Владиміръ выписалъ мастеровъ изъ Царыграда; она строилась шесть лѣтъ, и Владиміръ не щадилъ издержекъ на ея строеніе и передалъ въ нее святыя кресты, иконы и сосуды, привезенные изъ Корсуня. Когда сія церковь была окончательно устроена и освящена; то, по свидѣтельству лѣтописца, Владиміръ въ теплой молитвѣ къ Богу воскликнулъ: «Господи Боже! призи съ небеси и виждь, и посѣти винограда своего, и сверши, яже насади десница твоя, новые люди си, имъже обратилъ еси сердца въ разумъ познати тебе Бога истиннаго, и призи на церковь твою си, юже создалъ недостойный рабъ твой во имя родшія тя матери, приснодѣвы Богородицы; аже кто помолится въ церкви сей, то услыши молитву его, молитвы ради пречистыя Богородицы». Затѣмъ князь на содержаніе сей церкви назначилъ десятую долю отъ всѣхъ своихъ доходовъ, отъ чего церковь сія и получила названіе десятинной. Этой же церкви, какъ каѳедральной митрополичей, Владиміръ далъ особую уставную грамоту, извѣстную подъ именемъ грамоты о судѣхъ церковныхъ и десятинѣ, которая послужила основнымъ закономъ для Русской церкви.

Эта грамота дошла до насъ, и изъ нея мы видимъ, что она составлена на основаніи Греческаго номоканона и была написана по совѣщанію Владиміра съ своею супругою царицею Анною, съ князьями, боярами и съ митрополитомъ Леономъ. Въ ней во 1-хъ подтверждается право церкви на десятину по всей Русской землѣ отъ всѣхъ княжескихъ доходовъ,—отъ княжескаго суда, отъ торговыхъ пошлинъ, отъ домовъ, отъ стадъ, и отъ хлѣба. Во 2-хъ грамотою этою опредѣлено, что всѣ семейныя дѣла и споры, всѣ преступленія противъ нравственности, всѣ нарушенія церковныхъ уставовъ, всѣ оскорбленія церкви, согласно съ Греческими номоканонами, должны подлежать церковному суду митрополита и епископовъ, князю же, боярамъ и ихъ судьямъ въ этотъ судъ не вступаться; а кто вступится и преобидитъ церковный судъ, тотъ подлежитъ строгой пени. Въ 3-хъ согласно съ Греческими законами вѣденію митрополита и епископовъ долженъ подлежать надзоръ за торговыми мѣрами и вѣсами, а доходы отъ мѣры и вѣса на торгахъ должны идти въ пользу кафедральной церкви; и наконецъ въ 4-хъ грамота опредѣляетъ, какія лица и учрежденія должны состоять въ исключительномъ вѣдѣніи церкви и епископа; по грамотѣ вѣденію и суду церкви подлежали во всѣхъ дѣлахъ все духовенство, всѣ люди убогіе, больные, и безпріютные, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ человѣколюбивыя учрежденія,—гостинницы,

странно-пріимницы, больницы и даже лѣкаря; церковь должна ихъ судить, управлять и защищать отъ стороннихъ притѣсненій. Изданіемъ этой важной грамоты Владиміръ окончательно утвердилъ независимость и самостоятельность Русской церкви, какъ общественнаго учрежденія, и поставилъ твердыя и неприкосновенныя границы ея гражданскихъ правъ; и настоящая его грамота служила образцомъ и основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ церковногражданскихъ законеній въ Россіи почти до XVIII столѣтія.

Вслѣдъ за окончательнымъ устройствомъ каедральной церкви въ Кіевѣ, Владиміръ по указанію митрополита приказалъ построить каедральныя соборныя церкви по всѣмъ городамъ, гдѣ были мѣстные епископы, и подобно кіевской церкви отчислилъ на ихъ содержаніе разные доходы съ тѣхъ областей, гдѣ строились каедральныя церкви, и кромѣ того далъ имъ разныя преимущества, и права предоставленныя митрополиту уставною грамотою распространилъ и на епископовъ.

Сіи мирныя и постоянныя заботы прежде войнолюбиваго Владиміра о лучшемъ устройствѣ Русской земли и православной церкви, служатъ для насъ ясными свидѣтельствами о той великой перемѣнѣ, которая послѣдовала въ немъ, какъ въ государѣ, по принятіи крещенія. Но еще рѣзче и поразительнѣе благодать крещенія произвела перемѣну въ немъ, какъ въ человѣкѣ.

По принятіи крещенія во Владимірѣ нельзя было и узнать прежняго буйнаго и сладострастнаго Владиміра, погрязшаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Пріѣхавши изъ Корсуня въ Кіевъ, онъ немедленно распустилъ всѣхъ своихъ прежнихъ женъ и наложницъ, и началъ вести жизнь скромнаго и благочестиваго семьянина, согласно съ требованіями христіанской религіи. Изъ всѣхъ прежнихъ привычекъ Владиміръ по крещеніи не оставлялъ только пировъ; но пиры Владиміра по крещеніи были уже непржежіе буйныя пиры язычника, отъ прежняго на пирахъ остались только веселость и радушіе хозяина, эта отличительная черта въ характерѣ Владиміра; но уже не было ни прежнихъ безчиній, ни нескромныхъ пѣсень, ни грубыхъ возбуждающихъ чувственность разговоровъ. На новыхъ пирахъ Владиміра явились и новыя гости небывалыя прежде, и своимъ присутствіемъ много измѣнившіе прежній характеръ пировъ; въ нихъ стали участвовать люди духовнаго чина, или высоко поставленные церковію, или извѣстные своимъ благочестіемъ и христіанскою мудростію; съ тѣмъ вмѣстѣ безчинныя пѣсни и разговоры замѣнились тихими и поучительными бесѣдами, и умилительными рассказами о подвигахъ святыхъ мужей, прославившихся или своими страданіями за Христа, или строгою христіанскою жизнію, или высокою мудростію. Новопросвѣщенный Владиміръ любилъ слушать такыя разговоры, а за

нимъ слушали ихъ внимательно и другіе собесѣдники; и посему новые пиры Владиміра рѣшительно приняли иной характеръ противъ прежнихъ пировъ; и на нихъ нельзя уже было узнать ни прежняго Владиміра, ни его удалыхъ собесѣдниковъ.

Мало этого, новые пиры Владиміра, растворяемые благочестивыми поучительными бесѣдами, вызывали въ немъ заботу и о тѣхъ, которымъ не на-что пировать. По свидѣтельству лѣтописи, Владиміръ, одинъ разъ въ разговорахъ слышавши евангельскія слова: «блажени милостивіи, яко ти помиловани будутъ,» повелѣлъ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать, что нужно, пищу, питіе и даже деньги изъ княжой казны. Потомъ въ другій разъ, также въ разговорахъ, вспомнивъ, что немощные и больные не могутъ дойти до княжескаго двора, приказалъ устроить телѣги, и сказалъ: «накладите въ нихъ хлѣба, мяса, рыбы и всякихъ овощей, а въ бочкахъ меду и квасу, возите по городу и кличте: гдѣ больные, нищіе, немогущіе ходить? и раздавайте имъ все нужное». Кромѣ того, въ благодареніе за получаемыя отъ Бога благодѣянія, Владиміръ, по принятія крещенія, принялъ себѣ за обычай раздавать обильныя милости убогимъ и учреждать для нихъ по разнымъ случаямъ обильныя угощенія, чтобы и они были причастниками княжеской радости и вмѣстѣ съ нимъ благодарили Бога. Такъ въ 996

году избавившись отъ Печенѣжскаго плѣна въ Василевѣ, онъ въ память этого избавленія поставилъ въ Василевѣ церковь Преображенія Господня, сотворилъ великій праздникъ боярамъ, посадникамъ, старѣйщинамъ и многимъ людямъ, продолжавшійся восемь дней, а убогимъ раздалъ въ милостыню 300 гривенъ (на нынѣшній вѣсъ около семи пудъ серебра). Или, въ томъ же 996 году по освященіи десятинной церкви учинилъ великій праздникъ боярамъ и старѣйщинамъ людскимъ, и убогимъ раздалъ много имѣнія.

Прежде жестокой до звѣрства, Владиміръ съ принятіемъ христіанства до того сдѣлался кроткимъ и снисходительнымъ, что даже боялся казнить разбойниковъ; и когда епископы и старцы, по случаю размноженія разбоевъ, стали говорить ему, — почему ты не казнишь разбойниковъ? то онъ прямо отвѣчалъ: «боюсь грѣха,» такъ что епископы нашли нужнымъ приводить ему свидѣтельства священнаго писанія о томъ, что князь отъ Бога поставленъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе, и что по суду должно казнить разбойниковъ. Вообще крещеніе такое произвело дѣйствіе на Владиміра, что онъ поистинѣ сдѣлался новымъ человекомъ во Христѣ, и все прежнее въ своей жизни почиталъ нечистымъ и недостойнымъ христіанина.

Владиміръ скончался 15 іюля 1015 года, ему въ день кончины было не болѣе 53 лѣтъ отъ рожденія. Ближайшую причину этой ранней смерти

лѣтописецъ необъясняетъ; но по всему вѣроятію Владиміръ истратилъ свое здоровье въ продолженіе буйныхъ лѣтъ молодости до принятія крещенія. Онъ умеръ совершенно неожиданно въ то самое время, какъ готовился идти въ походъ на возмутившагося своего сына Ярослава, княжившаго въ Новгородѣ. Въ лѣтописи сказано: И рече Володимеръ: «теревите путь и мостите мость,» ибо хотѣлъ идти на Ярослава, но вдругъ заболѣлъ, и въ этой болѣзни скончался въ селѣ Берестовѣ, куда онъ любилъ удаляться отъ городского шума и проводить время съ близкими и довѣреннѣйшими людьми. Бояре бывшіе съ Владиміромъ на Берестовѣ, желая скрыть его кончину, тайно ночью перевезли его тѣло въ Кіевъ и положили въ церкви Пресвятой Богородицы (десятинной). Но народъ скоро узналъ о томъ, кого онъ лишился, и съ плачемъ и рыданіемъ сошелся въ церковь принести послѣднее лобзаніе усопшему; бояре плакали о немъ, какъ о заступникѣ земли, а убогіе, какъ о кормителѣ и господинѣ. И по принесеніи послѣдняго цѣлованія тѣло Владиміра было положено въ мраморный гробъ и погребено въ Десятинной церкви рядомъ съ тѣломъ его супруги царицы Анны, скончавшейся четыре года тому назадъ.

Лѣтописецъ Несторъ, бесѣдовавшій съ старцами современниками Владиміра, такъ закончиваетъ свою повѣсть объ этомъ князѣ. «Сей есть новый Константинъ Великаго Рима, который

крестився самъ, крестилъ и своихъ людей; подобно ему сдѣлалъ и Владиміръ, и хотя до крещенія жилъ въ похотяхъ, но въ послѣдствіи обратился къ покаянію, какъ вѣщаетъ Апостоль, — *идѣ умножися грѣхѣ, ту изобилуетъ благодать.* Дивно же есть, сколько добра сотворилъ Русской землѣ, крестивши ее. Мы же будучи христіанами невоздаемъ почести противу его воздаянья. Ибо ежели бы онъ не крестилъ насъ, то мы и нынѣ бы оставались въ прелести діавольской, и погибли бы какъ и наши прародители. А ежели бы мы имѣли тѣхъ и приносили бы за него молитвы къ Богу въ день преставленія его, и Богъ бы, видя наше тѣхъ къ нему, прославилъ бы его. Намъ достойтъ молить за него Бога, ибо чрезъ него мы познали Бога. Но да подастъ тебѣ Господь по сердцу твоему, и исполнить всѣ твои прошенія, и чего ты хотѣлъ, — царства небеснаго; да подастъ тебѣ Господь вѣнецъ съ праведными, въ пищи райской веселіе и ликостованіе съ Авраамомъ и съ прочими патріархами; какъ сказалъ Соломонъ: *умершу мужу праведному непогибаетъ упованіе.* Память его хранятъ Русскіе люди, воспоминая святое крещеніе, и прославляютъ Бога въ молитвахъ и въ пѣсняхъ и въ псалмахъ, поюще Господу, новые люди просвѣщенные Духомъ Святымъ, чающе надежды великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, воздать каждому противу трудовъ неизреченную радость».

Такъ писалъ древнѣйшій нашъ лѣтописецъ черезъ 80 лѣтъ по преставленіи святаго князя Владиміра, и чаяніе его, и надежда всѣхъ русскихъ людей того времени сбылась, — умершу мужу праведну упованіе непогибло, Господь прославилъ Владиміра и православная церковь причислила его къ лику Святыхъ благоугодившихъ Богу, и достойно празднуя его святую память, воспѣваетъ: «радуйся, Россійская хвала! радуйся вѣрныхъ правителю; радуйся божественный Владиміре начальниче нашъ; радуйся, вѣры забрало; радуйся притекающимъ пристанище тихое; радуйся каменю вѣры и молебниче о поющихъ тя и величающихъ вѣрно».

Ив. Блжавъ.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ а).

12. ОБУВЬ.

Когда Моисей приблизился къ горячей купинѣ, чтобы разсмотрѣть ее, то Господь сказалъ ему: «сними обувь съ ногъ твоихъ, потому что мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято» (Исх. 3, 5.); въ книгѣ Екклезіаста такъ же говорится: «наблюдай за ногою твоею, когда идешь въ домъ Божій» (Еккл. 4, 17.). Эти два мѣста относятся къ одному и тому же обычаю: Іудеи снимали свои сандаліи, входя въ священное мѣсто для служенія Богу. Такимъ обрядомъ у нихъ выражалось то, что они старались освободиться отъ всѣхъ нечистыхъ мыслей и заботъ въ тѣ минуты, когда находились въ мѣстахъ особеннаго присутствія Божія.

а) См. предшествующія книжки Душеп. Чтенія.

Древняя іудейская обувь не похожа на нашу; она состояла изъ кожанной подошвы, прикрѣпленной къ ногѣ ремнями. Когда какой путникъ входилъ въ домъ, чтобы отдохнуть отъ труднаго путешествія, ему тотчасъ омывали ноги, всегда нечистыя отъ грязи и пыли, потому что въ тѣхъ странахъ неупотребляютъ чулокъ. Въ Библии не разъ упоминается объ этомъ обычаѣ, напримѣръ, когда говорится о явленіи ангеловъ Аврааму (Быт. 18, 4.). Спаситель упрекалъ Симона фарисея за то, что онъ не далъ Ему воды умыть ноги (Лук. 7, 44.), когда Господь входилъ въ его домъ. Умовеніе ногъ было знакомъ учтивости и уваженія, который всегда оказывали иностранцамъ и знатымъ людямъ. Этотъ обычай доселѣ строго соблюдается на Востокѣ между Арабами. Глава семейства самъ является, чтобы принимать гостей и омывать имъ ноги.

Восточные іудеи и по настоящее время снимаютъ свои сандалии, входя въ синагоги. Они питаютъ также столь большое уваженіе къ святой землѣ, въ которой Всемогуцій дивно царствовалъ надъ ихъ предками, что многіе изъ нихъ снимаютъ сандалии и очищаютъ съ нихъ пыль и грязь, когда вступаютъ въ нее или возвращаются въ нее послѣ путешествія, чтобы не осквернить той земли, которую считаютъ священной.

Говорятъ, что христіане, живущіе въ Абиссиніи, никогда не входятъ въ свои церкви, не снявъ

прежде обуви. Магометане также строго наблюдаютъ за исполненіемъ этого обычая по отношенію къ своимъ священнымъ мѣстамъ или *мечетямъ*. Еслибы кто осмѣлился войти въ нее, не снявши своихъ туфель, тотъ былъ бы строго наказанъ. Одна путешественница, посѣтившая Турцію, рассказываетъ, что ей пришлось взойти въ одинъ изъ турецкихъ храмовъ съ нѣкоторыми другими лицами, которыя получили на это позволеніе. Какъ ни казалось имъ страннымъ ходить безъ обуви, они сняли свои туфли и оставили ихъ у входа. Но блюстители порядка въ мечети, которые ихъ сопровождали, замѣтили, что одинъ путешественникъ не захотѣлъ снять своихъ сапогъ. Мусульмане немогли перенести подобнаго оскорбленія, по ихъ мнѣнію, святаго мѣста; подъ вліяніемъ оскорбленнаго чувства, они принудили этого неосторожнаго путешественника снять свою обувь, по примѣру прочихъ, при чемъ неудержались даже отъ нѣсколькихъ бранныхъ словъ, которыя непріятно польстили бы его слуху, если бы онъ понималъ ихъ языкъ.

Мы не имѣемъ обычая снимать свою обувь, входя въ храмъ, какъ дѣлаютъ христіане Абиссиніи для выраженія своего благоговѣнія къ Богу, Которому посвящены храмы; но духовный смыслъ этого обычая долженъ привлекать все наше вниманіе. вмѣсто того, чтобы входить въ храмъ съ мыслями занятыми мірскими дѣлами и временными

удовольствіями, будемъ останавливаться хотя на мгновеніе у порога этого святаго дома, помышляя о томъ, кто наполняетъ его своимъ присутвіемъ, и принося Ему безмолвную молитву о благодатной помощи Его къ тому, чтобы намъ смиренно выслушать слово Иеговы и принять его съ открытымъ и искреннимъ сердцемъ, да принесетъ оно въ насъ плоды Св. Духа. Тогда мы не будемъ опасаться, что принесемъ Богу жертву безумныхъ (во время которой говорятъ одни уста, а сердце далеко отстоитъ отъ Бога), «ибо они непонимають, какъ худо поступаютъ» (Еккл. 4, 17.).

13. РОГЪ.

Въ Библии часто встрѣчаются непонятныя выраженія, въ которыхъ находится слово «рогъ». Такъ на примѣръ Давидъ говоритъ: «не вознесите рога вашего на высоту» (Пс. 75, 5.). «Ты вознесъ рогъ мой, какъ рогъ единорога» (Пс. 91, 11.). Эти выраженія вѣроятно относятся къ какому нибудь особенному обыкновению. Вотъ что рассказываетъ по этому случаю Брюсъ (Bruce), который долгое время путешествовалъ по Абиссиніи, африканской странѣ, лежащей на югъ отъ Египта.

«Есть нѣчто замѣчательное въ головномъ уборѣ начальниковъ абиссинскихъ провинцій: они носятъ на головѣ широкую повязку прикрѣплен-

ную на затылкѣ; по срединѣ этой повязки находится рогъ, тоестъ позолоченный кусокъ серебра длиною въ четыре дюйма (около 3-хъ вершковъ); онъ имѣетъ форму нашихъ гасильниковъ. Они называютъ его словомъ *Kirn*, что значитъ рогъ, и носятъ его только въ большіе праздники, совершающіеся въ воспоминаніе какой нибудь побѣды. Я полагаю, что въ этомъ они подражаютъ іудеямъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ обычаяхъ. Когда священныя писатели употребляютъ выраженіе «возносить рогъ» и под., то, кажется, они имѣютъ въ виду этотъ обычай».

Другой путешественникъ ⁶⁾ говоритъ, что онъ видѣлъ подобное украшеніе въ Палестинѣ. «На возвратномъ пути въ Цале мы не встрѣтили ничего замѣчательнаго; только намъ встрѣтилось нѣсколько женщинъ сидящихъ на лошадяхъ, у которыхъ на головѣ былъ *тептуръ*, особенное украшеніе употребляемое друзскими женщинами; это позолоченный рогъ, сдѣланный изъ серебра или мѣди, смотря по состоянію той особы, которая носила его. Этотъ рогъ укрѣплялся на верхней части головы, какъ рогъ единорога, и былъ покрытъ рельефными изображеніями, представляющими звѣзды, животныхъ и проч. Бѣлое кисейное покрывало было привязано къ нему такъ, что женщина, носящая его, могла закрывать имъ свое лице, какъ хотѣла, по обычаю

6) Visit to Palestine and Libanon.

тѣхъ странъ. Этотъ рогъ укрѣплялся на подушкѣ, привязанной также къ головѣ не очень ловко и изящно,—ее неснимаютъ иногда въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Въ другихъ мѣстахъ это украшеніе имѣетъ нѣсколько иной видъ; оно прикрѣпляется въ прямомъ положеніи надъ лѣвымъ ухомъ; на него бываетъ накинуто покрывало». Еще одинъ путешественникъ (Michael) по востоку говоритъ относительно этого предмета слѣдующее: «одна изъ самыхъ необыкновенныхъ принадлежностей костюма здѣшнихъ женщинъ состоитъ въ серебряномъ рогѣ, иногда изукрашенномъ дорогими камнями; онѣ носятъ его на головѣ въ различныхъ положеніяхъ смотря по своему состоянію: замужнія женщины носятъ его на правой сторонѣ головы, вдовы на лѣвой, а молодыя дѣвицы на верхней части головы. Онѣ набрасываютъ на этотъ рогъ длинное покрывало, которымъ почти совершенно закрываютъ себѣ лицо, оставляя только отверстіе для глазъ».

Трудно было носить на головѣ такую значительную тяжесть, не склоняя ея на правую сторону, что придавало гордый видъ; вотъ почему, вѣроятно, Давидъ, послѣ того какъ сказалъ: «не поднимайте вашего рога на высоту,» прибавляетъ: «и не говорите болѣе съ надменно наклоненною шеею».

Иногда же священные писатели употребляютъ слово рогъ въ иносказательномъ смыслѣ, имѣя въ виду не головное украшеніе мужчинъ и жен-

щинъ, а крѣпкій рогъ на головѣ животнаго. Такъ для выраженія силы они употребляютъ слово *рогъ*, какъ крѣпкое оружіе: «онъ возвеличилъ рогъ своего народа» (Псал. 148, 14). «Рогъ Моава былъ сокрушенъ» (Иерем. 58, 25.). Даниилъ въ своихъ пророчествахъ (7, 7. 8.) и св. Іоаннъ Богословъ въ Откровеніи (13, 1—11.) представляютъ могущественныя царства подъ образомъ роговъ. Точно такъже одинъ изъ лжепророковъ, который побуждалъ Ахава и Иосафата осадить Рамооъ Галаадскій, сдѣлалъ желѣзные рога» (2 кн. Парал. 18, 10.), желая показать, что враги обратились бы въ бѣгство предъ войскомъ Ахаава, какъ убѣгаютъ обыкновенно отъ разъяреннаго вола.

Слово «рогъ» употребляется такъже для выраженія духовной силы Спасителя, который названъ «рогомъ нашего спасенія» (Псал. 18, 3.). Это означаетъ, что въ Немъ заключается вся наша крѣпость духовная и что Онъ «силенъ спасти всѣхъ надѣющихся на Него».

(Продолженіе будетъ).

И. З--вѣ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЧИНА СВЯТАГО ТАИНСТВА КРЕЩЕНІЯ а).

П О У Ч Е Н І Е І V.

Приступимъ теперь, братія, къ изъясненію священнодѣйствія самого таинства крещенія. Сущность этого таинства состоитъ въ томъ, что вѣрующій, при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду, съ призываніемъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, умираетъ для жизни плотской, грѣховной, и возрождается отъ Духа Святаго въ жизнь духовную, святую.

Въ частности, говоря о священнодѣйствіи крещенія, мы обратимъ вниманіе наше, бр. мои, во первыхъ на совершителя сего таинства, потомъ на образъ совершенія его, и наконецъ на спасительные плоды сего таинства.

1. Кто совершитель сего таинства? Истинный совершитель сего таинства есть самъ Господь Богъ. «Священникъ, говоритъ св. Златоустъ (Бес. 50 на Матѣ.), совершающій таинство крещенія, есть служитель; ибо, — продолжаетъ св. отецъ, — когда онъ тебя крещаетъ, тогда не онъ

а) См. іюньскую книжку.

крещаетъ тебя, но Самъ Богъ, содержащій главу твою невидимою силою, такъ что ни Ангелъ, ни Архангелъ, ни другой кто либо не смѣетъ приблизиться къ тебѣ въ это время».

Но Богъ, совершающій таинство крещенія невидимо, дароваль право видимо служить при совершеніи этого таинства пастырямъ святой Церкви своей: епископамъ и пресвитерамъ. Господь Иисусъ Христосъ прямо сказалъ ученикамъ Своимъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѡ. 28, 19). Это право всегда оставалось и остается за пастырями Церкви, епископами и пресвитерами. «Мы не позволяемъ, — говорится въ Апостольскихъ постановленіяхъ (L. III. с. 11), совершать крещеніе клирикамъ, на примѣръ: чтецамъ, пѣвцамъ, придверникамъ, служителямъ; но только епископамъ и пресвитерамъ, при помощи діаконъ; тѣ, кои бы дерзнули на сіе, пострадали бы подобно сынамъ Кореовымъ». Даже и пресвитеры не иначе могли ⁶⁾ и могутъ совершать это таинство, равно какъ и другія св. таинства, какъ только по власти и приказанію епископа, — на что нынѣ и дается имъ въ полномочіе, такъ называемая, ставленическая грамота.

Впрочемъ въ особенныхъ обстоятельствахъ,

6) „Non sine Episcopi auctoritate.“ Tertull. de Baptismo c. 18.— „Sine episcopi jussione neque presbyter jus habeat baptisandi“. Ieron. Dial. contra Lucif.

или въ случаяхъ крайности, когда напр. при малѣйшемъ отлагательствѣ св. крещенія предстоитъ опасность умереть человѣку, особенно младенцу безъ крещенія, св. Церковь и въ древности позволяла и нынѣ позволяетъ совершать крещеніе діаконамъ (Дѣян. Ап. 8, 38) и даже мірянамъ; при чемъ непременно требовала и требуетъ, чтобы крещеніе совершено было во имя Отца и Сына и Св. Духа. Если окрещенный міряниномъ младенецъ останется живъ, то прежнее крещеніе дополняется священникомъ положенными въ чино-последованіи молитвами и обрядами, сопровождающими таинство.

2. Таинство крещенія должно быть совершаемо и совершается нашею православною Церковію чрезъ погруженіе крещаемого въ воду. Такъ крестился Самъ Господь Іисусъ Христосъ (Марк. 1. 10). Въ Евангеліи прямо сказано: *взыде Іисусъ отъ воды*, слѣдовательно прежде Онъ нырялъ въ воду: вотъ погруженіе. Чрезъ погруженіе же крестилъ и другихъ, приходившихъ къ нему, Іоаннъ Предтеча (Мѡ. 3, 16) и крестили св. Апостолы (Дѣян. 8. 38). Самое слово *крещеніе* въ переводѣ съ греческаго языка, значитъ собственно погруженіе ^{в)} (*βαπτισμα*). Чрезъ погруже-

в) Слово *крещеніе* выражаетъ то значеніе этого таинства, которое указывается въ словахъ Апостола: *или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (Рим. 6, 3)? Это значитъ, что въ крещеніи мы являемся причастниками спасительныхъ плодовъ *крестной* смерти Богочеловѣка.

ніе же и всегда совершала крещеніе св. Православная Церковь, слѣдуя не писанію только, но и преданію.

Кромѣ того погруженіе прекрасно выражаетъ собою духовное значеніе таинства крещенія, именно:

а) Чрезъ погруженіе яснѣ всего выражается то, что купель крещенія содѣлываетъ для вѣрующихъ болѣе недѣйствительными и тщетными всѣ козни діавольскія. «Какъ скорпіоны и змѣи, говоритъ св. Кипріанъ, имѣющіе великую силу въ безводномъ мѣстѣ, не могутъ болѣе оказывать оной и изливать ядъ свой на того, кто предупредилъ ихъ своимъ бѣгствомъ въ воду; такъ и духи нечистые, называемые скорпіонами и змѣями, и связуемые данною намъ отъ Бога властію, не могутъ болѣе оставаться въ плоти человѣка, въ которомъ послѣ его крещенія начинается обитать Духъ Святыи.»

б) Чрезъ погруженіе лучше всего выражается и то, что человѣкъ въ таинствѣ крещенія всецѣло возрождается въ жизнь новую, благодатную. Блаж. Симеонъ (Т. II. стр. 69) говоритъ при этомъ: «крещенный возродившись исходитъ всецѣло новымъ, просвѣщеннымъ и сыномъ Божіимъ изъ священной купели, нашей духовной матери, какъ бы изъ дѣвственной, чистой и святой утробы. Какъ Христось родился отъ Дѣвы, чтобы очистить наше оскверненное рожденіе; такъ и мы приходимъ отъ чистой купели. Какъ

тамъ чистая кровь и святое тѣло Дѣвы устроили силою Святаго Дука плоть Бога Слова: такъ и въ насъ чистая вода купели и Божественный Духъ совершили чистое возрожденіе».

в) Черезъ погруженіе лучше всего выражается и то, что крещеніе очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха, какъ отъ грѣха прародительскаго, такъ и отъ всѣхъ грѣховъ произвольныхъ, содѣланныхъ нами до крещенія, если бы мы крестились взрослыми. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «всѣхъ очищаетъ благодатное крещеніе; будетъ ли женоподобный, или блудникъ, или идолослужитель, или другой какой великій грѣшникъ, и хотя бы совмѣщалъ въ себѣ всякое зло человѣческое,—погрузившись въ купель водъ, онъ выходитъ изъ божественныхъ водъ чище лучей солнечныхъ.» (ad illum. Cath. п. 3.). Всецѣлымъ погруженіемъ крещаемого въ водѣ всего лучше выражается всецѣлое очищеніе его отъ всѣхъ грѣховъ.

г) Черезъ погруженіе наконецъ лучше всего выражается то, что въ крещеніи мы спогребаемся Христу и совоскресаемъ съ Нимъ. Бл. Симеонъ (т. II. 68) говоритъ: «тремя погруженіями и поднятіями мы именно изображаемъ тридневное погребеніе и воскресеніе Распятаго за насъ плотію и Воскресшаго». «Вы трижды погружались въ водѣ», говорилъ св. Кириллъ Іерусалимскій въ свое время христіанамъ, — и трижды опять являлись вверху оной; и такимъ образомъ черезъ сіе знаменіе изображали тридневное Христово погребеніе». (огл. II. г. 4).

Впрочемъ въ случаяхъ крайности, напр. если бы пожелалъ креститься человекъ больной, котораго невозможно поднять съ одра и безъ явной опаености погрузить въ водахъ купели, — св. таинство крещенія совершаемо было въ древности и чрезъ обливаніе и окропленіе, и таковое, въ семь случаѣ, крещеніе церковь всегда признавала дѣйствительнымъ. (Кипр. epist. 76).

Съ троекратнымъ погруженіемъ крещаемого въ св. водахъ купели церковь всегда соединяла и соединяетъ исповѣданіе трехъ Лицъ Божества, произносимое совершителемъ таинства въ такихъ выраженіяхъ: *крещается рабъ Божій (имярекъ) во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* «Заповѣдь крещенія уже дана, гогоритъ Тертуліанъ (De bapt. L. I. с. 1), и формула уже предписана. Идите,—сказано, учите языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.» Какъ вѣруемъ мы,—говоритъ св. Василій Великій (о св. Духѣ гл. 19), въ Отца и Сына и Святаго Духа; такъ и крестимся во имя Отца и Сына и Св. Духа.» Такъ всегда поступала св. православная Церковь, и строго отвергала всякое другое крещеніе, совершавшееся у нѣкоторыхъ еретиковъ не по заповѣди Господа. «Аще кто епископъ или пресвитеръ креститъ не по Господню учрежденію во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ изверженъ», гласитъ правило апостольское (49). «Кто отдѣляетъ что-либо отъ Троицы, и крещается во единое имя Отца, или во единое имя

Сына, или во Отца и Сына безъ Духа, — тотъ ничего не получаетъ» (Аѳан. В. ad Serap.). Такъ же строго св. Церковь осуждала еретиковъ, крестившихъ во имя трехъ Отцевъ, или трехъ Сыновъ, или трехъ Утѣшителей (Прав. Ап. 49); осуждала гностиковъ и евноміанъ, крестившихъ въ смерть Христову (—50); осуждала тѣхъ, которые крестили во имя невѣдомаго Отца всѣхъ вещей,—во имя истины, матери всего существующаго, и во имя Христа, ѳиспеднаго на Исуса, чтобы соединиться съ Нимъ и совершить вмѣстѣ съ Нимъ чудеса и искупленіе (Ерпф. Haeges. 34); осуждала тѣхъ, которые крестили во имя Творца, или во имя Бога несотвореннаго, и Сына сотвореннаго, и Духа освятителя, сотвореннаго чрезъ Сына (—76).

Въ православной Церкви нашей первыя слова формулы крещенія произносятся такъ: *крещается рабъ Божій*: этимъ выражается съ одной стороны смиреніе совершителя таинства. «Мы,— замѣчаетъ при семъ св. Златоустъ, говоримъ: крещается; ибо и Христосъ не сказалъ: Я крещая васъ Духомъ Святымъ, но *креститесь* (будете крещены Дѣя. 1, 5), научая тѣмъ и насъ скромно думать о себѣ». И въ другомъ мѣстѣ тотъ же Златословесный Учитель говоритъ: «посмотри на образъ рѣчи Христовой: не сказалъ: Я творю тебя здоровымъ, но: *се здравъ еси, кому не согрѣшай*, не сказалъ: дабы я не наказалъ тебя, но: *да не горше ти что будетъ*». (Бес. 1.

на Дѣя.). Съ другой стороны этимъ выражается добровольное желаніе крещаемого принять св. таинство крещенія. «Архіерей или іерей говоритъ: *крещается*, а не *крещая тебя*, какъ новомудрствующіе и въ этомъ латиняне дѣлаютъ,—свидѣтельствуя о доброй волѣ крещаемого. Ибо это выраженіе: *я крещая тебя*, не показываетъ, что просвѣщенный крестится добровольно; но какъ будто по принужденію и по кокому-то самовластію крещающаго, противъ своей воли, и что только крещающій креститъ по своей прихоти. Напротивъ формула: *крещается* выражаетъ добрую волю крещаемого, и то, что онъ крещается отъ архіерея или іерея, творящаго уже дѣло Тріединого Бога, котораго имя ясно возвѣщается крещаемому» (Сим. сол. т. II: 68).

Бр. мои! когда вы, при совершеніи таинства крещенія созерцаете троекратное погруженіе крещаемого въ воду во имя Отца и Сына и Св. Духа, стойте въ эти минуты съ такимъ же страхомъ и благоговѣніемъ, съ какимъ Херувимы и Серафимы предстоятъ престолу Божию на небѣ; прославляйте святость и милосердіе Пресвятой Троицы, возраждающей насъ въ святыхъ водахъ крещенія; бойтесь допустить въ умъ и сердце ваше малѣйшую мысль лукавую или чувство нечистое: близъ васъ Господь Богъ, котораго трепещутъ умныя всѣ силы, котораго трепещутъ бездны,—страхомъ непреступной славы котораго покрываются многоочитіи Херувимы и шестокрылатіи Серафимы. Помните это, други мои. Аминь.

П О У Ч Е Н І Е V.

Въ то время, когда священникъ троекратно погружаетъ младенца, бр. мои, въ св. водахъ купели, съ произнесеніемъ словъ: крещается рабъ Божій имярекъ во имя Отца и Сына и Св. Духа,—въ то время благодать Духа Святаго невидимо дѣйствуетъ на все существо крещаемого.

И *вопервыхъ* духовно возраждаетъ его или возсозидаетъ, какъ засвидѣтельствовавъ самъ Господь Иисусъ Христосъ въ бесѣдѣ своей съ Никодимомъ. *Аминь, аминь глаголю тебѣ*, говорилъ Господь Никодиму, объясняя ему—старцу лѣтами — возможность снова родиться, не входя вторично въ утробу матери своей,—*аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3 4—6). Поэтому и св. Апостоль Павелъ называетъ крещеніе банею *накибытія* (Тит. 3. 5). Св. Григорій Богословъ говоритъ: «крещеніе изъ ветхихъ дѣлаетъ насъ новыми, изъ плотскихъ — богоподобными, разваря безъ огня и возсозидая безъ разрушенія» (Слов. на св крещ.). Св. Іоаннь Златоустъ учитъ: «крещеніе не просто отпускаетъ намъ грѣхи, не просто очищаетъ насъ отъ беззаконій, но такъ, какъ бы мы вновь роди-

лись: ибо оно вновь творить насъ и образуетъ» (ad illum. Cath. п. 3). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Святитель говоритъ: «какъ подъ сгнившій домъ никто не подставляетъ подпорокъ и не приколачиваетъ ничего къ старому зданію, но, разобравъ его до основанія, сполна воздвигаетъ и возобновляетъ: такъ поступилъ и Онъ (т. е. Богъ): не исправилъ насъ, но возсоздалъ сполна» (Бес. на посл. къ Тит.).

Вовторыхъ крещеніе уничтожаетъ всѣ грѣхи: въ младенцахъ первородный, а въ возрастныхъ и первородный и произвольные, и возвращаетъ человѣку ту праведность, которую онъ имѣлъ въ состояніи невинности и безгрѣшности (Прав. исп.). Въ бесѣдѣ своей съ Никодимомъ Господь ясно учитъ, что какъ до крещенія мы бываемъ *плотию*, будучи рождены отъ плоти, т. е. имѣемъ отъ самихъ своихъ родителей наследственную грѣховную нечистоту, препятствующую намъ войти въ царствіе Божіе: такъ точно въ таинствѣ крещенія, возродившись отъ Духа Святаго, мы становимся иными по существу, становимся *духомъ*, т. е. чистыми отъ прародительскаго грѣха, или плотской нечистоты; и потому имѣемъ возможность взойти въ царствіе Божіе, куда ничто скверное внити не можетъ. Св. Апостоль Павелъ къ желающимъ креститься въ лѣтахъ зрѣлыхъ говорилъ ясно: *покайтесь и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ* (Дѣян. 2, 38), и въ дру-

гомъ мѣстѣ о крестившихся говорить: *и сими* (т. е. грѣшниками) *нлыцы отъ васъ бысте,*—*но омыстеса, но освятистеса, но оправдистеса и менема Господа нашего Иисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6. 11).

Святый Іоаннь Златоустъ (ad illum. n. 3) учить: «всѣхъ очищаетъ благодатное крещеніе: будетъ ли женоподобный, или блудникъ, или идолослужитель, или другой какой великій грѣшникъ, и хотя бы совмѣщаль въ себѣ всякое зло человѣческое, — погрузившись въ купель водъ, онъ выходитъ изъ божественныхъ водъ чище лучей солнечныхъ. Выходя изъ сей купели, становится не только чистымъ, но святымъ и праведнымъ. Ибо Апостоль сказалъ не только *омыстеса, но и освятистеса и оправдистеса*. «Благодать и сила крещенія—говорить св. Григорій Богословъ (въ словѣ на крещ.), не потопляетъ міра, какъ древле; но очищаетъ грѣхъ въ каждомъ человѣкѣ, и совершенно измываетъ всякую нечистоту и скверну, привнесенную перворожденіемъ (т. е. плотскимъ рожденіемъ)».

Далѣе, возрождая насъ, очищая отъ всякаго грѣха, оправдывая и освящая насъ, св. крещеніе содѣлываетъ насъ чадами Божіими и членами тѣла Христова, св. Его Церкви. Св. Апостоль Павелъ говоритъ христіанамъ: *вси вы сынове Божіи впрою о Христь Иисусъ. Елицы бо во Христа крестистеса, во Христа облекостеса; вси вы едино о Христь Иисусъ* (Гал. 3, 26. 27).

Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя эти слова св. Апостола, говоритъ: «Если Христосъ есть Сынъ Божій и ты въ Него облекся, имѣешь Сына въ себѣ самомъ, и ему уподобился: то ты приведенъ чрезъ сіе въ одно съ Нимъ родство и въ тотъже образъ... *Вси едино о Христѣ Іисусѣ*, т. е. всѣ имѣете одинъ обликъ и одинъ образъ Христовъ... кто прежде былъ Еллиномъ, Іудеемъ и рабомъ, тотъ теперь носитъ на себѣ образъ не Ангела, не Архангела, но самого Владыки всяческихъ, и отображаетъ въ себѣ Христа» (Бес. на Галат.). Въ другомъ мѣстѣ св. Апостолъ говоритъ: *единымъ Духомъ мы вси во одно тѣло крестихомся, аще Іудеи, аще Еллини, или раби или свободни: и вси единымъ Духомъ напоихомся* (1 Кор. 12, 13). Смысль словъ св. Апостола слѣдующій—говоритъ св. Златоустъ: «одинъ Духъ составилъ изъ насъ одно тѣло, (т. е. одну Церковь) и возродилъ насъ; ибо не инымъ Духомъ крещенъ одинъ, а инымъ другой. И не только крестившій насъ Духъ есть одинъ, но и то, во что Онъ крестилъ, т. е. для чего крестилъ, есть едино: ибо мы крестились не для того, чтобы составлять различныя тѣла, но чтобы всѣ мы въ точности составляли одно тѣло въ отношеніи другъ ко другу, т. е. крестились для того, чтобы всѣмъ намъ быть однимъ тѣломъ» (на 1 Кор. б. 30).

Наконецъ крещеніе спасаетъ насъ отъ вѣчныхъ наказаній за грѣхи, и содѣлываетъ наследниками часть II.

вѣчной жизни. *Иже въру иметъ и крестится, сказалъ Спаситель,—спасенъ будетъ, а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16). Св. Апост. Павелъ, выясняя для насъ это спасеніе, говорить: *и не отъ дѣлъ праведныхъ, ихъ же сотворихомъ мы, но по своей Его милости спасе насъ банею пакибытія* (т. е. таинствомъ крещенія), *и обновленія Духа Святаго, Егоже излія на насъ обильно Исусъ Христомъ—Спасителемъ нашимъ, да оправдившеся благодатию Его наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя* (Тит. 3, 57). Св. Кирилль Іерусалимскій говорить: «крещеніе—искупленіе плѣнныхъ, прощеніе долговъ, смерть грѣха, пакибытіе души, свѣтлая одежда, неприкосновенная печать, колесница на небо, предуготовленіе царствія, дарованіе сыноположенія» (поуч. предогласит.).

Бр. мои! Эти невидимыя и спасительныя дѣйствія св. крещенія совершаются надъ всѣми крещающимися во имя Отца и Сына и Св. Духа; слѣдовательно они совершились и надъ нами, когда насъ крестили. Св. купель крещенія возродила и возсоздала насъ, очистила отъ первороднаго грѣха, оправдала предъ Богомъ и освятила, содѣлала чадами Божіими и членами тѣла Христова—Св. Его Церкви, даровала намъ залогъ спасенія отъ вѣчныхъ наказаній за грѣхи. и приобрѣла намъ право на наслѣдіе вѣчной жизни. Спросимъ же теперь себя предъ лицомъ сердце-вѣдца Господа, какъ мы вели и ведемъ себя

послѣ совершенія надъ нами таинства крещенія? Чѣмъ засвидѣтельствовали мы предъ Богомъ и предъ людьми о нашемъ возрожденіи? Гдѣ чистота души нашей? Куда дѣвалось оправданіе наше и освященіе? Добрыя ли мы чада Божіи, или больше походимъ на блудныхъ сыновъ, которые бѣгутъ изъ дому отца своего, чтобы на странѣ далекой истратить сокровища его среди дурныхъ товарищей и дурной жизни? Гдѣ залого спасенія отъ вѣчныхъ наказаній за грѣхи наши, когда совѣсть наша неумолкаемо вопіетъ противъ насъ, и когда нѣтъ въ насъ истиннаго покаянія? Гдѣ наши права на наслѣдіе вѣчной жизни, когда мы всѣми силами души нашей привязываемся только къ земной жизни, живемъ только для земли? Годы наши шли—и умножали только беззаконія и грѣхи наши. По временамъ только, и то на самое короткое время мы какъ бы пробуждались отъ грѣховнаго сна нашего, мы слышали или въ себѣ самихъ, или изъ устъ другихъ, голосъ, зовущій насъ на небо; мы ощущали въ себѣ присутствіе благодати даровавшей намъ духовное возрожденіе, оправданіе предъ Богомъ и освященіе, мы примирались и соединялись снова со святою Церковію, возвращались въ домъ къ Отцу нашему небесному, дѣлались чадами Его, оживали душею, освѣжались упованіемъ, что мы избавимся вѣчныхъ наказаній за грѣхи наши и получимъ вѣчное блаженство, ради заслугъ Господа нашего Иисуса Христа: но все это было на время,—на

день, на два, на недѣлю; а потомъ снова жизнь безпечная, грѣховная... Бр. мои, когда же конецъ этой жизни? Неужели дожидаться смерти! Но вѣдь тогда можно погибнуть на вѣки. Нѣтъ, бр. мои, восплачемся теперь предъ Господомъ и возрыдаемъ о томъ, что мы лишились чистоты и непорочности, какая дарована намъ въ крещеніи, омоемъ слезами нашими наши грѣховныя нечистоты; обратимся, пока есть время, къ покаянію; это одно вѣрное средство спастись намъ. Аминь.

П О У Ч Е Н І Е VI.

По совершеніи троекратнаго погруженія въ купели крещенія, положено, братія мои, пѣть трижды псаломъ 31-й, въ которомъ изображается блаженство людей, получившихъ прощеніе отъ Бога. *Блаженіи, ихъже оставишася беззаконія и ихъже прикрѣпшася грѣси. Блаженъ мужъ, емоу же не вльнитъ Господъ грѣха.* Кто не видитъ, какъ мудро устроила св. Церковь, повѣлъ въ привѣтствовать словами сего псалма того, надъ кѣмъ совершенно крещеніе во оставленіе грѣховъ!—При пѣніи псалма священникъ облачаетъ крещеннаго, но уже не въ прежнія его одежды, а въ новыя, бѣлыя. При чемъ священникъ произноситъ слѣдующія слова: «облачается рабъ Божій (имярекъ) въ ризу правды во имя Отца и Сына и Св. Духа, нынѣ и присно и во

вѣки вѣковъ, аминь». Облечься въ ризу правды значитъ облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ (Еф. 4, 24.), каковымъ является каждый по выходѣ изъ купели крещенія. А бѣлый цвѣтъ вещественной одежды, возлагаемой на крещеннаго, есть наилучшее и ближайшее изображеніе того нравственнаго состоянія, въ которомъ находится христіанинъ тотчасъ послѣ крещенія: онъ вышелъ изъ водъ купели чистымъ и праведнымъ. Съ такимъ изображеніемъ чистоты душевной мы встрѣчаемся въ Апокалипсисѣ: *и окрестъ престола престолы двадцать и четыре: и на престолѣхъ видѣхъ двадцать и четыре старцы съдящія, облечены въ бѣлыя ризы: и имяху вѣнцы златы на главахъ своихъ* (Апок. 4, 4.). И въ другомъ мѣстѣ Тайновидецъ говоритъ: *по сихъ видѣхъ—и се народъ многъ, елюже исчести никтоже можетъ, отъ всякаго языка и колѣна и людей и племенъ, стояще предъ престоломъ и предъ Ангеломъ, облечены въ ризы бѣлы, и фривцы въ рукахъ ихъ. И отвѣща единъ отъ старецъ, глаголя ми: сіи суть, иже придоша отъ скорби, и испраша ризы своя, и убѣлиша ризы своя въ крови Агнчи* (Апок. 7, 9. 13. 14.). Такимъ образомъ св. Церковь, облакая новопросвѣщеннаго въ бѣлыя одежды, хочетъ подѣ символомъ ихъ нагляднымъ образомъ представить ему и вамъ ту чистоту души, съ какою онъ исходитъ изъ купели крещенія; но такъже научить его, что дальнѣйшая жизнь

его въ христіанствѣ должна быть такъ чиста, какъ чиста та риза, въ которую онъ облекся тотчасъ послѣ крещенія. Блаженный Симеонъ Солунскій говоритъ, что бѣлая одежда надѣвается на каждого новопросвѣщеннаго во образъ божественнаго свѣта и ангельской чистоты, такъ какъ онъ, пріявши крещеніе, явился сыномъ свѣта и всецѣло несквернымъ и чистымъ (т. II. стр. 72.).

На слова священника: «облачается рабъ Божій въ ризу правды» клиръ отъ лица новопросвѣщеннаго, а вмѣстѣ и отъ лица cadaго изъ насъ присутствующихъ во храмѣ, поетъ слѣдующій тропарь: «ризу мнѣ подаждь свѣтлу, одѣйся свѣтомъ, яко ризою, многомилостиве Христе Боже нашъ». Это молитвенное воззваніе къ многомилостивому Христу Богу нашему свидѣтельствуеть, что новопросвѣщенный имѣетъ, и если возрастный, то и чувствуетъ нужду въ этой спасительной ризѣ; въ насъ же оно должно возбудить истинное сокрушеніе, что мы грѣхами нашими осквернили эту ризу,—должно возбудить сердечное желаніе, вновь получить ее отъ Господа ради нашего покаянія и сокрушенія.

Вмѣстѣ съ ризою возлагается на новопросвѣщеннаго св. крестъ. Возложеніе креста и ношеніе его на груди должно всегда напоминать каждому заповѣдь Господа Иисуса, столь необходимо—обязательную для всякаго истиннаго послѣдователя Его: *иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвер-*

жется себе, и возметъ крестъ свой и по Мнѣ ирядетъ (Марк. 16, 24.). Сынъ вашъ со всѣмъ усердіемъ любви и вѣры долженъ во всю жизнь свою стараться исполнять эту заповѣдь Христову, заповѣдь самоотверженія, столь нужнаго въ борьбѣ со грѣхомъ, — нося на груди своей крестъ Его. Наконецъ крестомъ Христовымъ, какъ бы нѣкіимъ щитомъ ограждаетъ св. Церковь новопросвѣщеннаго отъ всѣхъ стрѣлъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ нападеній плоти, міра и діавола. Взглянувъ съ вѣрою, упованіемъ и молитвою на этотъ щитъ, и оградивъ себя имъ, онъ найдетъ для себя въ немъ—истинный источникъ радости и утѣшенія среди скорби и унынія, крѣпкую защиту среди искушеній, духовное ободреніе о освѣженіе среди утомленія.

Полюбуемся теперь, бр. мои, вашимъ младенцемъ. Вотъ онъ, — обновленный благодатію Св. Духа, возрожденный въ св. водахъ крещенія, облеченный въ бѣлую одежду, знаменующую чистоту души его, съ крестомъ на персяхъ, стоитъ предъ лицомъ Бога, предъ лицомъ св. Ангеловъ и св. Божіихъ челоуѣковъ, предъ лицомъ всей Церкви Христовой. Какъ онъ прекрасенъ,—прекрасенъ не столько красотою своею тѣлесною, сколько красотою душевною! Сколько онъ былъ жалокъ и бѣденъ, безобразенъ и худъ нравственно до св. крещенія, столько или въ тысячу разъ больше онъ теперь драгоцененъ, богать жизнію духовною, сіяетъ нравственною

красотою и благолѣпіемъ послѣ св. крещенія. «Представимъ себѣ, говоритъ св. Златоустъ: еслибы кто взявши больнаго чесоткой, покрытаго язвами, согбеннаго отъ старости, удрученнаго болѣзнію и бѣдностію, и истомленнаго голодомъ, вдругъ преобразилъ его въ благобразнаго юношу, котораго наружный видъ привлекалъ бы къ себѣ сердца всѣхъ, ланиты сіяли красотою, взоры, при каждомъ мановеніи ихъ, бросали солнечные лучи... За тѣмъ облекъ бы его въ діадиму и во всѣ царскія украшенія: такъ именно и преобразилъ Богъ нашу душу, содѣлавъ ее и красивою, и привлекательною, и любезною, такъ что такую душу желаютъ зрѣть Ангелы, Архангелы и всѣ другія Силы. Такъ Онъ содѣлалъ насъ любезными и вождѣнными себѣ» (Бесѣ. на пос. къ Ефес.). Таковъ именно бр. мой, вапгъ младенецъ теперъ! Ему дана жизнь новая, духовная; надъ нимъ совершилось возрожденіе и обновленіе благодатное силою и дѣйствиємъ Духа Святаго. Это—новая, прекрасная лѣторасль въ великомъ вертоградѣ Божіемъ, благодатно привившаяся къ плодоносной маслинѣ — Христу (Рим. 11, 17.); это—юный птенецъ подъ крылами любвеобильной кокоши—Христа (Матѣ. 23, 17.); это — новорожденное дитя, дорогое и любезное для попечительной и заботливой матери, св. Церкви; это—новый подвижникъ и ратоборецъ въ безчисленномъ сонмѣ воиновъ Христовыхъ.

Но не спѣшите вамъ отдать въ домъ вашъ это сокровище ваше св. Церковь; она оставляетъ его еще на нѣсколько минутъ во храмѣ, дабы сообщить ему дары Св. Дука, потребныя ему въ новой его жизни. Объ этомъ мы будемъ бесѣдовать въ слѣдующій разъ, бр. мои; а нынѣ вознесемъ сердечное благодареніе наше Господу Богу, не оставившему насъ погибнуть во грѣхахъ нашихъ, но даровавшему намъ источникъ обновленія, возрожденія и освященія въ таинствѣ крещенія. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сяцу. Василій Владиславлевъ.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ УВЕСЕЛЕНИЯХЪ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ а).

Если вы хотите составить себѣ вѣрныя понятія о *чистой выручкѣ*, остающейся отъ благотворительныхъ увеселеній въ пользу бѣдныхъ, запаситесь терпѣніемъ. При обсужденіи ея нужно строгое вниманіе и нѣкоторое напряженіе ума, къ которому большею частію не привыкли наши свѣтскіе образованные люди. Они любятъ все рѣшать легко и скоро, безъ дальнихъ хлопотъ, и отъ того безпрестанно даются въ обманъ. Но кто хочетъ пріобрѣсти здравый взглядъ на вещи, тотъ непременно долженъ самъ наблюдать и все обсуживать, не щадя усилій и труда; иначе онъ всегда будетъ только повторять чужія мысли и чужія слова, будетъ дѣлать только то, что люди дѣлаютъ, не давая себѣ отчета, хорошо это, или худо. Кто лѣнитъ размышлять, тотъ всегда будетъ похожъ (извините не деликатное сравненіе) на бревно, которое несется по теченію рѣки,

а) Письмо первое см. въ апрѣльской книж. за текущей годъ.

не зная куда, и то въ тотъ берегъ ударится, то въ другой.

Мнѣ всегда бываетъ жалко нашихъ играющихъ и поющихъ благотворителей, когда я слышу выраженія ихъ восторга при большой выручкѣ въ пользу бѣдныхъ. «Посмотрите, говорятъ они, развѣ это не добро? Вотъ выручили 500 рублей отъ спектакля, или концерта въ пользу школь, приютовъ, или раненыхъ! Сколько бѣдныхъ дѣтей надолго обезпечено, сколько страданій облегчено этими деньгами! Скороли и гдѣ вы нынѣ соберете такую сумму для бѣдныхъ?...» Мнѣ все кажется, что ихъ радость похожа на радость чловека, который внезапно разбогатѣлъ, но не замѣчаетъ того, что доставшееся ему богатство состоитъ изъ фальшивой монеты. Духъ нашего времени, для котораго деньги стали божествомъ, научилъ ихъ и добродѣтель оцѣнивать на деньги. Онъ заставилъ ихъ забыть, что они христіане, что судъ надъ ихъ дѣлами принадлежитъ Христу Спасителю, что на этомъ судѣ изъ ихъ дѣлъ окажется добромъ только то, что Господь называетъ добромъ, а не то, что они сами вздумаютъ назвать этимъ высокимъ именемъ. Есть указанія въ словѣ Божіемъ, что не только какіе нибудь наши ничтожные рубли, жертвуемые на добрая дѣла часто съ грѣхомъ пополамъ, но даже и напряженные нравственные подвиги не будутъ признаны добромъ на судѣ Христовомъ, когда они совершаются не въ духѣ Спасителя

нашего. «Если кто и подвизается, говорить Апостоль, не увѣнчается, если незаконно будетъ подвизаться» (2 Тим. 2, 5.). Для христіанина не въ томъ долженъ быть вопросъ, велика ли чистая выручка, пріобрѣтенная имъ въ пользу бѣдныхъ, а чиста ли она въ нравственномъ смыслѣ. Есть ли она чистый плодъ добродѣтели, который одинъ только можетъ быть угоденъ Богу? Есть ли на ней благословеніе Божіе, безъ котораго всѣ наши пріобрѣтенія, куда бы, и на что бы они ни назначались, всегда, какъ говорится, пойдутъ прахомъ, нигдѣ не принесутъ ожидаемой пользы.

Господь Иисусъ Христосъ, возвѣщая Свое высокое ученіе о благотворительности, не далъ намъ заповѣди: добывайте всѣми способами и какъ можно больше денегъ для бѣдныхъ; тѣмъ выше будетъ ване дѣло милосердія, чѣмъ больше будетъ сумма вами собранная. Нѣтъ, не количествомъ денегъ, или какихъ либо другихъ вещественныхъ пожертвованій Онъ опредѣляетъ достоинство дѣлъ милосердія, а мѣрою приближенія и уподобленія нашего первообразу всякаго совершенства и слѣдовательно всякой добродѣтели,—Отцу нашему небесному: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъъ небесный милосердъ есть* (Лук. 6, 36.). Любовь наша къ бѣднымъ должна быть не только щедра на пожертвованія, но по возможности, такъ же чиста, свята, безкорыстна, долготерпѣлива, неизмѣнна, какъ любовь

Отца небеснаго ко всѣмъ людямъ. Преуспѣвающимъ въ такой любви Господь далъ великое обѣтованіе: *будете сынове Вышняго* (ст. 35.). Если мы хотимъ дѣйствительно быть сынами Всевышняго, если хотимъ, чтобы любовь наша къ бѣднымъ имѣла богоподобный, или, что тоже, христіанскій характеръ: то мы прежде всего должны заботиться о томъ, чтобы она не была возмущена движеніемъ какой либо страсти, не была повреждена примѣсю какого либо нечистаго побужденія, своекорыстнаго разчета, имѣющаго въ виду личную выгоду, или личное удовольствіе, чтобы на самыя дѣла наши не легла печать грѣха, или страсти, которые всегда и вездѣ противны Отцу нашему небесному и оскорбительны для Него. Поэтому во всей нашей благотворительной дѣятельности должны выражаться смиреніе, цѣломудріе, скромность, осторожность, мудрая предусмотрительность, свидѣтельствующія о томъ, что мы понимаемъ, какое святое дѣло мы дѣлаемъ, что мы желаемъ быть достойными сынами Всевышняго. Посмотрите, какъ самъ Господь заботится о томъ, чтобы охранить и наше сердце и наши благотворительныя дѣла отъ всякой примѣси грѣха и нравственной нечистоты: «когда творишь милостыню,» говоритъ Онъ, «пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая» (Матѳ. 6, 3.). Потому-то истинные благотворители всегда подають милостыню съ молитвою, чтобы Самъ Господь со-

дѣлать ее чистою и угодною Ему жертвою. И только такая милостыня истинно плодоносна. Ей дана отъ Господа сила очищать наши собственные грѣхи, низводить благословеніе Божіе на наши семейства и дѣла, разливать утѣшеніе и истинную радость не только на ближнихъ нашихъ, живущихъ на землѣ, но и на отшедшихъ въ вѣчность.

По этимъ основнымъ понятіямъ о христіанской благотворительности обсуживайте чистую выручку, остающуюся отъ благотворительныхъ увеселеній. Замѣтите *первое*: если благоволеніе Божіе пріобрѣтается нашими духовными расположеніями, нашею любовію и усердіемъ къ добродѣлю: то количество денегъ здѣсь занимаетъ второстепенное мѣсто. Если приношеніе ихъ не сопровождается тою любовію, которой Господь отъ насъ требуетъ, онѣ не будутъ нравственною, богоугодною жертвою; онѣ останутся предъ очами Божіими только деньгами, т. е. мертвымъ металломъ. Только у насъ, въ нашей матеріальной и естественной жизни онѣ и будутъ имѣть цѣну, но не передъ Богомъ. Деньгами, если можно такъ выразиться, мы не удивимъ Господа Бога нашего. *Мое серебро и Мое золото*, говоритъ Онъ (Агг. 2, 9.). Онъ Самъ именуется всебогатымъ и все, что мы имѣемъ, отъ него имѣемъ. Онъ есть Богъ любви и ищетъ только нашей любви и по ней оцѣниваетъ дѣла наши: вспомните о Евангельской вдовицѣ, принесшей двѣ лепты въ пользу храма.

Второе: если мы въ дѣлахъ милосердія дѣйствуемъ въ союзѣ съ Богомъ, какъ дѣти съ отцемъ: то средствъ благотворенія мы должны просить у Него же. Можетъ ли быть, чтобы, требуя отъ насъ любви къ ближнимъ, Онъ оставилъ насъ съ однимъ чувствомъ сердца и не далъ намъ средствъ къ обнаруженію этого чувства на дѣлѣ? Сказалъ ли Онъ намъ: любите ближнихъ, какъ Я люблю всѣхъ васъ, а благотворите имъ чѣмъ хотите, и какъ хотите? И земной отецъ, посылая дѣтей на доброе дѣло, не говоритъ имъ: дѣло сдѣлайте, а средства для исполненія его берите гдѣ хотите, хоть украдите. По мѣрѣ любви нашей къ бѣднымъ мы должны ожидать отъ Бога и средствъ благотворенія: въ благораствореніи воздуха, въ плодородіи земли, въ благословеніи честнаго труда и происходящихъ отсюда успѣховъ въ нашихъ предпріятіяхъ, даже въ необычайныхъ и чудесныхъ дѣйствіяхъ Промысла, если имѣемъ вѣру въ непреложность божественныхъ обѣтованій. Кто въ этомъ убѣжденъ (а въ этомъ долженъ быть убѣжденъ каждый христіанинъ), тотъ не станетъ оскорблять милосердія Отца небеснаго такими недостойными хитростями и изворотами въ добываніи денегъ для бѣдныхъ, каковы базары, лоттереи, спектакли; тотъ и все, что пріобрѣтается такими коммерческими оборотами, чтобы не сказать фокусами, признаетъ недостойнымъ Бога и унизительнымъ для святаго дѣла христіанскаго милосердія.

Третіе: если истинная милостыня можетъ исходить только отъ чистой любви къ ближнему, то, приглашая другихъ къ участию въ нашихъ благотворительныхъ дѣлахъ, мы должны обращаться къ этому святому чувству и расположенію ихъ,—и ни къ чему другому. Если мы для того, чтобы выманить у нихъ деньги для нашего добраго дѣла, будемъ затрогивать ихъ самолюбіе, тщеславіе, страсть къ наслажденіямъ и симъ подобныя нечистыя чувствованія сердца; мы повредимъ нравственно имъ, унизимъ самихъ себя и уронимъ свое дѣло. Такъ разсуждаетъ всякій добрый христіанинъ. Но подумайте, на что мы разчитываемъ, собирая посѣтителей на благотворительныя увеселенія? На ихъ чистую, безкорыстную любовь къ бѣднымъ? Нѣтъ, мы больше разчитываемъ на ихъ страсть къ удовольствіямъ. Иначе, для чего бы стали заботиться о томъ, чтобы сдѣлать эти благотворительныя увеселенія какъ можно привлекательнѣе, разнообразнѣе, изысканнѣе? Кто хочетъ благотворить похристіански, во славу Божию и по чистой любви къ бѣднымъ, тотъ дастъ рубль на доброе дѣло, съ чистою радостію, безъ концерта, или спектакля, благодаря Бога, что Онъ удостоилъ его принять участіе въ добромъ дѣлѣ, и для его совѣсти также тяжело будетъ смѣшать благотвореніе съ увеселеніемъ, какъ молитву съ шуткою, покаяніе съ развлеченіемъ, проповѣдь съ пустыми остротами и каламбурами. Но кто

даеть рубль въ пользу бѣдныхъ, соблазняемый и подстрекаемый увеселеніемъ, у того жертва бѣдному идетъ не изъ чистаго источника. И хотя бы вы собрали такимъ образомъ многія тысячи рублей, ваше приношеніе бѣднымъ не можетъ быть угодно Богу. Такіе благотворители похожи на тѣхъ Израильтянъ, которые приносили въ жертву Богу хромыхъ и больныхъ животныхъ, за что Господь такъ сильно выражалъ имъ гнѣвъ Свой чрезъ пророка (Мал. 1. 8, 13.).

Четвертое: мы обязываемся къ благотворительности волею Божіею. Призывая насъ къ ней, Господь призываетъ насъ къ соучастию въ Его собственномъ дѣлѣ промышленія о благѣ людей. Ему пріятно видѣть насъ дѣйствующими вмѣстѣ съ Нимъ, какъ отцу своихъ дѣтей. Ему пріятно вдыхать въ насъ чувство Своей божественной любви и упражнять насъ въ дѣлахъ, требуемыхъ этою любовію. Въ этомъ открытъ для насъ путь къ совершенству. Поэтому радость истиннаго благотворителя должна истекать изъ сознанія, что онъ въ союзѣ съ Богомъ, что онъ вмѣстѣ съ Нимъ, по Его руководству, средствами, которыя Онъ посылаетъ, облегчаетъ участь своихъ страждущихъ братій. Вотъ его истинное увеселеніе; оно заключено для него въ самой добродѣтели, и должно положить начало его вѣчному веселію и блаженству—въ Богѣ и съ Богомъ. Можетъ ли быть смѣшиваемо съ этою чистою духовною радостію какое бы то ни было земное увеселе-

ніе безъ вреда для нея и безъ оскорбленія ея? Не составятъ ли такія увеселенія чуждой и нечистой примѣси къ этой святой радости? Можно ли допускать это смѣшеніе для пріобрѣтенія лишняго рубля въ пользу бѣдныхъ? Если этотъ рубль повредитъ чистотѣ христіанскаго чувства и дѣла, если онъ будетъ сбивать благотворителей съ прямаго пути, не будетъ надъ нимъ благословенія Божія, не пойдетъ онъ и бѣдному въ прокъ.

Пятое: если любовь наша къ ближнимъ должна быть достойна Бога, Который ее намъ заповѣдалъ: то не менѣе должны быть достойны Его и всѣ приемы, всѣ дѣйствія, всѣ подробности, сопровождающія дѣло благотворенія. Господь ясно сказалъ намъ, что принимающій бѣднаго принимаетъ Его Самого; что все, что мы дѣлаемъ для бѣднаго, дѣлаемъ для Него Самого (Мат. 25. 40.). Надобно думать, что Господь сказалъ это сколько для того, чтобы показать намъ, какъ Онъ Самъ печется о страждущемъ челоуѣчествѣ и какъ любезны Ему дѣла милосердія, столько же и для того, чтобы напомниманіемъ о Своемъ присутствіи и соучастіи въ нашихъ дѣлахъ милосердія дать намъ понятіе о высотѣ и священной важности этихъ дѣлъ, чтобы мы благотворили съ постоянною памятію о Немъ и съ убѣжденіемъ, что безъ Него ничто въ нашей нравственной дѣятельности не можетъ быть ни истинно чистымъ, ни истинно плодотворнымъ. Вы

знаете передаваемыя намъ исторією Церкви знаменательныя видѣнія, въ которыхъ Самъ Господь являлся иногда стоящимъ сзади ницаго и приѣмлющимъ милостыню, иногда въ одеждѣ, поданной нищему. Вы, конечно, вѣрите этимъ повѣствованіямъ, да и нельзя имъ не вѣрить: они такъ согласны съ ученіемъ Евангелія и такъ единодушно приняты Церковію. Поэтому судите, какъ долженъ быть чистъ тотъ рубль, который мы назначаемъ въ руки Христу, Спасителю нашему! Какъ должны быть чисты тѣ руки, которыя подаютъ его! Какъ должно быть благоговѣнно и благопріятно все поведеніе, всѣ движенія христіанина, приносящаго свою жертву чрезъ руки бѣднаго Самому Спасителю! Объ этомъ нѣтъ ни мысли, ни памяти у новыхъ благотворителей.

Шестое: евангельское ученіе хотя призываетъ насъ къ благотворительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, чтобы она исходила изъ свободнаго расположенія. «Каждый удѣляй, говоритъ Апостоль, по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо доброхотно дающаго любить Богъ» (2 Кор. 9, 7). Дальше видно будетъ вамъ, возможно ли въ благотворительныхъ увеселеніяхъ соблюденіе этого существеннаго закона нашей нравственной дѣятельности.

Разсмотримъ по порядку употребительнѣйшія у насъ благотворительныя увеселенія. Тогда мы еще яснѣе въ каждомъ изъ нихъ, даже въ са-

момъ, по нашему мнѣнію, чистомъ и благородномъ, увидимъ какуюнибудь изъ указанныхъ выше кривизну, или нравственную нечистоту, которыя ясно покажутъ намъ, что это не прямой, не евангельскій способъ благотворительности и что слѣдовательно жертва, которая такимъ образомъ пріобрѣтается въ пользу бѣдныхъ, не есть жертва христіанская.

Начнемъ съ духовныхъ концертовъ. Я почти увѣренъ, что, видя направленіе моихъ мыслей и ожидая, что я буду возставать и противъ духовныхъ благотворительныхъ концертовъ, вы готовы осудить меня за излишнюю и неумѣстную строгость. Я знаю, что и самые благомыслящіе изъ православныхъ христіанъ, чуждающіеся свѣтскихъ благотворительныхъ увеселеній, покровительствуютъ концертамъ духовнымъ въ пользу бѣдныхъ, не находя въ нихъ ничего противу-христіанскаго и предосудительнаго. Я знаю, что многіе видятъ въ нихъ не одно, а даже два добрыхъ дѣла въ счастливомъ сочетаніи: пріятное, но чистое, духовное, почти молитвенное настроеніе духа и дѣло милосердія. Ахъ, какъ были бы мы рады, если бы въ одномъ вашемъ христіанскомъ упражненіи стекались и выражались не двѣ, а пять, десять добродѣтелей!.. Неужели вы думаете, что мы станемъ порицать какое либо новое явленіе въ христіанской жизни потому только, что оно новое, не отдавая справедливости добру, которое въ немъ есть? Не ду-

майте такъ. Мы понимаемъ нашу обязанность дѣйствовать не иначе, какъ въ духѣ Учителя нашего Христа, Который и слабой искры добра не гаситъ, а бережно охраняетъ и раздуваетъ ее, Который и слабой надломленной тростинки не переламываетъ (Мат. 12, 20.). Но насъ заставляетъ быть осторожными Его же наставленіе: *будьте мудри яко змія* (Мат. 10, 16.). Убѣжденіе (котораго и вамъ и всѣмъ желаю), что только то истинно добро и плодотворно, что прямо и твердо стоитъ на божественныхъ заповѣдяхъ и наставленіяхъ Спасителя нашего, это убѣжденіе заставляетъ насъ бояться за всякое новое движеніе и сочетаніе въ христіанской жизни, въ которыхъ мы этой прямоты и твердости ясно не видимъ. Вы знаете, что въ тонкой и искусной ткани одна грубая нитка всю ткань портитъ; въ художественномъ узорѣ малѣйшая неправильность въ сочетаніи тѣней заставляетъ васъ задумываться и передѣлывать работу, стоившую вамъ большаго труда. Какъ же вы хотите, чтобъ мы небыли внимательны къ духовной жизни христіанъ, которая сплетается изъ тончайшихъ нитей, которая тчется по прекраснѣйшимъ узорамъ, начертаннымъ рукою небеснаго Художника? Вы знаете, какъ тонко около центра раздѣленіе линій, выходящихъ изъ одной точки. Надобно вооружаться микроскопомъ, чтобы опредѣлить направленіе линій изъ центра: раздѣлившись тутъ, онѣ уже не сойдутся въ безконечномъ про-

странствѣ. Такъже тщательно нужно наблюдать и движеніе духа; нужно замѣчать его уклоненія отъ прямого пути, такъ сказать, въ центрѣ его дѣятельности, чтобы не было поздно возвращать его съ принятаго имъ пути, когда онъ уйдетъ уже далеко. Вотъ что заставляеть насъ быть строгими въ сужденіяхъ о жизни и добродѣтеляхъ христіанскихъ. Люди, не признающіе, или не изучающіе духовной жизни, называютъ насъ за это ригористами, педантами, схоластиками. Пусть называютъ насъ, какъ хотятъ, мы съ ними не споримъ и не оправдываемся передъ ними; но добрые христіане должны съ терпѣніемъ трудиться вмѣстѣ съ нами въ подобныхъ разъясненіяхъ. Извините это отступленіе; я сейчасъ возвращусь къ дѣлу.

Духовная музыка, духовное пѣніе, безспорно, самыя чистыя, самыя возвышенныя удовольствія, совершенно согласныя съ духомъ христіанства. За это намъ ручается слово Божіе, которое указываетъ намъ на духовное пѣніе, какъ на лучшее выраженіе нашего благодушія и лучшее утѣшеніе въ скорби. Св. Давидъ любилъ свои гусли; ветхозавѣтное богослуженіе сопровождалось игрою на музыкальныхъ инструментахъ, и Самъ Иисусъ Христосъ утѣшался предъ Своими страданіями пѣніемъ псалмовъ. Поэтому, если вы спросите меня, какъ духовника: посѣщать ли вамъ духовныя вокальныя и инструментальныя концерты?

Я скажу вамъ: съ Богомъ. Я скажу вамъ даже больше: желаю вамъ полюбить это духовное удовольствіе больше всякихъ другихъ удовольствій и находить въ немъ отраду отъ трудовъ духовныхъ и мірскихъ. И за этотъ совѣтъ я не боюсь отвѣта передъ Богомъ. Но если вы спросите: позволительны ли духовные концерты съ благотворительною цѣлю, я не скажу вамъ: да. По моему мнѣнію, это не прямой путь добродѣтели.

Я вамъ скажу, на чемъ основывается мое убѣжденіе. Во первыхъ, на сужденіяхъ святыхъ христіанскихъ подвижниковъ. Къ нимъ современные христіане рѣдко обращаются за рѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ, относящихся къ жизни духовной,—и напрасно. Никто лучше ихъ не знаетъ тонкихъ, сокровенныхъ движеній нашего духа и никто такъ ясно, какъ они, не указалъ намъ тѣхъ незамѣтныхъ для неопытнаго глаза уклоненій отъ прямого пути истины и добродѣтели, которыя въ дальнѣйшемъ своемъ обнаруженіи называются ложными направленіями и сопровождаются вредными для насъ послѣдствіями. Они всѣ въ одинъ голосъ говорятъ намъ, чтобы мы исполненія заповѣдей Божіихъ, ведущихъ насъ къ духовному совершенству, не связывали не только съ естественными увеселеніями, но даже съ благодатными утѣшеніями. Трудись, говорятъ они, не поставляя цѣлю труда утѣшеніе отъ Господа. Если пошлетъ Онъ тебѣ это утѣшеніе для твоего подкрѣпленія, благодари; если нѣтъ,

терпи. Когда Онъ не даетъ тебѣ утѣшенія, это значитъ, что оно для тебя не полезно. Подвижники учатъ, что трудомъ и терпѣніемъ нужно достигать такого навыка въ добродѣтели, чтобы душа наша полюбила ее, нашла въ ней свою родную стихію, чтобы въ этой стихіи ей было легко и свободно, какъ рыбѣ въ водѣ, какъ птицѣ въ воздухѣ. Когда этотъ навыкъ пріобрѣтенъ, тогда душа наша безопасна отъ утомленія, расслабленія, размѣненія, унынія. Эта опасность утомленія и расслабленія неизбежна, когда цѣлю труда поставляется стороннее утѣшеніе, ожидаемое среди дѣла или во время самаго дѣла, а не то, которое ждетъ насъ впереди по совершеніи какого-либо подвига добродѣтели и наконецъ при обращеніи добродѣтели въ любимую и пріятную, блаженнотворную дѣятельность. Эта опасность угрожаетъ христіанской благотворительности при соединеніи ея съ удовольствіями не только свѣтскими, но и духовными. Намъ не сказано: благотвори, когда это тебѣ пріятно, — именно потому, чтобы мы не отказались благотворить тамъ, гдѣ это для насъ непріятно и тягостно, но нужно, т. е. въ наибольшей части случаевъ, гдѣ оказывается необходимою благотворительность. Когда намъ становится пріятнымъ дѣлать добро при трудахъ и жертвахъ, — это успѣхъ, это залогъ совершенства; но если мы получаемъ склонность дѣлать добро только тогда, когда доброе дѣло обставлено и сопровож-

дается пріятными сторонними впечатлѣніями, это признакъ упадка въ христіанской дѣятельности. Въ послѣднемъ случаѣ мы становимся похожими на тѣхъ дѣтей, которыя учатся только за подарки и гостинцы, которыя привыкли учиться играючи и бѣгутъ отъ тяжелаго труда, ведущаго къ успѣхамъ въ наукахъ. Они всегда спрашиваютъ: а что вы мнѣ дадите за то, если я хорошо приготовлю этотъ урокъ? Мы видимъ въ настоящее время замѣчательный опытъ, поясняющій нашъ вопросъ,—въ совмѣщеніи духовнаго удовольствія съ богослуженіемъ. Православная Церковь всегда употребляла стройное пѣніе при богослуженіи, какъ средство, какъ пособіе, чтобы удобнѣе вводить христіанъ въ трудъ молитвенный. Но пѣніе ея всегда было строго соображаемо съ характеромъ богослуженія и содержаніемъ пѣснопѣній. Въ церковномъ пѣніи составъ хора несложный, мотивы изящны, но просты; они легко запоминаются, и предстоящіе въ храмѣ, участвуя въ пѣніи, или слушая его, чувствуютъ, какъ, не отвлекая вниманія отъ содержанія пѣснопѣній и отъ богослужебныхъ дѣйствій, пріятные звуки только какъ бы возносятъ ихъ сердце и движутъ молитвенно настроенный духъ. Здѣсь искусство относится къ религіи весьма осторожно и, такъ сказать, почтительно; оно собственно *собою* не занимаетъ христіанина, *на себя* не отвлекаетъ его вниманія отъ предметовъ священныхъ и не обращаетъ для него пѣнія въ

предметъ эстетическаго наслажденія. Отъ того при древнемъ церковномъ пѣніи христіанинъ идетъ въ храмъ молиться, а не наслаждаться вокальною музыкою. Иное строгіе христіане стали замѣчать, когда съ допущеніемъ въ наши храмы итальянскаго пѣнія стало отличатся въ нихъ искусство. Они почувствовали, что вниманіе ихъ двоится, что оно поглощается искуснымъ выполненіемъ трудныхъ музыкальныхъ пассажей, что, сообщая духовное удовольствіе, искусство изгоняетъ изъ сердца духъ молитвы, такъ что молящійся, прослушавъ изящно исполненный концертъ, спрашиваетъ себя, гдѣ онъ, и чувствуетъ нужду собраться съ мыслями и вновь располагать себя къ молитвѣ. Тѣ, которые поддались этому духовному наслажденію простодушно и получили вкусъ къ духовной музыкѣ, стали гоняться только за нею; они ходятъ только въ тѣ храмы, гдѣ надѣются найти хорошихъ пѣвчихъ, остаются въ церкви только до тѣхъ поръ, пока надѣются еще услышать что-нибудь изящное, иначе выходятъ вонъ, и выходятъ съ убѣжденіемъ, что они были у литургіи или у всенощнаго бдѣнія, хотя вовсе не молились, а только слушали духовную музыку. Но изъ этого выходитъ нѣчто и гораздо большее и худшее: когда мы, духовники, кротко по нашей обязанности замѣчаемъ духовнымъ дѣтямъ: что это вы совсѣмъ не ходите въ церковь?—Намъ уже начинаютъ отвѣчать: «я не хожу въ церковь пото-

му, что въ нашихъ церквахъ поютъ не хорошо; приглашайте хорошихъ пѣвчихъ, буду ходить». Видите, какъ въ людяхъ, которые это говорятъ, любовь къ чистому духовному удовольствію обратилась въ пристрастіе, и это пристрастіе становится уже помѣхою къ исполненію обязанности посѣщенія храма Божія и къ труду молитвы. Между тѣмъ заповѣдь церковная о посѣщеніи храмовъ Божіихъ дана безусловно. Сказано: ходи въ церковь по крайней мѣрѣ во дни праздничные,—безъ прибавленія: если надѣешься слышать хорошее пѣніе. Она безусловно и исполняется добрыми молитвенниками, хотя изъ тысячи ихъ, можетъ быть, одинъ имѣетъ случай слышать хорошее пѣніе. Почему исполняется? Потому, что въ церкви пѣніе дѣло второстепенное, вспомогательное, а главное — молитва и участіе въ св. таинствахъ, какъ средствахъ пріобрѣтенія благодати Божіей, и наконецъ поученіе въ словѣ Божіемъ. Итакъ кто на прямой дорогѣ? Тотъ ли, кто идетъ въ храмъ молиться по чувству долга и любви къ Богу, съ готовностію потерпѣть и неизбѣжный недостатокъ въ хорошемъ пѣніи, или тотъ, кто, оскорбляясь этимъ недостаткомъ, вовсе не идетъ въ храмъ и не считаетъ долгомъ идти въ него? Очевидно, что на прямой дорогѣ первый. Очевидно также и то, что камнемъ претыканія для послѣдняго, или по крайней мѣрѣ предлогомъ для уклоненія отъ обязанности служить неумѣстное употребленіе ду-

ховнаго наслажденія, или сочетаніе добродѣтели съ удовольствіемъ. На удовольствія всякаго рода мы очень падки. Соединясь съ добродѣтелію, удовольствіе не только отвлечетъ, но и отучитъ насъ отъ труда, котораго требуетъ добродѣтель. Что происходитъ съ молитвою при употребленіи художественныхъ, духовныхъ концертовъ, тоже будетъ при благотворительныхъ концертахъ и съ высокою, многотрудною добродѣтелію христіанскаго милосердія. Если войдетъ у насъ въ силу и въ обычай зазывать на благотворительныя пожертвованія духовными концертами, мы непременно въ послѣдствіи услышимъ и отъ благотворителей на приглашеніе оказать бѣдному скорую, неотложную помощь такіе отзывы: «извините, я ничего не могу теперь дать вамъ для вашего добраго дѣла. Вотъ придетъ зима, много будетъ благотворительныхъ концертовъ. Мнѣ нельзя будетъ не принимать въ нихъ участія; а на это вѣдь тоже нужны будутъ деньги». Это можно перевести такъ: мы любимъ принимать участіе въ дѣлахъ благотворительныхъ только тамъ, гдѣ это для насъ пріятно, соединено съ нашимъ собственнымъ удовольствіемъ. Или, когда понадобятся намъ помощники въ добромъ дѣлѣ, въ которомъ нужны будутъ не деньги, а личное участіе и трудъ, на наши просьбы: идите-поспѣшите, какъ разъ получимъ отвѣтъ: «да вы бы дали духовный концертъ въ пользу этого дѣла!» Вы скажете, что такіе отвѣты ужъ очень без-

разсудны, что быть не можетъ, чтобы духовные, благотворительные концерты привели христіанъ къ такимъ несообразностямъ. Не ручайтесь за это. Тѣ, которые вводили въ наши храмы художественную итальянскую музыку, вѣрно, сказали бы, въ свое время, касательно ея тоже самое; но на дѣлѣ вышло иначе. Вы всегда должны помнить, что, вводя и распространяя новые обычаи въ народѣ, вы будете имѣть дѣло съ массами, а въ массахъ есть всякіе люди; въ нихъ всегда есть люди, готовые запутать самыя чистыя понятія, готовые ухватиться за всякій предлогъ, чтобы уклониться отъ труда для исполненія долга. Отъ того-то христіанство и требуетъ въ ученіи точности, въ совѣсти — строгости, въ чувствѣ—цѣльности, чтобы тотчасъ были виды всякія уклоненія отъ пути истины и добродѣтели, чтобы всегда можно было христіанина вѣвремя упредить объ угрожающей опасности. Если жизнь стала на ложный путь, никогда нельзя угадать, до чего она дойдетъ и гдѣ остановится. При первомъ движеніи по ложному пути сначала все какъ будто хорошо, потомъ безразлично, ни худо, ни добро, наконецъ непременно выдетъ худо, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Мы это увидимъ, когда прослѣдимъ переходъ отъ духовныхъ благотворительныхъ увеселеній къ свѣтскимъ и въ свѣтскихъ отъ однихъ къ другимъ.

Духовные концерты—чистое, прекрасное удо-

вольствіе; но св. Григорій Богословъ говоритъ: «безъ времени и не къ мѣсту и прекрасное не прекрасно». Если вы вникнете въ дѣло глубже, то увидите, что и духовный концертъ въ томъ видѣ, какъ устраиваются у насъ благотворительныя увеселенія, лишаетъ христіанина въ дѣлѣ благотворенія самага главнаго условія нравственной дѣятельности—свободы дѣйствій. Христіанская и обще-человѣческая свобода дѣйствій требуетъ, чтобы мы въ дѣло, указываемое намъ нашимъ долгомъ, могли вникнуть тщательно, и могли добросовѣстно опредѣлить мѣру участія, которое можемъ въ немъ принять. Далѣе, чтобы, рѣшившись войти въ него, мы могли дѣйствовать такъ, какъ найдемъ для себя возможнымъ и удобнымъ, и тѣми силами и средствами, какія у насъ есть и какія мы признаемъ лучшими. Наконецъ, чтобы никто намъ не дѣлалъ принужденія и насилія, если мы не имѣемъ ревности къ дѣлу, и также, чтобы никто не поставлялъ преградъ этой ревности, если она разгорится. Намъ дана свобода благотворить бѣднымъ порознь и соединяться вмѣстѣ для большихъ успѣховъ въ дѣлахъ благотворенія. Въ первомъ случаѣ вы обсуживаете все одни передъ Богомъ и своею совѣстію, и дѣлаете, что можно; во второмъ вамъ помогаютъ другіе, или вы помогаете имъ и обсуживать и дѣйствовать по мѣрѣ силъ и по взаимному соглашенію; но главное, — въ томъ и другомъ случаѣ, дѣло, которое вы раз-

смаживаете, должно стоять передъ вами, вы должны видѣть его ясно и принимать въ немъ участіе и умомъ и сердцемъ и пожертвованіями, сколько вы способны и сколько позволяютъ вамъ силы и средства. При соблюденіи этихъ условій вашъ благотворительный подвигъ имѣетъ характеръ свободнаго дѣла и вы всегда предъ своею совѣстію можете обсудить сами себя,—съ сочувствіемъ ли, или холодно вы отнеслись къ такому-то дѣлу; усердно, или лѣнливо занимались имъ; довольно, или мало для него пожертвовали; по чистой любви къ бѣднымъ вы приняли участіе въ немъ, или по тщеславію, или наконецъ только отъ стыда вы не отказались отъ него. Тутъ, если обвинить васъ совѣсть въ небрежности, холодности, опущеніяхъ, скупости и т. под., то вы поэтому можете судить, что и на судѣ Божіемъ ваше дѣло окажется не великимъ; въ противномъ случаѣ, если вы чувствуете, что трудились отъ души по мѣрѣ силъ,—въ вашемъ сердцѣ укрѣпляется надежда на милосердіе Божіе. Возможна ли такая ясность, такое полное и свободное обнаруженіе нравственной дѣятельности при благотвореніяхъ посредствомъ концертовъ и другихъ увеселеній? Смотрите на дѣло, какъ оно у насъ дѣлается; оно само себя окажетъ. Вотъ объявляютъ въ газетахъ, что будетъ концертъ въ пользу такихъ-то школъ, или пріютовъ. Прислушайтесь, какіе начинаются толки по поводу этого объявленія. Не объ

томъ начинаютъ разспрашивать, какія это школы и пріюты, кто въ нихъ воспитывается, какія они имѣютъ средства, нельзя ли сдѣлать для нихъ того-то, или того-то. Нѣтъ, начинаютъ разспрашивать: кто устраиваетъ этотъ концертъ? Гдѣ онъ будетъ? Какіе будутъ пѣвчіе, или артисты? Какая программа? Хороша ли зала? Многоли будетъ публики?... Когда на всѣ эти вопросы получатся удовлетворительные отвѣты, тогда начинаютъ произноситься рѣшенія: «ну чтожъ? это дѣло доброе; надобно поѣхать!» Почему дѣло называется добрымъ и составляется рѣшеніе принять въ немъ участіе? Не потому, что просвѣщеніе нужно, что дѣти—сироты, что безпомощность и невѣжество развиваютъ пороки, а потому, что учредительница концерта извѣстная дама, что пѣвчіе хороши, что параду будетъ много, что обстановка будетъ великолѣпная. Свободное ли это отношеніе къ дѣлу милосердія? Нѣтъ. Тутъ концертомъ, такъ сказать, заслоняется и закрывается дѣло милосердія, для котораго онъ устраивается. Всѣ заботы о немъ; имъ поглощено вниманіе ума; ему отдано сердце; бѣдныя и ихъ судьба—тамъ гдѣ-то далеко, мы не знаемъ. Зачѣмъ такъ играть христіанами и отводить имъ глаза? Они должны смотрѣть бѣдности и страданіямъ человѣческимъ прямо въ лице. Страждущіе братія должны овладѣвать ихъ вниманіемъ и сочувствіемъ и вызывать ихъ на доброе дѣло, а не музыка. Если дѣло милосер-

дія, которое васъ занимаетъ, таково, что вы сами готовы принести для него свои труды и жертвы: отъ чего вы думаете, что другіе не поймутъ его также какъ вы, и также горячо не примутъ его къ сердцу, какъ приняли вы? Когда вы принимаетесь за дѣло, какъ взрослый чело-вѣкъ, какъ зрѣлый христіанинъ: зачѣмъ же думаете, что и другіе не могутъ быть подобны вамъ, и приманиваете ихъ къ дѣлу, какъ дѣтей гостинцами и игрушками? Если дѣйствительно, многіе не понимаютъ обязанности благотворить, какъ должно, вы лучше позаботьтесь о томъ, чтобы они ее поняли какъ слѣдуетъ, а не путайте ихъ понятій о милосердіи и не ставьте ихъ совѣсти въ затруднительное положеніе. Если въ минуту искренняго самоиспытанія и самообсужденія, они сознаютъ, что совѣмъ не состраданіе къ бѣднымъ, а музыка заставила ихъ принять участіе въ вашемъ дѣлѣ, — имъ будетъ стыдно за себя, стыдно того, что въ нихъ такъ мало любви христіанской. Если же для успокоенія своей не строгой совѣсти они будутъ увѣрять себя и другихъ, что они были въ концертѣ по сочувствію къ бѣднымъ, — они будутъ обманывать сами себя, будутъ видѣть свое доброе дѣло тамъ, гдѣ его не было: потому что, если бы въ нихъ были прочныя задатки для этого дѣла, они мимо вашего концерта, поѣхали бы прямо въ ваши школы или пріюты или прямо на пріютъ, а не на концертъ послали бы свое

пожертвованіе и все, что вздумали вы послать, послали бы безъ вычета на расходы по увеселенію. Вы держите ихъ въ самообольщеніи, вы обманываете ихъ. Но у васъ одна цѣль—добыть для вашихъ пріютовъ нѣсколько лишнихъ рублей, и для этого вы жертвуете чистотою и прямою самага дѣла, для этого вы запутываете понятія и совѣсть своихъ ближнихъ. Это несправедливо. Проникаясь христіанскимъ состраданіемъ къ бѣднымъ, вы не по христіански, безъ состраданія обращаетесь съ тѣми, которыхъ хотите сдѣлать благотворителями. Заблужденіе въ дѣлѣ истины и христіанской жизни есть большее несчастіе, чѣмъ внѣшняя, обыкновенная бѣдность.

Свобода дѣйствій требуетъ, чтобы каждый могъ войти въ предлагаемое ему дѣло, сколько и какъ хочетъ и можетъ. Такъ у насъ свободно совершается построеніе и украшеніе св. храмовъ. Предлагаютъ принять участіе въ св. дѣлѣ всѣмъ православнымъ, и—кто жертвуетъ копѣйку, а кто и тысячи; иной даетъ вмѣсто денегъ кирпичъ, известку, или лѣсъ, иной жертвуетъ кадило, облаченіе; а мы видѣли и такихъ христіанъ, которые, не имѣя что пожертвовать, по вечерамъ приходили къ строящемуся храму и на своихъ плечахъ носили по лѣсамъ кирпичи на стѣны. Вотъ это дѣло свободное. Также свободно въ настоящее время стали у насъ раздѣлять труды многіе разумные благотворители и въ попеченіи о страждущихъ: одинъ даетъ деньги, дру-

гой посѣщаетъ бѣдныхъ, третій ходить за больными, четвертый учитъ дѣтей грамотѣ и рукодѣльямъ,—однимъ словомъ, по выраженію Апостола, каждый служитъ Богу и ближнимъ тѣмъ дарованіемъ, какое Господь ему далъ. И тутъ видны благіе плоды не только для бѣдныхъ, но и для нравственнаго усовершенствованія самихъ благотворителей. Знакомясь ближе съ дѣломъ, привыкая къ нему, воспаменяясь ревностію и усердіемъ, многіе посвящаютъ ему столько жертвъ и труда, сколько не думали посвятить прежде, и сколько отъ самихъ себя не ожидали. Здѣсь такъ и видимъ, какъ въ подвигахъ благотворительности прокладывается челоуѣку путь къ нравственнымъ успѣхамъ. А что въ концертахъ? Впервыхъ, вспомните, какъ иногда навязываютъ купцамъ и другимъ богатымъ людямъ вліятельныя лица билеты на эти концерты, какъ иныхъ пристыжаютъ, уговаривая взять билетовъ побольше: «да вы богаты, что это вамъ стоитъ?... вотъ такой-то столько-то билетовъ взялъ!» Что это? — насиліе. Такою навязчивостію можно не привлечь къ дѣламъ благотворенія, а надокучить ими, отучить отъ нихъ. Дальше, — чѣмъ выражается здѣсь дѣятельность благотворителей?— Возьмите билетъ, отдайте деньги и пожалуй слушайте пѣніе, а то и нѣтъ, — какъ хотите. Все ваше участіе въ дѣлѣ благотворенія оканчивается двумя—тремя рублями: больше ничего отъ васъ не требуютъ и не принимаютъ, ни сердеч-

наго участія (мѣсто котораго занимаетъ только *solacie*), ни совѣта, ни слова, ни труда, — однѣ деньги, да и денегъ спрашивается опредѣленная сумма; если у васъ ея нѣтъ, вы не будете въ концертѣ, слѣдовательно, не будете и участникомъ добраго дѣла. Очевидно, что такимъ образомъ «зѣло широкая,» по выраженію св. Златоуста, заповѣдь о милосердіи стѣсняется. Высшая часть этой заповѣди о дѣлахъ милосердія духовныхъ здѣсь не имѣетъ никакого приложенія. Ее предоставляютъ себѣ одни учредители концертовъ: они знаютъ бѣдствующихъ, о которыхъ хлопчутъ, и занимаются ими. Душамъ посѣтителей концертовъ предлагается только удовольствіе отъ пѣнія, или музыки, а къ участію въ дѣлахъ милосердія приглашаются только ихъ кошельки. Ошибка, горькая ошибка! Это вѣрный способъ не расширить и возвысить благотворительность, а убить ее. Не на толщину кошелековъ должна рассчитывать благотворительность, а на расположеніе умовъ и сердець чловѣческихъ. Если вы насильственнымъ образомъ, или хитростію (хотя, по вашему мнѣнію, и благонамѣренною) развяжете кошелекъ богача противъ его желанія и убѣжденія, достигнете этимъ только того, что на будущее время онъ покрѣпче его завяжетъ. Если вы желаете удовольствіями привлечь къ благотворительности людей, не имѣющихъ къ ней прямаго расположенія, то вы ошибаетесь въ расчетѣ. Вы никогда не въ состояніи будете удовлетворить измѣнчивому вкусу

людей, страстныхъ къ удовольствіямъ. Имъ скоро прискучать тѣ, которыя вы нынѣ имъ даете, и наконецъ они, по непремѣнному закону страстей человѣческихъ, потребуютъ такихъ увеселеній, которыхъ скромность и приличіе вамъ не позволяютъ давать публично. «Съ терновника, по слову Спасителя, не собираютъ винограда и съ репейника смоквь» (Матѳ. 7, 10.). На склонности къ удовольствіямъ или иначе—на слабостяхъ человѣческихъ нельзя полагать основаній для добродѣтели: изъ слабости не выдетъ силы. Если же вы хотите найти силы и возбудить ихъ,—ищите ихъ тамъ, гдѣ онѣ есть и возбуждайте ихъ тѣмъ, что не искусственно, а по законамъ природы можетъ возбудить ихъ. Христіанское ученіе не напрасно внушаетъ намъ, что Богъ принимаетъ жертву отъ труда, а не отъ увеселенія. Удовольствіе само изъ себя ничего не производитъ, а только похищаетъ плодъ труда. Одинъ трудъ плодоносенъ. Онъ одинъ можетъ возбудить и силы, какія намъ нужны. Вводите общество въ труды благотворительности: тогда процвѣтетъ и благотворительность. Это ясно для всякаго, кто знаетъ законы души человѣческой. Расположите того, въ комъ надѣетесь найти благотворителя, стать лицомъ къ лицу съ бѣднымъ и съ бѣдностію. Видъ страданій человѣческихъ тронетъ его сердце и совѣсть напомнитъ ему объ его обязанностяхъ къ ближнимъ. Наблюденіе и опытъ укажутъ ему, что онъ можетъ съ своей стороны сдѣлать для облегченія печальной участи страж-

дущихъ братій. Первые опыты труда и пожертвованій пробудятъ въ немъ утѣшительное сознаніе, что онъ исполнилъ свой долгъ. Видъ счастья людей имъ успокоенныхъ и обрадованныхъ, дастъ ему почувствовать и опытно вкусить чистую, безкорыстную радость о благѣ ближняго. Онъ пойметъ высшую цѣну своего богатства, или избытка, состоящую въ томъ, что онъ, по подобію своего Создателя, можетъ дѣлать невѣждъ образованными, испорченныхъ добродѣтельными, больныхъ здоровыми, плачущихъ веселящимися, несчастныхъ счастливыми. Здѣсь, и только здѣсь, на этомъ прямомъ пути могутъ развиваться мягкосердіе, сострадательность, самоотверженіе, охота трудиться для ближняго и всѣ другія свойства, составляющія живыя силы истинной благотворительности. Эти духовныя расположенія будутъ раскрывать кошельки и вы найдете тысячи тамъ, гдѣ ожидали получить копѣйки. Напротивъ, привлекая на концерты людей несклонныхъ къ прямой благотворительности, вы ложными убѣжденіями влечете туда же и способныхъ къ ней, и этимъ только лишаете ихъ духовныя силы надлежащаго упражненія и развитія. Это вы видите и на опытѣ. Всѣми публикаціями о благотворительныхъ увеселеніяхъ въ пользу такихъ-то и такихъ-то бѣдныхъ учредители ихъ много ли распространили въ нашемъ народѣ свѣденій о самыхъ бѣдныхъ, которыми они интересовались, и много ли возбудили къ нимъ сочувствія?... Всѣ знаютъ только, что были

концерты, и гдѣ они были, и каковы были, а о тѣхъ бѣдныхъ, въ чью пользу они были, не знаютъ ничего, или очень мало. И тѣ, которые посѣщали концерты, остались въ убѣжденіи, что они съ этими бѣдными вашими совѣмъ покончили. Концертъ данъ, они были на немъ; чего же больше? Большаго отъ нихъ ничего и не спрашивали.

Вотъ основанія, на которыхъ сложилось у меня убѣжденіе, что новый путь, открытый для благотворительности посредствомъ увеселеній, даже и духовныхъ, не прямой путь, и выручка, которая получается отъ нихъ въ пользу бѣдныхъ,—*не прямая выручка*. Она не есть чистый плодъ свободной христіанской добродѣтели. Поэтому надобно бояться, что подвизающійся на этомъ поприщѣ благотворительности «не увѣнчается, потому что не законно подвизается».

Все это однакожъ нисколько не отнимаетъ цѣны и нравственнаго значенія у духовныхъ концертовъ. Возставая противъ незаконнаго и неестественнаго соединенія ихъ съ благотворительностію, я добиваюсь только того, чтобы все было поставлено на свое мѣсто. На своемъ мѣстѣ, въ своихъ предѣлахъ все получить свою настоящую цѣну, — и благотворительность и концерты. Пусть духовные концерты станутъ по отношенію къ благотворительности въ такое же положеніе, въ какомъ стоитъ въ православной церкви древне пѣніе по отношенію къ молитвѣ, т. е. пусть они по своему помогаютъ развитію

благотворительности, но не связываются съ нею, какъ существенная ея принадлежность. Никто не станетъ отрицать, что духовный концертъ—вокальный, или инструментальный, когда онъ твердо сохраняетъ свой духовный характеръ, приводитъ душу христіанина не только въ пріятное, но и въ чисто-нравственное, духовное настроеніе. Духовная музыка возбуждаетъ жизнь сердца, растрогиваетъ, умиляетъ его; она доставляетъ душѣ утомленной, или скорбящей отраду и утѣшеніе. Доброму христіанину она напоминаетъ о томъ небесномъ пѣніи и вѣчномъ славословіи, которое возносится къ Богу чистыми Ангелами на небесахъ, къ которому предназначаются и христіане. Подъ ея вліяніемъ душа наша становится мирнѣе, мягче, доступнѣе для всѣхъ добрыхъ впечатленій, расположеннѣе ко всякому доброму дѣлу. Итакъ, поддерживайте и усовершенствуйте всѣми способами духовную музыку, давайте какъ можно чаще духовные концерты, старайтесь, чтобъ они были какъ можно полнѣе и совершеннѣе; развивайте вкусъ къ нимъ въ нашемъ обществѣ. Но предоставьте духовной музыкѣ дѣйствовать свободно на христіанъ, и самимъ христіанамъ свободно ею пользоваться. Пусть она въ каждомъ человѣкѣ, сообразно съ его господствующимъ настроеніемъ производитъ свойственныя ему впечатленія и движенія, и пусть подъ вліяніемъ этого настроенія каждый дѣлаетъ добро, какое онъ хочетъ, и какое можетъ. Иной умиротворенный и умиленный духов-

ною музыкаю, возвратившись домой, лучше обыкновеннаго помолится; иной спокойнѣе взглянетъ на скорби и трудности своей жизни: иной благодушнѣе подастъ руку своему врагу; иной вспомнить о грубыхъ своихъ страстяхъ, и подъ вліаніемъ чистаго, недѣвно испытаннаго наслажденія, больше устыдится своихъ любимыхъ, грубыхъ удовольствій; иной наконецъ съ большею любовію и сострадательностію приметъ бѣднаго и охотнѣе поможетъ ему. Все это равно прекрасно и все совершенно свободно. Здѣсь достанется плодъ и на долю благотворительности, но не насильственный и не искусственный, а свободный и естественный. Получивши доброе впечатленіе и настроеніе, христіанинъ будетъ дѣлать добро не въ концертной залѣ, а у себя дома, въ своей средѣ, въ которой онъ живетъ, и какое онъ хочетъ, и къ какому способенъ. Итакъ, пусть христіане въ духовныхъ концертахъ духовно утѣшаются, нравственно отдыхаютъ, укрѣпляются на труды и подвиги въ добродѣтели, а самые эти подвиги совершаютъ гдѣ должно, и какъ слѣдуетъ. Обращая концерты въ благотворительные, вы стѣсняете и ихъ значеніе и самую благотворительность.

Въ настоящее время, при значительномъ распространеніи свѣтскихъ благотворительныхъ увеселеній, духовные концерты съ благотворительною цѣлію у насъ пока еще рѣдки. И, по моему мнѣнію, надобно стараться совсѣмъ прекратить ихъ. Они чисты и невинны сами по

себѣ, но именно этою своею чистотою они даютъ еще больше повода людямъ простодушнымъ оправдывать неумѣстное соединеніе ихъ съ благотворительностію. Кромѣ этого, при запутанности нравственныхъ понятій въ нашемъ образованномъ обществѣ, духовными концертами мы многимъ дадимъ поводъ оправдывать и всѣ другія благотворительныя увеселенія; намъ станутъ говорить: «вы даете же духовные благотворительные концерты: почему же и намъ не допускать свѣтскихъ концертовъ, базаровъ и спектаклей съ благотворительною цѣлію? Въ нихъ мы также не видимъ ничего дурнаго». Чистымъ покровомъ духовныхъ концертовъ будетъ прикрываться многое друсмысленное, или вовсе нечистое.

А что въ свѣтскихъ благотворительныхъ увеселеніяхъ много двусмысленнаго и даже прямо нечистаго, оскорбительнаго для высокой добродѣтели христіанскаго милосердія,—это мы увидимъ. Не опускайте изъ виду той мысли, что и едва замѣтное уклоненіе отъ прямаго Евангельскаго пути добродѣтели, первоначально обнаруживающееся въ нравственной жизни стѣсненіемъ, запутанностію, или духовнымъ безсиліемъ, въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи нечувствительно переходитъ въ область чувственности, сначала утонченной, а потомъ грубой и грязной. Это наблюдать и интересно и полезно.

Протоіерей Алексѣй Ключаревъ.

СВЯТЫЙ ВАСИЛІЙ БЛАЖЕННЫЙ а).

Изъ трехъ Христа ради юродивыхъ московскихъ чудотворцевъ (Василія, Іоанна и Максима) особенно достопамятенъ первый; этотъ блаженный родился 1464-го года, въ началѣ державства Іоанна III-го, въ Московскомъ подгородномъ селѣ Елоховѣ, гдѣ тогда находилась уже церковь Срѣтенія Владимірскія Богоматери, что нынѣ св. Великомученика Никиты въ Басманной.

Родители Василія были сельскіе обыватели: отецъ Іаковъ, а мать Анна, какъ видно изъ стариннаго сказанія, бѣдные и богобоязливые. Сынъ этотъ у нихъ былъ мѣленой и прѣпелый. Самое

а) Оскорбительный отзывъ Теофана Прокоповича о Василіѣ блаженномъ, недавно оглашенный въ Чтеніяхъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, возбудилъ въ насъ желаніе возобновить въ памяти дѣянія и преданія изъ жизни сего Московскаго чудотворца, которыя могутъ послужить осязательнымъ опроверженіемъ питомцу езуитовъ, отдаленному отъ времени блаженнаго и чуждому духа его. Чтенія Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1862 г. кн. 1. дѣло о Теофанѣ Прокоповичѣ.

происхожденіе и состояніе Василія, что могло предвѣщать ему въ будущемъ, кромѣ участи его родителей: жить и умереть въ неизвѣстности? но Провидѣніе, избирающее *худородныхъ міра сего* въ орудія свои и ведущее ихъ путемъ земнаго безславія къ славѣ небесной, уготовляло Василію другое, не для многихъ и понятное и удобопроходное поприще въ мірѣ.

Благочестіе родителей замѣнило для отрока книжное ученіе. Когда же онъ подросъ, отецъ повелъ его тѣмъ же путемъ честнаго труда, какимъ и самъ шелъ въ жизни. Находя выгоднымъ сапожное мастерство, онъ отдалъ Василія въ ученье къ одному мастеру, жившему въ ближнемъ посадѣ Москвы, что нынѣ Китай-городъ, тамъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ Ямской приказъ, между Покровскимъ соборомъ и церковью св. Николы Москворѣцкаго. Въ настоящее время это мѣсто занято принадлежащимъ Покровскому монастырю подворьемъ, гдѣ еще и теперь существуетъ сапожное заведеніе.

Покорный волѣ родителей сынъ и послушный мастеру ученикъ былъ понятливъ и прилеженъ къ работѣ. Наслѣдовавъ отъ отца и матери благочестіе, а отъ Духа Божія удостоясь призванія къ духовной подвижнической жизни, Василій трудъ соединялъ съ умною молитвой, которая озаряла и возносила его душу въ горняя. Плодомъ вышняго озаренія былъ даръ прозрѣнія, который впервые открылся въ блаженномъ отрокѣ случайно.

Однажды на устахъ его замѣчена была мастеромъ таинственная улыбка, подобная той, которая показалась у двухъ праведныхъ мореплавателей въ то самое мгновеніе, какъ невидимая стрѣла въ Персіи поразила гонителя христіанъ, Іуліана. Къ хозяину Василя пришелъ посадскій челоувѣкъ заказать себѣ сапоги и просилъ сшить ему такіе, которые стали бы на нѣсколько лѣтъ. При этихъ словахъ, Василій улыбнулся. Эта улыбка не скрылась отъ хозяина, который послѣ спрашивалъ его: чему онъ улыбнулся? Сколько юноша ни отговаривался, но мастеръ своею неотступностью довелъ его до того, что онъ сказалъ: «если откроетъ настоящую причину, то не можетъ болѣе у него оставаться». И на то согласился хозяинъ, подстрекаемый любопытствомъ. «Мнѣ страннымъ показалось,—отвѣчалъ Василій — что посадскій заказывалъ себѣ сапоги на нѣсколько лѣтъ, тогда какъ онъ умретъ завтра». Слово юноши оправдалось самымъ дѣломъ. Онъ оставилъ своего мастера и домъ родительскій, и наложилъ на себя вериги; тогда ему минуло 16 лѣтъ отъ рожденія. Какой же путь указало ему внутреннее призваніе? На что онъ промѣнялъ ремесло свое, брачную и семейную жизнь, какою готовили ему родители? Благочестивая и просвѣтленная душа его, чуждавшаяся прелестей міра, презиравшая внѣшнія и преходящія его блага, избрала изъ путей спасенія такой, въ которомъ духовная и святая жизнь скрывается подъ внѣшнимъ неблагоприличіемъ—

юродства Христа ради. На этомъ трудномъ и скользкомъ пути ожидали подвижника: униженіе всякаго рода, безславіе, вольная нищета, страданія и тайныя соблазны самообольщенія и самодовольствія, которыя могли породить въ немъ съ презрѣніемъ міра духовную гордость. Совершая подвигъ свой не въ пустыняхъ и дебряхъ, а на площадяхъ и улицахъ многолюднаго города, не подъ скромною внѣшностію набожности и отчужденія отъ суетъ мірскихъ, но подъ видомъ буйства и самоуниженія, онъ искалъ не уваженія и похвалы людской, но предавалъ себя на осужденіе, поруганіе, и даже на оскорбленія. Да что могли видѣть въ немъ, кромѣ внѣшняго юродства и соблазна, тѣ, для которыхъ и *слово крестное* было *юродствомъ и проповѣдь* Евангельская—*буйствомъ*! Не такъ смотрѣли на Христа ради юродивыхъ тѣ, которымъ *слово крестное* и *буйство проповѣди* служило силою во спасеніе; даже простой народъ питалъ къ юродивымъ какое-то сочувствіе и довѣренность; ибо они, вышедши изъ среды его, нерѣдко бывали наставниками заблуждавшимся, обличителями нечестивыхъ, утѣшителями и защитниками несчастныхъ и невинно страдавшихъ; не взирая на лица, смѣло говорили правду, то прямо, то въ намѣкахъ, иносказанійхъ и мановеніяхъ предвѣщали грядущую напасть, какъ наказаніе за грѣхи, или благополучіе, какъ награду за благочестіе и добродѣтель. Невольное уваженіе и страхъ, внушаемый такими подвижниками,

отрекшимися отъ міра и самихъ себя, открывали имъ невозбранный доступъ въ боярскіе хоромы и въ царскіе чертоги. Внезапное ихъ появленіе что нибудь предвѣщало.

Предшественниками и современниками Василю на поприщѣ юродства были: въ Спасокубенскомъ монастырѣ инокъ Василій блаженный, въ Устюгѣ Іоаннъ юродивый, въ Москвѣ современникъ и соревнователь Василя нагоходца Іоаннъ водоносецъ. Исторія отечественная упоминаетъ объ одномъ блаженномъ въ Москвѣ, который, ходя по улицамъ съ метлою, говорилъ, что «выметаешь послѣдній соръ изъ Государства». Этотъ соръ намѣкалъ на уничтоженіе послѣдняго удѣла княжескаго. Юродивый Дометіанъ приходитъ во дворецъ къ Великому князю Василю Іоанновичу возвѣстить о наступающемъ рожденіи Тита широкаго ума: этотъ Титъ ^{в)}, былъ царь Іоаннъ Васильевичъ. Въ Псковѣ Николай Салось встрѣтилъ грознаго Іоанна съ кускомъ сыраго мяса: «ѣшь, Иванъ—сказалъ онъ царю, —ты любишь кровь!» И самъ Грозный смирился предъ юродивымъ ^{г)}.

в) Титъ, по просторѣчію, *Китай*, а Китай-городъ построень при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

г) По преданію народному и Василій блаженный не щадилъ Іоанна и дерзновенно вопіялъ на стогнахъ противъ его жестокоостей, и обличенный ничего не могъ сдѣлать своему обличителю.

Обратимся къ Московскому юродивому Василю и возобновимъ въ памяти сохранившіеся въ рукописныхъ сказаніяхъ, въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ подвиги его и чудотворенія. Оставивъ въ юности домъ родительскій, не имѣлъ онъ вѣрнаго себѣ пріюта до могилы, жилъ на улицахъ и площадяхъ, ежедневно бывалъ въ церквахъ при богослуженіи, осеннія и зимнія ночи проводилъ на папертяхъ въ неусыпной молитвѣ; лѣтомъ и зимою ходилъ безъ одежды и обуви, какъ первый челоуѣкъ въ раю до своего паденія, отъ чего и прозванъ *нагоходцемъ*, денегъ не принималъ и даже не имѣлъ для нихъ кармановъ. На себѣ носилъ онъ тяжелыя вериги, которыхъ часть донинѣ лежитъ на его гробницѣ ^{а)}. Василия заставляли часто въ толпѣ нищихъ и калекъ, которые собирались на мосту у Фроловскихъ, нынѣ Спасскихъ воротъ; онъ бѣгалъ людей, но народъ любилъ и искалъ его, чтобы слушать его наставленія, замѣчать въ его словахъ, поступкахъ и мановеніяхъ особыя для себя знаменованія. 1812 года еще между зданіями Воспитательнаго дома, въ южной части, была пещерка, устроенная Василюемъ, куда онъ иногда уединялся, и тамъ, какъ гласитъ преданіе, блаженный имѣлъ борьбу съ бѣсами, которыхъ побѣдилъ оружіемъ

а) Суда по древнимъ иконамъ Василя блаженнаго, онъ былъ роста высокаго, тѣломъ тощъ, лице загорѣлое и сухощавое, озаренное улыбкою, борода и волосы на головѣ включенныя.

молитвы. Въ память пребыванія его это мѣсто прежде называлось *Васильевскимъ лужкомъ* и *Васильевскимъ садомъ*; долго и нищіе, пристававшіе у Фроловскаго моста и Покровскаго собора, слыли Васильевскими. На этомъ лужку нѣкогда были Васильевскія народныя бани, въ коихъ Іоаннъ блаженный, по преданію, служилъ водоносцемъ, и *бражныя тюрмы* для исправленія пьяницъ, которыхъ преслѣдовалъ законъ, позволявшій свободно веселиться въ кабакахъ, или кружалахъ только о Святкахъ и о Святой недѣлѣ. Прямо обличавшій пороки и беззаконія, можетъ статья, Василій блаженный говорилъ царю то же, что писалъ ему современникъ Василія, Новгородскій архіепіскопъ Θεодосій: «Бога ради, государь, промысли о своей отчинѣ. Что ся нынѣ въ ней чинить? Въ корчмахъ безпрестанно души погибають безъ покаянія и причастія, въ домахъ и на путяхъ и на торжищахъ убійства и грабленіе, во градѣ и по погостомъ проходу и проѣзду нѣтъ. Кромѣ тебя, государя, того душевнаго вреду и тревоженія внѣшняго уставить некому»^{г)}. Христа ради юродивый посѣщалъ иногда и корчмы, гдѣ тогда продавали крѣпкій медъ, хмѣльное пиво, гдѣ играли зернью, или костями—и посѣщалъ такія зазорныя мѣста не съ иною цѣлью, какъ для спасенія погибавшихъ отъ пьянства. Однажды онъ встрѣчаетъ тамъ несчастнаго про-

г) Карамз. И. Г. Р. VIII. пр. 186.

пойцу, который приставалъ къ цѣловальнику съ доукою, чтобы далъ ему скорѣе похмѣлиться; цѣловальникъ съ досадою сказалъ ему: «убирайся ты къ сатанѣ!»! Взявши въ руки чарку, пропойца перекрестилъ ее. Василій захопалъ въ ладоши, потому что, по сказанію житейника, увидѣлъ бѣса, выскочившаго изъ чарки; пьяница отрезвился.

Протекло славное державство Іоанна III-го, освободителя Россіи отъ ярма Монгольскаго, настало царствованіе сына его Василія, которому угрожалъ Махметъ Гирей опустошительнымъ нашествіемъ. Москва трепетала при угрожавшей ей опасности, Великій князь съ своимъ семействомъ и царедворцами покинулъ осажденную полчищами Татаръ столицу, гдѣ стоялъ на стражѣ маститый святитель Іона. Въ это время молился со слезами предъ сѣверными дверьми Успенскаго собора, юродивый Василій, окруженный нѣкоторыми благочестивыми молитвенниками. Въ храмѣ слышанъ былъ шумъ, видѣлся летавшій тамъ пламень, отъ чудотворной иконы раздался голосъ, обличавшій москвитянъ въ беззаконіяхъ; но теплая, слезная молитва юродиваго усиливалась. Вскорѣ умолкъ шумъ, угасъ пламень. Это было предвѣстіемъ спасенія Москвы и Россіи. Въ то же самое время днемъ и ночью молился затворившійся въ соборномъ придѣлѣ Похвалы Богородицы Ростовскій архіепископъ Іоаннъ. Тщетно святитель Іона уговаривалъ его изыти оттуда

пріяти пищу тѣлесную. «Не дѣй мене, отвѣчалъ ему Іоаннъ, да не изыду, дондеже мимо идетъ гнѣвъ Господень; о пищѣ же и о нужной потребѣ тѣла тыя дни радѣти не имамъ». Такъ любовь къ земному отечеству, соединявшая молитвы Святыхъ, отвратила грозившую Москвѣ опасность ^д).

За кратко-временнымъ правленіемъ супруги Великаго Князя Василія, Елены Глинской, настало шумное царствованіе сына ея Іоанна Грознаго, когда Василій блаженный прославился своими чудесами даже при царскомъ дворѣ. Въ то время предстоятелемъ Церкви былъ всероссійскій митрополитъ Макарій, за свои труды, посвященные ей, прозванный отъ современниковъ *чуднымъ*. Въ бесѣдѣ своей съ царемъ онъ повѣдалъ ему о Василіи, который измождалъ плоть свою наготою и постомъ, зимнимъ хладомъ и солнечнымъ зноемъ, къ деннымъ молитвамъ прилагалъ нощныя. «И мы видѣхомъ Василія, сказалъ царь отцу своему митрополиту, благоугодными преспѣвающа подвигами и въ плоти пребывающа, ако ангель. Кто не вѣсть сего блаженнаго, земныя славы и красоты міра, аки студа бѣжавша!» ^е) Такъ Христа ради

д) Четьи Минеи священника Ивана Милютина, XVII вѣка, рукопись въ патріарш. библіотекѣ, въ 4.

е) Четьи Минеи, писанныя при царѣ Борисѣ въ Чудовѣ монастырѣ повелѣніемъ архимандрита съ братію монастырскою казною, въ уставн. рукописи. Тамъ Голуновъ названъ святѣйшимъ царемъ.

юродивый нагоходець, бѣгавшій отъ мірской славы, не могъ утаиться отъ нея.

Въ стрѣльницѣ Китай-города у Варварскихъ воротъ были Васильевскія ворота, давно уже закладенныя; надъ ними и теперь стоитъ образъ Василія блаженнаго. Это мѣсто напоминаетъ намъ встрѣчу съ нимъ купцевъ, спасенныхъ имъ на Черномъ морѣ отъ потопленія,—они видѣли его ходившимъ по волнамъ моря, какъ по сушѣ; отъ ихъ благодарности юродивый перескочилъ черезъ болото, тамъ бывшее, и скрылся въ своей пещеркѣ на Васильевской лужокѣ. Такъ въ жизни народной въ Московскомъ мірѣ увѣковѣчилось имя Василія блаженнаго.

Часто встрѣчали блаженнаго и на Ильинскомъ торговищѣ, гдѣ нынѣ Лобное мѣсто; въ его время тамъ замужнія и дѣвицы продавали калачи, баранки, басманы и хлѣбы; тамъ былъ крестецъ, или сборище безмѣстныхъ поповъ и діаконовъ. Нѣкогда разбросалъ Василій калачи у одного калачника, который потомъ сознался, что въ муку подмѣшалъ мѣлъ и известь для своей прибыли. Площадныя торговки посмѣялись наготѣ Василія, мимо ихъ проходившаго, и за это всѣ наказаны были слѣпотою; но когда раскаялись и стали умолять блаженнаго о прощеніи, онъ дуновеніемъ устъ своихъ возвратилъ имъ зрѣніе. Былъ у Василія въ Москвѣ одинъ, любимый имъ и любившій его бояринъ; къ нему въ трескучій морозъ является нагоходець. Соболебнуя о немъ,

бояринъ упросилъ его принять отъ него лисью шубу, крытую сукномъ. Василій, надѣвъ ее на себя, пошелъ по улицамъ. Воры подмѣтили это и одинъ изъ нихъ, притворясь мертвымъ, легъ на томъ мѣстѣ, гдѣ надобно было проходить юродивому. Когдажъ приближался юродивый, товарищи мнимо-умершаго стали просить у него подаенія на погребеніе. Проникнувъ ихъ лукавство, онъ спросилъ: «Давно ли умеръ ихъ товарищъ?» «Неболѣе, какъ съ часъ»—отвѣчали они. Снявъ съ себя шубу ж), и покрывъ ею лежавшаго, Василій сказалъ: «буди же ты отнынѣ мертвъ за лукавство твое; ибо писано: «лукавіи да потребятся». Едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ воры стали будить товарища, думая, что онъ уснулъ; но тотъ дѣйствительно былъ уже мертвъ.

Поступки Василія не могли не казаться народу странными, хотя они имѣли особое значеніе; проходя мимо одного дома, онъ кидалъ въ углы его камнями, у другаго цѣловалъ ихъ. Оказывалось, что тамъ упражнялись въ благочестіи и тѣмъ прогоняли отъ себя бѣсовъ, которые, не находя мѣста внутри дома, прицѣплялись къ наружнымъ угламъ его; а здѣсь проводили время въ

ж) Въ старину шубами покрывали покойниковъ. Царь Алексѣй Михайловичъ за шубу, которою покрытъ былъ гробъ его родителя, при отпѣваніи, пожаловалъ въ Архангельской соборъ три тысячи р. См. Жалованная грамота Архангельскаго собора въ Москвѣ протопопу Петру Алексѣеву 1734 г.

пьянствѣ и безчинствахъ къ великой скорби ангеловъ, которые удалились изъ таковаго дома и сидѣли снаружи на углахъ его.

Близкій ко времени Василія блаженнаго списатель его житія оставилъ намъ болѣе похвальныя слова ему и широковѣщательныя разсужденія, но весьма мало коснулся подвиговъ внутренней его жизни, сокровенныхъ отъ народа, въ памяти котораго сохранились нѣкоторыя объ немъ преданія. Одна Степенная книга ³⁾, упоминая объ ужасномъ пожарѣ въ Москвѣ 1547 года, между прочимъ говорить, что, наканунѣ его, Василій блаженный пришелъ въ Воздвиженскій монастырь на островѣ, что нынѣ Воздвиженка, и сталъ предъ церковью, со слезами долго молился въ безмолвіи. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на него и не знали, что подумать; но всѣ были увѣрены, что Василій ничего безъ причины не дѣлалъ и не говорилъ. Это таинственное моленіе было предвѣстіемъ страшнаго пожара, вскорѣ испепелившаго Москву. Послѣ этого бѣдствія, пробудившаго въ Іоаниѣ Грозномъ раскаяніе, собесѣдникъ Фроловскихъ нищихъ, безъ сомнѣнія, былъ свидѣтелемъ и торжественнаго сознанія юнаго царя, который съ Лобнаго мѣста открылъ свою душу народу и молился о благоденствіи царства. Паслышась о труженнической жизни и прозорливости Василія, Іоаниѣ однажды призвалъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ поднести ему чарку вина. Юродивый,

з) Латухин. Степ. книга у Карамз. И. Г. Р. VIII. пр. 173.

принявъ еѣ, выплеснулъ за окно; тоже сдѣлалъ онъ съ другою и третьею чаркой. На вопросъ царя: «за чѣмъ онъ такъ нечестно поступаетъ съ государевымъ жалованьемъ?» «Тушу пожаръ въ Новгородѣ», отвѣчалъ блаженный. Вскорѣ вѣсть оттуда о пожарѣ оправдала его слова и дѣйствіе. Во время строенія дворца на Воробьевыхъ горахъ, въ красномъ селѣ Воробьевѣ, Іоаннъ стоялъ у обѣдни въ церкви, гдѣ случился и Василій. По окончаніи божественной службы, послѣдній пришелъ къ царю во дворецъ и на вопросъ: «гдѣ ты былъ?» «Въ церкви,—сказалъ Василій,—тамъ, гдѣ ты былъ тѣломъ, а мыслию ходилъ по Воробьевымъ горамъ и строилъ себѣ дворецъ». «Тако истинно бысть со мною», воскликнулъ удивленный царь, и, какъ гласитъ сказаніе, «еще болѣе начать прежняго чтити и бояться его, яко провидца сердець и мыслей человѣческихъ». Одинъ богатый купецъ въ Москвѣ на Покровкѣ строилъ каменную церковь; нѣсколько разъ выводилъ ее до сводовъ и всякій разъ она падала. Опечаленный храмоздатель прибѣгнулъ къ Василію блаженному и спрашивалъ его о причинѣ паденія церкви. Христа ради юродивый велѣлъ ему ѣхать въ Кіевъ и найти тамъ убогаго Іоанна, который дастъ ему совѣтъ, какъ достроить начатую церковь. Купецъ, послушный приказанію юродиваго, отыскалъ Іоанна въ бѣдной хижинѣ, гдѣ онъ руками плелъ лапти, а ногами качалъ

зыбку. Купецъ спросилъ его: «кого это онъ качаетъ въ зыбкѣ»?—«родимую матушку и плачѹ ей неоплатный долгъ за рожденіе и воспитаніе свое». Тогда только купецъ понялъ, что, сооружая церковь, онъ согналъ со двора свою мать. По возвращеніи своемъ въ Москву, взялъ къ себѣ въ домъ и призрѣлъ родительницу свою, и церковь достроилась.

Не задолго до кончины своей, Василій впалъ въ тяжкую болѣзнь. Царь, узнавъ объ этомъ, самъ посѣщалъ его съ царицею Анастасіею.

Этотъ святой труженникъ не дожилъ до ужасной эпохи казней и, 72 года юродствовалъ въ Московскомъ мірѣ, перешелъ въ блаженную вѣчность, 88 лѣтъ отъ рожденія, 1552 года августа 2 дня. Земнымъ вѣнцемъ его жизни была блаженная смерть, какъ предвѣстіе блаженной вѣчности. Какъ скоро разнеслась изъ края въ край города вѣсть о преставленіи Василя юродиваго: тогда народъ толпами сбѣжался на его погребеніе. Самъ царь съ царицею и боярами несли святыя его мощи на раменахъ своихъ съ духовенствомъ въ церковь. Всероссійскій митрополитъ Макарій съ освященнымъ соборомъ отпѣвалъ усопшаго. Тогда плачущій народъ, по свидѣтельству рукописнаго житія, XVII вѣка, восклицалъ: «о преблаженне Василіе, молись о насъ прилежно Христу Богу нашему, буди граду нашему Москвѣ и всѣмъ градомъ и вѣсемъ забрало и щить, и крестонос-

ному царю нашему и его благочестивой царицѣ и царевичамъ похвала, утверженіе и радости податель!» и)

По присоединеніи царства Казанскаго къ Московскому, царь Іоаннъ Васильевичъ воздвигъ близъ могилы Василія блаженнаго храмъ въ честь Покрова Богородицы, въ праздникъ которой взята была Казань; этотъ чудный храмъ слыветъ въ народѣ *Василіемъ блаженнымъ*.

Чудотворенія отъ могилы Василія блаженнаго засвидѣтельствовали его святость: даже персть, взятая отъ св. мощей его, опочивающихъ подъ спудомъ и вериги его, надѣваемая на себя, изцѣляли недужныхъ; въ житейникѣ, составленномъ при Годуновѣ, записано 25 чудесъ, совершенныхъ

и) Спустя полвѣка писанное житіе его состоитъ болѣе изъ чудесъ и похвальныхъ словъ, чѣмъ изъ фактовъ историческихъ. Оно находится, какъ мы сказали, въ Чудовской и потомъ въ Милютинской минеяхъ; но въ Четьихъ минеяхъ св. Дмитрія Ростовскаго пропущено. Разные списки Житейника этого состоятъ изъ повтореній перваго, мѣстами сокращенныхъ, или дополненныхъ и частію измѣненныхъ. Преданіе гласитъ, что было еще полное описаніе жизни Василія блаженнаго; но истреблено потому, что въ немъ обличались злоупотребленія духовенства, современнаго Христа ради юродивому. Протоіереемъ Покровскаго собора А. И. Воскресенскимъ выдано было краткое житіе блаженнаго; мы пользовались сверхъ того источниками, сообщенными намъ г. А. И. Хлудовымъ и г. Лобковымъ, который родился тамъ, гдѣ учился св. Василій.

Василіемъ блаженнымъ послѣ кончины. Но вода отъ раки Святаго не спасла отъ смерти въ 1588 году больного сына цареубійцы. Благочестивый царь Феодоръ Іоанновичъ, съ благословенія перваго патріарха Московскаго Іова, надъ мощами соорудивъ каменную Церковь, донинѣ существующую, и устроивъ серебряную раку, украшенную жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, установилъ 2-го августа праздновать святую память его.

И. Снегиревъ.

Господи, или хощу, или не хощу, спаси мя.

(изъ молитвы на сонъ грядущимъ).

Господь сотворилъ насъ безъ насъ, но неспасаетъ насъ безъ насъ, неспасаетъ не потому, чтобы не имѣлъ достаточныхъ къ тому въ Себѣ силъ; какъ Всемогущій, Онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ; но, какъ Праведный и Премудрый, Онъ хочетъ только того, что согласно съ Его премудростию и правдою. Украсивъ человѣка безцѣннымъ даромъ свободы, Господь, непреложный въ Своихъ совѣтахъ и опредѣленіяхъ, не желаетъ отнимать у него сего дара. По благости Своей, Онъ въ избыткѣ излилъ самыя сильныя и дѣйствительныя средства ко спасенію падшаго человѣка, но не насильно влечетъ ими человѣка ко спасенію, а предоставляетъ волю его идти ко спасенію или не идти; огонь и вода (то есть зло и добро) предложены человѣку: къ чему хочетъ онъ, можетъ простирать свою руку. Жизнь и смерть предъ нимъ; что онъ изберетъ, то и дастся ему (Сирах. 15, 16—17.). «Богъ не принуждаетъ никого,

говорить св. Іоаннъ Златоустъ; но если Онъ хочетъ, а мы не хотимъ, то спасеніе наше невозможно, не потому, чтобы безсильно было хотѣніе Его, но потому, что Онъ принуждать никого не хочетъ» (De nomin. mutat. homil. III.).

Такъ Господь Богъ, при всей Своей благодати,— не можетъ спасти человѣка, безъ желанія самого человѣка. Но вотъ въ одной изъ молитвъ, положенныхъ святою церковію на сонъ грядущимъ, — христіанинъ такъ взываетъ къ Богу: «вѣмъ Господи, яко недостойнъ есмь чело-вѣколюбія Твоего, но достоинъ есмь всякаго осужденія и муки. Но Господи, или хочу, или или не хочу, спаси мя»;—яснѣе сказать: я знаю, Господи, что по грѣхамъ своимъ недостойнъ Твоего чело-вѣколюбія, и въ слѣдствіе того вѣчнаго спасенія, но достоинъ всякаго осужденія и муки: но Господи!—хочу ли я своего спасенія, или не хочу, — Ты меня спаси. Словами: «или не хочу, спаси мя», не просить ли молящійся Господа о томъ, чтобы Онъ спасъ его, безъ всякаго отношенія къ его свободной волѣ? — Нисколько.

Словами молитвы: «Господи, или не хочу, спаси мя» — молящійся просить Господа совершенно не о томъ, чтобы Онъ спасъ его, безъ всякаго съ его стороны хотѣнія спасенія, а напротивъ,—чтобы Онъ предваряюще Своею благодатію расположилъ его къ этому хотѣнію и въ слѣдствіе сего хотѣнія спасъ бы. Къ такому

пониманію выраженія: «или хочу, или не хочу, спаси мя»—способствуетъ подобозначущее выраженіе въ одной изъ молитвъ утреннихъ, гдѣ христіанинъ такъ взываетъ къ Богу: «но или хочу, спаси мя: или не хочу, Христе Спасе мой, предвари скоро» (Молит. 8-я), то есть: хочу ли я спасенія, Ты меня, Господи, спаси; не хочу ли спасенія, Ты, Христе Спаситель Мой, поспѣши ко мнѣ Своею предварающею благодатию, дай мнѣ почувствовать гибельное мое положеніе,—имиже вѣси судьбами, возбуди во мнѣ желаніе спасенія и въ слѣдствіе сего желанія спаси.—Молить Господа о томъ, чтобы Онъ Своею благодатию возбудилъ въ насъ самое желаніе спасенія, вполнѣ согласно съ ученіемъ христіанскимъ. Оно ясно говоритъ, что человѣкъ въ естественномъ своемъ состояніи, безъ озаренія свыше, безъ внушенія благодати Божіей, какъ мертвый грѣхомъ (Еф. 2, 1.), не можетъ не только дѣлать, но и помыслить что либо доброе (2 Кор. 3, 5.), что одна благодать Божія, которую онъ долженъ испрашивать себѣ молитвою (Лук. 11, 13.),—можетъ открыть духовныя ему очи (Еф. 1, 18.), дать ему почувствовать гибельное свое положеніе и пробудить въ немъ жажду спасенія (1 Кор. 2, 14.). Правда,—въ человѣкѣ со времени грѣха образъ Божій только исказился, а не совершенно уничтожился, и потому и въ естественномъ его состояніи въ немъ можетъ пробуждаться нѣкоторое желаніе добра: но какое

желаніе?—слабое, безжизненное, неосуществляемое въ дѣятельности (Рим. 7, 18.), подобное желанію узника, заключеннаго въ крѣпкихъ оковахъ,—выйти на свободу. Одна благодать Божія подаютъ человѣку желаніе спасенія живое, плодотворное. «Богъ есть дѣйствуя въ насъ,—учить св. Апостоль Павелъ, — и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи» (Филип. 2, 13.).—Но, скажутъ,—если отъ одной благодати Божіей зависитъ въ человѣкѣ живое и плодотворное хотѣніе спасенія: то, значитъ, — свободная воля самого человѣка здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Нѣтъ, животворящая и спасительная благодать Божія не дѣйствуетъ на человѣка насильственно. Она подается только тому, кто отверзаетъ для нея двери сердца своего (Апок. 3, 20.), кто съ послушаніемъ отзывается на гласъ ея, зовущій ко спасенію (Евр. 3, 7; 4, 7.), и собственными подвигами старается явиться достойнымъ благодати Божіей (2 Кор. 6, 1.).

Но если въ дѣлѣ спасенія необходимы и благодать Божія и свободное участіе человѣка въ томъ, что она совершаетъ для его спасенія, то какъ же св. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ, что въ дѣлѣ спасенія, все зависитъ не отъ хотѣнія, ни отъ подвига, но отъ помилованія Божія (— 9, 16.)?—Не отрицаетъ ли онъ тѣмъ важность дѣятельнаго участія человѣка въ своемъ спасеніи?—Не допускаетъ ли мнѣнія, благопріятнаго нѣкоторымъ неправомыслящимъ

христіанамъ,—что Богъ, кого захочетъ, непременно спасетъ, хотя бы онъ того и нехотѣлъ?— Нисколько. Св. Златоустъ замѣчаетъ: «когда говорить Апостоль: «помилованіе зависитъ не отъ желающаго, и не отъ подвизающагося», — не уничтожаетъ тѣмъ свободы, но показываетъ, что не все принадлежитъ человѣку, а напротивъ ему нужна благодать свыше. Хотя должно и хотѣть и подвизаться, однакожъ полагаться надобно не на собственные подвиги, а на Божіе человеколюбіе, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ Апостоль: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною*» (1 Кор. 15, 60) (на посл. къ Рим. Б. 16.).

Что словами молитвы: «Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя»—правовѣрный христіанинъ нисколько не проситъ Господа о томъ, чтобы онъ спасъ его насильственно противъ воли: это ясно можно видѣть также изъ дальнѣйшихъ словъ молитвы. «Аще бо праведника спасеши — далѣе въ тойже молитвѣ онъ взываетъ къ Богу, — «ничтоже велие: и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоя. Но на мнѣ грѣшнѣмъ удиви милость Твою: о семъ яви человеколюбіе Твое, да не одолѣетъ моя злоба Твоей неизглаголаннѣй благи и милосердію: и якоже хочещи, устрой о мнѣ вещь». Такъ молящійся христіанинъ, живо сознавая свою грѣховность, — не проситъ себѣ отъ Господа безусловнаго спасенія, а проситъ, чтобы злоба его не одолѣла (не превысила) не-

изреченной благодати и милосердія Божія; слѣдовательно онъ твердо увѣренъ, что, если злоба его превыситъ, побѣдитъ благодать и милосердіе Божіе,—Господь, при всей благодати своей, не спасетъ его. «И якоже хочещи, устрой о мнѣ вещь,» то есть,—и какъ ты хочешь, спаси меня. Это выраженіе подобозначуще выраженію: «и имиже вѣси судьбами, спаси мя недостойнаго раба Твоего» (см. въ часословѣ полунощницу по вся дни,—и часъ третій). Яснѣе и полнѣе эти слова молитвы можно выразить такъ: Господи! Ты, какъ Праведный и Премудрый во всѣхъ путяхъ Своихъ и какъ Всевѣдущій, конечно, лучше меня знаешь, — при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ жизни могу я быть спасеннымъ; и потому я съ покорностію предаюсь въ Твою святую волю; какими знаешь путями и судьбами, приведи меня ко спасенію.

Реформаты допускаютъ въ своемъ вѣроученіи безусловное предопредѣленіе Господомъ отъ вѣчности однихъ ко спасенію вѣчному, а другихъ къ вѣчной гибели. Кого Богъ отъ вѣчности,—учать они, — предопредѣлилъ спасти, тотъ непременно спасется; кого же напротивъ отъ вѣчности предопредѣлилъ къ вѣчной гибели,—тотъ непременно погибнетъ. Теперь, — когда христіанинъ взываетъ къ Господу: «Господи! или хочу, или не хочу, спаси мя» — не выражаетъ ли онъ тѣмъ желанія попасть въ число безусловно предопредѣленныхъ Господомъ къ

вѣчному спасенію?—Нимало. Если, подобно реформатамъ, допустить безусловное предопредѣленіе Господомъ отъ вѣчности однихъ ко спасенію, а другихъ къ погибели, — тогда для чего было бы христіанину и молиться Господу о своемъ спасеніи?—Если онъ предназначенъ Господомъ отъ вѣчности быть спасеннымъ,—то, значить, спасется безъ всякой молитвы Господу о семъ; если же напротивъ предназначенъ Господомъ отъ вѣчности къ погибели,—то ужъ, значить, погибнетъ, какъ бы усердно ни молился Господу о спасеніи.

И православная Церковь вѣритъ въ предопредѣленіе Господомъ отъ вѣчности однихъ ко спасенію, а другихъ къ погибели, но въ предопредѣленіе не безусловное, а основанное на предвѣденіи Божиѣмъ—кто какъ себя будетъ вести въ жизни, — и условливаемое, значить, свободою предопредѣляемыхъ. По ученію нашея св. Церкви, Богъ тѣхъ предопредѣлилъ отъ вѣчности ко спасенію, въ которыхъ отъ вѣчности предвидѣлъ принятіе благодати Его и дѣятельное стремленіе ко спасенію,—и напротивъ тѣхъ отъ вѣчности предопредѣлилъ къ погибели, въ которыхъ отъ вѣчности предвидѣлъ отверженіе благодати, упорное закоснѣніе во злѣ. «Которыхъ Онъ предузналъ, тѣмъ и предназначилъ быть подобными образу Сына Своего» (Рим. 8, 29.).—«Богъ, говоритъ Златоустый,—не ждетъ, какъ человѣкъ, окончанія дѣла, дабы видѣть—кто добръ, кто

нѣтъ; а напротивъ, прежде сего знаетъ — кто пороченъ и кто нѣтъ. Знающему тайны сердца совершенно извѣстно — кто достоинъ вѣнцевъ, и кто—наказанія и мученія» (Толк. на посл. къ Римл.).

Итакъ, христіанинъ!—Когда ты, по руководству святыхъ Церкви, взываешь къ Господу: «Господи! Или хочу, или не хочу, — спаси мя» — не дѣлай изъ сего себѣ возглавія безопасности и грѣховнаго усыпленія, — не думай, — будто Господь можетъ спасти тебя, противъ твоей воли. Нѣтъ! — Господь тебя неспасетъ, если ты самъ дѣятельно не будешь стремиться ко спасенію, если самъ не будешь трудиться и подвизаться въ дѣлѣ спасенія. Но какъ бы ты ни подвизался въ дѣлѣ спасенія,—ничего не приписывай себѣ, своимъ силамъ, а все благодати Божіей, потому что единственно благодати Божіей ты всѣмъ добрымъ обязанъ (1 Кор. 4, 7.). Постоянно держи и на устахъ и въ сердцѣ такую молитву къ Господу: Господи!—безъ Твоей благодати я немогу ничего не только предпринять, но и помыслить что либо доброе,—и потому,—есть ли во мнѣ желаніе спасенія, или нѣтъ,—спаси меня: слабое желаніе спасенія укрѣки и содѣлай плодотворнымъ; если же во мнѣ совсѣмъ нѣтъ желанія, возбуди его прикосновеніемъ къ моему сердцу твоей всемогущей благодати; такъ или иначе, имиже воли судьбами, спаси мя.

Діаконъ Николай Воиновъ.

ЭМАНЦИПАЦІЯ ЖЕНЩИНЪ.

Съ нѣкотораго времени поднять вопросъ о правахъ женщины, будто бы угнетаемой ея зависимымъ положеніемъ. Кто же поднимаетъ этотъ вопросъ, — женщина? Нѣтъ. Мужчина? Также нѣтъ. — Его поднимаетъ такъ называемый духъ времени, духъ свободы, а вѣрнѣе духъ разрушенія, беспорядка и посягательства на все святое, утвержденное исторіею, жизнію, законами Божиими и самою природою. Этотъ духъ застилаетъ густымъ туманомъ все дальнее и ближнее, и въ этой тмѣ время отъ времени старается освѣтить какимъ-то кровавымъ лучемъ только одинъ какой нибудь предметъ съ намѣреніемъ будто бы уяснить его, но на самомъ дѣлѣ усиленнымъ блескомъ кроваваго луча только ослѣпляетъ зрѣніе и тѣмъ путаетъ и затмеваетъ познаніе. Этотъ духъ разрушенія, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли,—низвергнуть и разрушить законный порядокъ всей человѣческой жизни, прежде всего бросается на семью, какъ основу, на которой держится порядокъ и строй общества.

Семья же заждется на отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ; по сему духу разрушенія и нужно начинать именно вопросомъ о сихъ отношеніяхъ. Вотъ онъ и начинается такъ: женщина и мужчина созданы съ одинаковыми правами на все земное и небесное; слѣдовательно поставленіе женщины въ положеніе зависимое отъ мужчины есть искаженіе законовъ природы, — нужно отстранить это искаженіе, должно освободить женщину отъ зависимаго положенія, въ которомъ она находится; слѣдуетъ дать ей полную свободу и самостоятельность наравнѣ съ мужчиною, открыть ей доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ и занятіямъ, чтобы въ обществѣ небыло никакой разницы въ положеніи мужчины и женщины, какъ нѣтъ разницы между мужчиною и женщиною въ правахъ на все земное и небесное. Такъ безцеремонно проповѣдуютъ ни передъ чѣмъ не задумывающіеся почти всѣ Петербургскіе журналы, и за ними бессмысленно повторяетъ отуманенная молодежь того и другаго пола, а вмѣстѣ съ молодежью и тѣ, которые не по лѣтамъ думаютъ молодиться наперекоръ природѣ, и боятся отстать отъ молодежи.

Такъ печатаютъ безцеремонные журналы, такъ говорятъ и даже такъ поступаютъ; иныя молоденькія дѣвушки отрѣзываютъ у себя косы и зачесываются какъ мужчины, носятъ какое-то полумужское — полуженское платье и подражаютъ размашистымъ манерамъ молодыхъ лю-

дей; но такъ ли это должно быть, согласно ли это съ законами природы, желательно ли это и къ чему ведетъ? Вотъ вопросы, которые должно разрѣшить, чтобы оправдать или отвергнуть эту затѣю, кружащую головы неопытной молодежи.

Начнемъ съ того, такъ ли это должно быть? Дѣйствительно ли такъ называемое зависимое положеніе женщины есть искаженіе природы? Я буду говорить и относиться въ настоящемъ дѣлѣ только къ людямъ признающимъ Бога и исповѣдающимъ христіанскую вѣру, а не къ тѣмъ выродкамъ, которые ни во что не вѣрятъ и ничего не признаютъ кромѣ своихъ фантазій. Для христіанина конечно слово Божіе есть единственный вѣрный указатель того, какъ что должно быть. Слово же Божіе прямо говоритъ, что жена сотворена помощницею мужу; въ книгѣ Бытія сказано: «и рече Господь Богъ: недобро быти челоуѣку единому; сотворимъ ему помощника по нему. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю къ Адаму». А помощникъ конечно не можетъ пользоваться тою самостоятельностью, которою пользуется тотъ, кому онъ служитъ помощникомъ; положеніе помощника по естеству своему есть уже зависимое; слѣдовательно зависимое положеніе женщины отъ мужчины узаконено самимъ Богомъ при самомъ сотвореніи жены и не составляетъ искаженія законовъ природы. Но еще яснѣе выра-

жена законность зависимости и подчиненія жены мужу послѣ перваго грѣхопаденія; Господь, обращаясь къ женѣ, сказалъ: «къ мужу твоему обращеніе твое и той тобою обладати будетъ». Послѣ такихъ прямыхъ указаній слова Божія у христіанина нѣтъ и мѣста для вопроса, — такъ ли это должно быть? И кто осмѣливается поднимать такой вопросъ, тотъ тѣмъ самымъ и прежде всего возстаетъ на законъ утвержденный самимъ Богомъ, и дѣлается противникомъ воли Божіей. Онъ не найдетъ себѣ оправданія въ томъ, что женщины и мужчины созданы съ одинаковыми правами на все земное и небесное. Богъ, изрекая законъ, непротиворѣчитъ себѣ; — на все земное дѣйствительно и мужчина и женщина имѣютъ одинаковыя права, но пользованіе правами неодинаково; что же касается до небеснаго, то на небѣ нѣтъ уже различія между мущиною и женщиною, какъ объ этомъ говоритъ Самъ Спаситель: «въ воскресеніи бо ни женятся, ни посягаютъ; но яко ангели Божіи на небеси суть». Условія отношеній мужчины и женщины опредѣлены Богомъ только для земной жизни; въ жизни же небесной этихъ условій уже нѣтъ; небесное даже и на землѣ выше земныхъ отношеній и несвязывается ими. Такимъ образомъ для христіанина вопросъ о томъ, — законно ли зависимое отношеніе женщины къ мужчине, рѣшенъ окончательно, и нѣтъ надобности снова поднимать его.

Теперь перейдемъ къ другому вопросу, — согласно ли такое положеніе женщины съ законами природы? Здѣсь прежде всего, говорятъ, должно спросить, можетъ ли женщина нести всѣ тѣ труды и обязанности, которыя несетъ мужчина? Я неотрицаю, что женщина одарена такимъ же умомъ, какъ и мужчина, и даже нерѣдко встрѣчаются женщины, которыя своимъ умомъ и характеромъ превосходятъ многихъ мужчинъ, равнымъ образомъ и въ физическихъ силахъ большинство женщинъ немногимъ уступаетъ мужчинамъ; а есть и такія, которыя своими силами не уступаютъ мужчинамъ и даже иногда превосходятъ многихъ. Слѣдовательно, ежели женщинѣ дать такое же воспитаніе, какъ и мужчинѣ; то повидимому она способна будетъ нести всѣ тѣ труды и обязанности, которые несетъ мужчина. И на дѣлѣ дѣйствительно многія женщины несутъ точно такіе же труды какъ и мужчины, и иногда съ большимъ успѣхомъ; такъ многія женщины ведутъ громадныя и разнообразныя хозяйства не хуже мужчинъ, даже съ достоинствомъ управляютъ государствами, съ успѣхомъ занимаются науками и литературою, а женщины необразованныя, принадлежащія къ простому рабочему народу, въ полевыхъ трудахъ работаютъ рядомъ съ мужчинами, и пахутъ, и сѣютъ, и косятъ, даже инныя занимаются извозомъ и гоняютъ плоты дровъ по рѣкамъ, точно также какъ и мужчины, и многія изъ нихъ нисколько

не уступаютъ мужчинамъ, а инья и превосходятъ ихъ. Сказываютъ еще, что у какого-то чернокожаго африканскаго королька есть даже гвардія изъ женщинъ, которыя и маршируютъ и сражаются исправно. Но все это еще недоказываетъ, чтобы женщина вообще могла нести всѣ тѣ труды и обязанности, которые несетъ мужчина. Въ самой природѣ женщины есть много такихъ неизмѣнныхъ условій, которыя не дозволяютъ ей постоянно нести одинаковые труды съ мужчиною; а въ жизни постоянство труда есть одно изъ главнѣйшихъ и непремѣнныхъ условій прочнаго успѣха. Потому женщины равносильныя мужчинамъ не составляютъ общаго правила, и являются только какъ исключенія, хотя иногда и значительныя, вообще же женщины по самой природѣ своей слабѣе и нѣжнѣе мужчинъ, и въ самомъ характерѣ своемъ не такъ устойчивы и тверды, какъ мужчины; слѣдовательно не могутъ съ полнымъ успѣхомъ нести всѣ тѣ труды и обязанности, которые приличны мужчинамъ, особенно въ тѣхъ постоянно встрѣчающихся случаяхъ, гдѣ кромѣ личнаго труда нужны еще разныя отношенія къ другимъ людямъ.

Но, даже допустивъ невозможное, т. е. полное равенство силъ и способностей у женщины для несенія всѣхъ обязанностей и трудовъ приличныхъ мужчинамъ, все-таки останется неизмѣнною та истина, что зависимое положеніе женщины согласно съ законами природы. Никто не-

можетъ отрицать, что жизнь въ кругу семьи есть состояніе самое естественное и правильное, что за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, напр. произвольнаго удаленія отъ міра ради спасенія души, внѣ семьи чистая человѣческая жизнь невозможно; естественность семейной жизни для человѣка такъ неотразима, что ниодно благоустроенное человѣческое общество, несмотря на разныя измѣненія и искусственныя постройки общественной жизни, неосмѣлилось посягнуть на святыню семьи, а напротивъ всѣ болѣе или менѣе заботились о неприкосновенности семейныхъ отношеній. Въ семьѣ же женщина—мать по самому закону природы, по влеченію собственнаго сердца, должна считать священнѣйшею для себя обязанностію воспитаніе дѣтей отъ первыхъ минутъ ихъ рожденія, и посвятить лучшія свои силы вѣрному исполненію этой святой обязанности; а материнское воспитаніе дѣтей естественно должно привязать женщину мать къ семьѣ, къ дому; обязанности же и труды мужчины, особенно общественныя, требуютъ непремѣнныхъ и частыхъ отлучекъ изъ дому, и въ домѣ, въ семьѣ не могутъ быть сосредоточены. А посему женщина мать, безъ пренебреженія и упущенія своей главной обязанности, данной ей закономъ природы, въ большей части случаевъ неможетъ участвовать въ трудахъ и обязанностяхъ мужчины ^{а)});

а) Мы могутъ сказать, что мать не курица, чтобы постоянно ходить съ своими цыплятами; она можетъ поручить воспи-

а съ тѣмъ вмѣстѣ неможетъ требовать для себя такой независимости и самостоятельности, какими пользуется мужчина. Будучи сосредоточена внутри семьи, женщина мать естественно должна находиться въ зависимомъ положеніи отъ мужчины, на которомъ лежитъ прямая обязанность устройства онѣшнихъ отношеній семьи и пріобрѣтенія средствъ для ея благосостоянія. Настоящая мать своихъ дѣтей, вѣрно исполняющая свои материнскія обязанности, не только никогда не потребуетъ той самостоятельности и независимости положенія, которыми пользуется мужчина, но даже не найдетъ ни времени, ни охоты воспользоваться ими, ежели бы они были ей уступлены. Требования на мужскую самостоятельность и независимость могутъ предъявлять только тѣ женщины, которыя пренебрегаютъ своими естественными и законными правами и обязанностями, или непонимаютъ ихъ, будучи искажены неправильнымъ воспитаніемъ.

Желательно ли заявляемое нецеремонными журналами требованіе освободить женщину отъ зависимаго положенія, въ которомъ она теперь находится, и допустить ее ко всѣмъ общественнымъ должностямъ наравнѣ съ мужчиною? Отвѣтъ на этотъ вопросъ одинъ: нежелательно.

таніе дѣтей нянькамъ, гувернанкамъ, а сама занимается общественными дѣлами; но я уже говорила о нянькахъ и гувернанкахъ въ статьѣ подъ названіемъ: „голосъ матери о первоначальномъ воспитаніи дѣтей“ (Душеп. Чт. февр.), и теперь пока неимѣю нужды снова обращаться къ этому предмету.

Нечестиво и пагубно желать того, что прямо противорѣчить ясно и опредѣлительно высказанному закону Божию. Нелѣпо и безумно желать того, что нисколько несогласно съ законами природы и искажаетъ истинное высокое значеніе женщины, что для лучшаго большинства женщинъ неисполнимо и нежелательно, и чего могутъ желать только неопытныя дѣвушки, получившія неправильное воспитаніе, или тѣ потерявныя женщины, которыя въ бурной жизни утратили способность понимать, въ чемъ состоитъ истинное значеніе женщины и какая, по указанію самой природы, цѣль ея жизни. Женщина, бросившись въ омутъ общественной жизни наравнѣ съ мужчинами, нравственно перестаетъ быть женщиной, теряетъ ту прелесть, то очарованіе, которыя привлекаютъ къ ней любовь и уваженіе, грубѣетъ и лишается той женственности, которая такъ высоко ставитъ ее въ глазахъ мужчинъ; а между тѣмъ какъ ни приготовляйте ее воспитаніемъ къ трудамъ и обязанностямъ свойственнымъ мужчинамъ, она никогда не сравняется съ мужчиною, и всегда будетъ назади, развѣ за весьма немногими исключеніями, слѣдовательно отъ женщинъ отстанетъ, а къ мужчинамъ не пристанетъ, и будетъ ни пава ни ворона. Представьте себѣ рядъ картинъ, въ которыхъ бы женщина являлась въ должностяхъ свойственныхъ мужчинамъ,—напримѣръ женщина или дѣвушка—писарь или столоначальникъ въ Управѣ

благочинія, сидитъ сгорбивши свой стройный станъ надъ бумагами, которыя и читать-то тоска беретъ; женщина квартальный надзиратель путешествуетъ по вертеламъ разврата, да еще ночью, и отыскиваетъ тамъ безпаспортныхъ; женщина становой приставъ ѣдетъ въ грязь и слякоть на слѣдствіе,—тамъ гдѣ-то, сказываютъ, подняли мертвое тѣло, или учинили воровскую порубку въ лѣсу; женщина архитекторъ,—ходитъ по подмосткамъ, смотритъ за рабочими, указываетъ имъ, ругается съ ними за разныя неисправности; женщина—извозчикъ, день и ночь во всякую погоду собираетъ и возитъ по городскимъ улицамъ сѣдоковъ всякаго званія и нерѣдко пьяныхъ; женщина..., да и неперечтешь всѣхъ невыгодныхъ и неприличныхъ положеній, въ которыя она можетъ попасть, принимая на себя обязанности и занятія мужчинъ; и неужели всѣ такія и подобныя положенія желательны для женщинъ? Миѣ скажутъ: женщина имѣетъ право выбирать должности, и принимать на себя только тѣ, которыя ей приличны, или она облагородитъ и самыя унижительныя должности. Относительно перваго должно замѣтить, что выборъ должностей далеко не всегда отъ насъ зависитъ; а по пословицѣ «назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ». Что же касается до втораго, то женщина своимъ участіемъ, даже однимъ присутствіемъ многое можетъ облагородить; но только какъ женщина, сама сохраненная и облагороженная, а

не какъ писарь у квартальнаго надзирателя или извоникъ на улицѣ.

Но что я заговорила о мужскихъ обязанностяхъ, сплюнь да рядомъ ставящихъ женщину въ непривлекательное и вовсе нежеланное положеніе, ежели бы она рѣшилась принять сіи должности на себя? Самый приступъ къ тому, чтобы принять такъ называемое независимое самостоятельное мужское положеніе ставить женщину, или дѣвушку въ самое смѣшное и съ тѣмъ вмѣстѣ самое жалкое положеніе. Взгляните на эту молоденькую, прыткую эманципированную дѣвицу;—она начитавшись журнальныхъ бредней о правахъ женщины, о невыносимости ея зависимаго положенія и другихъ подобныхъ предметахъ, только три недѣли назадъ обрѣзала свою косу, зачесала волосы по мужскому, повязала на шею галстукъ, надѣла на голову мужскую шляпу или фуражку, заучила размашистые манеры мужской буйной молодежи, запаслась хлыстикомъ, и воображаетъ, что она уже сравнялась съ мужчинами, рисуется своею удалью передъ подругами, но глядитъ на нихъ свысока, какъ на отсталыхъ и больше льнетъ къ мужчинамъ, слушаетъ отъ нихъ разный вздоръ, а подъ часъ и сама несетъ чепуху, желая показать, что и она довольно уже развита и самостоятельна, чтобы неотстать отъ нихъ. А потомъ ежели старшіе неостановятъ такихъ мнимо невинныхъ проказъ и будутъ смотрѣть сквозь пальцы; то

эманципированная дѣвица не медлитъ обзавестися искреннимъ другомъ и наставникомъ, какимъ нибудь горячимъ проповѣдникомъ эманципаціи женщинъ, для котораго нѣтъ ничего святаго, и подѣ его руководствомъ бѣжитъ изъ родительскаго дома, и начинаетъ подлинно свободную и самостоятельную жизнь, теряетъ не только женскій, но и мужской стыдъ, посѣщаетъ разныя увеселительныя заведенія, буйствуетъ, развратничаетъ, и кончаетъ тѣмъ, что къ году дѣлается безъ ногъ и окончательно падаетъ душой и тѣломъ. Примѣры такой участи эманципированныхъ дѣвицъ Москва уже видѣла въ нынѣшнемъ году и конечно не замедлитъ увидѣть ихъ въ большемъ числѣ впередъ подобно такъ называемому передовому Петербургу, ежели блажь женской эманципаціи nebudeть удержана.

Мнѣ скажутъ, что представленный быстрый ходъ паденія эманципированной женщины, или дѣвушки условливается не эманципаціею, а плохимъ, несообразнымъ съ цѣлію воспитаніемъ, что нужно такъ устроить, чтобы воспитаніе женщинъ ничѣмъ не разнилось отъ воспитанія мужчинъ, чтобы мужчины и женщины еще съ ранняго дѣтства учились одному и тому же, и чтобы дѣвочки и мальчики вели себя одинаково, занимались одними играми, и чтобы дѣвочкамъ давалась такая же свобода какъ и мальчикамъ; и тогда эманципація женщинъ nebudeть приносить тѣхъ горькихъ плодовъ, которые она приноситъ

теперь. На это я отвѣчу опытомъ: почти всѣ свихнувшіяся московскія эманципированныя женщины и дѣвицы были довольно образованныя и при ихъ воспитаніи именно дано было имъ свободы почти столькоже, сколько и мальчикамъ; но это неспасло ихъ отъ смѣшныхъ выходовъ и отъ паденія. Да и въ пресловутомъ Петербургѣ, гдѣ женская эманципація въ большемъ ходу и отъ эманципированныхъ женщинъ нѣтъ проходу, гдѣ даже, какъ недавно печатали въ газетахъ, завелась особая частная школа, въ которой въ пособіе женской эманципаціи какими-то пропагандистами преподается для нихъ и химія, и физика, и фізіологія и анатомія и другія подобныя науки даже съ опытами, и въ Петербургѣ нравственныя качества и образъ жизни эманципированныхъ женщинъ и дѣвушекъ рознятся отъ образа жизни и нравственности московскихъ развѣ только тѣмъ, что тамъ ихъ гораздо больше чѣмъ въ Москвѣ, что на нихъ даже перестали указывать пальцами, и въ слѣдствіе этого онѣ тамъ отъ рукъ отбились и даже надоѣли всѣмъ полицейскимъ властямъ. Слѣдовательно, воспитательная подготовка здѣсь не помогаетъ, нелѣпая затѣя, какъ ея ни обстановкай, всегда останется нелѣпою, впрокъ не пойдетъ и падетъ сама собою; жаль только одного, что ежели неприимать противъ нея мѣръ, то она до паденія своего многимъ неопытнымъ вскружить головы, и многихъ погубить.

Наконецъ допустимъ самое лучшее въ эманципациі женщинъ, положимъ, что она удалась вполне, эманципированныя женщины и дѣвушки освободились отъ чаду, который имъ теперь кружить головы ихъ, отрѣзвились, принялись серьезно за мужскія обязанности и на общественномъ служеніи работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами, одна сидитъ за секретарскимъ столомъ въ какомъ либо судѣ, другая поцелкиваетъ щетами за бурхгалтерской конторкой, третья служитъ смотрительницею дорогъ, иная—архитекторомъ, инженеромъ, землемѣромъ, медикомъ и т. д. Но къ чему же все это поведетъ, какія будутъ необходимыя слѣдствія такового порядка дѣлъ? Вотъ вопросъ, надъ которымъ нельзя не задуматься. Видимымъ, ближайшимъ слѣдствіемъ такового порядка дѣлъ на первѣй разъ пожалуй представится лучшее обезпеченіе семействъ; всякій скажетъ, что семейство, въ которомъ и мужъ и жена добываютъ деньги, много обезпеченнѣе того семейства, въ которомъ добываетъ средства только одинъ мужъ. Съ перваго взгляда это дѣйствительно такъ кажется, два работника больше добудутъ чѣмъ одинъ; но поразобравши дѣло внимательнѣе, нельзя не видѣть, что едвали это выйдетъ такъ. Прежде всего надобно замѣтить, что и при настоящемъ порядкѣ дѣлъ жена не даромъ же ѣсть хлѣбъ въ семействѣ; положимъ, что она сама недобываетъ ^{а)}, добываетъ

а) Впрочемъ и при настоящемъ порядкѣ дѣлъ женщина

одинъ мужъ; но она своимъ умнымъ и строгимъ хозяйствомъ старается сберечь добытое и распорядиться имъ сколько можно выгоднѣе, такъ что и при небольшихъ средствахъ у ней домъ полная чаша, ничего даромъ непропадаетъ, и даже кой-что сберегается на черный день. А этого конечно нельзя будетъ ожидать при новыхъ порядкахъ, когда и мужъ и жена пойдутъ на службу, одинъ положимъ въ судъ, а другая въ контору. При новыхъ порядкахъ, когда хозяинъ и хозяйка не будутъ сидѣть дома, хозяйство по необходимости должно перейти въ руки чужихъ наемныхъ людей, которымъ чужаго добра жалѣть нечего, которые будутъ набивать свой карманъ; и такимъ образомъ, несмотря на двойные доходы, средства семейства не только не будутъ достаточнѣе нынѣшнихъ, но даже во многихъ случаяхъ бѣднѣе. Хозяинъ и хозяйка будутъ работать на чужихъ людей. Мнѣ скажутъ, — холостые-де люди занятые службою ведутъ же хозяйство и теперь, не всѣ же живутъ съ хозяйками. Дѣйствительно, холостые люди занятые службою ведутъ хозяйство и въ настоящее время; да хорошо же ихъ и хозяйство! У нихъ при порядочныхъ еще слугахъ ставится въ щетахъ вмѣсто полтины рубль, а сплошь да рядомъ по-

нерѣдко добываетъ значительныя деньги своими женскими занятіями, не принимая на себя мужскихъ должностей, напримѣръ портнихи, шляпочницы, учительницы и подобн.

падаютъ такіе слуги, которые рубль ставятъ вмѣсто гривенника.

Впрочемъ, это невыгоды эманципированнаго семейства еще не имѣющаго дѣтей, но что же сказать, когда въ такомъ семействѣ появятся дѣти, а вѣдь они должны же появиться? Отецъ и мать цѣлый день на службѣ, или за другими какими дѣлами и возвращаются домой только къ вечеру, — на чьихъ же рукахъ и подъ чьимъ надзоромъ останутся бѣдные дѣти? Разумѣется на рукахъ и подъ надзоромъ няньки, если и няньки не захотятъ эманципироваться и не запросятъ себѣ мужскихъ занятій. Знаемъ мы, каково достается дѣтямъ отъ нянекъ и подъ надзоромъ матери, ежели онѣ нѣсколько слабѣ; что же они должны выдержать, когда ни отца ни матери нѣтъ дома цѣлый день, когда они воротятся къ вечеру усталые и изтощенные? Да, — и теперь по милости нянюшекъ дѣти нерѣдко бываютъ больные и хилые, а иногда и горбатые, хромые и съ вывихнутыми руками; тогда же горбатость, искривленность членовъ и другія уродства и болѣзни будутъ самыми обыкновенными явленіями въ дѣтяхъ, остающихся по цѣлымъ днямъ безъ материнскаго надзора, дѣти же здоровые и неизуродованные будутъ рѣдкостью. Этому повидимому нѣсколько противорѣчитъ положеніе нашихъ крестьянскихъ дѣтей, которые не все же хворые и уроды, а надзоръ за ними большею частію плохой; но если справиться, сколько же крестьянскихъ дѣтей погибаетъ въ малолѣтствѣ

и сколько на вѣкъ остаются уродами; то противорѣчіе, пожалуй, обратится въ подтвержденіе. Притомъ, нельзя сказать, чтобы крестьянки оставляли очень маленькихъ дѣтей безъ своего материнскаго надзора, онѣ таскаютъ ихъ съ собою на поле даже съ люльками. Ужъ секретарямъ и писцамъ въ кринолинахъ не съ люльками ли идти на службу? То-то была бы музыка въ судахъ и палатахъ! А что сказать объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей у эманципированныхъ матерей занятыхъ службой? Конечно гувернанокъ, гувернеровъ, учителей и учительницъ могутъ нанимать очень немногіе; прочіе же всѣ, только что укрѣплятся дѣти на ногахъ и выучатся говорить, волей, или неволей должны будутъ отдавать ихъ въ школы на руки наемнымъ надзирателямъ и надзирательницамъ, какъ это еще недавно было въ малолѣтнемъ кадетскомъ курпусѣ. И получаютъ дѣти такое семейное воспитаніе и воротятся домой съ такими нѣжными чувствами къ родителямъ, и такъ будутъ близки душою, откровенны и искренни съ своею матерью, что въ слѣдующемъ же поколѣннн всѣ порядочныя матери бросятъ и службу, откажутся и отъ эманципаціи и отъ мужской самостоятельности, только бы подолше удержать дѣтей при себѣ, неотдавать ихъ слишкомъ рано въ школу, и утолить святую жажду материнскаго сердца тѣмъ отраднымъ чувствомъ, что ея дитя развивается на ея глазахъ, подѣ

ея нѣжнымъ руководствомъ принимаетъ первыя впечатлѣнія, и въ духовномъ своемъ развитіи, умственномъ и нравственномъ, какъ бы продолжаетъ жить и укрѣпляться ея духовною жизнію, какъ жилъ въ утробѣ ея жизнію тѣлесною. Такъ говоря, я едва ли ошибаюсь, меня здѣсь водить материнское чувство, и со мною навѣрное согласятся все сколько нибудь порядочныя матери; а онѣ въ настоящемъ дѣлѣ самыя вѣрныя и способныя судьи.

Нельзя также опустить изъ вида порядокъ и стройность семейства, —сохранятся ли они при эманципациі женщинъ? Едва ли. Какъ по пословицѣ два медвѣдя неуживаются въ одной берлогѣ, такъ и въ семействѣ неможетъ быть двухъ хозяевъ, это истина утвержденная опытомъ. Семейство представляетъ собою стройный цѣльный организмъ, а въ организмѣ двухъ головъ не бываетъ; если же и встрѣчаются такія уродливости, то онѣ немогутъ жить и развиваться и скоро умираютъ, на примѣръ иногда рождаются телята о двухъ головахъ, и чтобы таковыя двухголовыя телята выросли, этому нѣтъ примѣра, они издыхаютъ вскорѣ по рожденіи. А при эманципациі женщинъ, когда женщина получитъ такую же самостоятельность и независимость какъ и мужчина, въ семействѣ мужъ и жена будутъ двумя хозяевами, и семейство непременно разстроится. Семейство же есть основаніе общества, и какъ скоро разстроится семейство, то въ

слѣдъ за нимъ разрушится и общество, начнутся нестроения и рѣзня сосѣдей другъ съ другомъ, чего именно и хочется тому современному духу разрушенія, который поднимаетъ вопросъ объ эманципаціи женщинъ. Въ этомъ то-именно и состоитъ отдаленная и прикрытая, но существенная задача вопроса о правахъ женщины, будто бы угнетенной своимъ зависимымъ положеніемъ.

Но я еще не касалась самаго главнаго вопроса, онъ же и послѣдній,—къ чему эманципація поведетъ самихъ женщинъ, какія блага онѣ получаютъ отъ нея? Усердные пропагандисты скажутъ: эманципація поведетъ женщину къ свободѣ, самостоятельности и независимости въ своихъ дѣйствіяхъ. Прекрасныя, отрадные слова, такъ бы все и повторялъ ихъ; свобода! самостоятельность! независимость въ своихъ дѣйствіяхъ! но для жизни однихъ словъ мало; жизнь требуетъ, чтобы слова были приведены въ дѣла, а даютъ ли господа эманципаторы нужныя для этого средства? Какъ же—даютъ! Обрѣжутъ крылья, да и говорятъ: летай, голубушка, ты свободна, мы тебя не держимъ. Что же это такое, какъ же это такъ, спросятъ мои добрыя и простодушныя сестры — женщины? — Значить эманципаторы насъ обманываютъ, насмѣхаются надъ нами? Можетъ быть и насмѣхаются: я этого не знаю. Но только знаю то, что главная сила женщины, какъ женщины, заключается въ исклю-

чительности ея положенія, въ томъ, что она живетъ не на одной ногѣ съ мужчиной, хотя и вмѣстѣ съ нимъ и часто какъ бы въ зависимости отъ него. Исключительность положенія даетъ женщинѣ не только свободу и независимость въ дѣйствіяхъ, но даже могущественное вліяніе на всѣхъ окружающихъ, и на входящихъ съ ней въ соприкосновеніе по обстоятельствамъ жизни; только при исключительности своего положенія женщина свободно можетъ развивать свои умственные и нравственные качества и при помощи ихъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и даже управлять тѣми, отъ которыхъ видимо находится въ зависимости. Но отнимите у женщины хотя частицу этой исключительности положенія, поставьте ее хоть немного на одну ногу съ мужчиною, и вы ее не узнаете; изъ свободной и независимой она немедленно сдѣлается подчиненною, чиновникомъ связаннымъ по рукамъ и ногамъ формами, степенями чиновначалія, лишенною внутренней самостоятельности и силы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть, какъ встрѣчаетъ главнаго начальника директриса какого нибудь оффиціального заведенія, хотя бы женщина хорошо образованная и нравственная,—она передъ начальникомъ непремѣнно на вытяжкѣ какъ и всякій чиновникъ. Говоритъ ли начальникъ, она вся слухъ и вниманіе; приказываетъ ли начальникъ, она подобострастно спѣшитъ исполнить приказаніе; дѣлаетъ ли на-

чальникъ выговоръ за какія нибудь неисправности, она то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, даже не смѣетъ плакать, давить слезы какъ-то внутри, она вовсе забыла, что она женщина. А наши эманципаторы главною задачею эманципаціи и поставляютъ то самое, чтобы окончательно лишить женщину исключительности положенія, во всѣхъ отношеніяхъ поставить ее на одну ногу съ мужчинами, или, какъ говорятъ, открыть ей всѣ пути жизни, или по нашему, по женски, отнять у женщины ея главную силу, лишить ее точки опоры и бросить въ омутъ жизни, сказавъ на дорогу,—борись какъ знаешь, и летай вольная пташка съ подрѣзанными крыльями. Подлинно, великое благодѣяніе сулитъ намъ эманципація, точно то самое, какое когда-то дали польскіе паны своимъ крестьянамъ, когда дали имъ свободу, напередъ отнявши у нихъ землю, бывшую въ ихъ владѣніи, а потомъ назвали несчастныхъ быдломъ, и волей неволей обратили ихъ въ свой рабочій скотъ, ибо крестьянину безъ земли нельзя же было жить. Вѣроятно и у нашихъ служливыхъ эманципаторовъ тоже задняя мысль, чтобы обратить женщину въ быдло, въ рабочій скотъ своихъ прихотей, что отчасти уже и сбывается надъ нѣкоторыми несчастными, и конечно разовьется еще болѣе, по мѣрѣ успѣховъ эманципаціи. Но да отвратитъ Богъ отъ насъ эту бѣду; мы должны объ этомъ молиться денно и ночью, и стараться вразумлять неопытныхъ, что-

бы неувлекались льстивыми бреднями эманципаторовъ. Мы должны дорожить семейнымъ положеніемъ, гдѣ мы незамѣнимы и являемся только въ лобезныхъ образахъ матери, жены, сестры и дочери. Нашъ прямой интересъ неотдаляться отъ круга очерченнаго семьею; ибо внѣ этого круга мы должны будемъ размѣняться на мелочи, сдѣлаться писарями, секретарями, конторщиками, бухгалтерами и и т. под., гдѣ вмѣсто любви насъ встрѣтятъ холодность, зависть, и за тѣмъ презрѣніе и порабощеніе, и такое порабощеніе, котораго въ настоящемъ нашемъ положеніи мы и вообразить не можемъ.

Е. П.—а.

ОЧЕРКИ БЫТА

НАРОДА БОЖІЯ а).

14. ВОЕННЫЯ ИГРЫ.

По смерти Саула (2 Царст. гл. 2.), приверженцы сына его Иевосея, подъ предводительствомъ Авенира, отправились на встрѣчу воинамъ Давидовымъ, которыми управлялъ Иоавъ. Два враждебныя войска остановились въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, будучи раздѣлены протекавшимъ источникомъ. Израильтяне всегда чувствовали большое отвращеніе отъ междуусобной войны, потому что они всѣ считали себя братьями; однако въ этомъ случаѣ два враждебныхъ ополченія, хотя и не дошли еще до схватки, питали въ сердцѣ непріязненныя чувства другъ къ другу. Во время этой остановки об-ихъ войскъ Авениръ предложилъ Иоаву устроить въ ихъ присутствіи военныя игры между нѣсколькими молодыми людьми съ той и другой

а) См. предшествующія книжки Душеп. Чтенія.

стороны. Иоавъ согласился и сказалъ: «пусть выходятъ юноши». *И восташа и преидоша отъ отрокъ Веніаминовыхъ, числомъ дванадесять Иевосея сына Сауля, и отъ отрокъ Давидовыхъ дванадесять* (2 Царств. 2, 15.). Но вмѣсто простой игры между ними завязалась кровавая битва; гнѣвъ ихъ былъ безграниченъ; каждый схватилъ одного изъ своихъ враговъ за голову или точилѣ за бороду (что на Востокѣ служитъ величайшимъ знакомъ обиды), и въ короткое время двадцать четыре окровавленныхъ трупъ лежали на полѣ этой битвы. Оба войска, видя такой печальный исходъ игры, тотчасъ устремились отомстить за своихъ собратій и такимъ образомъ завязалось общее сраженіе. Авениръ, по всей вѣроятности, этого и ожидалъ, когда предложилъ устроить игры между нѣсколькими людьми съ той и другой стороны; и если это предположеніе вѣрно, то военачальникъ, который, вопреки пророчеству Самуила, не хотѣлъ признать Давида царемъ, по справедливости потерпѣлъ участь одинаковую со всѣми возбуждающими народныя страсти для удовлетворенія своего честолюбія. Онъ былъ совершенно разбитъ.

Многіе путешественники, посѣтившіе Востокъ, описываютъ военныя игры, нерѣдко кровавыя, которыя и теперь еще весьма обыкновенны въ этой странѣ; вотъ разсказъ одного изъ нихъ. «Рано утромъ, говоритъ маіоръ Кеппель, мы отправились смотрѣть развалины такъ назы-

ваемой Авелевой башни. Насъ провожало двадцать всадниковъ хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ съѣстными припасами; изъ нихъ десять были даны намъ мѣстнымъ начальникомъ. Намъ необходимо было это прикрытіе на разстояніи двухъ миль пути, хотя съ нами не было ничего, что бы могло привлекать разбойниковъ. Выѣхавши на пустынную дорогу, наши Арабы поскакали галопомъ впередъ, бросая притупленные джериды (*Джеридъ* родъ копья или дротика, сдѣланнаго изъ плотнаго дерева; толщина его равняется ручкѣ вѣника, а длина простирается до 4 аршинъ съ половиною). Одинъ изъ нихъ скакалъ впереди своихъ товарищей и вызывалъ ихъ на военную игру; вызовъ скоро былъ принятъ. Двое другихъ поскакали впередъ подобнымъ же образомъ, и вслѣдъ за ними вся толпа. Быстрота и легкость ихъ были поистинѣ удивительны. Когда начинается игра, одинъ всадникъ преслѣдуетъ другаго, который скачетъ впереди и старается избѣжать ударовъ его дротика. Если тотъ, кого преслѣдуютъ, бываетъ пораженъ, то онъ обязанъ собирать джериды; а если нѣтъ, то поворачиваетъ назадъ и преслѣдуетъ своего противника, который въ свою очередь скачетъ впереди его. Когда наши вожатые забавлялись такимъ образомъ, вдругъ изъ-за нѣсколькихъ хижинъ, съ оглушающимъ крикомъ, показались арабскіе всадники вооруженные клинками и длинными пиками. Двѣ толпы пріостановились на

короткое время и каждая изъ нихъ послала отъ себя гонца. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ эти тонцы вскрикнули; на ихъ голоса тотчасъ отозвались обѣ толпы. Потомъ все пришло въ движеніе; обѣ толпы поскаками на встрѣчу другъ—другу съ равною быстротою, и вотъ началось примѣрное сраженіе. Сабли были обнажены, копья также изготовлены и скоро произошло всеобщее замѣшательство. Прекрасно было смотрѣть, какъ эти дикіе наѣзники среди очевиднаго смятенія сталкивались другъ съ другомъ. Впрочемъ это была только игра; но когда встрѣчаются два враждебныя племени, тогда они совершенно иначе пользуются тою ловкостью, которую пріобрѣтаютъ въ любимыхъ ими военныхъ упражненіяхъ».

Въ большихъ персидскихъ городахъ устраиваютъ родъ театровъ, въ которыхъ бываютъ различныя игры. «Едва мы слышали барабанный бой, говоритъ Буккигамъ, какъ отправились на мѣсто гимнастическихъ упражненій и игръ. Это былъ большой кругъ, по сторонамъ котораго устроены особыя мѣста для посѣтителей. На этомъ кругѣ тотчасъ появились 20 человекъ неимѣвшихъ на себѣ ничего, кромѣ опоясанія по чресламъ; съ тяжелыми палками на плечахъ они начали двигаться подъ звуки барабана и гитары и медленно выполняли родъ танца; потомъ они начали прыгать; за тѣмъ присѣдали и вдругъ вскакивали на ноги. Послѣ танцевъ и

скачковъ, необыкновенно легкихъ, и выполненія другихъ не менѣе трудныхъ упражненій, они закончили игры взаимною борьбою; всё это выполнялось подъ музыку, которая играла то скоро, то медленно, соотвѣтственно движеніямъ актеровъ. Въ промежуткахъ времени, какъ прекращались игры, были читаны отрывки изъ поэтическихъ произведеній, которые возбуждали мужество въ борцахъ.»

Эти подробности объясняютъ частію 32-ю главу книги Исхода, гдѣ мы читаемъ, какъ Моисей, сходя съ горы съ скрижалями закона, услышалъ шумъ, который производилъ еврейскій народъ пляскою подъ музыку. Во время его отсутствія Евреи слили золотого тельца и послѣ сѣденія жертвъ, принесенныхъ ему, встали *играть* (Исх. 32, 6.); по случаю игры имъ необходимо нужно было снять свои доспѣхи и одежды; и дѣйствительно, Моисей, какъ извѣстно, замѣтилъ при этомъ, что если бы какой-нибудь непріятель неожиданно напалъ на этихъ людей, то онъ засталъ бы ихъ лишенными всякаго средства къ защитѣ.

Греки нѣкогда очень любили тѣ игры, о которыхъ мы говоримъ; онѣ служили прекраснымъ средствомъ для развитія мускуловъ и вообще силъ тѣлесныхъ. Св. апостоль Павелъ въ посланіяхъ своихъ, писанныхъ къ жителямъ разныхъ греческихъ городовъ, нерѣдко касается этихъ игръ: *нльсть наша брань противу крови и плоти*

(Ефе. 6, 12.). *Не вѣстели, яко текущїи въ пьзорищи, вси убо текутъ, единъ же прїемлетъ почьсть* (1 Кор. 9, 24.) и пр. Достояно вниманїя, что св. писатель извлекаеть такимъ образомъ назидательные уроки для нашихъ душъ даже изъ людскихъ развлеченїй. Желавнїе получить награду на этихъ играхъ напередъ принимали большїя предосторожности. Такъ какъ спиртные напитки разслабляютъ члены, то они не употребляли ихъ задолго до дня состязанїй, пищу ѣли самую простую и притомъ съ большою умѣренностїю. Сверхъ того, чтобы сдѣлать свои члены сильнѣе и подвижнѣе, они предварительно занимались продолжительными и трудными тѣлесными движенїями. *Всякъ подвижался, отъ всѣхъ воздержитяся*, говоритъ апостоль Павелъ, имѣя въ виду эти бычаи. Что же служило наградою за такое старанїе? Награда, которая давалась побѣдителю, заключалась въ масличномъ вѣнокѣ и похвалахъ зрителей... Но какъ непродлительна подобная земная слава! Вѣнокъ скоро увядаетъ, а толпа иногда еще скорѣе переставала расточать льстивыя похвалы. Если же, какъ говоритъ апостоль, люди предпринимають столько трудовъ и терпятъ столько лишенїй ради такихъ ничтожныхъ наградъ, то христіане, которые могутъ ожидать похвалы отъ Бога и вѣчнаго вѣнца славы, не гораздо ли болѣе должны имѣть рѣшимости и твердости, когда нужно бываетъ истребить въ себѣ дурныя на-

клонности, преодолѣть какое-нибудь препятствіе на пути спасенія и послѣдовать примѣру своего небеснаго Учителя? Но, увы, съ какою ревностію мы обыкновенно служимъ міру и предаемся мірскимъ занятіямъ и развлеченіямъ, и какъ скупо удѣляемъ свое время и труды на служеніе Богу!

Древніе Римляне временъ имперіи предавались такому грубому удовольствію, которое ясно обнаруживаетъ крайнее развращеніе человѣческаго сердца. Св. апостолъ Павелъ упоминаетъ объ немъ, когда говоритъ,¹ что «онъ боролся съ звѣрjami въ Ефесѣ» (1 Кор. 15, 32.) и что «былъ освобожденъ отъ устъ львовыхъ» (2 Тим. 4, 17.). Тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей толпами сходились смотрѣть на это кровавое зрѣлище. На средину сцены выводили военноплѣнныхъ, также осужденныхъ на смерть часто за ничтожныя преступленія, или только обвиненныхъ въ христіанствѣ, и здѣсь заставляли сражаться съ свирѣпыми животными, не давая имъ никакого оружія, кромѣ небольшого кинжала. Такъ погибли многія тысячи христіанъ въ первые вѣка христіанской церкви; трудно было остаться живымъ въ такой ужасной борьбѣ.— Святая вѣра Христова, смягчивши нравы, уничтожила такія жестокости во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она теперь господствуетъ.

Восточные жители и въ настоящее время иногда находятъ удовольствіе въ подобныхъ

играхъ, но онѣ имѣютъ уже характеръ менѣе жестокій сравнительно съ прежними. Вотъ что рассказываетъ одинъ путешественникъ (Caunter's, oriental annual), который былъ тамъ приглашенъ однимъ начальникомъ присутствовать на подобномъ состязаніи. «Въ назначенный день мы отправились въ его домъ и послѣ богатаго обѣда взошли въ галерею, находившуюся на квадратномъ дворѣ, который имѣлъ около 50 сажень ширины. Отсюда предъ нами открылась ужасная картина: на арену вышелъ одинъ человѣкъ, не имѣвшій на себѣ никакого платья кромѣ препоясанія. Онъ намазался масломъ, чтобы придать своимъ членамъ больше гибкости; въ рукѣ у него была тяжелая шпага около аршина длины и болѣе вершка ширины. По его знаку отворили дверь большой клѣтки и оттуда тотчасъ выпрыгнулъ огромный тигръ. Но увидя противника, звѣрь не обнаружилъ охоты къ нападенію на него и удалился въ свою клѣтку, и только вслѣдствіе принужденія рѣшился вступить въ борьбу. Тогда онъ бросился впередъ, потомъ, присѣвши какъ кошка, сдѣлалъ новый прыжокъ, издавая пронзительный крикъ. Его противникъ, зорко слѣдившій за нимъ, также устремился къ нему на встрѣчу, и потрясши въ воздухѣ шпагою, сильно ударилъ его по сгибу задней ноги. Ударъ еще болѣе разъярилъ тигра, и онъ снова устремился на своего врага; этотъ послѣдній спокойно ожидалъ его и едва животное приб ли-

зилось, какъ онъ ударилъ его въ голову своимъ оружіемъ; ударъ былъ такъ силенъ и ловокъ, что прошибъ черепъ, и тигръ упалъ мертвымъ къ его ногамъ». Авторъ этого разсказа прибавляетъ, что у него сжималось сердце при видѣ такого зрѣлища; были также другія битвы между разными дикими животными; нельзя было смотрѣть безъ содраганія на раны бѣдныхъ животныхъ, которыя бросались другъ на друга и дрались съ яростію. Онъ почувствовалъ истинное облегченіе, когда услышалъ, что бой звѣрей оканчивается и что начальникъ далъ приказаніе привести за тѣмъ нѣсколько жонглеровъ (Фокусниковъ).

Никто изъ истинныхъ дѣтей *милосердаго* небеснаго Отца не пожелалъ бы конечно услаждаться подобнымъ зрѣлищемъ. Правда, намъ позволено убивать дикихъ животныхъ: «пусть всѣ звѣри земные, сказано въ св. Писаніи, боятся васъ и трепещутъ; пусть они будутъ въ вашихъ рукахъ» (Быт. 9, 2.); разсказъ о тигрѣ, только что приведенный нами, какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость приведенныхъ словъ изъ книги Бытія. Едва только предсталъ предъ нимъ человѣкъ съ пристальнымъ на него взглядомъ, какъ животное начало мало по малу отодвигаться, и обнаружило такимъ образомъ чувство боязни; оно бросилось на своего противника только вслѣдствіе понужденія. Но пользуясь дарованною намъ отъ Бога властію надъ живот-

ными, мы не имѣемъ права мучить ихъ безъ нужды; мы должны помнить, что нѣкогда отдадимъ отчетъ верховному Владыкѣ вселенной въ употребленіи всякаго полученнаго отъ Него преимущества. «Праведный и скоты милуетъ», говоритъ св. Писаніе (Прит. 12, 10.); и это же самое Писаніе угрожаетъ торжественно «судомъ безъ милости не сотворшему милости» (Іак. 2, 3.).

(Продолженіе будетъ).

Н. З—ва.

САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ

ВЪ 1823 ГОДУ.

(Изъ путевыхъ записокъ Дмитрія Деменкова) а).

Нѣсколько разъ былъ я въ Саровской пустыни, но всегда зимою, или осенью; теперь, погода установилась прекрасная, лѣто только что наступило; и природа во всей красѣ, убранная

а) Эта обстоятельно составленная и дышущая теплымъ чувствомъ статья получена Редакцію при слѣдующемъ письмѣ отъ автора: „въ издаваемомъ вами истинно *Душеполезномъ чтеніи* помѣщена была за 1861 годъ въ 3 части статья: „*Воспоминаніе объ о. Назаріи Игуменѣ Валаамскомѣ*“; прочитавъ ее съ душевнымъ наслажденіемъ, я вспомнилъ, что пора и мнѣ передать въ печать давно уже хранящіяся у меня нѣкоторыя свѣденія объ этомъ извѣстномъ по своей высоко-христіанской жизни, добродѣтельномъ игуменѣ, сообщенныя мнѣ ученикомъ его отцемъ Иларіономъ и моею матерью. Почему, препровождая къ вамъ, изъ путевыхъ записокъ моихъ статью: „*Саровская пустынь въ 1823 году*“, покорнѣйше прошу васъ напечатать ее, если найдете ее соотвѣтствующею цѣли вашего журнала.

зеленю и цвѣтами, приглашая на блестящій пиръ свой, предлагала гостямъ чистыя, неподдѣльныя удовольствія. Въ это время желая лучше ознакомиться съ знаменитою Саровскою обителью, я въ пріятномъ обществѣ родныхъ моихъ: М. и Т. 9-го іюня 1823 г. отправился на богомолье.

Отъ Арзамаса до Орѣховца на 20 верстѣ гладкая, безлѣсная равнина; но отсюда мѣстоположеніе возвышается; дорога пролегающая по плодороднымъ полямъ, частые перелѣски и тихій теплый вечеръ, нечувствительно сократили перѣздъ нашъ до Кремьянокъ; отдохнувъ здѣсь, мы приблизились на разсвѣтъ къ Саровскому лѣсу,—чѣмъ далѣе, тѣмъ гуще становился онъ; наконецъ мы вѣхали въ самую чащу бора, и преслѣдуемые роемъ оводовъ, которые безъ пощады мучили бѣдныхъ лошадей, медленно тащились по глубокимъ пескамъ. Огромныя сосны и ели гдѣ высились къ облакамъ, гдѣ склонялись надъ дорогою подобно старцамъ утомленнымъ долгою жизнію; и здѣсь освѣщенныя, тамъ покрытыя тѣнію, широко раскидывая кудрявыя вѣтви свои, разливали въ воздухъ бальзамическій запахъ смолы и защищали насъ отъ зноя. Но въ этихъ дебряхъ пріютъ однимъ звѣрямъ: медвѣди, волки, лоси бродятъ тамъ на свободѣ, и развѣ смѣлый охотникъ проникаетъ иногда въ ихъ завѣтное жилище, и звучными выстрѣлами тревожитъ спокойствіе пустыни. Саровскій лѣсъ

одинъ изъ величайшихъ и хорошо соблюденныхъ внутри Государства, примыкая къ судоходной Мокшѣ, соединяется, какъ говорятъ, съ лѣсами Муромскими, а съ другой стороны простирается до Саратовской дороги изъ Арзамаса. Значительная часть его, издавна находившаяся во владѣніи Саровскаго монастыря, сохранилась отъ опустошительныхъ порубокъ и изобилуетъ строевыми и мачтовыми деревьями; сосны достигаютъ здѣсь 15, 18, и 20-ти саженой высоты, а иныя даже и выше 20 сажень. Кромѣ того растутъ: липа, ель, дубъ, береза и другія свойственныя почвѣ и климату.

На три версты отъ пустыни дорога идетъ просѣкомъ, гдѣ какъ въ тѣсномъ коридорѣ совершенно скрылись отъ насъ лучи солнечные, такъ что мы были освѣщены только узкою полосю неба, проглядывавшаго между вершинами колоссальныхъ соснѣ. Въ тоже время раздался звонъ колокола призывавшій къ молитвѣ пустынножителей, и разносясь въ воздушныхъ пространствахъ дремучаго лѣса, напоминалъ, что одно небо и молитва должны занимать приближающагося къ обители.—По вотъ на холмѣ забѣлѣлись каменные зданія, у подошвы его между зеленѣющими островками заструился Сатисъ, и монастырь, какъ огромный храмъ, открылся предъ нами въ благолѣпно-священной красѣ своей, съ церквами обнесенными двухъэтажными кельями, съ красивыми башнями и исполинскою ко-

локольною, высоко поднимающею надъ нимъ златую главу свою съ сіяющимъ на ней крестомъ. Сама природа, оградивъ тёмнымъ лѣсомъ это пустынное мѣсто, хотѣла кажется скрыть его отъ міра, облагодѣтельствовавъ монашествующихъ всѣмъ, что только нужно для покойной и пріятной жизни посвятившихъ себя уединенію.

Съ перваго шага въ каменую двухъэтажную гостинницу, гдѣ останавливается дворянство и купечество, встрѣчаете чистоту, порядокъ, удобство. Каждому семейству изъ пріѣзжающихъ отводится особенная комната съ широкою лавками для постелей и опрятною мебелью. Въмѣсто хлѣба-соли, принесли намъ по просфорѣ, а въ 12-мъ часу предложили трапезу въ свѣтлой, просторной залѣ гостинницы, гдѣ самъ настоятель или казначей угощаетъ посѣтителей не затѣйливыми, но вкусно приготовленными блюдами. Для духовныхъ же посѣтителей есть особенная гостинница въ монастырѣ.

Послѣ трапезы, казначей отецъ Савватій и ученикъ добродѣтельнаго Валаамскаго игумена Назарія, іеромонахъ Иларіонъ, съ радушіемъ показали мнѣ все достойное вниманія въ обители. Главная достопримѣчательность ея — *Соборная церковь Успенія Богоматери*, красивой, стройной архитектуры составляетъ высокое четырехугольное зданіе, вѣнчаемое пятыю куполами, изъ коихъ средній значительно возвышается надъ прочими; на голубыхъ главахъ разсѣянныя звѣзды,

кресты блестятъ золотомъ; 85 оконъ освѣщаютъ величественный храмъ, имѣющій 28 сажень. высоты и занимающій около 20 сажень длины и 11 ширины; въ немъ два придѣла: Архангела Михаила и преподобныхъ: Антонія и Оеодосія печерскихъ; сводъ поддерживается четырьмя столпами и ярко раззолоченный иконостасъ, какъ щитъ небснаго стратига, охраняющій святая святыхъ отъ взоровъ молящихся, поражаетъ красотою и великолѣпиемъ; четыре мѣстныхъ иконы его въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ, а одна осыпанная жемчугомъ и драгоценными камнями замѣчательна какъ даръ царевны Марьи Алексѣены, особенно усердствовавшей пустыни. Надъ Царскими дверями находится точно такой же какъ въ Кіево-печерской Лаврѣ-образъ: Успенія Пресвятыя Богородицы, и также предъ обѣднею спускается на снурахъ, для прикладыванія къ нему народа. Иконное письмо, утварь, богатѣйшая ризница съ бархатными ризами, залитыми золотомъ, унизанными на оплечьяхъ жемчугомъ, а отчасти и дорогими камнями, и превосходнѣйшей работы плащаница подъ стекляннымъ футляромъ — вполне соотвѣтствуютъ благолѣпю храма, безпрестанно украшаемаго отъ избытковъ обители и подаяній богомольцевъ. Первоначальная церковь основана на этомъ мѣстѣ въ 1730-мъ году, но въ послѣдствіи перестроена въ настоящемъ видѣ уже въ 1775 году при настоятелѣ Ефремѣ, послушникомъ Саровской обители

Иваномъ Федоровымъ, при чемъ прежнюю превратили въ олтарь.

Теплая соборная во имя *Живоноснаго источника* не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но *колокольня*, воздвигнутая въ 1742 году по плану и фасаду статскаго совѣтника Бланка, принадлежитъ къ высочайшимъ въ Россіи, имѣя съ крестомъ до 38 сажень, и по легкой, правильной архитектурѣ своей служить лучшимъ украшеніемъ пустыни. Она состоитъ изъ четырехъ ярусовъ опоясываемыхъ по уступамъ балюстрадами, ограждающими балконы. Въ нижнемъ этажѣ устроены св. врата, въ среднемъ церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, третій и четвертый заняты колоколами, а еще выше помѣщаются часы. Въ Никольской церкви, образа писаны мастерскою кистию г-на Ступина (основателя Арзамаской Академіи живописи) и большія стекляныя двери, ведущія на балконъ, освѣщаютъ ее какъ нельзя лучше; здѣсь же и монастырская библіотека. Поднявшись къ колоколамъ, увидите подъ собою весь монастырь со всѣми его храмами, башнями и другими строеніями, огороды иноковъ, цвѣтущіе луга окружающіе пустынь, и по нимъ разливающимся Сатисъ и Саровку съ нѣсколькими десятками островковъ, и вся эта живая картина окружена рамою необозримаго лѣса, цѣлаго океана деревьевъ, подобно ему безпредѣльнаго, и слитаго съ синевою горизонता; волнистая поверхность его покрыва-

лась чудесными красками, и переливы изъ свѣтлаго въ темно-зеленый и синій цвѣтъ, съ густою тѣнью набросанною облаками, ни съ чемъ несравненны. Не такъ ли въ жизни печаль и радость, бурныя страсти и кроткія думы попеременно смѣняются? Долго стоялъ я здѣсь и любовался роскошною картиною природы, прелестною въ дикости своей; между тѣмъ окрестность оживлялась пѣніемъ птицъ и шорохомъ листьевъ едва достигавшимъ до слуха, и пустыня казалась раемъ. Но не вѣченъ цвѣтъ жизни, наступить мрачная осень, нагонить тучи, и задвинетъ ими голубое небо,—тогда зеленый, безконечный лѣсъ потемнѣетъ какъ мантия инока, зашумитъ какъ море, порывистые вѣтры разтреплютъ, разнесутъ цвѣтную одежду его, и вмѣсто пѣсенъ соловья, въ немъ раздаваться будетъ трескъ ломающихся деревьевъ, вой бури и голодныхъ волковъ ищущихъ добычи. Когда же зима двинетъ свои косматыя дружины мятелей и снѣговъ, завалитъ дороги и нестанетъ нигдѣ защиты отъ лютости холода, тогда только вполне можно постигнуть силу духа и самоотверженіе, съ какимъ рѣшились первые пустынножители поселиться въ глуши сихъ непроходимыхъ лѣсовъ, изъ любви къ Богу и для побѣжденія страстей своихъ.

За монастырскою оградою, недалеко отъ мастеровыхъ строеній есть *пещера*, въ коей спасались отшельники; нѣсколько пріѣзжихъ вмѣстѣ со мною, желали видѣть ее, и дряхлый старецъ

повелъ насъ за собою. У входа каждый получилъ пукъ зажженныхъ свѣчей, затворы грянули, железная дверь заскрипѣла, и мы, спустившись въ мрачное подземелье, стали пробираться извилистыми ходами за опытнымъ путеводителемъ. «Вотъ здѣсь,—сказалъ онъ, показывая на небольшое углубленіе въ стѣнѣ пещеры,—жили люди покинувшіе свѣтъ для свѣта духовнаго, освѣтившаго имъ путь къ блаженству вѣчному». Восковое Распятіе, два образа, и жестяная лампада сохранили память удивительной жизни отшельниковъ и свидѣтельствуютъ могущество вѣры, переселяющей человѣка изъ очаровательнаго міра въ темный, сырой вертепъ, гдѣ ожидаетъ его тяжкая борьба съ прежними привычками и страстями и гдѣ только надежда небесной награды остается утѣщеніемъ страдальческой жизни. Благодѣтельная надежда! подпора смертныхъ! безъ тебя и владыки земные, обладатели обширныхъ земель, и земледѣльцы, въ потѣ лица снискивающіе хлѣбъ, равно скучали и тяготились бы состояніемъ своимъ и свѣтомъ симъ, исполненнымъ превратностей и огорченій.—Миновавъ еще нѣсколько подобныхъ келій, мы пришли въ церковь преподобныхъ Антонія и Θεодосія пещерскихъ, которая имѣетъ едва ли болѣе 10-ти шаговъ длины и 6 ширины, полъ чугунный, иконостасъ железный, престолъ мраморный, а для воздуха кирпичную трубу, покрытую надъ землею куполомъ съ четырьмя окнами. Пещера

эта простирается, по словамъ провожавшаго насъ монаха, со всѣми извилинами, до 300 сажень; по преданію, сдѣлана еще Татарами, прежними жителями этого мѣста, и служила имъ, на случай осады непріателемъ, выходомъ къ рѣчкѣ Саровкѣ за водою; монахи же только распространили и обдѣлали ее; но въ историческомъ описаніи Саровской пустыни (1804 года) сказано: что пещеры началъ копать монахъ Иларіонъ въ 1691 году, а въ 1711 онѣ кончены вмѣстѣ съ церковью препод. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, которую въ томъже году по желанію благотворительницъ обители царевенъ: Марьи Алексѣевны и сестры ея Θεодосіи, освятили, а въ 1780 году возобновили въ лучшемъ видѣ противъ прежняго; въ ней служатъ раннія обѣдны, но только зимою.

Въ больницѣ, устроенной для немощныхъ и престарѣлыхъ братій, о коихъ прилагается здѣсь истинно христіанская заботливость и вниманіе, также находится двухъ-этажная церковь, соединяющаяся съ кельями больныхъ. Нижняя двухъ-престольная во имя святыхъ: Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, верхняя Преображенія Господня не большая, но не безъ вкуса отдѣланная,—позолоченныя колонны украшаютъ полукруглый, шатрообразный иконостасъ. На одной изъ боковыхъ алтарныхъ дверей написанъ Ангель съ крижалями заповѣдей въ рукахъ, и лицомъ, до половины закрытымъ чернымъ флѣ-

часть II. 24

ромъ, изображающій старый завѣтъ, скрывавшій подъ тѣнію завѣсы тайну искупленія; а на другой Новый Завѣтъ въ видѣ сіяющаго въ лучахъ Ангела, держащаго чашу съ кровію Спасителя.

За восточными воротами монастыря помѣщаются разныя мастерскія въ каменныхъ двухъ-этажныхъ зданіяхъ; верхніе этажи занимаются рабочими, а внизу устроены кузницы, слѣсарная, столярная, бочешная, житная (гдѣ хранится хлѣбъ); тамъ же мѣсто для обтесыванія камней, кирпичные сараи, и конный дворъ, въ коемъ содержится до 100 лошадей довольно рослыхъ, хорошо откормленныхъ; онѣ такъ пріучены къ людямъ, что едва показались мы съ отцемъ Иларіономъ, какъ всѣ ходившія на свободѣ, даже нѣкоторыя изъ стойлъ, подошли и окружили насъ,—это доказываетъ, что здѣсь люди помнятъ священное изреченіе: *блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ*. За конюшнею смотритъ монахъ, бывший кавалеристъ, долго служившій въ Грузіи; отъ этаго у него все въ такомъ порядкѣ и опрятности, что точно какъ бы онъ готовился къ смотру.

Въ концѣ мастеровыхъ строеній сохранилась древняя деревянная башня, построенная, говорятъ, еще татарами, изъ толстыхъ, сосновыхъ брусевъ ⁶⁾, и остатокъ вала и ровъ ими же прове-

6) Иные же полагаютъ, что она современна только основанію монастыря.

денные отъ Сатиса до Саровки, а въ полуверстѣ другой, имѣющій видъ полукружія,—оба заросли лѣсомъ. Къ Саровкѣ и мы направили путь нашъ. Рѣчка эта текущая въ чащѣ густаго бора, вся въ родникахъ,—одни бѣгутъ, журчатъ по песку и камышкамъ, выются между корнями деревъ и съ шумомъ падаютъ въ нее съ береговъ, другіе со dna вырываются на поверхность ея фонтанами, иные обрублены колодцами, и имѣютъ воду чистую какъ хрусталь и холодную какъ ледъ. Гуляя подъ тѣнію вѣковыхъ липъ и сосенъ, въ виду свѣтлой, кипящей источниками Саровки, которая отъ прозрачности струй своихъ, льющихся по пещано-глинистому дну, казалась зеленовато-красною, я мыслию переносился въ сады Делиля ^{в)} и любя лѣсовъ уединенье, не равнодушно разстался съ боромъ.

Возвращаясь къ монастырю, мы спустились подъ гору, ко вновь строящейся каменной церкви св. Исанна Крестителя. Здѣсь подъ сквознымъ высокимъ сводомъ стремительно бьющій изъ земли родникъ будетъ служить для водоосвященія, и, протекая въ близъ лежащій бассейнъ, подымется изъ него насосами въ угловую башню, а оттуда пропустится уже въ хлѣбную, трапезу, конную и проч. ^{г)}). Водопроводъ этотъ, устраиваемый

в) Сады—позма соч: Делиля, переведенная стихами Алек. Фед. Воейковымъ С. Петер. 1816 года.

г) Теперь все это приведено въ исполненіе.

арзамасскимъ плотникомъ Егоромъ Михайловымъ, сдѣлавшимъ точно такіе же въ Арзамасской Алексѣевской общинѣ и тамошнемъ женскомъ Никольскомъ монастырѣ, отличается отъ существующаго въ Саровѣ тѣмъ, что будетъ приводиться въ движеніе лошадьми, а не людьми, какъ теперь исполняется. Проходя берегомъ Сатиса между густыми деревьями, я невольно останавливался, чтобъ полюбоваться возвышающеюся надъ нами скалою покрытою липами и березами, между коими бѣлѣющіяся зданія и бапти монастыря уподобляли его великолѣпному замку давно пропавшаго вѣка; вправо развѣсистыя вѣтлы склонялись къ рѣкѣ; пасущійся по островамъ скотъ до половины скрывала осока, и наконецъ высокая стѣна дремучаго бора зеленою рамою обхватывала это счастливое мѣстоположеніе.

Поблагодаривъ почтеннаго проводника отца Савватія, за доставленное мнѣ удовольствіе пріятною съ нимъ прогулкою, я желалъ обойти монастырь съ противоположной стороны; но пройдя за мостокъ чрезъ Саровку, падающую тутъ съ плотины, встрѣтился съ монахомъ предложившимъ мнѣ посѣтить пчельникъ, порученный его надзору. При входѣ въ калитку три огромные пса, гремя цѣпями, бросились на меня съ страшнымъ лаемъ и только клюка хозяина усмирила ихъ. Онъ пригласилъ меня въ свою келью осѣненную длиннымъ навѣсомъ, подъ коимъ стояли двѣ модели: рехъ-мачтоваго транспорта и вѣтренной мѣльницы.

Не служили ли вы во флотѣ? спросилъ я монаха. Я «быль корабельнымъ плотникомъ-отвѣчалъ онъ, а рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ узнаеть; видя, что вы идете за Саровку, я догналъ васъ, чтобъ поподчивать нашимъ медомъ». И тотчасъ вынесъ онъ молодые соты и бѣлый хлѣбъ, водилъ по пчельнику, показывалъ, объяснялъ все съ такимъ же усердіемъ, какъ и распрашивалъ о настоящемъ положеніи нашего флота и прежнихъ начальникахъ своихъ. «Обращаясь всегда съ дѣятельными пчелками, говорилъ онъ, и научаясь отъ нихъ трудолюбію, я не скучаю моею должностію; жаль только, что прошлаго года, отъ холоднаго, дождливаго лѣта, погибло у меня болѣе сотни стояновъ, и теперь кромѣ тридцати всё стоятъ пустые, вотъ одно мое горе, но съ Божіей помощію авось справимся». Кромѣ этаго пчельника, пустынь имѣеть еще другой внутри лѣса, гдѣ также было до 200 стояновъ, но теперь и тамъ число ихъ уменьшилось, чему поспособляютъ и мохнатые сосѣди иногда навѣщающіе пчельникъ; не имѣя средствъ сопротивляться имъ, сторожа только смотрять, какъ лѣсной лакомка опрокинетъ стоянъ, всунетъ въ него голову, и очистивъ на-чисто, грохнетъ о земь, да только и видѣли его. Но противъ такихъ набѣговъ приняты уже мѣры и пчельникъ предполагали обнести высокимъ частоколомъ съ рогатками.

На другой день съ отцемъ Иларіономъ пошли мы къ *жилицамъ пустынниковъ*. Дорога къ нимъ

вела лѣсомъ вдоль Саровки; тихое утро, воздухъ растворенный ароматами растеній, шумъ ключей жемчужными струями катившихся съ береговъ, и громкій хоръ птицъ привѣтствовавшихъ восходящее солнце—все располагало къ удовольствію, проясняло, успокоивало душу, и сердечная молитва моя летѣла къ небесному Отцу, вдохнувшему въ насъ жизнь и чувство къ прекрасному.

Мы приближались къ пустынѣ, въ которой жилъ схимникъ *Марко* (скончавшійся въ 1817 году); небольшая келья на возвышеніи, подлѣ нея крестъ, передъ коимъ онъ обыкновенно молился, а въ нѣсколькихъ шагахъ въ горѣ ископанныя имъ двѣ пещеры, въ связи между собою, но теперь заваленныя деревьями и хворостомъ, какъ и полуразрушенная келья его не поправляемая изъ опасенія, чнобъ воры не поселились въ ней,—составляютъ это тихое убѣжище, за которое Марко не взялъ бы чертоговъ царскихъ. Въ 1816-мъ году видѣлъ я этаго схимника въ церкви, одѣтаго въ ветхое рубище, съ низенькою на головѣ шапочкою, покрытою полотномъ съ крестообразно висящими концами. Зимой по окончаніи службы затворялся онъ въ тѣсной хижинѣ своей (за оградой монастырскою), гдѣ при входѣ въ келью его стоялъ гробъ окруженный подсвѣчниками, въ коемъ отдыхалъ онъ всегда при жизни и на вѣки успокоился по смерти, послѣдовавшей въ маститой уже старости. Весною же переселялся въ пустыню за 1½ версты отъ

монастыря, въ который приходилъ тогда только за пищею, и потомъ удалялся въ глубину лѣса, гдѣ вдали отъ жилища людскаго любилъ изливать чувства свои предъ Богомъ; съ братією говорилъ рѣдко, а тѣмъ менѣе съ навѣщавшими его изъ любопытства.

Ближе къ обители подлѣ вала, есть другая пустынь, въ ней живетъ нынѣ іеродіаконъ *Александръ*; положеніе ея гораздо открытѣе, — на лужку маленькій огородъ и 5 или 6 колодокъ съ пчелами составляютъ занятіе пустытника въ свободное отъ молитвъ время.

Отецъ *Серафимъ* нѣкогда жилъ также въ лѣсу на берегу Саровки; но послѣ того, когда разбойники требовавшіе у него денегъ, не повѣривъ ему, что у него нѣтъ ихъ, жестоко избивъ старца, выбросили его изъ кельи, и не найдя въ ней ни гроша ушли, принесенный братією въ монастырь, по выздоровленіи своемъ, онъ хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ, но потомъ переселясь въ обитель, постоянно пребывалъ въ затворѣ съ обѣтомъ безмолвія, не имѣя никакого сношенія съ братією; даже монахъ приносившій ему пищу не входилъ къ нему, но оставлялъ ее у дверей кельи, только по субботамъ послѣ пріобщенія святыхъ Таинъ, всякому (кромѣ женщинъ) можно было видѣть его. Въ одно время (1816-го) и я воспользовался этимъ случаемъ и послѣ ранней обѣдни пошелъ за іеромонахомъ, несшимъ къ нему Святые Дары; о. Серафимъ

въ мантии и эпитрахили стоялъ уже въ готовности къ принятію свят. причастія; смиренный видъ убѣленнаго сѣдинами старца, его волосы разбросанные по плечамъ и изсохшія руки, крестообразно сложенные на груди, изъ которой кажется готовъ былъ вылетѣть послѣдній вздохъ сердца преданнаго Богу, — все показывало въ немъ человѣка только тѣломъ принадлежащаго землѣ, и окружающіе предметы ясно выражали состояніе души его, мертвой для всего тлѣннаго, преходящаго. Въ углу образъ Распятія съ теплющеюся предъ нимъ лампадою, на столѣ нѣсколько книгъ, мѣшки, служащія постелію, на коей вмѣсто подушки лежало что-то похожее на деревянный отрубокъ, застланный холстиною, и у печки высокая кладка дровъ, составляли все, что затворникъ считалъ необходимымъ для своего спокойствія; платье его висѣвшее у дверей, стѣны и потолокъ покрыты были пылью и паутиною. Послѣ причастія отецъ Серафимъ, благословляя и кланаясь въ ноги посѣтителямъ, старался цѣловать руки cadaго; тогда же и я удостоился получить его благословеніе; но когда дошла очередь до пришедшаго съ нами крестьянина, онъ палъ на колѣна предъ затворникомъ, обнялъ ноги его и зарыдалъ. Въ послѣдствіи, желая доставлять болѣе душевной пользы своимъ посѣтителямъ, о. Серафимъ началъ говорить съ ними, и теперь ежедневно бесѣдуетъ со всѣми, кто имѣетъ до него нужду. Духовные и свѣтскіе,

дворяне и крестьяне, старцы и дѣти, всѣ толпятся къ нему за благословеніемъ, и всякому что нибудь скажетъ онъ въ утѣшеніе, или въ наставленіе; иные изъ усердія приносятъ ему даже подарки и деньги; не имѣя надобности въ нихъ, онъ если и принимаетъ что, такъ единственно для того только, чтобъ раздавать бѣднымъ; другихъ надѣляетъ сухариками и свят. водою, что хранятъ они какъ святыню, и употребляютъ въ болѣзняхъ на изцѣленіе.

Какое благодѣтельное вліяніе можетъ имѣть такой человѣкъ, особенно на обремененныхъ душевною скорбію, врачуемою участіемъ любви и истины христіанской, и вообще на народъ, питающій къ нему столь неограниченную довѣренность! ^{а)}.

д) Подобную жизнь велъ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ еще лѣтъ; говорятъ, что не бывъ боленъ и предъзнавъ кончину свою, наканунѣ смерти приобщась св. Таинъ, долго бесѣдовалъ съ любимымъ ученикомъ своимъ и братією, и простился со всѣми. Когда же братія на другой день по утру, замѣтивъ дымъ выходящій изъ кельи его, и полагая, что у него случился пожаръ, растворили двери, то увидѣли, что онъ стоитъ на колѣнахъ предъ образомъ, и свѣчка догорая зажгла лежащую передъ нимъ книгу; подумали, что затворникъ заснулъ, стали звать его, но онъ уже скончался. Въ этомъ положеніи сняли съ него портретъ, который вмѣстѣ съ описаніемъ жизни его хранится въ Саровѣ. Въ настоящее время высокоподвижническая жизнь отца Серафима сдѣлалась уже общеизвѣстною на Руси; но въ описываемое здѣсь время, онъ находился

Послѣ прогулки отецъ Иларіонъ пригласилъ меня въ свою келью, гдѣ образъ Спасителя, съ нѣсколькими другими иконами, бібліотечка изъ духовныхъ книгъ, портретъ Назарія, надъ дверью изображеніе Саровской пустыни, а изъ окна сквозь железную рѣшетку видъ на Саровку,— вотъ все, что могло занять и утѣшить почтеннаго хозяина въ уединеніи. Въ стѣнѣ коридора, содержамаго въ отличной чистотѣ, между каждыми двумя смѣжными кельями сдѣлана печь, закрываемая большимъ заслономъ; отъ ней нагрѣваются обѣ кельи, и въ ней же монахи грѣютъ чайники, и готовятъ себѣ иногда пищу, въ случаѣ болѣзни, когда не бываютъ въ трапезѣ.

«Вотъ наставникъ и благодѣтель мой, сказалъ Иларіонъ, указывая на портретъ Назарія—послѣ Бога, всѣмъ земнымъ счастьемъ и спокойствіемъ души моей обязанъ я ему». Находясь всегда съ Назаріемъ, о. Иларіонъ очень хорошо зналъ всѣ обстоятельства жизни своего учителя, и изъ того, что сообщилъ онъ мнѣ о Назаріи, и что слышалъ я объ немъ отъ другихъ, столь же заслуживающихъ довѣрія лицъ, можно видѣть, какихъ трудовъ и терпѣнія стоило Назарію достигнуть до той степени нравственнаго совершенства, на которой онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ образцовъ для монашествующихъ.

еще въ числѣ братства Саровской обители. Краткое свѣденіе о главныхъ подвигахъ этого дивнаго старца напечатано 1845 года.

За олтаремъ теплой соборной церкви находится могила этаго кроткаго, добродѣтельнаго старца; имъ справедливо можетъ похвалиться пустынь Саровская, въ которой онъ началъ и кончилъ свое иноческое поприще, и хотя проводилъ жизнь отшельническую, но не чуждался людей, и все что почерпалъ душеполезнаго въ уединеніи, спѣшилъ раздѣлять со всѣми, кто искренно хотѣлъ принимать спасительные совѣты его, и всегда съ одинаковымъ жаромъ трудился для пользы ближняго ^е).

Назарій, называвшійся въ мірѣ Николаемъ, родился въ 1738 году въ селѣ Аносовѣ въ 15 верстахъ отъ бывшаго города, а нынѣ посада Кадома (Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда). Духовное званіе, къ коему принадлежали родители его, причувъ его съ малыхъ лѣтъ къ служенію церкви, и прилежному чтенію св. Писанія, способствовало развитію природнаго влеченія его къ уединенію; сѣмя слова Божія пало на плодородную землю, и Назарій, почувствовавъ призваніе свое, 14-ти лѣтъ отъ рожденія, оставилъ міръ и вступилъ въ Саровскую пустынь. Скоро обстоятельства перенесли его въ Астрахань; тамъ нѣсколько времени жилъ онъ въ домѣ преосвященнаго Меодія, и тамъ же постригся въ 1760 году въ монахи, въ Спасо-

е) Прилагаемая здѣсь краткія свѣденія объ от. Назаріи писаны я въ 1837 году.

Преображенскомъ монастырѣ, а чрезъ годъ рукоположенъ въ іеродіаконы; но все это не могло еще удовлетворить души, пламенно преданной отшельничеству. Подобно мощному орлу, устремляющему полетъ свой въ горніе заоблачныя предѣлы, Назарій по слѣдамъ древнихъ пустынножителей порывался къ высшему назначенію, и братія Сарова въ 1765 году опять увидѣли его въ стѣнахъ обители своей; ему было тогда 27 лѣтъ; страсти дѣйствовали въ немъ съ полной силою; но онъ мужественно рѣшился сопротивляться имъ и въ 30 верстахъ отъ Сарова (при Ломовомъ болотѣ, у верховья Алатыря), въ глуши дремучаго лѣса, устроивъ себѣ келью и водрузя при ней крестъ, подъ сѣнію этаго священнаго знамени вступилъ въ тяжкую борьбу съ собою.—Помыслы и обольщенія міра терзали, жгли душу его; но онъ крѣпился вѣрою, изнурялъ тѣло постомъ и молитвою, и прогонялъ скуку одиночества размышленіемъ о небесной отчизнѣ и пѣніемъ псалмовъ. Потребна была необыкновенная твердость духа, чтобъ привыкнуть къ дикой, угрюмой пустынѣ, къ ея вѣчному безмолвію, нарушаемому только однообразнымъ шумомъ деревьевъ качаемыхъ вѣтрами, крикомъ хищныхъ птицъ, или бѣгомъ звѣрей блуждавшихъ по вертепамъ мрачнаго лѣса, и приходившихъ иногда утолять жажду въ струяхъ ближняго источника.

Между тѣмъ духовный отецъ Назарія іеросхи-

монахъ Варлаамъ, игумень Пѣсочнаго Костромской эпархіи монастыря, жившій тогда на покоѣ въ Саровской пустыни *), давно уже искалъ его въ непроницаемой чащѣ окрестныхъ лѣсовъ, и наконецъ открывъ убѣжище отшельника, уговорилъ Назарія возвратиться въ обитель и поселиться въ двухъ верстахъ отъ нея на лѣвомъ берегу Саровки, гдѣ могъ онъ съ большею пользою совершать подвигъ спасенія, учить другихъ и самъ научатся отъ опытныхъ. Многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ приходили тогда наслаждаться бесѣдою Назарія; одаренный убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, онъ объяснялся просто, безъ отвлеченныхъ умствованій; онъ любилъ смирать гордыхъ, училъ самоукоренію, кротости, миролюбію и другимъ христіанскимъ добродѣтелямъ; унывающимъ о грѣхахъ своихъ не столько угрожалъ муками ада, сколько, обнадеживалъ ихъ милосердіемъ Божиимъ, и часто говорилъ ученикамъ своимъ: «всякой христіанинъ есть воинъ, такъ и ты воюй да негорюй». Жизнь эта совершенно согласовалась съ чувствами и желаніями его и онъ, довольный въ то вре-

ж) Гдѣ онъ и скончался при строителѣ Ефремѣ 1765 года мая 4 дня, какъ сказано о немъ въ опис. Саров. пуст. 1804 г. на стр. 52: „мужъ добродѣтельный и весьма благопотребный для обители, который, для спокойнаго препровожденія духовной жизни, оставилъ сказанное игуменство и поживъ въ сей обители двадцать два года былъ братіи примѣромъ своею добродѣтельною жизнію.“

мя настоящимъ своимъ положеніемъ, не искалъ ничего болѣе; но молва о добродѣтельной жизни Назарія, перелетая изъ мѣста въ мѣсто, достигла столицы и обратила на него вниманіе начальства. Санктпетербургскій Митрополитъ Гавріиль, желая по примѣру Саровской пустыни устроить въ Валаамской обители общежитіе, вызвалъ для сего Назарія и сдѣлалъ его въ 1782 г. строителемъ, а въ 1785 г. игуменомъ Валаама ³⁾. Въ грамотѣ данной ему по сему случаю митрополитъ объясняетъ: «что островъ Валаамъ по пустынному положенію своему и святости жизни первыхъ своихъ труженниковъ самимъ Промысломъ Божиимъ опредѣленный къ пребыванію на немъ иноковъ, требуетъ возстановленія селеній праведныхъ, на непреложныхъ правилахъ существующихъ въ Саровской пустыни, и тѣмъ самымъ принесенія жертвы Спасителю. Призывая для сего честнаго отца іеромонаха Назарія извѣстнаго подвигами своими и усердіемъ для утвержденія монашествующихъ въ спасительной жизни, мы преклоняемъ колѣна и сердца наши предъ Господомъ, да дастъ имъ по богатству благодати

3) „Настоятель и самъ мѣстный епископъ Теофилъ старались удержать у себя знаменитаго отшельника и представили о немъ владыкѣ, какъ о человѣкѣ малоумномъ; но опытный въ духовной жизни Гавріиль проникъ тайну смиренія Назаріева; „у меня много своихъ умниковъ, отвѣчалъ митрополитъ, пришлите мнѣ вашего глуца“ (294 стр. мысли о Православіи А. Н. Муравьева 1850 года).

и славы Своя укрѣпиться Духомъ Его Святымъ, и да сохранитъ въ сердцахъ ихъ любовь и миръ Божій о Христѣ Иисусѣ». И Назарій вполнѣ оправдалъ оказанную ему довѣренность; монастырь, бывшій до него въ запустѣніи, обновился и процвѣлъ въ его управленіе наружнымъ, а еще болѣе внутреннимъ благоустройствомъ и нравственнымъ достоинствомъ своихъ иноковъ. Значительно увеличивъ число братій, онъ ввелъ между ними строгій порядокъ монашеской жизни; болѣе же всего требовалъ отъ нихъ смиренія, какъ основнаго камня христіанскихъ добродѣтелей, согласно глаголу Евангелія: *Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*, и желая не одними словами, но и примѣромъ дѣйствовать на подчиненныхъ, онъ трудился и рылъ гряды наравнѣ съ прочими; самъ ѣздилъ за сборомъ, лечилъ, навѣщалъ больныхъ и печальныхъ, безпрестанно училъ всѣхъ, или объяснялъ имъ Слово Божіе; онъ основалъ также и скитъ неусыпаемыхъ, гдѣ нѣсколько отшельниковъ попеременно день и ночь читали псалтырь по усопшимъ; зная же, что самонадѣянность и увѣренность въ собственной святости часто возмущаетъ умы не только простыхъ иноковъ, но и схимниковъ, постановилъ, чтобы всѣ они, для избѣжанія духовной гордости, исповѣдывали ошибки и тайные помыслы свои другъ другу. Г-нъ Муравьевъ въ «путешествіи къ св. мѣстамъ Русскимъ» 143 стр. передаетъ слышанное имъ

отъ Θεодора ученика Назарія, о времени управленія послѣдняго: «Бывали такіе случаи, что изъ любви къ ближнему отшельники иногда силою проникали въ заключенныя кельи своихъ собратій, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякаго сообщенія, почитая себя уже на высшей степени созерцанія, и заставляли ихъ сознаваться въ своемъ обольщеніи».

Въ 1794-мъ году, правительство положило отправить съ Валаама миссіонеровъ для распространенія христіанской вѣры въ нашихъ Американскихъ колоніяхъ; избранные для сего Назаріемъ иноки, къ коимъ присоединены были 12-ть изъ Коневской обители, оправдали выборъ своего настоятеля: они несли обязанность свою совершенно въ духѣ Апостольскомъ. Письма къ Назарію Валаамскихъ монаховъ Іоасафа и Германа ^{и)} доказываютъ, съ какимъ усердіемъ разсѣвали они слово Божіе между дикими чадами сѣвера, какъ много цѣнили достоинства своего начальника, какъ желали заслужить его вниманіе и не быть исключенными изъ любезнаго имъ братства Валаамскаго; а одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Ювеналій, отправившійся для проповѣди на матерую землю къ Кенайцамъ и Колюжамъ, ревностное служеніе свое увѣнчалъ даже мученическою

и) Письма эти получены мною отъ іеромонаха Саровской пустыни Иларіона и напечатаны въ 5-й части *Очерковъ Россіи* Пассека.

смертію—съѣденъ дикими. Гавріиль, инокъ Валаамскаго монастыря, бывшій начальникомъ суда на Американской компаніи, разсказалъ этотъ случай и г-ну Муравьеву. Когда послѣ несчастнаго произшествія съ Ювеналіемъ, нѣсколько матросовъ нашихъ занесены были бурею на берегъ материка къ сѣверу отъ Кадьяка, и для сохраненія жизни объявили дикимъ, хотѣвшимъ убить ихъ, что они бессмертны, то Американцы, отпуская ихъ, сказали имъ: «вы вѣрно братья тому странному человѣку, котораго еще недавно мы никакъ не могли умертвить; онъ обращалъ насъ къ своему Богу, а мы нехотѣли для него оставить многихъ женъ и привязали къ дереву пришельца, но онъ, уже совсѣмъ мертвый, три раза возставалъ и снова начиналъ убѣждать насъ, доколѣ наконецъ не отдали мы его на съѣденіе нашимъ сосѣдамъ» (Пут. къ св. мѣст. Русск. 153 стр.)

Назарій управлялъ Валаамскою обителью 19 лѣтъ; заботы и почести игуменства наконецъ утомили его и онъ, устроивъ вѣренную ему обитель, восхотѣлъ заняться уже исключительно усовершенствованіемъ самаго себя; испрося въ 1801 году увольненіе отъ игуменства, онъ съ ученикомъ своимъ Иларіономъ поселился въ пустынь недалеко отъ монастыря; но послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ ней, съ разрѣшенія Митрополита Амвросія, распротаясь съ облагодѣтельствованною имъ Валаамскою братіею, искренними слезами

проводившею достойнаго своего начальника, Назарій вмѣстѣ съ Иларіономъ отправился на югъ, и тамъ въ землѣ черноморскихъ казаковъ, на островѣ въ Екатеринолебежскомъ Николаевскомъ монастырѣ жилъ 10-ть мѣсяцевъ; но тягостный климатъ заставилъ его въ 1805 году возвратиться въ первоначальное пристанище свое—пустынь Саровскую. Здѣсь при свиданіи съ нимъ нѣкоторые старцы говорили ему: зачѣмъ онъ не сдержалъ слова навсегда остаться въ черноморьѣ и опять приѣхалъ къ нимъ? Назарій съ свойственнымъ ему смиреніемъ отвѣчалъ: «простите меня, старцы святые, обезумился, вошелъ въ прелесть самовольства, но какъ батюшка сладчайшій Иисусъ меня дурака проучилъ, поподчивалъ безпрестанными лихорадками, да разъ такую чарочку поднесъ, что я внизъ головой полетѣлъ съ верхней кельи, думалъ, что тутъ же и душа изъ меня выдетъ, тогда и положилъ твердое намѣреніе возвратиться въ Саровъ, гдѣ началъ иноческую жизнь мою,—примите ради Бога, не зазрите безтолковаго Назарія». При этомъ случаѣ и я находился съ матушкою моею въ Саровѣ, но былъ тогда еще въ дѣтскомъ возрастѣ, и когда матушка просила Назарія благословить меня, онъ, обнявъ и поцѣловавъ меня, сказалъ: «послушайка, мой любезный, люби ты пожалуста Господа «болѣе всего на свѣтѣ, тогда и Онъ полюбитъ, «да и всѣмъ прикажетъ любить тебя; то-то «житье будетъ хорошее, какъ заслужишь милость

«Спасителя, и онъ подаритъ тебѣ царство небесное». Назарій говариваль: «Богъ намъ не батюшка, а матушка. Мало того что даетъ все нужное въ здѣшней и блаженство въ будущей жизни,—посмотрите, сколько раскидалъ еще утѣхъ на землѣ: изукрасилъ ее деревьями и цвѣточками, приказаль рѣзвымъ птичкамъ убаюкивать насъ своими пѣсенками, пустиль рѣчки, ручейки по лужкамъ,—точно малыхъ дѣтокъ забавляетъ, какъ же не любить Его»? Кротость и смиреніе этаго старца были необыкновенны. Рассказываютъ, что однажды въ дорогѣ заѣхаль онъ по невѣденію ночевать къ разбойникамъ. Послѣ ужина, отобравъ лошадей и повозку отъ своего гостя, заставляють они его ложиться спать; бывшіе съ нимъ работникъ и ученикъ Иларіонъ, чувствуя, что попались въ западню, не знаютъ что дѣлать, и въ страхѣ ожидаютъ смерти; а Назарій сидя у стола говоритъ разбойникамъ назидательныя поученія о обязанностяхъ къ Богу и людямъ, о будущей жизни, наградѣ добрымъ, мукѣ злымъ по смерти; но у слушателей не то на умѣ: двое изъ нихъ, подойдя къ печкѣ, начинаютъ точить большіе ножи; Назарій видитъ эти приготовленія, и продолжаетъ свою проповѣдь; хозяинъ, потерявъ терпѣніе, сердится, требуетъ, чтобъ гость скорѣе ложился спать и далъ покой домашнимъ; но твердый старецъ, не обращая вниманія на слова его, беретъ молитвенникъ, читаетъ правило, кладетъ поклоны и такимъ образомъ про-

водитъ время до того, что стало уже разсвѣтать; «ну! мой любезный, говоритъ онъ тогда хозяину: спаси тебя Господи за любовь твою и угощеніе, прикажи-ка вывести повозку и лошадей нашихъ, намъ пора ѣхать»; и тотъ хотя съ бранью, а лошадей отдалъ;—запрягли—надобно выходить; но двое сыновей хозяина съ ножами въ рукахъ у дверей. Назарій же, помолясь Богу, смѣло идетъ къ нимъ, безпрестанно благодаря за ночлегъ и покой, ему доставленные. Обезоруженные кротостію и присутствіемъ духа чуднаго странника, можетъ быть еще новички въ гнусномъ ремеслѣ своемъ, не успѣвшіе заглушить совершенно совѣсть, разбойники, въ раздумьи выронивъ ножи изъ рукъ, стоятъ неподвижно какъ одурѣлые; свободно позволяютъ гостямъ сѣсть въ повозку, отворить ворота, но только что хотѣли они тронуться съ мѣста—вдругъ хозяинъ кричитъ: «остановись, батюшка! скажи пожалуйста, что ты за человѣкъ, что на тебя руки не поднимаются и какая же сила удерживаетъ насъ»? Назарій отвѣчаетъ: «ты видишь, что я монахъ, но сила Божія недопустила сдѣлать мнѣ зла, и она же непременно накажетъ тебя за преступленія, если не оставишь ихъ и не будешь жить, какъ должно доброду и честному крестьянину.»—Продолжая свои обличенія и наставленія, Назарій до того привелъ въ чувство хозяина, что тотъ раскаялся въ прежнихъ поступкахъ, совершенно перемѣнилъ поведеніе, сдѣлался ревностнѣйшимъ христіа-

ниномъ и со всѣмъ семействомъ своимъ всегда былъ преданъ Назарію.

Избравъ мѣсто на берегу Саровки въ 3-хъ верстахъ отъ обители, почтенный старецъ мирно провелъ здѣсь остатокъ дней своихъ въ благочестивыхъ трудахъ и молитвѣ, и приблизился къ смерти. По принятіи животворящихъ Христовыхъ Таинъ, съ чувствами истиннаго христіанина и съ твердымъ упованіемъ на благость Творца, Назарій 1809-го года февраля 23-го на 72 году отъ рожденія кончилъ подвижнеческую жизнь свою, оставя по себѣ имя добродѣтельнаго, единогласно приписываемое ему всѣми, кто хорошо зналъ его, и рѣдкій примѣръ строгаго отшельника, умѣвшаго попеченіе о собственномъ спасеніи соединять съ постоянною заботливостію о благѣ ближняго.

Изъ кельи своей отецъ Иларіонъ повелъ меня въ хлѣбню, трапезу, рыбную, по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ и наконецъ въ гостиницу устроенную въ одной связи съ колокольнею; изъ угловой башни курпуса онъ показалъ прелестный видъ *Сатуса*, который, широко разметавъ но зеленой равнинѣ сребритые потоки свои, рисуется передъ глазами съ цѣлымъ архипелагомъ островковъ, мѣстами только закрываемыхъ ближними деревьями. Стаи дикихъ гусей, утокъ, куликовъ, рыболововъ съ оглушающимъ крикомъ летали надъ водами его, кружились въ воздухѣ и перекликались съ эхомъ въ глубинѣ лѣса.

Нигдѣ не встрѣчалъ я столько дичи какъ въ Саровѣ: никѣмъ не тревожимая, она въ безопасности и на раздольѣ водится здѣсь въ неизмеримомъ множествѣ,—такъ что утреннюю зарю, смѣшанные голоса различныхъ птицъ и плескъ крыльевъ ихъ по водѣ, производятъ такой шумъ, что онъ будитъ даже спящихъ въ гостинницѣ, и вся окрестность стонетъ отъ ихъ кликовъ. Изрѣдка только ірѣзжающіе на богомолье охотники стрѣляютъ дичь, или орелъ вспугнетъ мятущіяся стаи,—но утраты эти ничтожны.

Образъ жизни Саровскихъ монаховъ неизмѣнно слѣдуетъ правиламъ предписаннымъ въ уставѣ. Всенощная продолжается здѣсь 6 часовъ, утренняя не менѣе 3-хъ, за ними непосредственно начинается ранняя обѣдня, а чрезъ часъ и поздняя. Въ праздники служитъ всегда строитель съ 12-ю іеромонахами и четырьмя дьяконами въ великолѣпныхъ ризахъ; черныя мантіи иноковъ, между коими встрѣчаются иногда схимники въ гробовыхъ одеждахъ своихъ, при яркомъ освѣщеніи величественнаго храма, оглашаемаго трогательно—унылымъ столповымъ пѣніемъ, производятъ необыкновенное впечатлѣніе, особенно когда во Всенощной, послѣ благословенія хлѣбовъ, погасятъ всѣ свѣчи въ церкви, оставя ихъ только предъ мѣстными иконами Спасителя и Богоматери, а потомъ по окончаніи чтенія дѣяній Апостоловъ и шестопсалмія, въ нѣсколько минутъ мрачный

храмъ снова заблеститъ огнями, и въ то же время согласные хоры грянутъ: *Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа. Аллилуя, Аллилуя, Аллилуя.* Внезапный свѣтъ, быстро озаряющій церковь, разительно дѣйствуетъ на чувства и придаетъ много торжественности обряду, къ сожалѣнію, не вездѣ исполняемому. На первой недѣлѣ великаго поста по примѣру обители неусыпающихъ св. Маркелла въ Константинополь, монастырь затворяется для посѣтителей, и въ немъ день и ночь между службою поютъ тогда Псалтырь.

Въ 12-мъ часу, когда кончится поздняя обѣдня, братія идутъ въ трапезу, обширную залу, расписанную изображеніемъ страданій Иисуса Христа, и украшенную портретами разныхъ архіереевъ; послѣ пѣнія приличныхъ молитвъ, настоятель благословляетъ пищу и всѣ садятся тихо, не говоря другъ съ другомъ ни слова; въ общемъ молчаніи раздается только голосъ очереднаго монаха, читающаго поученіе, или жизнь святаго празднуемаго въ тотъ день церковью. При перемѣлѣ пищи, настоятель звонитъ въ колокольчикъ, привѣшиваемый въ углу подлѣ мѣста имъ занимаемаго; по этому знаку входятъ служители и ставятъ на столъ новыя блюда; кушанье не раздается каждому особенно, но по четыре человѣка ѣдятъ вмѣстѣ изъ одной посуды, которая вся, какъ и ложки, деревянная. Тутъ же на стѣнѣ видны правила монастырскія и длинныя четки, съ коими

провинившіеся въ чемъ либо иноки кладутъ въ продолженіе стола поклоны. Въ хлѣбнѣ и кухнѣ все чисто, опрятно и вода проведена къ нимъ трубами изъ Саровки. По окончаніи трапезы братія, пропѣвши благодарныя молитвы, расходятся по кельямъ. Въ 4-мъ часу начинаютъ вечерню, потомъ ужинаютъ, если уставъ не воспрещаетъ этаго, потому что въ иное время (на прим. въ постъ) вечерняя трапеза отмѣняется; наконецъ по прочтеніи еще правила и молитвъ на сонъ грядущимъ, монастырь запираютъ и дѣла прекращаются до перваго благовѣста; въ полночной тпшинѣ, протяжный звонъ колокола снова разбудить окрестность, храмы заблестятъ огнями, священныя пѣснопѣнія загремятъ подъ сводами и понесутся къ престолу Вездѣсущаго.

Кромѣ службы церковной и присмотра за разными отраслями хозяйства, а также хожденія за больными, принятія богомолцевъ, и другихъ послушаній по дѣламъ обители, монахи занимаются еще многими ремеслами и рукодѣльями; между ними есть: иконописцы, слѣсаря, столяры, портные и проч.; нѣкоторые дѣлаютъ деревянную посуду, вытачиваютъ четки, ложечки, вырѣзываютъ кипарисныя крестики, и тому подобныя вещи ⁱ⁾. Число всѣхъ иноковъ простирается до

i) Принимаясь всегда за дѣло съ благословенія настоятеля и старшихъ—монахъ и предъ входомъ въ келью собрата своего не прежде войдетъ въ нее, какъ сотворивъ у дверей мо-

200, а съ служками и работниками число живущихъ въ монастырѣ простирается до 400 человекъ; однако и съ этимъ значительнымъ населеніемъ, монастырь все еще не считаетъ себя безопаснымъ отъ грабителей, и для охраненія своего содержитъ нѣсколько солдатъ, посылаемыхъ въ обитель для караула изъ Темниковскаго гарнизона.

О доходахъ пустыни я не могъ получить точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, но и приближительное исчисленіе ихъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о степени благосостоянія пустыни, едва ли не богатѣйшей въ Россіи. Главный источникъ ея доходовъ составляетъ лѣсъ, жалованный Государями и частію жертвованный помѣщиками. Пространство его, какъ слышалъ я, нагодящееся во владѣніи монастыря, составляетъ въ ширину по Темниковской дорогѣ изъ Арзамаза, между деревнею Балыковой и постоялымъ дворомъ на рѣчкѣ Чорной, 25, а въ длину отъ села Пурдошекъ на Мокшѣ до Сарминскаго Майдана и къ Ардатову, верстъ 60-ть. Для сохраненія этаго прекраснаго лѣса, состоящаго болѣе изъ хвойныхъ деревъ, но богатаго также липою и дубомъ, монастырь имѣетъ стражу изъ 10-ти наемныхъ объѣздчиковъ, вооруженныхъ ружьями и

литву: „молитвами св. отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе .
Сыне Божій помилуй насъ“, и получивъ въ отвѣтъ отъ хозяина: Аминь.

копьями, сверхъ того особенныхъ еще надзирателей изъ иноковъ; лѣсъ продается на корню, перевозится на Мокшу, и по ней сплавляется въ Оку и вмѣстѣ съ гонкою дегтя, выдѣлкою рогожъ и посуды (отдаваемыхъ на откупъ), приносить, говорятъ, ежегодно дохода: отъ 80 до 100 тысячъ руб. асс.; да пильни даютъ отъ 30 до 50 тыс. руб. асс.; кромѣ того мукомольныя мѣльницы, постоялый дворъ на рѣчкѣ Чорной внутри лѣса, устроенный на дорогѣ, по коей слѣдуютъ обозы на Нижегородскую ярмарку (и на время которой учреждаются тогда въ лѣсу казачьи пикеты), сѣнокосы, церковные сборы, доставляютъ обители такую сумму, что итогъ всего годового прихода ея можно считать не менѣе, какъ отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ тысячъ рублей ассигнаціями, или близко къ этому, особенно если присоединимъ еще къ тому сборы отъ подаяній, иногда выпрашиваемыхъ пустыню, доходы съ пчеловодства, замѣчательнаго бѣлымъ, превосходнымъ медомъ, извѣстнымъ подъ именемъ липоваго, и крупнаго рогатаго скота, въ довольно значительномъ количествѣ (подъ надзоромъ наемныхъ старухи и работниковъ) содержамаго; быки продаются сгонщикамъ и Татарамъ окрестныхъ селеній, а съ коровъ собираютъ масло и молоко.—Эта часть хозяйства отъ приволья пажитей по Сатису, гдѣ скотъ пасется по островамъ, и на берегахъ покрытыхъ сочною травою, могла бы приносить монастырю

большія выгоды, когдабъ онъ усилилъ ее, и еслибъ медвѣди были посписходительнѣе.

Рыбными ловлями монахи пользуются по Сатису до самаго впаденія его въ Мокшу, и на озерѣ Инаркахъ, да подлѣ монастыря за Саровкою имѣютъ еще сажелку. Но красную рыбу закупаютъ обыкновенно въ Астрахани на 8 или 10 тыс. рублей, на двухъ-годовое продовольствіе. Ледники, заваленные разнаго рода рыбою, состоятъ въ завѣдываніи монаха изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ много въ Саровѣ; привыкнувъ въ продолженіи службы къ строгому порядку и подчиненности, они съ такимъ же усердіемъ служатъ обители, и весьма полезны ей расторопностію и способностями своими. Заплативъ долгъ отечеству, эти почтенные ветераны покойно отживають здѣсь вѣкъ свой, имѣя возможность ежедневно въ храмахъ Божіихъ приносить теплыя молитвы къ Всевышнему, сохранившему ихъ въ кровавыхъ битвахъ и успокоившему на старости въ святой обители. Когда я заходилъ въ рыбную съ о. Иларіономъ, надзиратель ея изъ старыхъ служивыхъ, увидавъ военный мундиръ, оживился воспоминаніемъ молодости, и показывая на меня отцу Иларіону, сказалъ: «вотъ, батюшка, тамъ-то настоящіе монахи живутъ, въ походѣ сухарики грызутъ, да тухлой водицей запиваютъ». За то, замѣтилъ я, вы несравненно болѣе нашего трудитесь на молитвѣ.—«Еще бы мало молиться, отвѣчалъ онъ,

«да что же и дѣлать, какъ не прибѣгать съ покаяніемъ, или благодарностію къ Создателю за «милости безпрестанно посылаемыя намъ грѣшнымъ»».

Но и расходы пустыни необыкновенны; не говоря о содержаніи живущихъ въ обители, одинъ взглядъ на нее доказываетъ уже, что капиталы не лежатъ бесполезно—строеніе все каменное, прочное, красивое, храмы отличаются роскошью украшеній, хозяйственныя заведенія благоустройствомъ; вездѣ дѣятельность чрезвычайная; зданія растутъ, поправляются, расписываются и толпы богомольцевъ находятъ всегда покойный пріютъ и истинно русское хлѣбосоельство. Въ большіе праздники, особенно въ престольный Успенія Богоматери, случается, что выдаютъ 500 чашъ; каждая полагается на 10 человѣкъ, слѣдовательно одного простаго народа бываетъ тогда до 5000 человѣкъ; въ гостинницѣ угощаются пріѣзжіе слуги и кучера, а на постояломъ дворѣ, гдѣ останавливается черныи народъ, для коего устроены удобныя и отдѣльныя для мужчинъ и женщинъ помѣщенія, подъ навѣсомъ обширныхъ сараевъ, за длинными столами на скамейкахъ, разставленныхъ въ нѣсколько рядовъ, пируютъ православные мужички и крестьянки въ пестрыхъ одеждахъ своихъ; гуль, и болтовня различныхъ голосовъ, издали еще обличаютъ это мирно-шумное сборище, которому служители монастырскіе безпрестанно разносятъ то щи под-

правленные сметаною, то рыбу, кашу, квасъ, молоко; и послѣ обѣда сытые, довольные гости, помолясь Богу и поблагодаривъ за хлѣбъ—за соль, расходятся до благовѣста къ службѣ группами по монастырю, или отдыхаютъ подъ тѣнію деревьевъ; такой пріемъ конечно долженъ заманивать сюда окрестныхъ жителей, которые идутъ въ пустынь какъ въ собственный домъ свой, не заботясь о содержаніи; иные живутъ въ ней недѣли по двѣ, даже по мѣсяцу, и монахи нисколько не ропщутъ на это, а даютъ еще многимъ хлѣбъ на дорогу, бѣдныхъ же дарятъ иногда кафтанами, шубами, онучами. За попеченіе о бѣдныхъ богатые вознаграждаютъ обитель съ излишкомъ; помѣщики, родные коихъ погребены около Саровскихъ церквей, и другіе по усердію къ обители, присылаютъ ей часто рожь, овесъ, муку въ значительномъ количествѣ, да и купечество много жертвуетъ. Прилежащая къ обители страна много выгодъ получаетъ отъ безпрестаннаго движенія народа, и найма работниковъ пустыню; но главнѣйшая выгода, какую каждый монастырь обязанъ доставлять обществу состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать привязанность къ вѣрѣ, и служить примѣромъ христіанской нравственности народу и въ этомъ отношеніи Саровская пустынь, издревле основанная на строгихъ монашескихъ правилахъ и всегда направляемая къ нимъ благочестивыми и опытными въ духовной жизни начальниками, и

примѣромъ многихъ великихъ подвижниковъ своихъ, благотворно дѣйствуетъ на народъ. — Неукоснительное исполненіе требуемыхъ уставомъ богослуженій, стройное умиленное пѣніе монаховъ, благоговѣйное отправленіе службы, внятное чтеніе, отличный во всемъ порядокъ, повиновеніе, согласіе братства, радушиное гостепріимство и духъ кротости и христіанской любви, съ какимъ встрѣчаютъ и провожаютъ здѣсь, не смотря на лица, богатыхъ и бѣдныхъ посѣтителей, доставляя имъ возможное спокойствіе, должны располагать каждаго благомыслящаго къ сей обители, а тѣмъ болѣе тѣхъ, коимъ нерѣдко убѣжденія и добрые совѣты мудрыхъ здѣшнихъ иноковъ облегчаютъ сердечныя скорби, направляя къ молитвѣ, великодушному терпѣнію, или примиренію со врагами. Особенно въ прежнее время, какъ говорятъ давно знающіе эту пустынь, было въ ней много такихъ старцевъ, что бесѣдовавшіе съ ними приходили въ восхищеніе отъ ихъ назидательныхъ разговоровъ и смиренно-мудраго духовнаго образованія.

На мѣстѣ Саровской пустыни ^{к)}, гдѣ красуются нынѣ зданія иноковъ и православные храмы вы-

к) Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, въ 38 верстахъ отъ Темникова, и въ 60 верс. отъ Арзамаса, при соединеніи р. Сатиса съ Саровкою. Все слѣдующее описаніе, составлено мною на основаніи историческаго описанія Саровской пустыни, выбраннаго изъ исторій, указовъ и благословенной

соко возносятъ надъ нею позлащенные кресты свои, въ княженіе Дмитрія Донскаго и сына его Василя существовалъ татарскій городъ *Саракнычъ*, укрѣпленный валами и башнями; послѣдній владѣтель его, князь золотой орды Беханъ повелѣвалъ еще нѣсколькими окрестными городами и многими Мордовскими и Татарскими селеніями; участвуя, можетъ быть, въ истребленіи Арапшею 1377 года рати Дмитрія Константиновича на Пьяной, и въ злодѣйствахъ около Нижняго, онъ возстановилъ противъ себя Русскихъ, которые послѣ Куликовской побѣды смѣлѣе уже нападали на своихъ притѣснителей и прогнали Бехана за Мокшу. Тамъ основавъ себѣ жилище, гдѣ нынѣ село Кангушъ, и обведя его валомъ, онъ могъ считать себя въ безопасности; но гроза имени Татарскаго миновалась, Золотая Орда пала подъ ударами Россіи, запустѣло и новое поселеніе Бехана; прежнее же, на Саровкѣ, заросшее густымъ непроницаемымъ боромъ, долго было необитаемо и называлось *старымъ иордищемъ*; наконецъ, въ исходѣ 17-го вѣка, поселился въ немъ пустынникъ Теодоръ, потомъ монахи: Герасимъ и Иларіонъ, къ коимъ присоединился изъ Арзамаса іеромонахъ Исакій (въ схимѣ Іоаннъ), положившій съ собравшимися къ нему сотрудниками первое основаніе обители. По открывшимся тогда остаткамъ древняго го-

грамоты хранящейся въ пустыни, игуменомъ Маркеллиномъ 1804 года.

рода оказалось, что онъ занималъ не малое пространство. Пять глубокихъ рововъ и высокихъ валовъ, протянутые въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго и по горѣ между Сатисомъ и Саровкою, означали столько же существовавшихъ замковъ; два изъ нихъ находятся нынѣ подъ церквами и кельями; третій за оградю застроенъ конюшнею и мастеровыми зданіями; отъ четвертаго гораздо обширнѣйшаго замка на валу сохранилась еще деревянная башня и на его мѣстѣ устроены кирпичные сараи; на мѣстѣ пятаго замка, отъ котораго также, какъ слышалъ я, уцѣлѣли въ лѣсу еще двѣ дубовыя башни, теперь пространная площадь, осѣняемая вѣковыми деревьями.

Въ 1706 году построена была на поступной землѣ князя Даніила Кугушева первая деревянная церковь во имя Пресвятыя Богородицы живоноснаго ея источника; извѣщенные о томъ окрестные жители нахлынули къ ней тысячами, привезли съ собой всю утварь церковную, колокола, даже съѣстные припасы. За тѣснотою помѣщеній дворянство и духовенство угощалось въ церковной трапезѣ, а простой народъ на землѣ; скоро явились стѣны съ башнями, церковь Михаила Архангела надъ св. вратами, трапеза и кельи братскія; юная обитель одушевила пустыню. Отшельники могли надѣяться, что усердіе богомольцевъ еще болѣе распространить и украсить жилище ихъ. Но въ одно время 1711 года,

густыя тучи дыма, предвѣстники лѣснаго пожара, показались на горизонтѣ, росли, клубились въ воздухѣ; за ними съ страшнымъ шумомъ и трескомъ текла огненная рѣка прямо къ пустыни, пожирая на пути своемъ все встрѣчающееся, спасенія не было, и кромѣ церкви Живоноснаго источника, все строеніе сгорѣло. Но Исакій воздвигъ новую ограду и келіи и устроивъ внѣшнее, предложилъ братіи позаботиться и о внутрѣнномъ благѣ; для сего, съ согласія ихъ сочиня на правилахъ святыхъ отцевъ общежительный уставъ, представилъ его на разсмотрѣніе преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому съ слѣдующимъ положеніемъ: «всѣ монашествующіе Сатисо-градо-Саровской пустыни единомысленно согласились провождать уединенную жизнь свою въ терпѣніи и послушаніи, настоятелю во всемъ повинуются какъ отцу и наставнику, пищу и питье имѣтъ общую, за монастырь къ роднымъ и прочимъ людямъ не ходить и никакой вещи и имѣнія ни у нихъ, ни въ кельяхъ своихъ, исключая необходимыхъ одеждъ, не держать, и ничего своимъ не называть, ни за какое дѣло безъ благословенія начальника не приниматься, церковное пѣніе и преданныя правила исправлять по уставу и съ должнымъ благоговѣніемъ. Вина, пива и другихъ охмѣляющихъ напитковъ настоятелю и братіи не пить, и въ обители не держать, подаваніе на монастырь отдавать въ общую казну, равно и

вступающіе въ обитель всѣ принесенныя съ собою вещи должны также предоставлять обществу, ничего не утаивая, но вся часть Господня да будетъ въ нищую духомъ братію; жить всѣмъ въ совершенномъ равенствѣ, не гордясь даяніями или мірскимъ саномъ своимъ, и не требуя себѣ отличія или чести, не говорить, что это мое, или вкладъ мой—да не будетъ распри и разоренія положеніямъ обители; кто же изъ живущихъ въ ней станетъ порядокъ сей нарушать и настоятелю противиться, того смирать по монастырскому обычаю; приходящихъ же непослушныхъ и возмутителей высылать вонъ». Кромѣ этого монашествующіе постановили тогда, чтобъ въ первую недѣлю Великаго поста, было непрестанное пѣніе день и ночь по обряду обители неусыпающихъ и чтобъ, несмотря на число приходящихъ и пріѣзжающихъ въ монастырь, всѣхъ довольствоваться общею трапезою. Всѣ эти учрежденія, донинѣ соблюдаемыя въ Саровѣ, были одобрены митрополитомъ и утверждены въ полной силѣ.

Докончивъ начатыя монахомъ Иларіономъ 1691 г. пещеры, и устроивъ среди ихъ церковь во имя Антонія и Θεодосія Печерскихъ, выхлопотавъ 1730 года октября 25 указъ на владѣніе землями, покосами, рыбною ловлею и другими угодьями для обители, и въ благодарность Богу за ниспосланное благодѣяніе установивъ ежегодно 25 октября отправлять всеночное бдѣніе съ

молебномъ празднуемымъ въ тотъ день Пресвятой Богородицѣ, всѣхъ скорбящихъ радости, и св. мученикамъ Маркіану и Мартирію, положивъ также основаніе и библіотекѣ собраніемъ довольно количества книгъ,—Исакій по неизвѣстному дѣлу взятъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 1737 года скончался и погребенъ при церкви Преображенія Господня, что въ Колтовской.

Преемники его неутомимо слѣдовали по проложенному имъ пути, и пустынь дѣятельно устроивалась, украшалась каменными зданіями, увеличивалась числомъ иноковъ. *Дороей* воздвигнулъ начатый еще при Исакіи соборный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, колокольню и больницу, а *Филаретъ* теплую церковь Живоноснаго источника, и видя, что смѣжные владѣльцы стали не только рубить безъ пощады монастырскій лѣсъ, но расположились даже построить и винокурные заводы въ разстояніи только 1 и 1½ версты отъ пустыни, просилъ правительство, во избѣжаніе соблазна, отмежевать дачи ея отъ помѣщичьихъ, что въ 1749-мъ году и исполнено. Послѣ Филарета избранный строителемъ *Маркелъ* по доносамъ лишенъ начальства, и сосланъ въ бѣдную пустынь Салейскую близъ Ламова, и хотя по разсмотрѣніи дѣла, вина его оказалась маловажною, и ему готовилась высшая должность, но онъ вскорѣ скончался, вмѣсто же его Суздальскій архіерей Порфирій, къ епархіи коего принадлежала тогда Саровская пустынь, ввѣрилъ

управленіе надъ нею іеромонаху *Исакію*; при немъ въ 1755 году къ Саровской пустыни присоединена была Санаксарская; но когда по указу Императрицы Елисаветы перевели въ первую изъ Александро - Невской лавры монаха Теодора (фамиліи Ушаковыхъ, дядю знаменитаго нашего Адмирала) и сдѣлали начальникомъ послѣдней, Санаксарская получила самостоятельность, а Саровская причислена къ Тамбовской епархіи; при Исакіи устроены св. врата, и надъ ними церковь Святителя Николая, да освящена еще новая за монастыремъ подъ горою, на родникѣ, во имя св. Іоанна Предтечи.

За Исакіемъ сѣдовали строители: Ефремъ и Пахомій. Первый, грубый по виду и обращенію, но добродушный, сострадательный, любилъ помогать бѣднымъ и особенно въ голодный 1775 годъ показалъ въ полной мѣрѣ живое участіе къ бѣдствіямъ ближняго. Въ это несчастное время, когда бѣдные жители, не имѣя куска хлѣба, питались дубовыми желудями и гнилушками дерева, Ефремъ приказалъ кормить всѣхъ входящихъ въ обитель, что и продолжалось 7-мь мѣсяцовъ; каждый день по нѣскольку сотъ, а иногда по тысячѣ и болѣе человекъ питались монастырскимъ хлѣбомъ; когда же братія, опасаясь, чтобъ щедрость эта не истощила наконецъ ихъ собственныхъ запасовъ, стали роптать,—Ефремъ, призвалъ старшихъ и объяснивъ имъ бѣдствія народа, съ глубокимъ чувствомъ

сказалъ: «я расположился дѣйствовать такъ до тѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ за грѣхи наши продолжать это наказаніе; лучше страдать вмѣстѣ съ народомъ, нежели видѣть его умирающимъ съ голоду; какая польза пережить подобныхъ намъ людей, изъ коихъ многіе можетъ быть до голода самихъ насъ питали»? И братія, пристыженные словами истины и любви христіанской, успокоились и единогласно отвѣчали ему: «да будетъ по волѣ вашей». Строгій блюститель благочестія и уставовъ церкви, умноживъ обитель братствомъ, и украсивъ ее величественнымъ соборнымъ храмомъ, который перестроилъ онъ по несравненно лучшему и обширнѣйшему плану, также трапезою, и разными хозяйственными зданіями, чувствуя изнеможеніе силъ, онъ передалъ начальство надъ пустынью избранному братією іеромонаху Пахомію и скончался на 86 году благотворительной жизни своей. *Пахомій* (при коемъ Саровскій іеромонахъ Мелетій предпринималъ въ 1793 и 1794 году путешествіе въ Іерусалимъ и описалъ свое странствованіе), по свидѣтельству монастырской лѣтописи, былъ кротокъ, милостивъ, управлялъ обителью съ благоразуміемъ, смиреніемъ и заботливостію о ея благосостояніи, за что любимъ былъ не только братією и знатными духовными, но и свѣтскими особами; общее къ нему расположеніе, значительно увеличившее число братій и обогатившее пустынь подаяніями, способствовало ему также

къ устройству многихъ каменныхъ зданій: церквей (Больничной и надъ свят. вратами Святителя Николая), келій, гостинницъ и проч., такъ что въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; имъ же начата и огромная колокольня—краса Пустыни, доконченная преемникомъ его *Исаіею*, при которомъ сдѣланы еще и другія постройки за монастыремъ: каменный 2-хъ этажный корпусъ для разныхъ мастеровыхъ, распространены помѣщенія больничныхъ и братскихъ келій, а съ сѣверной и южной стороны воздвигнуты башни; и въ его же правленіе обителію увеличенъ штатъ монашествующихъ ея, къ коему по имянному указу прибавлено 20 человекъ.

Нынѣшній настоятель *Нифонтъ*, начальствующій съ 1804-го года столь же ревностно, какъ и прежніе достойные предшественники его, пекущійся о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ обители, путемъ строгой иноческой жизни, труда и терпѣнія старается вести ее къ совершенству, хотя совершенство и не удѣль смертныхъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

СВЯТАГО ДИМИТРІЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО (*).

—

I.

Достопочтенному господину, Исааку Вандербургу.

Отъ незнакомаго мнѣ челоуѣка, который и самъ меня не знаетъ, доброе расположеніе принимаю съ великою благодарностію. Чѣмъ отблагодарить, не знаю, развѣ только такимъ же чувствомъ расположенія. Вотъ истинная любовь христіанская — дружески относиться къ людямъ, далеко живущимъ и притомъ незнакомымъ. Списокъ книгъ, вами посланный, я пересмотрѣлъ, и которыя мнѣ нужны, отмѣтилъ красными крестиками; прошу ихъ прислать ко мнѣ. Деньги заплатитъ господинъ Стефанъ Васильевичъ. Еще покорно прошу васъ достать для меня двѣ историческія книжки; имена ихъ сочи-

(*) Предлагаемыя вниманію читателей письма Святителя Димитрія, писанныя на латинскомъ языкѣ къ Московскому книгопродавцу Исааку Вандербургу, сохранились между рукописями Московской Синодальной бібліотеки (N. 81.). Они писаны въ ту пору, когда святитель занимался своею дѣтописью С. С.

телей послалъ я въ письмѣ къ вамъ. Если можно найти какія нибудь другія историческія книги, усердно прошу выслать ко мнѣ и ихъ съ обозначеніемъ цѣны, и я охотно за нихъ заплачу.

Желаю Вамъ всякаго счастья и благополучія.

Ростовъ.

4 Декабря 1707 года.

II.

ГОСПОДИНУ ИСААКУ ВАНДЕРБУРГУ.

Достопочтенный и благородный господинъ Вандербургъ, наилучшій изъ друзей моихъ !

Книги, посланныя ко мнѣ съ Семеномъ Павловичемъ Черницынымъ, я получилъ и за нихъ весьма благодаренъ Вамъ. По истинѣ, вы достойны тѣхъ похвалъ, какія мнѣ довольно хорошо извѣстны, по вашему благодѣянію, мною незаслуженному. Не могу не помнить этого благодѣянія. У людей свѣтскихъ ведется, что никго благодѣянія не записываетъ въ календарь. Но я, какъ лице духовное, лучше долженъ основываться и утверждаться на св. писаніи, которое всѣхъ насъ учитъ помнить благодѣянія; ибо кто помнить объ нихъ, тотъ симъ самымъ какъ бы воздаетъ за нихъ, потому что иногда желаніе принимается за дѣло. Непріятны для меня два затрудненія: 1, въ письмѣ вашемъ не означена цѣна книгамъ, чего именно которая стóитъ; 2, тамъже написано, что книгъ 9, а изъ мѣшка, къ которомъ онѣ были положены, я вынулъ только 8; для лучшаго удостовѣренія прилагаю при семъ число и названіе ихъ: 1, Петра Раванелла священная библіотека; 2, Соты богословскіе; 3,

Новый Заветъ; 4, Марка Фридерика Венделина; 5, Франциска Бакона Веруламскаго, 6, Наука проповѣданія — англичанина Вильгельма Прице; 7, Священное богословіе; 8, Сульпицій Северъ.

Навсегда вручаю себя вашему доброму расположенію, съ каковыми и пребываю —
Желающій Вамъ всѣхъ благъ.

Ростовъ.

8 Января 1708 года.

III.

Достопочтенный господинъ Исаакъ Вандербургъ! Наилучшій изъ друзей моихъ!

Весьма благодаренъ вамъ за ваше расположеніе ко мнѣ, которое вы доказываете самымъ дѣломъ, обогащая меня книгами, весьма для меня необходимыми. Получилъ я недавно посланныя господиномъ Стефаномъ Васильевичемъ драгоценнѣйшія творенія Альштеда, которыя вы достали для меня, и въ которыхъ сколько перевертываю страницъ, столько собираю плодовъ. Достохвальны тѣ страны, которыя производятъ такія книги, или лучше, ученѣйшихъ, образованнѣйшихъ сочинителей такихъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ Зрѣлище исторіи, Стратеманна (*). Еще нужны мнѣ два автора: Сиѡъ Кальвизій и Гавріилъ Буцелинъ. Потрудитесь, если возможно, достать и прислать мнѣ и этихъ; нижайше прошу о томъ. Деньги заплатитъ господинъ Сте-

(*) Альштедъ, западный богословъ XVII вѣка, извѣстенъ между прочимъ сочиненіемъ: *Thesaurus chronologicus*; книга Стратеманна переведена Гаврииломъ Бужинскимъ и вышла въ свѣтъ въ 1724 году подъ заглавіемъ: *позоръ историческій*.

фанъ Васильевичъ, искренній другъ мой, въ милости котораго, равно какъ и въ Вашей благосклонности, не сомнѣваюсь.

Желающій Вамъ всѣхъ благъ.

1708 года

Ноября 8.

IV.

Достопочтенный господинъ Исаакъ ! Наилучшій мой благодѣтель!

И благосклонность Ваша ко мнѣ, и письма, которыми многократно удостоиваете посѣщать меня, всегда для меня весьма пріятны и доставляютъ удовольствіе. И недавно съ великою благодарностію получилъ я Ваше письмо, въ которомъ извѣщаете меня о требуемыхъ мною сочиненіяхъ Сива Кальвизія и Гавріила Буцелина, что постараетесь достать ихъ. Ожидаю ихъ съ великимъ нетерпѣніемъ. А къ вамъ питаю дружеское расположеніе и высоко цѣню такую Вашу благодѣтельность. Въ знакъ же моей благодарности посылаю Вамъ небольшой подарокъ и прошу его принять.

Вамъ, моему благодѣтелю —
Желающій всѣхъ благъ.

1709 года

Марта 17.

СЕЛО ВОРСИНО.

(Московской губерніи, подольскаго уѣзда).

Въ нашей литературѣ, кажется, еще ничего небыло говорено объ этомъ замѣчательномъ по своей древности и по своимъ рѣдкостямъ селѣ. А стоитъ того, чтобы о немъ узнали и любители святыни и любители науки. Вотъ нѣсколько краткихъ свѣденій, которыя могли мы собрать о немъ.

Село Ворсино находится въ 50-ти верстахъ отъ Москвы къ югу между дорогами Старою-Калужскою и Варшавскимъ шоссе ^{а)}, на берегу небольшой рѣчки Мочи. Историческіе памятники села этого восходятъ до временъ царя Іоанна Васильевича Грознаго. Въ теченіе трехъ вѣковъ (до начала нынѣшняго) оно принадлежало древнему роду бояръ Колычевыхъ—той самой фамиліи, изъ которой произошелъ свят. Филиппъ, митрополитъ московскій.

Теперь въ 4-мъ столѣтіи его исторической извѣстности мы видимъ въ немъ четвертый храмъ. Начиная съ 16-го, въ каждомъ вѣкѣ въ немъ являлся новый храмъ. Во времена св. Филиппа была въ немъ церковь деревянная во имя св. Андрея Стратилата, построенная, вѣроятно, праѣдомъ святителя бояриномъ Андреемъ Колычевымъ. Такъ думаемъ потому, что устроить храмы тезоименитые своему Ангелу было въ обычаѣ у древнихъ князей и бояръ. Храмъ этотъ по смерти Филиппа существовалъ не болѣе 60-ти лѣтъ. Въ переписныхъ

а) Отъ 1-й отстоитъ въ 3-хъ, отъ 2-го въ 2-хъ верстахъ.

книгахъ 7135 (1627) г. значится: „село Ворсино, на рѣчкѣ на Мочѣ, во владѣніи вдовы Анны Ивановны жены Колычевой, а въ селѣ церковь Андрея Стратилата древяна, верхъ стоить безъ пѣнья, а внѣмъ живутъ дѣловыя люди...“ б) На языкѣ древнеславянскомъ слово „пѣть“ значитъ служить — священнодѣйствовать. Такъ на Московскомъ соборѣ 7011 (1503) г. постановлено: „вдовымъ попомъ и діакономъ не пѣти, ни священству касатися“ в). Слово „верхъ“ иногда замѣняется словами: „да на полатѣхъ придѣль святаго...“ Итакъ выраженіе „верхъ стоить безъ пѣнья“ значитъ: верхній храмъ остается безъ службы, конечно по своей ветхости. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что чрезъ 50-тъ лѣтъ мы видимъ въ Ворсинѣ новый храмъ и уже съ придѣломъ свят. Филиппа. Въ церковной переписи 189 (1681) г. значится: „Въ селѣ Ворсинѣ церковь древяна кладка стара и воймя-та церковь Пресвятыя Богородицы Θεодоровскія, да въ предѣлѣхъ Андрея Стратилата, Филиппа митрополита, и по сказкѣ того села Ивана Колычева человѣка его приказщика Івашки Полошина, да старосты Θεдки Мосина та церковь построена изъ стари...“ г) (изъ-стари, т. е. въ этомъ селѣ церковь была изъ-стари). Храмъ съ придѣломъ св. Филиппа показываетъ, что онъ построенъ былъ тогда, какъ Филиппъ причтенъ былъ къ лику святыхъ (т. е. перанѣ 1636 г. Этотъ второй храмъ существовалъ до половины 18 в. Въ 1748 г. тщаніемъ помѣщика Колычева построенъ

б) Арх. Мин. Юст. переп. кн. по гор. Моск. кн. 9808 N 162.

в) Полн. собр. лѣт. т. 8. стр. 243.

г) Цер. пер. 189 г. стр. 149. Слич. переп. кн. по г. Моск. 186 г. кн. 1. N 317. А попа и дьячка, добавляють переписчики, дома небыло, были на Москвѣ. Руки приложить некому.

въ Ворсинѣ новый храмъ, также деревянный, но только съ однимъ престоломъ во имя Θεодоровскія Б. Матери. При этомъ храмъ самостоятельный причтъ существовалъ до 18 ноября 1814 г. Около этого времени Ворсинно лишилось Колычевыхъ, а вмѣстѣ съ ними и средствъ къ содержанію церкви и причта, въ слѣдствіе чего и было приписано къ сосѣднему селу Никольскому Колчево, куда, потомъ, перенесенъ былъ вмѣстѣ съ цер. утварію, иконами и ризницею и св. Антиминсъ ^д). Въ такомъ положеніи храмъ этотъ оставался до 1834 г. Въ этомъ году новая владѣлица села боярыня Татіана Сергѣевна Карина испросила разрѣшеніе построить новый храмъ каменный также во имя Θεодоровскія иконы Богоматери. Потомъ въ 1836 г. по мысли Высокопреосвященнѣйшаго Филарета митрополита московскаго она устроила въ этомъ храмѣ придѣлъ во имя святителя Филиппа. Настоящій храмъ освященъ 1837 г. іюля 5 дня, а придѣлъ 6-го ^е). Нынѣшній храмъ села Ворсина, хотя и необширенъ, но благолѣпенъ, такъ что превосходитъ многіе сельскіе храмы богатыхъ приходоѡвъ ^ж). Храмовладельница до конца своей жизни (1856 г.) неуспѣшно пеклась о его благолѣпії. Въ храмѣ особенно замѣчательна мѣстная Θεодоровская икона Богоматери. Икона весьма древняя — иконописная. Окрестные жители чтутъ ее чудотворною и во всѣхъ своихъ нуждахъ прибѣгаютъ къ ней съ молитвою. На иконѣ висятъ два креста — съ частію ризы Богоматери и мощами разныхъ св. угодниковъ. Какъ эта, такъ и другія мѣст-

д) Арх. Моск. Дух. кон. дѣл. под. у. 1837 г. сл. Клар. вѣд. 1822--1835.

е) Тамъ-же.

ж) Нужно замѣтить, что въ приходѣ сел. Ворсина состоитъ небольшо 25-ти крест. двор., а причтъ содержится на проценты съ капитала покойнаго храмовладельницею.

ныя иконы богато украшены. На иконѣ св. Филиппа висятъ такъже два крестика съ частями мощей неизвѣстно какихъ святыхъ. Есть части мощей и въ напRESTольномъ крестѣ.

Въ церковной ризницѣ хранятся памятники особеннаго благоволенія св. Филиппа къ Ворсину,—его деревянные сосуды и панагія. Какъ древность и святыня, они во всѣ времена съ особеннымъ благоговѣніемъ были охраняемы священнослужителями и помѣщиками. Сосуды окрашены красною краскою. На потирѣ съ передней стороны изображенъ красками деисусъ—въ срединѣ Спаситель, а по сторонамъ Богородица и Предтеча; на дискосѣ — положеніе во гробъ Христа Спасителя; звѣздицы и лжицы иѣтъ. Панагія также деревянная. Въ срединѣ ея находится рѣзное изображение св. Троицы (посѣщеніе Авраама) съ надписью, кругомъ изображенія, тропаря: *Благословенъ еси Христе... 3)*; по краямъ ея помѣщены также рѣзныя изображенія Спасителя, Богоматери, Предтечи, Архангеловъ и Апостоловъ. Въ 1857 г. панагія вставлена въ серебряную рамку, что необходимо нужно было сдѣлать потому, что она въ срединѣ расколота.

Въ пещерѣ, устроенной подъ придѣломъ св. Филиппа, погребенъ его современникъ и родственникъ Григорій Семеновичъ Колычевъ. На каменной плитѣ, положенной надъ его могилою, находится слѣдующая надпись: „лѣта *Зр (7100) сего мая въ 8 день претавися рабъ Божій Григорей Семеновичъ Колычевъ.“ Родъ

3) Тропарь разобрать весьма трудно; онъ вырѣзанъ съ титлами и сокращеніями, и притомъ не въ томъ видѣ, какъ нынѣ поетъ его св. церковь, а въ древнемъ-современномъ святителю.

Колычевыхъ былъ въ числѣ жертвъ ярости Іоанна Грознаго. Лишивъ Филиппа святительнаго престола, Іоаннъ устремился на его родственниковъ. Курбскій такъ описываетъ эти жертвы его ярости: „потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ... А побилъ ихъ тое ради вины, иже разгнѣвался зѣло на стрья ихъ Филиппа архіепископа, обличающа его за презлыя беззаконія... Тѣхъ же Колычевыхъ около десять роду; въ нихъже бѣша нѣщии мужіе храбрые и нарочитые, и нѣкоторыеже отъ нихъ и сигклитскимъ саномъ почтены, а нѣщии стратилаты быша;—а погублены суть всеродни“ (т. е. со всемъ семействомъ) ^{и)}. Григорій Семеновичъ Колычевъ неизбѣжалъ его ярости. По сказанію лѣтописцевъ онъ былъ стольникомъ при дворѣ царя Грознаго. До смерти Филиппа онъ еще пользовался вниманіемъ и довѣренностію царя. По взятіи города Сыренска (близъ Чудскаго озера въ Лифляндіи) въ маѣ 7065 (1557) г. „Государь царь и Великій князь къ воеводамъ послалъ стольника своего Григорія Колычева съ своимъ жалованьемъ съ золотыми“ ^{і)}. Но со смертію своего знаменитаго родственника онъ потерялъ все. Здѣсь, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ, мы обращаемся къ мѣстному народному преданію. Оно такъ гласитъ о его страданіяхъ: когда царь въ пылу гнѣва началъ пытатъ и казнить Колычевыхъ, Григорій было скрылся гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы, но его отыскивали, ско-

и) Курб. Ист. Іоан. гл. 7. стр. 110. изд. Спб. 1842.

і) Русск. лѣт. г. 5. стр. 226. изд. Спб. 1792. Здѣсь Григорій Колычевъ хотя и не названъ по отечеству, но мы имѣемъ полное право разумѣть Григорія Семеновича, потому что изъ современниковъ другаго Гр. Колычева не встрѣчается ни въ лѣтописяхъ, ни въ разрядныхъ книгахъ. Былъ Григорій Андреевичъ Колычевъ, но тотъ не стольникъ, а бояринъ и воевода.

вали *тяжелыми* цѣпями и заключили въ темницу, гдѣ онъ и томился до самой смерти царя Грознаго (18 мар. 1584 г.),—остатокъ дней своихъ провелъ въ Ворсинѣ (скон. 1592 г.). Мѣстные жители благоговѣютъ къ памяти Григорія, часто приходятъ на его могилу, приносятъ больныхъ и служатъ панихиды съ упованіемъ на его предстательство. Много ходитъ въ народѣ сказаній о Григоріи—о его явленіяхъ въ храмѣ среди молящихся, о необыкновенномъ свѣтѣ въ его пещерѣ и т. п. Особенное благоговѣніе питала къ нему покойная храмоздательница боярыня Татіана. Въ лѣтнее время она ежедневно по нѣскольکو часовъ проводила въ пещерѣ, читая псалтирь,—рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы она непригласила священника отслужить панихиду на могилѣ Григорія. Когда въ 1856 г. священникъ о. М. Х—въ просилъ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Филарета о погребеніи храмоздательницы въ пещерѣ Григорія, Владыка, давъ разрѣшеніе похоронить въ 3-хъ аршинахъ отъ Григорія, внушалъ священнику, чтобы онъ чтить память Григорія и ежегодно въ день кончины его творилъ поминовеніе.

Покойная храмоздательница говорила своему священнику, что въ тойже пещерѣ — рядомъ съ бояриномъ Григоріемъ погребены родители св. Филиппа. Были надъ нихъ могилами и надгробные камни; но при постройкѣ церкви, когда не доставало бѣлаго камня для амвона, мужъ ея, въ ея отсутствіи, приказалъ взять эти камни, разколоть, надписи стесать и положить подъ амвонъ. Невѣрить свидѣтельству ея нельзя; допустимъ, что здѣсь погребены и не родители Филиппа, — во всякомъ случаѣ нужно пожалѣть объ утратѣ старины и подивиться распоряженію помѣщика.

Что касается до церковной бібліотеки, то въ ней нѣтъ никакихъ древнихъ книгъ, никакихъ старинныхъ рукописей, нѣтъ даже описи прежде бывшей здѣсь деревянной церкви. Мѣстный священникъ объясняетъ это тѣмъ, что церковь ихъ долгое время была приписною и кромѣ того пострадала отъ непріятелей въ 1812-мъ году.

Діаконъ Василій Рудневъ.

ПИСЬМО ИЗЪ МОЗЫРЯ.

Ображаемъ вниманіе благочестивыхъ читателей на предлагаемое здѣсь письмо О. протоіерея изъ города Мозыря (Минской губерніи) къ одному духовному лицу въ Москвѣ, по поводу просьбы нѣкоторыхъ лицъ указать на нужды бѣднѣйшихъ сельскихъ приходо́въ Мозырскаго благочинія. Въ отвѣтъ на эту просьбу письмо О. протоіерея живыми красками изображаетъ печальное положеніе православныхъ церквей въ городахъ западнаго края, и нельзя не согласиться съ почтеннымъ протоіереемъ, что между тѣмъ какъ нужды сельскихъ приходо́въ возбуждаютъ участіе Русскаго общества и вызываютъ обильныя пожертвованія, нужды и бѣдное состояніе церквей городскихъ мало извѣстны. Между тѣмъ въ городахъ, какъ мѣстахъ центральныхъ, и имѣющихъ потому вліяніе на окрестныя мѣстности, болѣе бы должны сосредотачиваться средства къ поддержанію православія въ подобающемъ ему благолѣпін и къ противодѣйствію Рижско-Католической пропагандѣ. Пожертвованія вещами, или деньгами въ пользу соборной церкви города Мозыря и другихъ церквей Мозырскаго благочинія будутъ принимаемы въ Москвѣ у священника церкви Петра и Павла, на Якиманкѣ, Сергія Дмитріевича Цвѣткова.

М. С.

Получивъ письмо ваше отъ 12 марта, я отъ всей души возблагодарилъ Господа, что Онъ милосердый заботится, чрезъ избранныхъ своихъ, и о нашей бѣдной, отдаленной и глухой мѣстности. Правда, правительство и общество русское уже обратили свое вниманіе на печальное состояніе православія въ западномъ

краѣ Россіи. Такъ и должно быть: здѣсь, въ западномъ уголкѣ Россіи, православіе болѣе, быть можетъ, чѣмъ на Аѳонѣ, или Синаѣ, или въ другихъ мѣстахъ нуждается въ пособіи, и особенно потому, что только съ возвышеніемъ православія, можетъ подняться угнетенная и подавленная здѣсь русская народность. Но справедливость требуетъ сказать, что Мозырскій уѣздъ, бѣднѣйшій изъ уѣздовъ Минской губерніи, и самый удаленный отъ административнаго центра, очень мало воспользовался пособіями правительства и русскаго общества. Вниманіе начальства обращено на ближайшіе къ Минску уѣзды, а у насъ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ храмахъ съ опасностію жизни можно совершать богослуженіе, и доселѣ не приступлено къ починкѣ и постройкѣ церквей. Потому есть много побужденій съ глубокою благодарностію отозваться на письмо ваше.

Но, приступая къ исполненію порученія, возлагаемаго вами на меня и не отрекаясь указать вамъ на бѣднѣйшія церкви нашего уѣзда, я почитаю моею обязанностию обратить вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе нашей Мозырской соборной церкви. Свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ, что нынѣшняя Мозырская соборная церковь и по внѣшности и по внутреннему состоянію бѣднѣе многихъ сельскихъ церквей не только въ казенныхъ имѣніяхъ, но даже и въ помѣщичьихъ. По преданію въ г. Мозырѣ существовало нѣкогда 6 православныхъ церквей и даже 1 монастырь, но въ настоящее время частію вслѣдствіе враждебныхъ православію обстоятельствъ, а частію вслѣдствіе сильныхъ пожаровъ (во время которыхъ, — въ 1839 году сгорѣла и соборная церковь со всѣмъ имуществомъ ея), въ

немъ существуетъ всего двѣ деревянныя, и то бѣднѣйшія церкви. За то по мѣрѣ упадка православія сталъ процвѣтать католицизмъ: явилось 6-ть монастырей католическихъ и 1 приходскій костель. Этотъ костель и два каменныхъ, величественныхъ монастыря, даже въ настоящее время состоятъ на содержаніи казны. Само собою разумѣется, что внутренность костеловъ поражаетъ всякаго и богатствомъ и изяществомъ своимъ, а въ нашей соборной церкви нѣтъ образа, предъ которымъ бы можно было молиться безъ смущенія и чувства жалости, нѣтъ ни одной благолѣпной и сколько нибудь цѣнной вещи; самая лучшая риза у насъ та, которая подарена прикащикомъ Черниговскаго купца Щелкановцева въ 1856 году, и приобрѣтена имъ за 25 руб. со всѣми принадлежностями. Каждый изъ костеловъ имѣетъ хорошіе колокола, до 50 пудовъ, и зовъ въ костелы громко раздается повсюду, а у насъ въ самомъ большомъ колоколѣ 1 пудъ и благовѣсть къ православному богослуженію неслышентъ не только по хуторамъ, прилегающимъ къ Мозырю, и составляющимъ приходъ соборной церкви, но даже и въ самомъ городѣ, особенно при его холмистомъ мѣстоположеніи. Неудивительно, поэтому, если нашу вѣру называютъ хлопскою и даже вышедшіе изъ насъ въ писцы, неговоря о другихъ высшихъ сословіяхъ, стыдятся своей матери православной церкви и бѣгутъ въ костелы. Уроженецъ южныхъ губерній, гдѣ тоже есть поляки и костелы, я однако не видѣлъ тамъ такого униженія православія, какое встрѣтилъ здѣсь. Это, какъ камень, давило мое сердце, такъ что я неоднократно собирался бѣжать отсюда. Но, благодареніе Господу, наша просьба услышана св. Синодомъ; отпущено 14 тысячъ рублей на перестройку съ

подряда бернардинскаго костела, закрытаго по случаю мятежа въ тридцатыхъ годахъ, въ соборную церковь,— и мы въ концѣ настоящаго года будемъ имѣть каменную трехъ-престольную церковь съ приличнымъ иконостасомъ. Къ сожалѣнію, на внутреннія принадлежности церкви не отпущено никакой суммы и, какъ видно изъ указа Синодальнаго, и отпущено быть не можетъ; значить, все, начиная отъ колоколовъ до кадилницы (такъ какъ изъ замѣняющей нынѣ соборъ церкви нечего заимствовать для новой, да нельзя же и ее оставить безъ колоколовъ и утвари) мы должны пріобрѣсть на собственныя средства. Это рѣшительно не по силамъ нашимъ. Церковныхъ денегъ у насъ всего 550 руб., собрано по особой подпискѣ 140 руб., прислано изъ Москвы отъ неизвѣстнаго 100 руб. и чрезъ редакцію Дня 65 руб., всего 855 рублей, каковыхъ недостаточно, особенно при существующихъ въ Кіевѣ цѣнахъ, на пріобрѣтеніе по крайней мѣрѣ существенно необходимаго для новой церкви; на пожертвованія же отъ прихожанъ, по ихъ бѣдности, нѣтъ совершенно никакой надежды. Вся надежда наша на Господа Бога и добрыхъ сыновъ православной Россіи. Въ письмѣ Вашемъ я усматриваю персть Божій; пособите же намъ, чѣмъ можете, добрыя чада православной Москвы. На первыхъ порахъ намъ необходимы: а) хотя 4 колокола, и одинъ изъ нихъ долженъ имѣть, чтобы зовъ въ православную церковь былъ слышенъ въ городѣ, до 50 пудовъ; б) кивотъ, в) двѣ хоругви, г) два большихъ подсвѣчника предъ иконостасомъ и д) одно облаченіе священническое и діаконское; потомъ современемъ: иконы аналойныя дванадцати праздниковъ, на престольный крестъ, сосуды и проч. На пріобрѣтеніе указан-

ныхъ выше вещей можно будетъ отдать въ Ваше распоряженіе имѣющіеся у насъ 800 рублей.

Конечно, необходимо позаботиться и о нашихъ сельскихъ церквахъ, но еще болѣе необходимо возвысить православіе въ нашихъ городахъ, гдѣ скучены католики и господствуетъ католичество,—что благотворно будетъ дѣйствовать какъ на городскихъ жителей, такъ и на сельское духовенство и народъ, часто посѣщающій или по дѣламъ службы, или ради нуждъ житейскихъ свой уѣздный городъ. Потому-то въ древности братства устроивались при городскихъ церквахъ по преимуществу. Здѣсь замѣчу, что на сельскія церкви обращено особенное вниманіе правительства и общества; нѣкоторыя изъ нихъ получили уже значительныя пособія, а городскія, болѣе сельскихъ нуждающіяся въ помощи, почему-то оставлены безъ вниманія. Впрочемъ, если гг. благотворителями рѣшено оказывать пособіе какой-либо изъ сельскихъ церквей, то по полученіи отъ Васъ увѣдомленія объ этомъ, я съ первою почтою укажу Вамъ наиболѣе нуждающуюся изъ нихъ.

Протоіерей Георгій Тарнопольскій.

Мозырь
Марта 28
1864 г.

ИЗЪ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ а)**III.**

Произшествіе, о которомъ хотимъ рассказать, случилось лѣтъ тридцать тому назадъ. Предъ новымъ годомъ крестьяне собраны были на волостной сходъ для выбора головы и другихъ служебныхъ лицъ въ волости. Мѣстомъ для сбора назначены были Лисицы, тогда деревня изъ ста дворовъ, а теперь село съ прекрасною каменною церковью на берегу рѣки Волги. Изъ Юрьевского отправились нѣсколько мужичковъ, и въ числѣ ихъ Егоръ Мокіевъ и Афиногенъ Ануфриевъ. Это были два сосѣда, жившіе почти другъ противъ друга, и имѣвшіе сильный вѣсъ въ селѣ и значеніе на сходѣ. Егоръ былъ человѣкъ прямой и честный; росту высокаго, плечистый, крѣпкій. Афиногенъ съ добрымъ сердцемъ, смиренный, но слабый характеромъ. Кромѣ Юрьевскихъ и Лисицкихъ мужиковъ собрались на сходъ Заборовскіе, Мишневскіе, Сергѣевскіе, Судимірскіе, и другіе. Сходъ былъ довольно шумный; мужики нерѣдко перекидывались въ своихъ сужденіяхъ по поводу выборовъ перебранками и упреками. Выбрали въ какую-то должность Егора; хотѣли выбрать и Афиногена, да Егоръ сказалъ, что-то такое, отъ чего весь сходъ громко засмѣялся, да такъ и не выбралъ Афиногена.

Кончился сходъ и выборы; мужики стали расходиться по домамъ. Но какъ послѣ окончанія такого важнаго

а) См. Январь и Февр. кн. за текущей годъ.

дѣла не выпить? Какъ не sprыснуть выбранныхъ, и не поздравить съ выборомъ?

Въ Лисицахъ былъ кабакъ, и цѣловальникомъ въ этомъ кабакѣ сидѣлъ Юрьевскій мужикъ Ѳедоръ Александровъ, человекъ весьма подозрительной нравственности и честности, и дерзкій на руку. Егоръ Мокіевъ еще въ Юрьевскомъ нерѣдко уличалъ и упрекалъ его за его поступки. Теперь Ѳедору было раздолье; мужиковъ въ кабакѣ было много; водки пили много; и ему досталось выпить немало при разныхъ поздравленіяхъ. Цѣловальница, жена Ѳедорова такъ и суетилась около стойки. вмѣстѣ съ другими мужиками въ кабакъ зашли и Егоръ Мокіевъ и Афиногенъ Ануфріевъ, и потребовали водки. Выпивши, Егоръ опять за что-то толкнулъ Афиногена, такъ что тотъ упалъ бокомъ на бочку. Хотѣлъ-было Афиногенъ затѣять ссору, но Егоръ былъ не изъ робкаго десятка, онъ могъ съ разу двоихъ, или троихъ такихъ Афиногеновъ подмять подъ себя. Афиногенъ смолчалъ, но затаилъ злобу въ душѣ своей. Егоръ выпилъ и пошелъ одинъ домой; а до дому было верстѣ шесть пустыннымъ берегомъ Волги и лѣсомъ.

— А что, братъ, Афиногенъ Ануфріевичъ, сказалъ цѣловальникъ, чѣмъ у васъ сходъ-то нынѣ кончился? Егора-то, говорятъ, выбрали?

— Дѣ, выбрали.

— А тебя?

Афиногенъ молчалъ.

— Какъ не выбрали... держи карманъ шире, сказалъ кто-то въ кабакѣ.

— А что жъ ты думаешь? Разумѣется выбрали бы, если бы не Егоръ... Слышалъ, какъ онъ его осрамилъ, — отвѣчалъ другой голосъ.

— А чѣмъ же онъ тебя обидѣлъ? — спросилъ цѣловальникъ Афиногена.

Тотъ молчалъ, сконфузившись.

— Нечего отмалчиваться-то, подхватилъ еще кто-то изъ толпы, ужъ нечего сказать, одолжилъ онъ тебя. Какъ его угораздило такое слово выдумать?

— А за что онъ тебя?

— Да ты бы самъ его хорошенько.

-- Гдѣ ему? Ишь Егоръ-то семи сажень въ плечахъ.

Такія рѣчи, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ около Афиногена, только разжигали сердце его.

— А здѣсь-то какво онъ тебя толкнулъ! Я думалъ, что ты бочку-то и съ кабакомъ опрокинешь, сказалъ подсмѣиваясь цѣловальникъ. Ну здѣсь-то что ты смолчалъ? Мы бы за тебя заступились...

— Да, заступились, сказалъ сквозь зубы Афиногенъ; пикто слова не сказалъ, пока Егоръ былъ здѣсь; всѣ вы храбры теперь; а когда былъ Егоръ, такъ у всѣхъ васъ языкъ не шевелился; вы всѣ его бонтесь.

— Кто бонтеть? Ты боишься, тебя онъ готовъ въ грязь втоптать; а насъ не смѣетъ. Ужъ за одно—ты давеча на міру-то упалъ бы ему въ ноги: батюшка—да Егоръ Мокіевичъ, твори со мной, что хочешь; я рабъ твой и слуга. Садись, я тебя свезу до Юрьевского.

Толпа засмѣялась.

— Да что вы, братцы, на меня напали? Да чѣмъ я-то виноватъ, говорилъ сквозь слезы Афиногенъ; а у самого сердце такъ и рвалось съ досады.

Ему слѣдовало бы безоглядки бѣжать изъ этого ада.

Мужики разбрелись по немногу. Остался одинъ Афиногенъ; ему что-то не хотѣлось и стыдно было идти домой, послѣ всѣхъ насмѣшекъ, которыя онъ вынесъ.

— Дай-ка выпить еще, сказалъ онъ цѣловальнику.

— Такъ-то Афиногенъ Ануфриевичъ, говорилъ ему цѣловальникъ, подавая водки. Слѣдовало бы немножко проучить Егора-то. Что онъ ужъ очень загордился? Что онъ обижаетъ людей не хуже себя? Иль у него ума-то больше твоего? Иль ужъ онъ разжился очень? Что онъ важничаетъ? Ужъ своего односельца не побережетъ на міру. Вѣдь мы знаемъ васъ обоихъ: развѣ ты хуже его? Что жъ онъ надъ тобой смѣется?

Афиногенъ молчалъ и отдувался.

— Право, не мѣшало бы поучить его.

— Поучить, да какъ? Сказалъ Афиногенъ, а у самого и руки и ноги дрожали.

— Пойдемъ-ка догонимъ, да помнемъ его хорошенько...

Афиногенъ глядѣлъ на цѣловальника какимъ-то помутившимся взглядомъ.

— На-ко выпей еще, да пойдемъ.

Цѣловальникъ поднесъ Афиногену еще; а тотъ и безъ того былъ уже безумнѣе пьянаго.

Афиногенъ выпилъ; цѣловальникъ тоже выпилъ, и взявъ съ собою мѣдный крючекъ, какими тогда отмѣривали водку.

— Пойдемъ.

Дорогою цѣловальникъ схватилъ еще около овиновъ кирпичъ.

— Это повѣришь, а то съ нимъ скоро не сладишь.

Егоръ тихонько пробирался домой. Онъ прошелъ ужъ овины Лисицкіе, и сталъ выходить на берегъ Волги. Ночь была свѣтлая, мѣсячная.

— Видишь, валъ какой валить, сказалъ цѣловальникъ, завидя Егора.

Онъ потихоньку подкрался къ Егору, и сзади ударилъ его кирпичемъ.

— Ой, братцы, что вы дѣлаете? сказалъ Егоръ, — и ткнулся ничкомъ наземь. Афиногенъ, это ты?

Цѣловальникъ успѣлъ ужъ сѣсть на спину Егору, и началъ его бить и по головѣ, и по вискамъ, и по бокамъ, — и крючкомъ, и кирпичемъ. Афиногенъ сидѣлъ на ногахъ Егоровыхъ.

Егору не было возможности перевернуться и встать; онъ бился, барахтался; но сбить съ себя двоихъ немогъ; притомъ же нападеніе сдѣлано было сзади и въ распахъ. Егоръ сталъ кричать; ему заткнули ротъ рукавицей; Егоръ сталъ стонать и молить о покаяніи; его не слушали. Цѣловальникъ такъ остервенился, что самъ Афиногенъ ужъ испугался; онъ сталъ унимать его.

— Полно, братъ; не вышло бы чего. Бросимъ его, говорилъ онъ цѣловальнику; а тотъ не унимался.

Егоръ ужъ только стоналъ.

— Слышишь, полно; будетъ; поучили.

— Стерпитъ, вынесетъ; онъ нарочно притворился, ствѣчалъ цѣловальникъ, а самъ продолжалъ давить Егора.

У Егора же и стоны стали тише и рѣже.

— Брось же его, говорилъ Афиногенъ, оставляя Егора.

— Ну, пусть его будетъ помнить насъ.

Вернулись опять къ кабаку; цѣловальникъ поднесъ Афиногену еще водки; тотъ выпилъ, но весь какъ листъ дрожалъ.

— Не быть бы бѣдѣ, сказалъ онъ.

— Э! Не умретъ; отвѣчалъ цѣловальникъ,

Афиногенъ едва поплелся домой. Ему нужно было идти мимо того мѣста, гдѣ они были. Егоръ лежалъ и недвигался. Афиногенъ до того испугался, что едва могъ

идти; онъ закрылъ глаза, и когда прошелъ то мѣсто, гдѣ лежалъ Егоръ, опрометью, какъ сумашедшій бросился бѣжать домой. Ему все чудилось, что Егоръ догоняетъ его. Весь въ поту, измученный, перепуганный подошелъ онъ къ дому Егора, и постучалъ въ окно. Огня уже не было въ домѣ; видно, спали. Когда взглянула изъ волоковаго окна жена Егорова, Афиногенъ трепещущимъ голосомъ спросилъ ее: да что, дома ли Егоръ-то?

— Нѣтъ, не пришелъ еще; что же?

— Вы бы посмотрѣли, гдѣ онъ...

— Да чай въ Лисицахъ; ну придетъ; чай зашелъ съ кѣмъ нибудь выпить.

— Вы бы поглядѣли.

У Афиногена голосъ дрожалъ; онъ самъ трясся, какъ осиновой листь.

— Чтой-то Финогей-то какой, словно помѣшанный, подумала жена Егорова, когда онъ отошелъ отъ окна. Вѣдь Егоръ-то съ нимъ пошелъ; что жъ онъ спрашиваетъ?

Жена цѣлую ночь не спала и дожидалась Егора: но никто недогадался пойти и поискать его; думали, что онъ придетъ съ другими мужиками. Да правду сказать, и некому было идти искать его. Дома у него была жена его, да сестра, да четверо малолѣтнихъ дѣтей,— одинъ мальчикъ Прокопій и три дѣвочки. А Егоръ между тѣмъ давно ужъ душу Богу отдалъ; злодѣйская рука цѣловальника, при помощи Афиногена, преждевременно лишила его жизни и оставила дѣтей его сиротами.

Афиногенъ между тѣмъ пришелъ домой; дома у него оставались кромѣ жены два сына, оба взрослые, одинъ ужъ женатый. Тихонько какъ воръ какой отворилъ онъ

ворота, тихонько взошелъ въ избу, въ которой не было ужь огня; скинулъ тулупъ, и неразуваясь легъ на полати.

— Что ты, здоровъ ли? спросила его жена.

Онъ ни слова не отвѣчалъ.

— Ну, подумала жена, должно быть выпилъ лишнее; проспится,—пройдетъ.

Но не спалось Афиногену. Воображенію его представлялось, какъ упалъ Егоръ при ударѣ кирпичемъ, какъ онъ стонетъ подъ ними, какъ онъ молитъ ихъ, чтобъ они дали ему покаяться, и похристіански отдать Богу душу, какъ онъ весь облитый кровію всталъ и говоритъ: отдадите вы за кровь мою Богу отвѣтъ... Афиногену страшно стало; онъ схватилъ шубенку, и пошелъ на дворъ. Но воображеніе и здѣсь его преслѣдовало. На дворѣ, у самага крыльца онъ видитъ: стоитъ Егоръ съ рычагомъ, замахивается на него и говоритъ: „постойте; вы били меня кирпичемъ; дай-ка я попробую васъ...“ У Афиногена ноги подкосились; онъ хотѣлъ вскрикнуть, но голосъ измѣнилъ ему. Едва опомнившись, онъ вбѣжалъ въ избу, схватилъ шапку, и опрометью бросился изъ дома. Домашніе его всѣ спали.

Утромъ рано увидѣли тѣло убитаго Егора. Подозрѣніе сейчасъ пало на Афиногена; потому что жена Егорова прямо сказала, что онъ пошелъ въ Лисицы съ Афиногеномъ, что Афиногенъ ночью подходилъ къ окну ея, и какимъ-то страннымъ голосомъ говорилъ ей, чтобъ они сходили и посмотрѣли, гдѣ Егоръ. Лисицкіе мужики рассказали, какъ у нихъ была съ Афиногеномъ перебранка на сходѣ, какъ Егоръ толкнулъ Афиногена въ

кабакъ; взялись и за цѣловальника. Но прежде всего обратились въ домъ къ Афиногену; гдѣ онъ ?

Жена и дѣти говорятъ, что онъ ночью воротился изъ Лисицъ, и ночью ушелъ куда-то; а куда именно, они не знаютъ. Проходитъ день, Афиногена нѣтъ; наступила ночь, его все нѣтъ. Начальство распорядилось, чтобы изъ села нѣсколько человѣкъ отправились искать его; домашнимъ дано было приказаніе, чтобъ они тотчасъ-же объявили, кому слѣдуетъ, какъ только онъ явится домой. Но домой онъ не являлся ни ночью, ни къ утру на другой день. Подозрѣнія на него усиливались.

На другой день мужики отправились отыскивать его, стали кричать, стали ходить и шарить вездѣ, гдѣ только могъ онъ быть: въ овинахъ, въ сараяхъ, у стоговъ сѣна, въ баняхъ;—нигдѣ нѣтъ. Цѣлый день пробродили, а его не нашли. Къ вечеру отправились въ лѣсъ; тамъ опять кричали, ходили, искали; нѣтъ какъ нѣтъ. Наконецъ вышли изъ лѣсу на берегъ Волги. На рѣкѣ сверкала полынья и мѣсяцъ игралъ трепещущими струями ея, и освѣщала русло рѣки. По мѣсяцу увидѣли отъ лѣсу слѣдъ къ полыньѣ, а у самой полыньи какъ будто тѣнь человѣка. Народъ бросился къ рѣкѣ. У полыньи былъ Афиногенъ.

— Афиногенъ Ануфриевичъ, дядя Афиногенъ! что ты? Богъ съ тобой, остановись, что ты дѣлаешь? кричалъ народъ.

Но Афиногенъ никого и ничего не слушалъ; онъ бросился въ полынью.

Народъ подбѣжалъ къ водѣ.

— Что ты, побойся Бога, Афиногенъ Ануфричъ!

— Простите, братцы; наше дѣло; мы сгубили душу христіанскую; мы съ Ѳедоромъ цѣловальникомъ убили

Егора—говорилъ Афиногенъ, то погружаясь въ воду, то опять выплывая.

Его тащило струею по теченію подъ ледъ; шуба не давала ему тонуть. Крестьяне между тѣмъ принесли жердей и кольевъ.

— Богъ съ тобой; мы тебя невыдадимъ; ты у насъ хорошій мужикъ; міръ за тебя постоитъ. Держись въ жердь-то; ухватись крѣпче.

Афиногенъ ухватился; его тотчасъ вытащили изъ воды.

— Охъ! спасите меня, братцы; дайте время покаяться. Нашъ грѣхъ. Ведите меня, куда хотите; бейте, наказывайте, чѣмъ хотите; все мало мнѣ за мой грѣхъ. Кровь чужая у меня на душѣ; кровь Егорова замучила меня.

Народъ успокоивалъ сколько могъ, и какъ умѣлъ, преступника.

Утромъ Афиногенъ далъ подробное и чистосердечное показаніе. Онъ признался во всемъ, рассказалъ все: какъ и чѣмъ они съ цѣловальникомъ били Егора; какъ онъ стоналъ; какъ онъ молилъ ихъ о покаяніи; какъ хрипѣлъ; какъ потомъ являлся ему на дворѣ съ рычагомъ. Видно было, что Афиногенъ каялся, какъ на страшномъ судѣ Христовомъ.

Взялись за цѣловальника. Эготъ не похожъ былъ на Афиногена. Что ни спросать у него, одинъ отвѣтъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Ему дали очныя ставки съ Афиногеномъ.

— Наше дѣло, Федоръ Александровичъ, говорилъ Афиногенъ: нечего грѣха таить; лучше покаяться предъ Богомъ и добрыми людьми. Наше дѣло...

— Твое, такъ твое; ты за него и отвѣчай, а людей неприплетай.

— Не приплетаю я никого, Федоръ Александрычъ. Да не ты ли меня научалъ: пойдемъ, догонимъ Егора, да помнемъ...

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Не ты ли взялъ крючекъ, и потомъ дорогой кирпичъ, и ими билъ Егора.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Осмотрѣли крючекъ: онъ оказался въ крови.— Это отъ чего? спросили слѣдователи.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Отыскали и кирпичъ. Это откуда.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Жена цѣловальникова видѣла, какъ мужъ ея съ Афиногеномъ вышелъ изъ кабака и пошелъ за Егоромъ. Спросили ее, она показала, что видѣла. Ей дали очныя ставки съ мужемъ.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Призвали священника сдѣлать ему увѣщаніе; священникъ всячески старался тронуть душу его.

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Наконецъ рѣшились подвести его къ тѣлу убитаго Егора.

— Посмотри на на него, и покайся; Богъ проститъ тебя.

Цѣловальникъ почернѣлъ весь, какъ котель, а твердить свое: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Кончилось слѣдствіе; тѣло Егорово вѣрно было предать землѣ по обряду христіанскому; такъ и было сдѣлано. Когда отпѣвали тѣло, нельзя было смотрѣть безъ слезъ на осиротѣвшую семью: жена и четверо дѣтей Егоровыхъ оставались совершенно, какъ говорится, безъ

головы, безъ покровителя, безъ защитника, безъ добычника.

Ну, падеть этотъ домъ, толковали бабы, смотря на этихъ сиротъ.

И плакала же вся семья горькими, неутѣшными слезами.

— Полно, говорилъ священникъ, утѣшая вдову Егорову, возверзи на Господа печаль твою; Онъ не оставитъ тебя, и сиротъ твоихъ.

Дѣло пошло своимъ чередомъ въ суды. Виновныхъ, Афиногена и цѣловальника, посадили въ тюрьму.

Прошло около года. Афиногенъ все хворалъ въ тюрьмѣ, все тосковалъ и плакалъ; нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ онъ въ горькихъ слезахъ и молитвѣ. Нѣсколько разъ онъ требовалъ священника для облегченія своей души покаяніемъ; его неповѣдывали, но не причащали св. Таинъ, какъ убійцу. На нѣсколько дней ему становилось легче; онъ меньше тосковалъ, хотя не меньше плакалъ; онъ больше и спокойнѣе предавался молитвѣ; а потомъ снова нападала тоска, невыразимая тоска. Домашніе нерѣдко посѣщали его; жена почти постоянно была въ Твери, около него; одно твердилъ онъ имъ: батюшки мои, помолитесь за меня; я--убійца.

Онъ пожелтѣлъ, похудѣлъ до того, что кости его можно было сосчитать. Домашніе или жена принесутъ иногда чего-нибудь поѣсть посвѣжѣе и получше; упросятъ какъ нибудь смотрителя, дадутъ ему; — и не дотронется.

Кончилось тѣмъ, что онъ, не дождавшись окончательнаго рѣшенія Уголовной палаты, умеръ, очистивши предъ смертію душу свою покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ. Его похоронили, какъ арестанта.

Оставался Ѳедоръ цѣловальникъ. Тотъ и въ тюрьмѣ не потерялся; у него сейчасъ нашлись пріятели, которые стали за него хлопотать; деньжонки, нажитыя имъ во время сидѣнья въ кабакахъ, и нажитыя, надобно сказать, всѣми неправдами, пригодились теперь очень ему. Онѣ пошли между прочимъ и на то, чтобъ упротить кого слѣдуетъ протянуть дѣло до смерти Афиногена, который видимо угасалъ. Жена Ѳедора цѣловальника пріютилась около тюрьмы, стала торговать блинами, калачами, и другими съѣстными припасами; и не только не скучала о прежнемъ своемъ житьѣ — бытьѣ, но подъ часъ и радовалась. Ей теперь свободнѣе было безъ мужа вести и себя и свою маленькую торговлю. вмѣсто того, чтобъ одѣваться ей, какъ прежде бывало, въ сарафанъ, она стала надѣвать штофныя шубки; она стала причесывать голову подъ гребенку.

— Видишь, говорили сельскіе мужики и бабы, бывавшіе въ Твери, нашей Авдотѣ цѣловальницѣ и у тюрьмы весело.

Когда Афиногенъ умеръ, рѣшили дѣло и Ѳедора цѣловальника. Несмотря на его упорное заперательство, его признали отчасти виновнымъ, и положили наказывать 20-ю ударами плетей на мѣстѣ совершенія преступленія, и потомъ отдать обществу на поруки, съ прохожденіемъ духовной епитиміи подъ надзоромъ духовнаго отца. Когда наказывали Ѳедора, говорятъ—и спина его не покраснѣлась; бывшій при езекуціи чиновникъ только и твердилъ палачу: тише! тише!

Ѳедоръ поселился въ Юрьевскомъ, отстроилъ себѣ отличный домикъ, и сталъ жить да поживать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Такъ совершился судъ человѣческій.

Вскорѣ началъ открываться и судъ Божій надъ всѣми тремя домами: надъ Егоровымъ, надъ Афиногеновымъ, надъ Федоровымъ.

Послѣ страдальческой смерти Егора, семейство его состояло изъ жены и четырехъ малолѣтнихъ сиротъ; думали, что рухнетъ этотъ домъ безъ хозяина. Вышло не такъ. Сынъ Егоровъ Прокопій подростъ, конечно не безъ нужды и горя, и вышелъ прекрасный человѣкъ, трезвый, умный, честный, дѣловой. Дѣла у него пошли превосходно; за что ни примется, все удается; что ни затѣетъ, вездѣ видимо благословеніе Божіе. Онъ выстроилъ себѣ прекрасный домъ, купилъ собственную свою землю, покоилъ мать свою, выдалъ сестеръ своихъ за мужъ, сталъ вступать въ разные небольшіе подряды: дѣлалъ плотины, мосты на Волгѣ, поставлялъ фашинникъ, камень, песокъ на Волгу, щебень на шоссе; однимъ словомъ: Господь видимо благословлялъ его. Когда нужно было приходскую церковь поправить, и сдѣлать въ ней новый иконостасъ—Прокопій первый былъ въ этомъ дѣлѣ и участникъ и двигатель. Когда ему было не больше 45 лѣтъ, всѣ старики въ Юрьевскомъ почитали его и любили; всѣ звали его и въ глаза и за глаза не иначе, какъ: Прокопій Егоровичъ. На мірскихъ сходахъ ихъ рѣшительное сужденіе до тѣхъ поръ не произносилось, пока Прокопій Егоровичъ не скажетъ своего слова.

Господь благословилъ Прокопія и въ бракѣ; жена у него была добрая и умная женщина; семья была благословенная; жилъ онъ счастливо. Лѣтъ семь назадъ тому онъ умеръ христіанскою кончиною. Послѣ него остались два сына, оба молодые люди, но весьма дѣльные; они домъ поддерживаютъ прекрасно. Всѣ сельскіе жители и окружные крестьяне ясно понимаютъ, что Гос-

подъ благословилъ этотъ домъ за невинную, страдальческую смерть Егора.

Семья Афиногена состояла изъ жены его и двоихъ сыновей, уже взрослыхъ. Послѣ совершенія убійства въ домъ его все какъ-то не спорится. Кажется и не пьютъ очень его дѣти, кажется и работаютъ усердно; кажется и женились удачно; а все дѣла идутъ какъ-то плохо; домишко тотъ же, и ужъ давно погнулся на сторону; скотины не много, хлѣба—тоже; перебиваются изъ-года въ годъ; такъ себѣ ни то, ни сѣ. Какъ будто до сихъ поръ дому ихъ нѣтъ прощенія отъ Господа Бога.

Но поразительнѣе всего судьба дома Ѳедора цѣловальника. Сначала, по возвращеніи изъ тюрьмы, зажилъ онъ бариномъ; домъ хорошій, всего вдоволь; самъ и жена здоровы; двѣ дочери одѣты хорошо. Но вотъ проходитъ года два—три. Жена Ѳедорова умерла нечаянно, безъ христіанскаго покаянія; дочери вышли за мужъ, но такъ несчастливо, что самъ Ѳедоръ бывало плачетъ объ нихъ. Домъ свой скоро онъ продалъ; деньги скоро какъ-то прошли. Онъ перешелъ жить къ одной изъ дочерей; но у дочери мало было ему покоя; держали, какъ собаку, какъ онъ самъ говорилъ. Дочь эта вскорѣ померла; онъ къ другой,—и та тоже померла. И остался онъ одинъ, какъ развалина, на бѣломъ свѣтѣ. Явилась тоска и скука; явились и угрызения совѣсти. И съ этою тоскою, съ этими угрызениями онъ кончилъ жизнь свою, неочистивши грѣха своего покаяніемъ.

Въ Юрьевскомъ не осталось и праха его, не осталось, кто бы помянулъ его и помолился за него.

Свящ. В. В—въ.

ПОПЕЧЕНІЕ ПРОМЫСЛА БОЖІЯ О НАПУТСТВОВАНІИ УМИРАЮЩЕЙ ^{а)}.

Лѣтъ 12 или 13 тому назадъ священникъ Оханскаго уѣзда, Карагайскаго села, Николай Пьянковъ на пасхальной недѣлѣ, въ четвергъ, былъ приглашенъ для напутствованія больныхъ въ три разныя деревни верстахъ въ 12 и 15 отъ села. Какъ тогда была весенняя распутица, то онъ и отправился верхомъ на лошади. Ему надобно было ѣхать мимо деревни Кайгородовой, отстоящей отъ села верстахъ въ четырехъ; деревня эта нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги; заѣзжать сюда ему не было надобности. Лишь успѣлъ онъ проѣхать съ версту отъ этой деревни, какъ лошадь подъ нимъ споткнулась,—и онъ упалъ съ нея. вмѣсто того, чтобы бѣжать впередъ по знакомой дорогѣ домой, лошадь бросилась назадъ; священникъ за ней. Лошадь повернула въ деревню Кайгородову, миновала нѣсколько домовъ и остановилась у одного дома въ срединѣ деревни. О. Николай приходитъ къ лошади, чтобъ взять ее и продолжать путь,—и что же? Хозяйка дома, старушка лѣтъ 80, стоя на крыльцѣ крестится и говоритъ: „слава Тебѣ, Господи, услышалъ ты меня грѣшную!“ На вопросъ священника, что это значить? она начала свой рассказъ. „Сноха у меня ужъ давненько нездорова горячкой. Я ждала, что будетъ легче, а становится все хуже да хуже. Вижу, что дѣло плохо; боюсь, чтобы не умерла безъ покаянія. Вотъ я и вздумала позвать тебя, батюшка, да послать-то некого и не на чемъ;

а) Изъ Духовнаго Дневника.

самъ знаешь, наше дѣло—господское, подневольное: сынъ въ посылкѣ на заводѣ, лошадей дома нѣтъ; сама стара—едва ноги волочу, дѣти малы. Я было и просила сосѣдей съѣздить за тобой, да кто меня послушаетъ? Всѣхъ обѣгала—никто не поѣхалъ. Самъ ты знаешь—мы люди бѣдные; теперь же пасха: всѣ почти бражничаютъ; кто въ гости уѣхалъ къ роднѣ, а кто и дома и лошади есть—такъ не охотно хлопотать изъ-за чужой бѣды. А и далеколи—бы? всего 4 версты. Вотъ они каковы сосѣди—то! Богъ съ ними! Ровно и умирать не хотятъ. А вижу, плохо, время не терпитъ, сноха плоха; того и гляжу—умреть. Взяло меня горе, а въ горѣ одна надежда на Бога. Вотъ я и говорю: хоть бы Богъ послалъ священника,—и стала Ему молиться. Господи! говорю, не дай душѣ погибнуть и отойти безъ покаянія. Гляжу въ окно; у воротъ стоитъ какая-то лошадь; выхожу на крыльцо, оглядываю лошадь, думаю про себя: откуда это такая лошадь, а ты какъ тутъ и есть. Вотъ оно милосердіе Божіе! Богъ тебя сюда послалъ“!

Священникъ, выслушавъ ея рассказъ, шути замѣтилъ: „такъ вотъ ты-то, бабушка, и умолила Бога, чтобы я упалъ съ лошади“, и рассказалъ ей свое приключеніе, и, разумѣется, напутствовалъ больную, къ которой привелъ его Самъ Богъ. Замѣчательно, что священникъ этотъ и прежде не рѣдко ѣзжалъ верхомъ и никогда не случалось, чтобы онъ падалъ съ лошади, и что лошадь, по отзыву ея хозяина, была осторожна на поступь и тверда на ногу. Не лишне упомянуть и о томъ, что о. Николай при паденіи съ лошади нисколько не ушибся.

ОТВѢТЫ

НА НѢКОТОРЫЯ

НЕДОУМѢНІЯ И ВОПРОСЫ. а)

Вопросъ 7. „Мы, православные, признаемъ непогрѣшимость Вселенскихъ соборовъ, или, что все равно—непогрѣшимость цѣлой церкви Божіей. Но логически, безъ участія вѣры, трудно объяснить себѣ такую непогрѣшимость. Сама вселенская Церковь не приписываетъ безусловной непогрѣшимости каждому и даже ни одному члену ея въ отдѣльности, хотя бы онъ былъ изъ святыхъ отцевъ и вселенскихъ учителей и святителей церкви. Но, по здравому смыслу, того не можетъ быть и въ итогѣ (въ суммѣ, въ цѣломъ), чего нѣтъ въ слагаемыхъ числахъ (въ частяхъ и отдѣльныхъ членахъ). Откуда же возмется этотъ элементъ непогрѣшимости въ соборѣ, когда его нѣтъ ни въ одномъ изъ составляющихъ его членовъ? Если скажемъ, что его сообщаетъ благодать, наитіе Св. Духа: то ясно, что непогрѣшимость принадлежитъ Св. Духу—въ чемъ никто и не сомнѣвается, а отнюдь не людямъ, не ихъ совокупному разсужденію, или собирательному значенію, потому что по пословицѣ: умъ хорошъ, а два лучше, общее сужденіе многихъ, или хотя бы и всѣхъ, но ограниченныхъ, можетъ составить только болѣе или менѣе здравое сужденіе, сравнительно съ мнѣніемъ одною, или не

а) См декабрск. книжку за 1863 годъ и январскую за текущій годъ.

многихъ, но оно еще далеко отъ безусловной непогрѣшимости. Сверхъ того останется еще вопросъ, по какимъ несомнѣннымъ признакамъ убѣдиться, что дѣянія или постановленія собора точно внушены ему Духомъ Святымъ? Духъ Св. можетъ внушить непогрѣшимость ученія и одному человѣку отдѣльно, какъ и было съ пророками и апостолами, а не непременно только собору. Но послѣдняя мысль будетъ благопріятствовать папизму и квакерству; какъ же объяснить этотъ вопросъ *философски?*“

Отвѣтъ. Твердое убѣжденіе въ непогрѣшимости все-ленской церкви возможно не для одной безотчетной вѣры, но и для здраваго логическаго мышленія. Это видно изъ того, что если церковь для убѣжденія другихъ въ истинѣ своего ученія указываетъ на непогрѣшимость свою, то всегда съ означеніемъ тѣхъ оснований, которыя служатъ подтвержденіемъ ея вѣрованій и постановленій. Это значить, что для тѣхъ, которые желаютъ увѣриться въ ея непогрѣшимости, есть надежное средство къ достиженію этой цѣли, и что никакое отступленіе отъ истины, никакая погрѣшность, когда бы, и гдѣ бы они ни были допущены, не могутъ остаться незамѣченными для вселенской церкви и укрыться особенно отъ внимательнаго взора изучающихъ судьбы и исторію церкви во всѣхъ ея подробностяхъ. Для этого слѣдуетъ только сравнить символическое ученіе церкви позднѣйшаго времени съ ученіемъ и постановленіями церкви древнѣйшей. Если на примѣръ православная церковь XIX вѣка защищаетъ и охраняетъ тѣ истины, которыя составляли предметъ вѣрованія въ XVI, X, VII, IV вв. и такъ далѣе, до самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, или которыя выведены изъ нихъ, какъ неиз-

бѣжное слѣдствіе; то нѣтъ основаній сомнѣваться, что православная церковь совершенно вѣрна тому ученію, которое преемственно преподано Іисусомъ Христомъ чрезъ апостоловъ, и слѣдовательно непогрѣшима. Нѣтъ спору, что не всѣ изъ членовъ и даже пастырей церкви съ одинаковою ясностію и полнотою понимали и передавали другимъ вѣроисповѣдныя истины; но въ то время какъ въ одной области, или церкви, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, появлялась опасность затмиться той, или другой богопреданной истинѣ, въ другой области, другіе пастыри эту же самую истину, по внушенію Божію успѣли раскрыть въ такомъ ясномъ свѣтѣ, что отняли предлогъ къ недоразумѣнію и разрѣшили всѣ сомнѣнія и возраженія; посему въ цѣлой вселенской церкви истина спасительнаго ученія осталась неповрежденною и сохранилась во всей чистотѣ. При этомъ не должно забывать и того, что по недоразумѣніямъ и простотѣ впадающіе въ погрѣшительныя мнѣнія о предметахъ вѣры съ любовію приемиютъ всякое вразумленіе и предостереженіе и никогда не возстаютъ противъ общаго церковнаго ученія съ тѣмъ упорствомъ, какое отличаетъ еретиковъ, съ надменностію хвалящихся своимъ отдѣленіемъ отъ церкви; а такія недоразумѣнія и личныя мнѣнія нельзя назвать и заблужденіями, — это скорѣе догадки и предположенія, еще далекія отъ окончательнаго рѣшенія; таковы напр. мнѣнія о тысящелѣтнемъ царствѣ праведниковъ на землѣ, которыя съ довѣріемъ принимаемы были многими изъ древнихъ. Всѣ такія неосновательныя и невѣрныя предположенія о несущественныхъ предметахъ религіи, кому бы ни принадлежали они, хотя бы знаменитымъ въ свое время пастырямъ и учителямъ церкви, также мало говорятъ про-

тивъ непогрѣшимости вселенской церкви въ отношеніи къ символическому, основному ея ученію, какъ препятствуютъ святыхъ называть святыми мысленные грѣхи или мгновенныя грѣховныя пожеланія, ни для кого неизбѣжныя и въ возрожденномъ, благодатномъ состояніи человѣка.

Напрасно въ отношеніи къ вселенскимъ соборамъ г. Верцелюсъ напоминаетъ положеніе: чего нѣтъ въ слагаемыхъ числахъ, того не можетъ быть и въ итогѣ. Напротивъ, здѣсь умѣстнѣе поставить такое положеніе: чего человѣкъ самъ по себѣ, при обыкновенномъ порядкѣ его жизни, не можетъ приобрести въ цѣлый свой вѣкъ, то легко можетъ сдѣлаться его достояніемъ въ извѣстный періодъ времени при особенныхъ условіяхъ. Иначе сказать, изъ того, что извѣстный пастырь въ теченіи цѣлой жизни своей по недоразумѣнію допустилъ какую нибудь погрѣшность, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что онъ не можетъ изъять быть отъ погрѣшительнаго сужденія ни въ какое время, даже когда особенно озабоченъ изслѣдованіемъ истины и, съ вѣрою испросивъ себѣ благодатнаго вразумленія, является на вселенскій соборъ. Точное постиженіе спасительныхъ истинъ религіи, какъ благодатный даръ, сообщается по мѣрѣ нужды и условливается какъ нравственнымъ очищеніемъ ищущаго истины, такъ и тщательнымъ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, безъ которыхъ невозможно всестороннее и полное обсужденіе изслѣдуемаго предмета. Но когда необходимѣе бываетъ сообщеніе этого благодатнаго дара, какъ не тогда, когда истины вѣры и благочестія подвергаются усиленнымъ враждебнымъ нападеніямъ, и когда упорное невѣріе и мечтательное суетное мудріе покушаются затмить истину не въ одной какой

нибудь области, но въ цѣлой церкви? А въ такія-то времена и созывались вселенскіе соборы. Если въ это время даже избраннѣйшіе пастыри церкви лишены будутъ благодатнаго вразумленія: то какъ же можетъ исполниться обѣтованіе о непоколебимости церкви и о всегдашнемъ соприсутствіи въ ней Сына Божія (Матѣ. 28, 12.) и Духа Святаго, научающаго на всякую истину (Іоан. 16.)? Не надобно только представлять, что всѣ присутствующіе на соборѣ одновременно озаряются свѣтомъ истины. Легко можетъ быть, что нѣкоторые изъ отцевъ являлись на соборѣ безъ достаточнаго приготовленія къ разсужденію о спорномъ предметѣ. Но когда избранники Божіи по преимуществу своей благочестивой ревности и по превосходству святости, надѣленные болѣе другихъ дарами разумнія, раскрывали и защищали истину съ тою убѣдительностію и основательностію, противъ которыхъ не можетъ ничего сказать здравое размышленіе, какъ напр. Аѳанасій на Никейскомъ соборѣ, Кирилъ на Ефесскомъ: то при этомъ случаѣ не можетъ не открыться сердце къ воспріятію истины и въ тѣхъ лицахъ, которыя явились на соборѣ, хотя не съ полнымъ разумніемъ спорныхъ предметовъ, но безъ предубѣжденія противъ истины. Единодушно принятія при этомъ опредѣленія собора, послѣ безпристрастнаго изслѣдованія всѣхъ мѣстъ св. писанія и святоотеческаго преданія, относящихся къ обсуждаемому предмету, необходимо назвать не только болѣе здоровымъ сужденіемъ, но непреложно вѣрнымъ и истиннымъ рѣшеніемъ вопроса. Для рѣшенія вопросовъ изъ области религіи нѣтъ и не можетъ быть другихъ основаній кромѣ Св. Писанія и св. преданія. По этому, когда вселенскій соборъ, при опредѣленіи извѣстнаго догмата, совершенно выяс-

нилъ его основанія и на нихъ постановилъ свое опредѣленіе: тогда нечего уже опасаться, что какія-либо новыя явленія въ области религіозныхъ изслѣдованій, близкія къ тѣмъ, которыя были предметомъ обсужденія на соборѣ, могутъ повести къ отиѣнѣ соборныхъ опредѣленій, подобно тому какъ въ наукахъ естественныхъ, новыя, прежде незамѣченныя, явленія природы и новыя опыты не-рѣдко ведутъ къ измѣненію основныхъ положеній науки. Здѣсь разность въ томъ, что въ наукахъ человѣческихъ основанія поставляются и измѣняются разумомъ по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ данныхъ, а въ ученіи вѣры основанія — вѣчныя, данныя на всѣ времена въ божественномъ откровеніи. По этому дѣло соборовъ и ученыхъ истолкователей догматовъ, какъ прежде состояло, такъ и всегда будетъ состоять только въ томъ, чтобы выяснять эти основанія и ими провѣрять каждое новое явленіе въ области религіозныхъ изслѣдованій.

Безспорно, что были и такіе соборы, которые имѣли видъ вселенскихъ, но на которыхъ постановлены были невѣрныя, не согласныя съ истиною опредѣленія; но слѣдуетъ только сравнить подобныя сборища, каковы напр. разбойничій соборъ Ефесскій, иконоборческій Копронимовъ и Флорентійскій въ защиту папства, съ истинными вселенскими соборами, — и тогда нельзя не усмотрѣть приказовъ, по которымъ всегда можно отличать опредѣленія соборовъ, запечатлѣнныя, личнымъ пристрастіемъ и односторонностію изслѣдованій, отъ непогрѣшительныхъ, внушенныхъ Духомъ Божіимъ постановленій. Таковы между прочими признаки: чистота побужденій къ созванію соборовъ, присутствіе на нихъ представителей всѣхъ православныхъ церквей, свобода изслѣдованій,

не ограничиваемся ни принудительными, ни другими стѣснительными мѣрами какъ на Флорентійскомъ соборѣ, и всестороннее обсуждеціе тѣхъ основаній, которыя подлежали изслѣдованію при постановленіи соборныхъ опредѣленій.

ВТОРОЙ ГОДЪ.

ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО СОВѢТА О ПРИХОДСКИХЪ БѢДНЫХЪ, УЧРЕЖДЕННАГО ПРИ КАЗАНСКОЙ, У КАЛУЖСКИХЪ ВОРОТЪ, ЦЕРКВИ, ВЪ МОСКВѢ.

Въ прошедшемъ году мы довольно подробно объяснили дѣятельность нашего Попечительнаго Совѣта о приходскихъ бѣдныхъ за первый годъ его существованія а). Въ теченіи втораго года она шла тѣмъже порядкомъ. Члены Совѣта изъ прихожанъ посѣщали бѣдныхъ, вникали въ ихъ домашнюю жизнь; умершихъ, или выбывшихъ изъ прихода исключали изъ списка и на ихъ мѣсто по общему соглашенію принимали новыхъ. Въ списокѣ бѣдныхъ числилось постоянно около 60 лицъ одинокихъ и семейныхъ; имъ выдаваемы были ежемѣсячныя пособія отъ 1 р. до 3-хъ р. с. Другимъ, имѣвшимъ особенную нужду въ помощи даваемы были пособія единовременныя. Заболѣвавшимъ изъ приходскихъ бѣдныхъ, всѣмъ безъ исключенія, когда они того желали, отпускаемы были изъ аптеки лекарства въ счетъ Попечительнаго Совѣта. Источники доходовъ были тѣже, какъ и прежде: подписка отъ прихожанъ, пожертвованія стороннихъ благотворителей и сборъ въ кружку для

а) См. Апр. кн. Душ. Чт. 1863 г.

бѣдныхъ, поставленную въ церкви. Представляемъ здѣсь для прихожанъ нашихъ и всѣхъ сочувствующихъ нашему дѣлу краткій отчетъ въ приходѣ и расходѣ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи Попечительнаго Совѣта:

П р и х о д ъ:

Осталось отъ прошедшаго 186 ² / ₃ года б)	266 р. 55 к.
Вновь поступило въ 186 ⁵ / ₄ году:	
По подпискѣ отъ прихожанъ...	1773 — 50 —
Отъ стороннихъ благотворителей	361 — 70 —
Высыпано изъ кружки.....	259 — 68 —
Процентовъ съ капитала.....	33 — 50 —
<u>И того....</u>	<u>2694 — 93 —</u>

Р а с х о д ъ:

Роздано ежемѣсячныхъ пособій.....	1066 — — —
единовременныхъ.....	42 — 35 —
на лекарства.....	39 — 89 —
<u>Итого...</u>	<u>1148 — 24 —</u>
Остатокъ.....	1546 — 69 —
Изъ него обращено въ 5 ⁰ / ₀ билеты для приращенія капитала самими жертво- вателями.....	1100 — — —
Обращено въ 5 ⁰ / ₀ бил. по согласію чле- новъ Попечительнаго Совѣта.....	400 —
<u>Итого въ текущемъ году поступило въ капиталъ. .</u>	<u>1500 —</u>
Было отложено въ 186 ² / ₃ году..	500 —
<u>Всего капитала. .</u>	<u>2000 —</u>
Оставлено въ расходъ на будущій годъ	46 р. 69 к.

б) Годъ считается съ 8-го марта, времени учрежденія Поп. Совѣта.

Попечительный Совѣтъ приносить глубочайшую благодарность всѣмъ благотворителямъ, давшимъ ему средства облегчить трудную жизнь значительнаго числа приходскихъ бѣдныхъ и покорнѣйше просить всѣхъ сочувствующихъ его дѣлу не отказать въ пожертвованіяхъ и на будущее время. Въ нашемъ приходѣ слишкомъ много бѣдныхъ. Увеличеніе капитала, а съ нимъ и ежегодныхъ процентовъ по времени, съ Божію помощію, дастъ возможность большому числу бѣдныхъ оказывать помощь и упрочить существованіе самаго Попечительнаго Совѣта.

Члены Попечительнаго Совѣта о приходскихъ бѣдныхъ, учрежденнаго при Московской Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви:

Протоіерей Алексѣй Ключаревъ
 Староста церковный Василій Епанешниковъ
 Петръ Воробьевъ
 Трифонъ Федоровъ
 Ефимъ Ефремовъ
 Иванъ Бѣлоусовъ
 Никита Хлобыстовъ
 Михаилъ Бодровъ.

Поправка. Въ апр. книжкѣ, въ первомъ отдѣлѣ, на стран. 375-й, строка послѣдняя, напечатано: *жившему*; должно читать: *жившіе*. На стран. 376, строка первая, напечатано: *нихъ*; должно читать: *него*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРИГЛАШЕНІЕ,

ОБРАЩЕННОЕ КЪ НАСТОЯТЕЛЯМЪ МОСКОВСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ И
СТАРОСТАМЪ ЦЕРКОВНЫМЪ.

Прекрасно слово святаго апостола Петра: *насите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волю.* Посему желательно, чтобы и то, чего понудительно можетъ требовать законъ, съ свободолобіемъ предлагаемо было къ добровольному исполненію, и добровольно принимаемо было къ исполненію. Въ такомъ духѣ простираемъ теперь слово къ братіямъ и сослужителямъ нашимъ, протоіереямъ и іереямъ, настоятелямъ церквей и къ благопопечительнымъ старостамъ церквей въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.

Существуетъ законъ, чтобы, при покупкѣ и продажѣ церковныхъ свѣчъ, сверхъ уплаты остающіяся деньги представляемы были въ непосредственное вѣденіе Святѣйшаго Синода, для употребленія крайне нуждающимся церквамъ, на содержаніе духовныхъ училищъ, и на пропитаніе бѣдныхъ дѣтей духовенства, учащихя въ духовныхъ училищахъ.

Нѣкоторые съ неудовольствіемъ взираютъ на сей законъ: но это несправедливо. Справедливо только то, что онъ тягостенъ для нѣкоторыхъ бѣдныхъ церквей, которымъ, безъ пособія свѣчныхъ денегъ, трудно удовлетворить своимъ нуждамъ.

Но законъ сей справедливъ и благодѣтеленъ.

Въ церкви есть особая деньги, отъ благочестиваго усердія приносимыя для удовлетворенія потребностямъ ея, такъ называемыя кружечныя и кошельковыя. Свѣчныя деньги составляютъ особую, придаточную собственность церкви (которой могло и не быть), происходящую отъ усиленной бережливости и отъ искусственнаго оборота при покупкѣ свѣчъ. Посему справедливо законъ, не коснувшись денегъ перваго рода, назначилъ деньги втораго рода, соотвѣтственно настоятельной нуждѣ, въ распоряженіе высшаго духовнаго начальства. По Апостольскимъ же правиламъ, тридцать осьмому и сорокъ первому, и надъ всякою церковною собственностію имѣть полную власть Епископъ, а тѣмъ болѣе Святѣйшій Синодъ, и особенно въ пользу неимущихъ. Какіе же неимущіе ближе къ попеченію церкви, какъ дѣти бѣдныхъ священноцерковнослужителей? — Священно и церковнослужители служатъ церкви въ пользу прихожанъ. По слову Божію, и по вышеприведенному Апостольскому правилу, служащіе олтарю и ихъ семейства должны питаться отъ олтаря, то-есть, отъ приношеній прихожанъ. Изъ всего сказаннаго видно, что употребленіе свѣчныхъ денегъ на воспитаніе дѣтей духовенства, по отношенію къ церковнымъ правиламъ справедливо, въ отношеніи къ бѣднымъ дѣтямъ челоуколюбиво и благодѣтельно, и въ отношеніи къ прихожанамъ облегчительно и полезно, потому что посредствомъ сего пособія приготавлиются для нихъ достойныя священно и церковно-служители.

Къ сожалѣнію, нельзя скрыть, что законъ о свѣчныхъ деньгахъ исполняется неточно. Священники, по довѣрію и уваженію къ церковнымъ старостамъ, не довольно вникають въ сіе дѣло; церковныя старосты, радѣя преимущественно церкви, не строго отдѣляютъ свѣч-

ныя деньги, и значительная часть ихъ, даже, по призна- нію нѣкоторыхъ церковныхъ старостъ, большая часть смѣшивается съ кошелековыми, и остается въ церквахъ.

Да помыслятъ священно и церковнослужители и церковные старосты, что, каковъ бы ни былъ законъ, его должно исполнять вѣрно, и тѣмъ болѣе, когда есть убѣжденіе, что онъ справедливъ и благодѣтеленъ. Да усугубятъ свое вниманіе и стараніе, чтобы предъ Богомъ и человѣки быть вѣрными исполнителями закона, и съ тѣмъ вмѣстѣ благотворителями бѣдности.

Присовокупить ли, что о настоятеляхъ и старостахъ московскихъ церквей неблагопріятно по сему предмету отзываются въ нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ? Дѣло должно дѣлать, по долгу, для пользы, а не для мнѣнія человѣческаго: но конечно лучше подавать другимъ назидательный, нежели неназидательный примѣръ. Насъ судятъ строже, нежели должно: въ Москвѣ церквей больше, нежели въ Петербургѣ, а населеніе меньше; въ Петербургѣ церквей меньше, а населеніе больше. Посему въ Москвѣ несравненно болѣе, нежели въ Петербургѣ, сгараеть свѣчъ въ церквахъ безъ прибыли, и несравненно менѣе употребляется свѣчъ, приносящихъ прибыль. Однако нельзя не признать, что московскія церкви болѣе, нежели донинѣ, могутъ отъ свѣчъ доставлять пособія на общую церковную пользу, и да совершится сіе съ добрымъ усердіемъ къ общей пользѣ.

Каждый благочинный Москвы пригласитъ настоятелей и старостъ церквей своего вѣдомства собраться, и прочтетъ имъ сіе; и да явится совѣтъ благій, и да приметъ силу; и да произведетъ общепользное дѣйствіе.

На подлинномъ написано: Филаретъ, М. Московскій.

10 іюня 1864 года.

ЗАПИСКИ

МИССИОНЕРА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
ИЕР. МАКАРІЯ, ЗА 1863 ГОДЪ.

—

1-е января. Новокрещенная дѣвочка Пелагія приходила къ намъ съ жалобою на своихъ братьевъ, тѣснившихъ ее будто за то, что она стала учиться грамотѣ. Братья вѣроятно опасались, чтобы сестра ихъ, выучившись грамотѣ, не отказалась отъ жениха, за котораго была просватана ими, по калмыцкому обычаю, еще въ младенчествѣ. По просьбѣ братьевъ волостный ихъ чиновникъ хотѣлъ наказать дѣвочку розгами, и только бѣгство изъ юрты спасло ее отъ неминуемаго позора. По просьбѣ нашей, русское чемальское общество поспѣшило защитить Пелагію отъ незаслуженнаго позора и притѣсненія.

2-го ч. Является новокрещенный Доманъ съ горемъ и жалобой другаго рода: недавно пріѣзжавшій Зайсанъ Чеберекъ распустилъ молву между новокрещенными, что тѣ изъ нихъ, которые пользовались трехлѣтней льготой отъ платежа податей, будутъ отдаваемы въ солдаты. Благодаря довѣрчивости новокрещеннаго, не много нужно было усилій успокоить его такъже скоро, какъ легко онъ былъ встревоженъ.

3-го ч. Пріѣхалъ изъ Улалы переводчикъ Михаилъ В. Чевалковъ для продолженія занятій по переводу богослужебныхъ книгъ на калмыцкій языкъ, и начались училищныя занятія. Я оставилъ за собой преподаваніе св. Исторіи и церковнаго пѣнія, а обученіе чтенію и чистописанію раздѣлилъ между сослужащими мнѣ инородческими дѣтьми — Димитріемъ Куйрюковымъ и Іоаса-

Фомъ Чевалковымъ, изъ которыхъ первый утвержденъ въ должности церковнослужителя при Чемальскомъ отдѣленіи миссіи.

4—6-го ч. Въ утренніе часы мальчики обучаемы были чтенію, въ послѣобѣденные — чистописанію и пѣнію. Наканунѣ праздника Богоявленія совершено вечернее богослуженіе и обрядъ водоосвященія. Для новокрещенныхъ, непонимающихъ русскаго языка, предложено поученіе, на родномъ ихъ языкѣ, о силѣ креста и св. воды и объяснено значеніе праздника. Предстоящіе съ благоговѣніемъ пили св. воду и уносили ее съ собой для освященія домовъ.

7-го ч. Послѣ Литургіи съ крестомъ и священной водой мы посѣщали аилы новокрещенныхъ. Сказанное мною наканунѣ поученіе о силѣ креста слушатели не оставили безъ вниманія; возвратившись домой, они озаботились оградить аилы свои отъ демоновъ изображеніемъ надъ дверями креста. Одинъ изъ новокрещенныхъ, поставившій надъ дверями своими деревянный крестикъ, объяснилъ намъ, почему предпочелъ деревянный крестъ писанному: послѣдняго, сказалъ онъ, бѣсъ можетъ не замѣтить и зайти въ юрту, а деревянный безъ сомнѣнія для него будетъ видѣе и страшѣе.

9-го ч. Приходила вдова калмычка и объявила желаніе принять св. крещеніе, но при этомъ требовала, чтобы ей, по крещеніи, выдано было извѣстное количество денегъ, или доставляемо было содержаніе ей съ семействомъ въ теченіе года. Мы не согласились на ея условіе, оскорбительное для святой вѣры, объяснивъ впрочемъ, что по крещеніи она получить право на пособіе, только не въ возмездіе за крещеніе, а ради Бога и во вниманіе къ ея сиротству. Подумавъ, она отказа-

лась отъ крещенія. Вечеромъ мы служили всенощное бдѣніе, во время коего рассказано было для русскихъ слушателей житіе св. Ксенофонта и Маріи.

10-го ч. Отслуживъ литургію, собираюсь ѣхать въ главный станъ миссіи — Улалу, куда приглашено все миссіонерское братство ко дню блаженной памяти основателя алтайской миссіи о. архимандрита Макарія.

12-го ч. Прибыль въ Улалу, гдѣ пробыль 20 дней, занимаясь, между прочимъ, исправленіемъ прежде сдѣланныхъ переводовъ. Въ общемъ собраніи миссіонеры обсуждали и рѣшали разнообразныя вопросы, касющіеся служебной и экономической части миссіи. По части переводовъ богослуженія на татарско-калмыцкій языкъ былъ обсуждаемъ вопросъ: какое слово на татарско-калмыцкомъ языкѣ наиболѣе прилично для названія третьяго Лица св. Троицы? Понятія о *духъ*, какъ разумной и совершенно *безтѣлесной* личности, у калмыковъ нѣтъ; ни Бога, ни ангеловъ они не называютъ духами; для выраженія понятія о духѣ доселѣ употребляемо было калмыцкое слово: *тыгъ*, но это, ни больше ни меньше, какъ только запахъ пріятный или непріятный, и никогда не предполагаетъ понятія о разумности и совершенной безтѣлесности. Приличнѣе было бы назвать духъ словомъ *тынгъ*, какъ употреблено это слово въ переводахъ татарскихъ (казанскихъ) и якутскихъ; но по понятію нашихъ калмыковъ *тынгъ* значитъ *жизнь*, или животная душа, равно свойственная животнымъ, какъ и человѣку: здѣсь опять недостаетъ понятія о *свободѣ* и *разумности*. По мнѣнію переводчика М. Чевалкова, съ коимъ и я былъ вполне согласенъ, понятіе *духъ* приличнѣе выражать по-калмыцки словомъ *саныгъ*. Хотя *саныгъ* не имѣетъ того обширнаго значенія, какъ рус-

ское *духъ* и греческое *πνευμα* (кои выражаютъ и чистѣйшій Божественный Духъ, равно какъ и подлежащія тѣлеснымъ чувствамъ: запахъ и вѣтеръ), но это слово вполне выражаетъ понятіе о нравственной свободѣ и разумности а) и потому болѣе другихъ прилично для названія третьяго Лица св. Троицы б). По общему

а) Слово *саышъ* часто даютъ исключительное значеніе ума или познавательной способности; но это несправедливо. Хотя *саышъ*, по понятію калмыкъ, означаетъ и умъ (*пдыкпысь саышту* — неполный умомъ), но ему равно свойственно быть нравственно добрымъ или злымъ (*ак саышту* — благочестивый, *кара саышту* — злой, злодѣй), чувствовать пріятное или не пріятное (*саыжума ачу туншты* — духъ скорбитъ, на душу пала печаль; *тэду саышту* — спокойный, довольный духомъ), избирать доброе или злое, — *кръскэ тунжергэ саыши ідкэ* — нѣтъ расположенія креститься; значить, *саышъ* выражаетъ всѣ тѣ способности, изъ коихъ слагается духъ человѣка.

б) Для выраженія слова *жизнь*, у алтайскихъ инородцевъ есть еще слово *тюроумъ* или *тюрюулюкэ*, отъ слова *тюрюп-йдымъ* — живу, *тюрю* — живой. *Тынъ* значитъ животная душа, сила, духъ жизни; происходитъ отъ *тынып-йдымъ* дышу, — *тынышъ* дыханіе. *Тынъ* безразлично употребляется съ словомъ *сюнэ* душа человѣка; у нѣкоторыхъ племенъ алтайскихъ даже вовсе не употребляется слово *сюнэ*; у нихъ только и есть одно слово *тынъ*, для выраженія понятія о душѣ. Когда слово *тынъ* относится къ человѣку, то разумѣется тутъ и свобода и разумность; а когда къ животному, то не разумѣется. Но слово *тынъ* потому собственно не удобно употребить для означенія 3-го Лица св. Троицы, что *тынъ* (духъ, душа) всегда предполагаетъ *эдй* (тѣло), съ коимъ *тынъ* соединенъ или раздѣленъ; посему если сказать *Кутай* — *Тынъ*, Богъ — Духъ; то будутъ думать, что кромѣ *тынъ* у Бога есть и *эдй* (тѣло). Если принять это слово для означенія *Духъ*, то необходимо употреблять съ прибавленіемъ: *эдй* — *ідкэ*, безтѣлесный. Что касается до слова *саышъ*, то оно значитъ именно *разумъ*, способность, иногда помысль, желаніе, свойство; а отнюдь не *духъ*, въ смыслѣ *безтѣлесной личности*; для выраженія сего понятія необходимо прибавлять къ слову *саышъ* — *разумъ*, слово *тюрю* — живой. *Миссіонеръ, Протоіерей Стефанъ Ландышевъ.*

обсужденіи этого вопроса хоть и допущено употреб-
лять въ показанныхъ случаяхъ слово *самыш* вмѣсто
титъ, но до введенія его во всеобщее употребленіе
еще далеко, потому что на сторонѣ прежняго стоитъ
давность и привычка употребленія.

5-го февраля съ церковнослужителемъ Димигріемъ
Куйрюковымъ я возвратился въ Чемаль. Въ отсутствіе
наше дѣвочки перестали учиться грамотѣ; новокрещен-
ные родители ихъ употребили всѣ возможные мѣры,
чтобы охладить въ нихъ усердіе къ ученію в).

15—19-го мая жилъ въ Улалѣ, занимаясь оконча-
тельнымъ исправленіемъ перевода литургіи на калмыц-
кій языкъ и переписываніемъ набѣло. Здѣсь же огла-
шена и крещена калмычка *Тошла*; это—та самая, ко-

в) Далѣе до 15 мая слѣдуетъ голая перечень занятій мис-
сіонерскихъ, — упоминается о службахъ церковныхъ для говѣвшихъ инородцевъ, изъ которыхъ во всю четырехдесятницу
исповѣдано и приобщено св. таинъ 226 человекъ; объ отпра-
вленіи нѣкоторыхъ частей богослуженія и о поученіяхъ на
языкъ инородцевъ; о присоединеніи къ православію 16 февраля
трехъ раскольническихъ дѣтей, изъ которыхъ дѣвица Д. по-
ступила въ улалинскую женскую общину; о крещеніи 23 мая
калмыка Юсифа и его четырехъ дѣтей; о разъѣздахъ миссіо-
нера для исправленія требъ, о занятіяхъ переводами на инородче-
скій языкъ. Подъ 23 февраля сказано: „Говѣшіе причащались
св. Таинъ съ видимымъ благоговѣніемъ. Нѣкоторые изъ говѣв-
шихъ самовольно отлучили себя отъ св. Трапезы; на вопросъ
нашъ о причинѣ этого, отвѣчали: „мы ѣдимъ мясо и пьемъ
вино, а причащившись св. Таинъ, нужно воздерживаться отъ
этого; а гдѣ намъ воздержаться? мы побоились этого и не
пришли причаститься.“ Внушивъ имъ, что самовольно, безъ
совѣта духовника, отлучаться отъ св. Причастія не слѣдуетъ,
мы посовѣтовали имъ поговѣть и приобщиться св. Таинъ на
слѣдующихъ недѣляхъ. Вечеромъ отправляли всенощное бдѣніе,
во время коего расказано было изъ пролога о воинѣ Таксіо-
тѣ—порусски.“ *Ред.*

торая въ генварѣ мѣсяцѣ ушла отъ насъ, не согласившись на условія крещенія. Ее привезъ ко мнѣ въ Улалу недавно крещенный Іосифъ, уговоривъ ее принять христіанскую вѣру и быть его женой. Іосифъ самъ училъ ее молитвамъ и убѣдительно просилъ меня не отлагать ея крещенія, потому что домашнія обстоятельства и малолѣтнія дѣти его нетерпѣливо ждутъ къ себѣ матери-домохозяйки, а наступающій постъ можетъ надолго отвести и даже разстроить ихъ бракосочетаніе; и у *Тошлы* давно ходила въ головѣ мысль о крещеніи, но она отлагала свое крещеніе, разстроиваемая родственниками; Іосифъ поручился, что самъ будетъ учить жену свою по крещеніи, если она не успѣетъ что выучить до крещенія. Во вниманіе къ его просьбѣ, *Тошла* была крещена съ именемъ *Елены*, и Іосифъ вѣрно исполнилъ свое слово; онъ усердно учитъ все свое семейство молитвамъ и христіанской жизни, чаще другихъ посѣщаетъ храмъ Божій и усердно исполняетъ христіанскія обязанности.

20-го ч. въ день св. Духа я выѣхалъ изъ Улалы въ д. Билюлю.

21-го ч. выѣхалъ изъ Билюли; стоитъ ненастье; промоchило до нитки; въ аилахъ на дорогѣ перемѣнилъ подводы,—на счастье проводникъ былъ со мной весьма словоохотливъ; въ разговорахъ съ нимъ время текло скоро, онъ то заучалъ русскія слова, хотя языкъ и сильно измѣнялъ ему въ произношеніи этихъ словъ, то спрашивалъ меня, то самъ отвѣчалъ на мои вопросы. „А кто вашъ зайсанъ?“ спросилъ я у проводника, утомившись преподавать ему уроки русскаго языка. „Теперь *Козмай*, а прежде *Корту*, отвѣчалъ онъ; въ прошломъ годѣ я служилъ у зайсана вѣстовымъ и ви-

дѣлъ васъ г.) въ проѣздъ на Онгудай; помните ли, какъ зайсанъ приказалъ раскинуть для васъ палатку и принесть одѣваться вамъ лисью шубу?“ „Помню.“ „Въ ту ночь меня зайсанъ побилъ.“ „За что?“ „А вотъ за что: жена его приказала подать ей вина; я налилъ, и, по обычаю нашему, поднесъ ей стоя на колѣняхъ; она приказала мнѣ пѣть пѣсню; боясь разбудить ея мужа, я отказывался пѣть; она настояла—и я запѣлъ; зайсанъ пробудился, осердился и сталъ бить меня. Я поберегся и поудержалъ его руку; онъ больше раздражился и приказалъ меня высѣчь; что съ нимъ сдѣлаешь? кому станешь жаловаться? Его вѣдь всѣ боятся, и начальники уважаютъ; онъ сказывалъ намъ, что онъ получилъ чинъ и кафтанъ съ золотымъ поясомъ, и съ той поры онъ сталъ для насъ хуже.—„А видали ли вы царя?“ спросилъ меня проводникъ, наговорившись о своемъ зайсанѣ и перебравъ всѣ власти.—Я отвѣтилъ утвердительно; на лицѣ проводника выразилось изумленіе; онъ покачалъ головой. „А гдѣ вы его видѣли? въ домѣ?“ „Нѣтъ, въ церкви,“ отвѣтилъ я, „онъ молился Богу; вѣдь онъ и самъ молится Богу, и желаетъ, чтобы всѣ подданные его молились тому истинному Богу, которому онъ молится.“ — „Мы и молимся тому небесному Богу, Которому молится великій государь,“ отвѣчалъ проводникъ. „Нѣтъ, другъ, не одному Богу молитесь вы; вы чтите Ульгения, приносите жертву Эрликудъ, кланяетесь горамъ

г., Алтайцы при разговорахъ съ старшимъ лицомъ даже въ семейной жизни къ старшему относятся всегда во множественномъ числѣ: „вы“, а не „ты“, и этимъ отличаются передъ Черневыми татарами, которые и высшему и низшему себя говорятъ: „ты“.

д) Ульгень, по понятію калмыковъ, верховный, добрый богъ. Эрликъ — богъ ада; въ его власти находятся злые духи и души злыхъ людей.

и водамъ; все это не истинный Богъ; Ульгень и Эрликъ, по вашимъ сказкамъ, были богатыри; люди ихъ боялись и по смерти стали приносить жертвы, какъ теперь и вы боитесь злыхъ камовъ, и по смерти чтите ихъ для того, чтобы они не дѣлали вреда. Истинный Богъ — одинъ, котораго вы не знаете; Онъ приходилъ на землю, родился отъ св. Дѣвы и жилъ среди людей; Его имя Иисусъ Христосъ; Онъ на землѣ творилъ чудеса и училъ, какъ нужно людямъ жить, чтобы по смерти взойти на небо; чтобы спасти людей отъ діавола и смерти, Онъ самъ себя предалъ на страданіе и смерть; когда пречистое тѣло Его было во гробѣ, Онъ сошелъ въ адъ и вывелъ оттуда всѣхъ добрыхъ и вѣровавшихъ въ Него людей; на третій день Онъ воскресъ и явился людямъ, и изъ тѣхъ людей, коихъ онъ вывелъ изъ ада, многіе воскресли; послѣ воскресенія Иисусъ Христосъ пребывалъ на землѣ 40 дней и потомъ вознесся на небо, а ученикамъ своимъ велѣлъ идти ко всѣмъ народамъ, учить и крестить; кто крестится — будетъ спасенъ, а кто не повѣритъ — будетъ осужденъ; ученики Его пошли по всему міру, учили и крестили, силою Иисуса Христа изгоняли бѣсовъ, исцѣляли больныхъ и воскрешали мертвыхъ.“— „А теперь есть такіе люди, кои бы могли воскресить мертваго и исцѣлить больнаго?“ спросилъ мой собесѣдникъ. Въ отвѣтъ я указалъ ему на нетлѣнныя тѣла угодниковъ Божіихъ, какъ источники безчисленныхъ чудесъ, говорилъ о новоявленномъ чудотворцѣ святителѣ Тихонѣ, Иннокентіѣ и др., какъ живыхъ свидѣтеляхъ всеобщаго воскресенія, и въ заключеніе рассказалъ ему о страшномъ судѣ, блаженствѣ праведныхъ и мученіи грѣшниковъ. Выслушавши все это съ углубленнымъ вниманіемъ,

спутникъ сказалъ: „Я никогда этого не слыхалъ, и наши камы не говорятъ такъ, какъ говорите вы; отъ вашихъ словъ страшно мнѣ стало.“ „Это отъ того, что мы говоримъ слова Божіи, которыя проникаютъ сердце,“ сказалъ я, „а ваши камы отъ себя выдумываютъ и обманываютъ васъ; они обманомъ живутъ и питаются; они служатъ діаволу, а діаволь обманщикъ и камовъ научаеъ обману, а мы говоримъ, какъ написано въ словѣ Божіемъ.“ „Это правда,“ сказалъ проводникъ, „камы насъ обманываютъ; у нихъ нѣтъ книгъ, — что выдумаютъ отъ себя, то и говорятъ; а у васъ есть слово Божіе.“ Разговоръ нашъ на минуту прекратился; но у молодого спутника моего мысль о великомъ русскомъ Государѣ лежала въ душѣ на-ряду съ мыслию о Богѣ; внимательно выслушавъ ученіе о Богѣ, онъ возобновилъ прерванный разговоръ о царѣ; и долго заучалъ произношеніе августѣйшихъ именъ: Александръ Николаевичъ и Марія Александровна. Разговоръ нашъ кончился, когда мы уже стали подъѣзжать къ деревнѣ. Вечеромъ я прибылъ въ Чемаль.—22-го ч. Крестилъ двухъ младенцевъ.—23-го ч. Отслуживъ литургію и приобщивъ младенцевъ св. Таинъ, послѣ обѣда отправился въ Мыоту.—24-го ч. Помолившись Богу, съ миссіонеромъ Арсеніемъ, церковнослужителемъ и толмачемъ отправились съ повѣдію Евангелія по аиламъ Калмыкъ. При р. *Тыткескенъ* раскинувъ палатку остановились на ночлегъ.

25-го ч. Приѣхали въ аилы, стоящіе при р. *Короту́* и отсюда поспѣшили застать вечерню въ Урсульскомъ станѣ миссіи. Завѣдывающій станомъ іеромонахъ о. Смарагдъ, предъ нами приѣхавшій изъ повѣздки въ какіе-то аилы, принялъ насъ радушно. Было уже поздно;

усталая плоть требовала отдыха. 27-го ч. Втроемъ отправились осматривать ближайшія къ селенію насыпи и камни съ іероглифическими изображеніями. Предъ нами обширная долина, со всѣхъ сторонъ окаймленная горными хребтами; по мѣстамъ виднѣются груды камней, собранныхъ, какъ надобно полагать, рукой человѣческой; но что сокрыто въ глубинѣ ихъ,—кости ли павшихъ на полѣ битвы, во времена междоусобій населявшихъ этотъ край племень, или зарыты сокровища вмѣстѣ съ трупами несчастныхъ ихъ владѣльцевъ, которые, не желая сдаться въ руки враговъ, рѣшились живыми зарыться подъ грудой земли и камней, какъ гласятъ народныя сказанія,—или это только семейныя могилы древнихъ обитателей этого края—достоверно неизвѣстно; нѣкоторые полагаютъ, что насыпи и ямы сдѣланы золотопромышленниками, но это сомнительно, потому что каменные насыпи есть и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ земли совсѣмъ некаменистый. Насыпи не вездѣ имѣютъ одинакую форму; нѣкоторыя круглы, иныя квадратны, а другія продолговаты; большая часть изъ нихъ по окраинамъ окаймлены вертикально поставленными камнями; въ ряду этихъ камней, составляющихъ кайму насыпи, возвышается одинъ, а гдѣ два камня и больше, вышиною въ 1½ и 2 аршина, съ изображеніемъ лица человѣческаго. Въ Урсульской долины мы видѣли особенно замѣчательные подобными фигурами два камня: одинъ изъ нихъ представляетъ фигуру чловѣка, держащаго въ правой рукѣ чашу, а другой—такую же фигуру безъ чаши.

28-го ч. Утромъ выѣхавъ изъ Урсула, остановились въ аилахъ при рѣчкѣ *Кара-кол*; пока спутники приготовляли чай и кашницу, я обошелъ нѣсколько юртъ; въ

одной изъ нихъ былъ больной старикъ. На вопросъ мой: чѣмъ онъ хвораетъ, больной, рассказавъ свою болѣзнь, не утаилъ и того, что камлалъ нѣсколько разъ, но бесполезно. Я совѣтовалъ ему помолиться Единому истинному Богу, во власти Коего жизнь и смерть, здоровье и болѣзнь человѣка. Старикъ отвѣтилъ на это, что отъ нихъ церковь далеко, они туда не ходятъ, да и не умѣютъ молиться. „Господь живетъ и слышитъ молящагося Ему на всякомъ мѣстѣ, скавалъ я; если хочешь молиться Ему, то призывай Его въ сердца твоемъ, или выйди изъ юрты, взгляни на небо и скажи отъ души: Боже Исусе Христе! помоги мнѣ!“ Старикъ, выслушавъ за тѣмъ рассказъ мой о чудесахъ Спасителя, Его смерти, воскресеніи, вознесеніи на небо, второмъ пришествіи, страшномъ судѣ и необходимости крещенія, спросилъ: „какъ зовутъ Бога, о которомъ ты говоришь, чтобы мнѣ молиться Ему?“—Я именовалъ ему Исуса Христа. Больной нѣсколько разъ повторилъ за мной Божественное имя. Довѣріе и вниманіе его вызвало меня на продолженіе бесѣды о вѣрѣ и жизни христіанской. И какъ-то легко говорится тамъ, гдѣ окружаютъ усердные слушатели. Идя въ юрту, нерѣдко думается, съ чего начать рѣчь, о чемъ и какъ говорить. И гдѣ нѣтъ вѣры и усердія слушателей, тамъ сидишь какъ связанный; при усердіи же ихъ, само собой находится что сказать, и мысли непридуманно облекаются въ приличную форму выраженія. Тогда невольно вспоминается заповѣдь Спасителя: „не заботьтесь, какъ и что отвѣчать или что говорить“ (Лук. 12, 11.). Предоставивъ всеильной благодати Божіей возрастить полезное, мы отправилось далѣе по теченію рѣки Урсула. Путь лежалъ черезъ довольно широкую долину, окайм-

ленную съ сѣвера и юга горными хребтами; дорога широка и гладка, можно бы ѣздить и въ экипажѣ; но алтайцы не любятъ экипажной ѣзды, не заводятъ и нужной для этого сбруи. Влѣвъ отъ насъ катится шумный Урсулъ; справа по отлогой и ровной долинѣ могилы съ каменистыми насыпями, по окраннымъ коихъ одиноко стоятъ безмолвные памятники минувшаго, съ іероглифическими изображеніями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насыпи когда-то были разбираемы и представляютъ въ срединѣ довольно глубокія ямы; мы спускались въ одну изъ этихъ ямъ,—на днѣ ничего нѣтъ, кромѣ скопившейся дождевой воды. На пути разбросанно стоятъ нѣсколько юртъ. Въ глубли Алтая юрты—побольшей части войлочные, тогда какъ въ Черни и окраинахъ Алтая юрты дѣлаются изъ березовой или лиственничной коры.—Смѣнять коней рано,—мы на время остановились въ первыхъ встрѣтившихся юртахъ. Чтобы не потревожить хозяевъ юртъ и не помѣшать своей цѣли, мы нашли предлогъ своей остановки,—поручивъ толмачу достать изъ сумы сухарей. Зашли въ одну изъ юртъ и, помѣнявшись съ хозяевами обычнымъ алтайцамъ привѣтствіемъ, сѣли. Гостепріимство у алтайцевъ дорого цѣнится и не поподчивать пріѣзжаго чѣмъ Богъ послалъ — неприлично. Трубка табаку составляетъ у нихъ главное угощеніе, прежде всякаго взаимнаго привѣтствія между хозяиномъ и гостемъ. Намъ предложили трубку—мы отказались: но гостепріимной хозяйкѣ — старушкѣ хочется чѣмъ нибудь угостить почтенныхъ людей,—намъ наливаютъ водки, сдѣланной изъ молока, и подаютъ мнѣ. Ничего не принять изъ руки хозяина, значило бы нарушить законъ гостепріимства; я принялъ чашку и неотвѣданною передалъ о. Арсенію; отъ него, также неотвѣданною

чаша перешла къ толмачу, который, выпивъ ее, подалъ хозяину свою трубку. Кончивши этотъ церемоніаль и подѣлившись съ хозяиномъ своими сухарями, завели съ нимъ разговоръ о насыпяхъ, видѣнныхъ на дорогѣ; отъ насыпей рѣчь перешла къ идоламъ, висѣвшимъ въ передней сторонѣ юрты, отъ нихъ,—къ благовѣствованію о Христѣ Исусѣ. Простодушные хозяева слушали внимательно, подтверждали наши слова, во всемъ соглашались, но на вопросъ: не желаютъ ли креститься, отвѣтили молчаніемъ.—Довольно поговоривши, мы отправились далѣе.

Остановились на ночлегъ при р. Урсулъ, недалеко отъ вершины рѣчки Кенги. Раскинувъ палатку и подкрѣпившись чаемъ и кашицей, навѣстили юрты, о. Арсеній, съ толмачемъ ближнія, а я—дальнія. Въ юртахъ были однѣ женщины и дѣти; съ этимъ недобѣрчивымъ и боязливымъ народомъ трудно разговариваться и о житейскихъ предметахъ, а разговора прямо о вѣрѣ лучше и не начинать, иначе отъ васъ или уйдутъ изъ юрты, или постараются перебить рѣчь шумомъ и говоромъ между собой. Почти молча обошедши нѣсколько юртъ, я возвратился въ палатку; кажется и у спутника моего было не болѣе успѣха; онъ возвратился прежде меня. Ночной мракъ уже спустился въ долину; загорѣлись звѣзды; небо чисто; вѣтеръ дуетъ пріятной прохладой; усталая плоть просится на отдыхъ. Помолившись, мы легли и скоро заснули, убаюканные шумомъ водъ быстрого Урсула.

29-го ч. Утро. Всѣ вмѣстѣ еще обошли юрты съ сѣтію слова Божія. На этотъ разъ мы были посчастливѣе вчерашняго; въ одной бѣдной юртѣ поразговорившись, нашли случай и для проповѣди. Добродушный хозяинъ былъ столь ласковъ, что проводилъ насъ до нашей

палатки. Кони были уже готовы. Поручивъ толмачу съ церковнослужителемъ складывать дорожный багажъ, съ о. Арсеніемъ пошли впередъ.—Въ полдень остановились при рѣчкѣ *Юло*. Запили въ одну юрту. Въ передней сторонѣ лежалъ больной хозяинъ юрты, слѣва висѣлъ камскій бубень съ погремушками и уродливымъ изображеніемъ идола; у огня спалъ камъ—старикъ; на жердяхъ развѣшано мясо животного, уже принесеннаго въ жертву, — обстановка представляла удобный случай для разговора съ хозяиномъ, который при входѣ нашемъ всталъ и привѣтливо пригласилъ насъ сѣсть на посланную кожу. Камъ и болѣзнь были началомъ разговора. Хозяинъ, кажется, и самъ не слишкомъ расположенъ къ камамъ,—онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ слушалъ, что говорено было нами не въ пользу ихъ и иронически посматривалъ на притворившагося спящимъ старика. Разбудивши его, хозяинъ сказалъ,—„вставай-ка, почтенный, не хорошо спать, — вотъ ваши братья приѣхали.“—„Нѣтъ, другъ, говорили мы хозяину, между камами и нами ничего нѣтъ общаго; мы — служители святаго Бога, а она—слуги злыхъ демоновъ; они враги Богу,—потому что служатъ діаволу и не могутъ быть нашими братьями.“ — „Правда! сказалъ хозяинъ, вы служите Богу, а камы—діаволу.“—Каму было стыдно; не сказавъ ни слова, онъ вышелъ изъ юрты. Когда мы предложили хозяину лекарство противъ его болѣзни, онъ не согласился принять его, опасаясь, не было бы это противно бѣсу, и не сталъ бы онъ за это мучить его. На прощаньи мы пожелали хозяину милости Божіей, а каму посовѣтывали оставить свое шарлатанство въ угоду діаволу и снискивать себѣ пропитаніе честными трудами.—Посѣтивши и другія

юрты, мы отправились далѣе. Ъдемъ тихо, въ разговорахъ и наблюденіяхъ время течетъ скоро; погода прекрасная, мѣстность чрезвычайно разнообразна и живописна. Любознательный спутникъ мой—членъ корреспондентъ общества испытателей природы, то и дѣло останавливается либо сорвать цвѣтокъ, или сломать вѣтку кустарника, либо разсмотрѣть камешекъ, которые здѣсь своеобразны и не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ. Здѣсь встрѣтитъ березу—ерникъ, растущую въ видѣ кустарника, лиственницу—урода, которая въ 20—30 лѣтъ вырастаетъ не болѣе 2—3 аршинъ въ высоту; попадалась какая-то птица длинноногая, съ высокими на головѣ перьями въ родѣ роговъ и съ такимиже перьями подъ шей въ видѣ бороды; тѣ и другія птица можетъ по произволу прижимать и распускать.—Вечеромъ мы спустились въ обширную долину, орошаемую двумя рѣками: Каномъ и Ябаганомъ. Солнце уже было за горой; ѣхать далѣе поздно; по берегу рѣчки разбросанно стоятъ нѣсколько аиловъ; здѣсь, раскинувши палатку, мы остановились на ночлегъ.

30-го ч. Утромъ посѣтивши юрты съ благоговѣстваніемъ о Христѣ, отправились далѣе. На пути оттуда, спасаясь отъ дождя, заѣхали въ юрты и здѣсь улучили сказать слово о спасеніи. Въ полдень остановились при р. *Шиберты*. Тутъ стояли долго и, пользуясь вниманіемъ и любознательностію слушателей, говорили много. Въ одной юртѣ одна калмычка между прочимъ спросила: „вы говорите, что болѣзни происходятъ отъ грѣховъ, отъ чего же хвораютъ и мучатся младенцы, которые не знаютъ никакого грѣха?“—Въ отвѣтъ мы изложили ей ученіе о первородномъ грѣхѣ, приспособительно къ ея понятіямъ.—Отсюда поѣхали мы доли-

ной, орошаемой рѣкою *Кань*. Канская долина отдѣлена отъ ябаганской горною возвышенностью, которая живописно тянется съ сѣвера на югъ, гдѣ и соединяется съ прочими горами, составляющими кайму обѣихъ долинъ. Въ долинѣ далеко виднѣются во множествѣ разбросанныя юрты. Покатости горъ опушены лѣсомъ, въ долинѣ же нѣтъ ни одного деревца, трава весьма мелкая, такъ что едва можно щипать коню; смотря на множество пасущихся здѣсь табуновъ, удивляешься отъ чего они здѣсь тучнѣе, нежели въ другихъ болѣе обильныхъ травою мѣстахъ; толмачъ нашъ объяснилъ это солонцеватостію грунта земли.—На закатѣ солнца остановились въ юртахъ зажиточныхъ калмыкъ, попытались и здѣсь посѣять слово Божіе, но терніе богатства недалеко мѣста въ сердцахъ слушателей для семянъ глаголовъ о жизни вѣчной; потому мы поспѣшили на ночлегъ въ юрты, отстоящія отъ этихъ верстъ на 10. Было уже темно когда мы раскинули палатку и, подкрѣпившись чѣмъ Богъ послалъ, скоро уснули.

31-го ч. Утромъ посѣтили юрты съ словомъ о страшномъ судѣ, воздаяніи праведнымъ и нескончаемыхъ мученіяхъ, назначенныхъ для идолослужителей и нераскаянныхъ грѣшниковъ. Поручивъ церковнослужителю и толмачу складываться, мы съ о. Арсеніемъ отправились пѣшкомъ въ ближайшія юрты. Здѣсь одна добродушная вдова старушка жалобой на свое сиротство вызвала насъ къ рѣчи о всеобщемъ свиданіи на страшномъ судѣ, и къ разсказу о загробной участи двухъ супруговъ, которые, при противоположныхъ характерахъ на землѣ, и по смерти получили воздаяніе, одинъ въ мѣстѣ свѣтломъ и блаженномъ, а другая—адскомъ огнѣ.—Къ полудню мы пріѣхали въ айлы при р. *Моты-ялапай*.

Множество развѣшенныхъ кожъ жертвенныхъ животныхъ свидѣтельствовали о зажиточности усердныхъ читателей бѣсовъ. Хозяинъ юрты, гдѣ мы остановились, сопутствовалъ намъ по всѣмъ юртамъ, въ кои мы заходили; онъ жарко защищалъ своихъ камовъ и суевѣріе своихъ отцевъ, но не находилъ опроверженій противъ доказательствъ, выставляемыхъ нами въ обличеніе его заблужденія.—Къ вечеру пріѣхали въ Черно-Ануйское отдѣленіе миссіи. Настоятеля стана, іеромонаха о. Акакія не было дома. Временно проживающій здѣсь купецъ, г. Смирновъ, радушно принялъ и успокоилъ насъ.

(Окончаніе будетъ).

ХРИСТИАНСКАЯ ПОМОЩЬ ВО ВРЕМЯ.

(Изъ письма въ редакцію).

Вамъ извѣстно, что въ нашемъ городѣ Александровѣ^{а)} есть дѣвичій монастырь—Успенскій, очень обширный, обнесенный высокою оградой, съ величественными башнями. Въ немъ три отдѣльныхъ храма, по величинѣ и архитектурѣ вполнѣ заслуживающихъ названія соборовъ, и великолѣпная колокольня. Общій видъ монастыря со всѣми наполняющими его зданіями ясно свидѣтельствуеетъ, что его создала царственная рука. Надобно думать, что нѣкоторыя изъ его зданій построены царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, который въ свсей любимой Александровской слободѣ созидалъ этотъ монастырь для своего уединенія и своихъ оригинальныхъ иноческихъ подвиговъ; другія, можетъ быть, сестрами Петра Великаго Θεодосією и Маргаритою Алексѣевнами, которыя здѣсь жили и скончались.

а) Владимірской губерніи.

Въ настоящее время этотъ монастырь, великолѣпный по наружности и поддерживаемый очень тщательно, бѣденъ средствами для содержанія большаго количества сестеръ, въ немъ живущихъ. Угодій у монастыря мало, значительнаго притока богомольцевъ въ немъ нѣтъ. Посѣщаютъ его только жители немногочисленнаго Александрова и окрестныхъ деревень, и достаточные изъ нихъ помогаютъ монастырю, чѣмъ могутъ. Изъ трехъ сотъ сестеръ, монахинь и бѣлицъ, большею частію изъ крестьянокъ, только человѣкъ шестьдесятъ монахинь и крылошанокъ питаются на счетъ монастыря и составляютъ такъ называемую монастырскую общину, остальные живутъ своими трудами. Онѣ ведутъ истинно труженническую жизнь. Главное рукодѣлье, которымъ онѣ занимаются—пряжа льна и тканье холстовъ и полотень. Этими произведеніями александровскія монахини пріобрѣли значительную извѣстность. Но надобно видѣть, что доставляетъ имъ этотъ промыселъ для собственнаго ихъ содержанія. Лучшія мастерицы изъ купленнаго льна выработываютъ холстовъ и полотень на 15—20 р. сер. въ годъ. Это заработокъ цѣлаго года! Всю зиму, во время свободное отъ богослуженія, онѣ прядутъ и ткутъ, лѣтомъ бѣлятъ полотна. Войдите зимою въ келью, — и вы увидите, какъ пять и шесть сестеръ сидятъ около одного ночника и прядутъ и ткутъ иногда далеко за полночь, молча, или тихо разговаривая. Придите въ монастырь лѣтомъ, вы увидите обширную луговину среди монастыря, устланную отбѣляемыми полотнами, и полюбуетесь на истинно смиренные труды монахинь, носящихъ на плечахъ тяжелыя коромысла съ полотнами на рѣку и обратно. Нѣкоторыя изъ нихъ отправляются на лѣто къ роднымъ въ деревни на сѣнокосъ и жнитво и

получаютъ за эти работы плату льномъ. Остающіяся въ монастырѣ монахини и бѣлицы работаютъ на монастырскихъ огородахъ и сѣнокосахъ. Спросите, чѣмъ онѣ питаются? Хлѣбъ съ квасомъ, пустыя щи, иногда картофель, лѣтомъ лукъ, вотъ ихъ пища. Каша и конопляное масло составляютъ у нихъ роскошь, допускаемую только по праздникамъ. И то сказать, не легко на 15—20 р. въ годъ и пропитаться и одѣться, а бѣлицамъ еще и протопить казенныя кельи!

Я передаю вамъ все это для того, чтобы вы лучше взвѣсили подробности произшествія, случившагося съ одною изъ сестеръ нашего монастыря прошедшимъ лѣтомъ; я расскажу его вамъ.

Значительное количество полотень наши монахини продаютъ на девятой и десятой недѣлѣ послѣ Пасхи въ Сергіевскомъ посадѣ, во время небольшой ярмарки, которая бываетъ въ это время подъ стѣнами Троицкой лавры. Одна изъ послушницъ нашего монастыря отправилась вмѣстѣ съ подругами на эту ярмарку, продать полотна—свои и сестры своей. Продажа ихъ товара идетъ не скоро. Купцамъ, скупающимъ полотна, продавать ихъ не выгодно, потому что они всегда стараются для собственныхъ выгодъ купить какъ можно дешевле и имъ продаютъ полотна уже въ крайности, когда нѣтъ вольнаго покупателя. Всякая копѣйка изъ цѣны полотна такъ дорога нашимъ бѣднымъ труженицамъ! Поэтому надобно довольно походить и постоять на посадской площади, чтобы дожидаться хорошаго покупателя. Смотрѣли покупатели полотна нашей послушницы, но всё давали дешево. Наконецъ подходитъ къ ней одна женщина, порядочно одѣтая, смотритъ полотно, спрашиваетъ о цѣнѣ и изъявляетъ желаніе купить

всѣ ея полотна разомъ. За цѣной она не стояла; скоро сторговались; оставалось разсчитаться и одной отдать, а другой получить деньги. „Пойдемъ, голубушка, говорить покупщица послушницѣ, для разчета куда нибудь къ сторонкѣ; видишь, здѣсь какъ людно; народъ толпится и помѣшаетъ намъ“. Пошли,—покупщица впередъ, послушница за ней. Пришли на бульваръ къ монастырской оградѣ и стали въ уголкѣ. Сосчитали, сколько аршинъ всего полотна, сообразили цѣну съ количествомъ аршинъ, сложили всю сумму вмѣстѣ, и вышло за всѣ полотна 25 р. серебромъ. Покупщица достала кошелекъ и отдала деньги новенькими кредитными билетами.

Получивши разсчетъ, послушница пошла отыскивать своихъ подругъ и мысленно все соображала, такъ ли ее разочли и не вышло ли съ которой-нибудь стороны ошибки. Чтобы больше убѣдиться въ вѣрности разчета, она зашла къ одному знакомому купцу, скупавшему полотна и стоявшему съ лошадыю на площади. „Иванъ Акимовичъ, говоритъ она купцу, вотъ я продала одной женщинѣ полотна, столько-то аршинъ и по такой-то цѣнѣ; вотъ и деньги; посмотри, голубчикъ, такъ ли она меня разсчитала?“ Купецъ выслушалъ ее, взялъ деньги, внимательно разсмотрѣлъ ихъ и покачалъ головой. „Что ты?“ спрашиваетъ послушница, встревоженная его раздумьемъ. — „Глупая ты, глупая!“ отвѣчаетъ купецъ. „Что бы тебѣ придти съ этою женщиною для разчета ко мнѣ! Она дала тебѣ деньги—все фальшивыя.“

Такъ и оцѣпенѣла на мѣстѣ бѣдная послушница, услышавъ эту неожиданную новость; потомъ громко, громко зарыдала. Ее обокрали совѣмъ; въ этихъ 25 рубляхъ было все состояніе, весь годовою доходъ ея и сестры ея. Въ ожиданіи продажи полотень они съ

сестрою кое-что забрали въ долгъ; чѣмъ платить и какъ годъ провести? Рыдала она, бѣгая по площади и отыскивая обманщицу; — та исчезла, и слѣдъ простылъ. Всю дорогу, возвращаясь домой, она проплакала. Когда объявила она сестрѣ свое горе, и та пришла въ отчаяніе. Всѣ подруги наплакались, смотря на этихъ двухъ сестеръ, такъ безчеловѣчно ограбленныхъ. Бѣдная продавица такъ была мрачна и печальна, что боялись, чтобы она съ отчаянія не наложила на себя руки. Всѣ жалѣли обѣихъ сестеръ, но помочь было некому.

Прошло недѣли три. Въ одинъ день поутру прибѣгаетъ къ двумъ сестрамъ въ келью послушница игуменьи и обращаясь къ той, которая продавала полотна, говоритъ ей: „матушка игуменья тебя спрашиваетъ, иди сейчасъ къ ней.“ Та испугалась, думаетъ: ну, видно послѣдняя бѣда пришла; знать, матушка хочетъ меня изъ монастыря высылать.

Съ трепетомъ вошла она въ келью игуменьи. Матушка выходитъ къ ней съ письмомъ въ рукахъ и говоритъ: „вотъ я получила изъ Москвы отъ неизвѣстнаго письмо. Въ немъ пишутъ, что до Москвы дошелъ слухъ о твоёмъ горѣ. Не велятъ тебѣ унывать, а велятъ вѣрить, что Богъ не покидаетъ въ тяжкой скорби человѣка. Вотъ тебѣ и денегъ прислано 25 рублей; раздѣли ихъ какъ слѣдуетъ съ сестрою. Просятъ васъ молиться за неизвѣстныхъ благодѣтелей. Иди съ Богомъ, и утѣшься.“

Не только утѣшились этимъ бѣдныя сестры, не только весь монастырь, но и весь городъ нашъ былъ тронутъ этимъ истинно христіанскимъ дѣломъ. Какъ дошелъ до Москвы слухъ о происшествіи, случившемся съ нашею послушницею, кто прислалъ деньги, — до сихъ поръ у насъ никто не знаетъ. Хорошая Москва! Да будетъ

благословеніе Божіе надъ нею и надъ добрыми людьми, въ ней обитающими, столь внимательными къ скорбямъ и отдаленныхъ отъ нихъ бѣдныхъ, и столь готовыми на помощь!

М.

Юня 15
1864 г.

ЧУДЕСНОЕ ИЗЦѢЛЕНІЕ

ОТЪ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКАГО.

1864-го іюня 7-го дня я нижеподписавшійся Рязанской епархіи спаскаго уѣзда села Срезнева дьячекъ Иванъ Семеновъ Мрежинъ показать честь имѣю: 1838 года я, будучи нѣмъ уже три года, по совѣту своихъ родителей и собственному желанію отправился въ Воронежъ для поклоненія святителю и чудотворцу Митрофану и, благодаря Господа Бога и святителя Митрофана, получилъ тамъ даръ слова. Это было такъ: 1838 года октября 14-го я и два преклонныхъ уже лѣтъ крестьянина нашего прихода пришли въ Воронежскій Благовѣщенскій Митрофановъ монастырь къ ранней литургіи. По окончаніи литургіи слушали молебень святителю Митрофану, и во время молебна я почувствовалъ боль во рту—какъ бы судоргу. Эта боль очень чувствительна была въ продолженіи всего молебна. По окончаніи молебна я удостоился приложиться къ мощамъ святителя и чудотворца Митрофана и въ то же время, какъ только приложился къ мощамъ, боль совершенно прекратилась. По выходѣ изъ церкви я началъ говорить хорошо и легко.

Къ сему показанію Рязанской епархіи спаскаго уѣзда села Срезнева дьячекъ Иванъ Семеновъ Мрежинъ руку

приложилъ. Въ истинности сего показанія свидѣтельству родной братъ вышеписаннаго дьячка Рязанской епархіи спаскаго уѣзда села Старо-Рязанскаго Городища, Борисо-Глѣбской Церкви священникъ Павелъ Семеновъ Мрежинъ.

Записка о семъ исцѣленіи, съ коей копія при семъ прилагается, представлена ко мнѣ священникомъ и братомъ его, получившимъ исцѣленіе. Они прежде словесно объяснили мнѣ объ этомъ и послѣ по моему предложенію изложили на письмѣ

Иосифъ Архіепископъ Воронежскій.

8-го Юня
1864 г.

Объявленіе отъ слѣпца Ширлева.

Желая безвозмездно ознакомить училища съ изданными мною къ 11-му мая сего 1864 года, *житіемъ просвѣтителей Славянъ, святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меводіи и братскимъ привѣтствіемъ русскаго слѣпца Григорія Ширлева близкимъ сердцу, единоплеменнымъ славянамъ*, въ заглавіи которыхъ обѣихъ изданій помѣщены *св. изображенія благодатныхъ первоучителей нашихъ и служебные имъ тропарь и кондакъ* всеусердѣйше прошу всѣхъ начальствующихъ лицъ западнорусскаго края и царства Польскаго, какъ-то: высокопреосвященнѣйшихъ и преосвященнѣйшихъ владыкъ, гг. начальниковъ губерній, попечителей учебныхъ округовъ, управляющихъ палатами Государственныхъ Имуществъ, директоровъ гимназій и училищъ, а въ славянскихъ земляхъ: Гг. консуловъ и вице-консуловъ, соблаговолить доставить мнѣ указанія о числѣ училищъ, состоящихъ въ ихъ вѣденіи и мѣстѣ нахождения оныхъ, съ принятіемъ на себя передачи въ каждое училище по одному экземпляру *житія и привѣтствія*. Долгомъ считаю присовокупить, что *пересылку помянутыхъ экземпляровъ, по железной Варшавской дорогѣ, я принимаю на свой счетъ*, но для того покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ, до какой именно станціи должно быть отправлено требуемое количество экземпляровъ, *въ даръ* мною въ каждое училище предлагаемыхъ,—а увѣдомленія адресовать: *въ С.-Петербургъ. Въ Таврическое Кирилло-Меводіевское безплатное училище, слѣпцу Григорію Ивановичу Ширлеву*. Кромѣ сего, осмѣливаюсь просить Гг. редакторовъ журналовъ и газетъ о содѣйствіи къ распространенію вышепомянутыхъ изданій, перепечатаніемъ этого объявленія. *Слѣпецъ Григорій Ширлевъ.*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЗАПИСКИ

МИССИОНЕРА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
ИЕРОМОНАХА МАКАРІЯ за 1863 ГОДЪ а).

3 Юня пріѣхали мы къ некрещеннымъ телеутамъ Тудрешевымъ, въ Черно-ануйскомъ отдѣленіи миссіи. Старикъ и три сына его живутъ въ домахъ и исправно ведутъ домохозяйство. Мы остановились въ домѣ средняго брата—Чорной. О. Арсеній бывалъ у нихъ и сказывалъ мнѣ, что Тудрешевы недоступны для проповѣди; они считаютъ для себя личнымъ оскорбленіемъ, когда высказываютъ имъ преимущество христіанства предъ ихъ суевѣріемъ. Я ознакомился съ Чорнымъ, благодаря его болѣзни, отъ которой онъ не могъ избавиться ни камланіемъ, ни своими домашними средствами. Посовѣтовавшись съ о. Арсеніемъ, мы дали ему лекарство; мать попросила лекарства и для дочери своей, которая также давно хвораетъ. Тутъ былъ и старикъ Тудрешъ. Ознакомившись, мы разговорились, ведя бесѣду такъ, чтобы незамѣтно придти къ рѣчи объ истинѣ и заблужденіи и оттуда къ христіанству и язычеству. Старикъ и Чорной, увлекшись въ разговоръ, незамѣтили раз-

а) Окончаніе; см. Юньскую книжку.

ставленной для нихъ сѣти слова Божія. Внимательно выслушавъ благовѣтствованіе о Христвъ Іисусѣ, старикъ сказалъ: „вы говорите правду“.—До Мыютинскаго стана оставалось недалеко, намъ хотѣлось поспѣшить туда на ночлегъ; но на бѣду, у Тудрешевыхъ въ табунахъ не находилось смирныхъ, по насъ коней, и хотя Черной и выхвалялъ смиреніе двухъ лошадей, но быстрый взглядъ и полнота тѣла ихъ стращали насъ, такъ что мы согласились лучше идти черезъ гору пѣшкомъ, предоставивъ толмачу вести коней въ поводу, пока усмирѣютъ. Прощедши около пяти верстъ, мы спокойно сѣли на коней, и благополучно прибыли въ Мыюту. Погостивъ у о. Арсенія одинъ день, 5 іюня вечеромъ я возвратился въ Чемаль. Здѣсь все, слава Богу, благополучно. Воспитанники Іосифъ и Димитрій занимались безъ меня, одинъ — обученіемъ мальчиковъ грамотѣ, другой—недавно крещенной женщины Елены молитвамъ. По праздникамъ служили вечерню и часы.

12 Іюня. Отслуживъ молебенъ, съ Іосифомъ и Аванасіемъ, новокрещеннымъ изъ киргизъ, я отправился съ проповѣдью къ калмыкамъ, кочующимъ отъ насъ верстахъ въ 30; на берегу рѣчки *Чопоша* раскинули палатку. Встревоженные калмыки нарядили къ намъ изъ своихъ айловъ депутацію, въ главѣ которой былъ димичи (старшина); почтительно поздоровавшись съ нами, посланные спросили: куда ѣдемъ, для чего здѣсь остановились съ палаткой и не нужно-ли намъ что нибудь? Мы объяснили имъ, что цѣль нашего пріѣзда къ нимъ миръ и желаніе знакомства съ ними, и надѣлили ихъ сухарями. Посидѣвши немного, они ушли. Остался одинъ слѣпой калмыкъ съ провожатымъ; слѣпой этотъ бывалъ у насъ въ Чемаль за лекарствомъ. Долго онъ

сидѣлъ у палатки, съ довѣренностію и наивной просто-той слушаая нашу проповѣдь. Слышно было, что онъ имѣеть намѣреніе креститься.

13 *Іюня*. Утромъ обошли еще нѣсколько юртъ. Здѣшніе калмыки не такъ легко знакомятся съ нами; при посѣщеніи нашемъ они стараются уклониться отъ всякаго разговора, вѣроятно боясь подать намъ поводъ къ объясненію о вѣрѣ. Только въ трехъ юртахъ намъ посвободнѣе было говорить съ слушателями о единомъ на потребу; одинъ изъ калмыковъ сопровождалъ насъ изъ юрты въ юрту, внимательно слушалъ ученіе объ истинномъ Богѣ. Въ послѣдней изъ юртъ онъ завелъ рѣчь и о своемъ желаніи принять крещеніе; это первый случай для меня слышать въ юртѣ отъ калмыка такую рѣчь. Высказавъ намѣреніе свое принять христіанство, онъ не утаилъ и того, что его удерживаютъ отъ онаго родственныя связи, привычка къ мѣсту жительства и сознаніе своего безсилія содержать христіанскую вѣру. Довольно поговоривъ съ нимъ, я возвратился въ палатку. Слѣдомъ за мной пришелъ и этотъ калмыкъ, а за нимъ помянутый слѣпой. Опять началась рѣчь о болѣзняхъ и камахъ, и изцѣленіяхъ больныхъ при мощахъ новоявленнаго чудотворца святителя Тихона. Слѣпой между прочимъ говорилъ: „вотъ, если бы ваши священники могли изцѣлить мои глаза, то я бы увѣровалъ и крестился“. Мы, посовѣтовавъ ему обратиться съ вѣрою и мольбою къ всесильному Богу христіанъ, указали на нѣкоторыхъ новокрещенныхъ, которые съ принятіемъ христіанства изцѣлились отъ болѣзней, неизцѣлимыхъ дотолѣ ни камланіемъ, ни лекарствами. Долго и о многомъ говорилъ я съ этими собесѣдниками, и они, оставляя меня, сказали: „нѣтъ Бога болѣе Бога рус-

скаго“. Послѣ полудня съ Аванасіемъ поѣхали въ айлы, стоящіе отъ нашей палатки верстъ на 7. Погода прекрасная, спутникъ мой говорить безъ умолку; но у меня на душѣ какъ-то тяжело. Думаю: что говорить, и какъ дѣйствовать среди этого безпечнаго и неподвижнаго народа? Столько сдѣлали переѣздовъ и говорили, и нѣтъ ни одной души, которая бы вняла гласу проповѣди! И что можемъ сдѣлать, если не будетъ съ нами Господь поспѣшествующій и слово утверждающій? Всеу трудъ благовѣствующихъ, если Господь не дастъ гласу ихъ силы, и Самъ не возглаголетъ въ сердцахъ призываемыхъ изъ тьмы въ царство свѣта! — Подѣхавъ къ юртамъ, мы вошли въ ближайшую. Хозяинъ почтительно пригласилъ меня сѣсть на толстый обрубокъ. У него въ гостяхъ новокрещенная дочь съ мужемъ, которые подошли ко мнѣ принять благословеніе. Благословивъ этихъ и обмѣнявшись съ хозяиномъ обычнымъ вопросомъ и отвѣтомъ: „что новаго? и—нѣтъ ничего“, я сѣлъ. Пока хозяинъ выполнялъ съ гостями церемоніаль алтайскаго гостепріимства, юрта мало по малу наполнялась любопытными посѣтителями. Разговоръ между гостями и хозяевами кончился; очередь за мной. Выслушавъ отвѣтъ хозяина на вопросъ мой о названіи и значеніи предметовъ его суевѣрнаго чествованія, висѣвшихъ въ передней сторонѣ юрты, я передалъ присутствующимъ христіанское ученіе о Единомъ вѣчномъ Богѣ, живущемъ во свѣтѣ непреступномъ. Въ юртѣ тихо; на лицахъ слушателей выразилось любопытство и вниманіе; говорить легко и свободно. Рѣчь перешла къ камамъ и камлянью. Пользуясь алтайскими пословицами, на основаніи здраваго разсужденія и слова Божія я выставялъ на видъ неосновательность того глав-

наго заблужденія калмыкъ, что всякая болѣзнь происходитъ отъ непосредственнаго вліянія бѣсовъ, безъ отношенія къ волѣ Божіей, къ нравственному и физическому состоянію человѣка, и что для спасенія отъ діавола одно средство—разорительное жертвоприношеніе. Заклучивъ рѣчь желаніемъ присутствующимъ, чтобы Богъ просвѣтилъ ихъ умъ и обратилъ ихъ на служеніе Себѣ, я пошелъ въ другую юрту. Аѳанасій и новокрещенный остались тутъ. Посѣтивши юрты, возвращаюсь къ своему спутнику. Подходитъ одинъ изъ новокрещенныхъ, сидѣвшій въ юртѣ, и говоритъ: „какъ вы вышли изъ юрты, татары и говорятъ: мы никогда не слыхали такихъ рѣчей; откуда это абысь (священникъ) знаетъ то, чего не знаютъ и наши камы? онъ говоритъ все правду; слова Божіи падаютъ на сердце и трогаютъ до слѣзъ“. Солнце было уже не высоко надъ горами, мы поѣхали съ Аѳанасіемъ назадъ. „Батюшка, завелъ разговоръ Аѳанасій, я едва удерживался отъ смѣха, когда ты говорилъ татарамъ о камахъ“. Отъ чего же? спросилъ я съ удивленіемъ. „Мнѣ смѣшно было надъ камомъ, который сидѣлъ возлѣ тебя. Когда ты говорилъ о томъ, какъ камы обманываютъ народъ, ему такъ было стыдно, что онъ не смѣлъ глазъ поднять, и посупившись въ землю, онъ то бледнѣлъ, то краснѣлъ а потъ то и дѣло выступалъ у него на лицѣ. Когда ты вышелъ изъ юрты, хозяинъ, обратившись прямо къ нему, сказалъ: „вотъ какъ вы насъ обманываете! а мы неразумные вѣримъ вамъ; выходитъ же, что ваши слова все ложь; вотъ тѣ говорятъ правду, такъ правду, потому что говорятъ какъ написано въ книгахъ Божіихъ; и слушать-то ихъ сладко“. Камъ не отвѣчалъ на это ни слова. И долго татары говорили объ этомъ между со-

бою“. Мы возвратились въ палатку, когда солнца уже не видно было изъ-за горы. Подкрѣпившись кашицей, сидѣли у огня; сухія дрова горятъ ярко, ночь тихая, небо ясно; Аѳанасій рассказываетъ про обычаи и обряды киргизовъ, поропталъ на камовъ—обманщиковъ и на новокрещенныхъ, которые вѣрятъ камамъ, и расположился спать около пылающаго костра; мы съ Іосифомъ вошли подъ палатку и всѣ скоро заснули.

14 *Юня*. Посѣтили юрту, гдѣ живетъ больной и отецъ его; это доброе семейство. Я поговорилъ больному о чудесахъ совершающихся при мощахъ Святителя Тихона и другихъ угодниковъ Божіихъ, о всемогуществѣ и благодати Бога христіанскаго. Больной попросилъ у меня священнаго елѣя отъ чудотворной иконы Божіей Матери, отъ котораго изцѣлилась въ Уралѣ дѣвица М. Ф. П., долго страдавшая болѣзнію глазъ; но у меня его небыло. Больной обѣщался побывать ко мнѣ въ Чемаль за лекарствомъ, и если Богъ поможетъ въ болѣзни, обѣщался креститься. Мы были во всѣхъ юртахъ, на этотъ разъ дѣлать было нечего, и мы возвратились въ Чемаль.

15 *Юня*. Посѣщаль чемальскихъ больныхъ, въ томъ числѣ и одного новокрещеннаго, который уже давно хвораетъ водянною болѣзнію, и, слышно, въ аилѣ своего некрещеннаго брата приглашалъ кама для жертвоприношенія бѣсу. Введенный въ обманъ отцемъ жи, бѣднякъ потерялъ уже трехъ животныхъ безъ всякаго облегченія. Нѣсколько разъ навѣстивъ больнаго, я убѣждалъ его отстать отъ разорительнаго камланья, и обратиться съ молитвой къ Богу и св. угодникамъ. Но больной, ожесточенный духомъ тмы, и слушать нехотѣлъ добраго совѣта. Послѣ многихъ убѣжденій онъ

едва согласился исповѣдаться и приобщиться св. таинъ. Святое причащеніе произвело въ душѣ его ощутительную перемѣну; онъ сдѣлался спокойнѣе и набожнѣе, часто посылалъ за мной, прося то совѣта, то лекарства или молитвы. Умеръ въ покаяніи кончиною христіанина.

16 *Іюня*. Литургія. вмѣсто причащенія І. Ч. читалъ кратое жизнеописаніе св. мученицы Акилины. Для новокрещенныхъ я разсказалъ житіе св. Серафимы и говорилъ о камланы. Послѣ обѣда посѣщалъ юрты новокрещенныхъ и бесѣдовалъ съ народомъ, собиравшимся къ намъ въ домъ ^{а)}).

8—18 *Іюля*. Ъзидилъ въ Улалу для свиданія съ достопочтеннѣйшимъ начальникомъ миссіи, о. протоіереемъ С. Ландышевымъ, отправлявшимся въ Москву.

19. Возвратившись въ Чемалъ съ церковнослужителемъ Димитріемъ Куйрюковымъ и новокрещеннымъ Александромъ, выѣхали къ калмыкамъ, кочующимъ по рѣчкамъ, впадающимъ въ р. Катунь съ правой стороны. Первый ночлегъ сдѣлали въ аилахъ при р. Чемалѣ. Вечеромъ къ палаткѣ собралось нѣсколько калмыкъ. Для смѣлости, говорили они, принесли съ собой водки, которая въ лѣтнее время у калмыкъ не переводится. Гости говорили, слушали и выпивали; говорили и слушали и мы. Подвыпившій калмыкъ всегда откровеннѣе и смѣлѣе; онъ самъ выскажетъ то, чего не выпросить у трезваго. Выслушивая ихъ трактаты о вѣрѣ, мы противопоставляли имъ христіанское вѣроученіе. О мірозданіи одинъ изъ собесѣдниковъ говорилъ между прочимъ слѣдующее: „творчество принадлежитъ отчасти Богу,

а) Далѣе до 6 іюля слѣдуетъ голый перечень обычныхъ трудовъ миссіонера.

отчасти Эрлику, т. е. сатанѣ. Все хорошее создано Богомъ, а худое эрликомъ. При созданіи эрликъ старается портить и искажать все прекрасное, созданное Богомъ. Когда Богъ создалъ тѣло человѣка и еще недалъ ему доброй души, приставилъ для храненія тѣла человѣческаго собаку, не имѣвшую на себѣ шерсти. Эрликъ обманомъ выпросилъ у собаки доступъ къ тѣлу, обѣщаясь дать ей за то необходимую для зимы шерсть; собака согласилась, и эрликъ, предупредивъ благаго Творца, вдохнулъ въ тѣло человѣческое свою злую душу,—вотъ начало грѣха и смерти въ родѣ человѣческомъ! Животомъ владѣетъ Богъ, а смертію эрликъ. Эрлику нужно приносить жертвы для того, чтобы онъ преждевременно не лишалъ жизни человѣка. Богъ творить лошадь съ густой гривой и благородной осанкой; эрликъ хочетъ подражать Ему, но у него выходитъ верблюдъ; эрликъ съ презрѣніемъ плюнулъ на это уродливое созданіе, и отъ этого верблюды имѣютъ много слюны и плюются.—Было уже далеко за полночь, когда собесѣдники ушли отъ насъ. На утро, посѣтивши ихъ въ аилахъ, мы отправились далѣе. Къ вечеру остановились въ улусахъ, расположенныхъ по рѣчкѣ Бій, впадающей въ Катунь. Калмыки пьяны, но встрѣтили насъ радушно. Нѣкоторые изъ нихъ благодарили насъ за лекарства, которыя мы давали имъ при посѣщеніи ихъ аиловъ въ прошедшемъ году, и которыя, по словамъ ихъ, принесли имъ пользу. И теперь одинъ изъ приходшихъ просилъ себѣ лекарства, обѣщаясь, креститься, если Богъ облегчитъ его болѣзнь. Для серьезныхъ разговоровъ съ посѣтителями было не время, потому что всѣ они, болѣе или менѣе, были пьяны; потому посоветовавъ имъ идти въ аилы свои проспаться, мы стали служить вечерню.

20 Іюня. Утромъ калмыки собрались опять. Мы предложили имъ обычную проповѣдь. Слушатели, при видимомъ вниманіи къ слову и сознаніи преимущества христіанства предъ своимъ суевѣріемъ, далеки отъ мысли о крещеніи. Таковъ вообще характеръ всѣхъ алтайцевъ. Еще не бывало кажется примѣра, чтобы алтаецъ, услышавъ проповѣдь о Христѣ, тотчасъ послѣдовалъ гласу благодати, зовущему его ко спасенію; даже при желаніи креститься, онъ не вдругъ рѣшается на это, но ждетъ случая, который поставилъ бы его въ необходимость принять св. крещеніе. Семейная непріятность, болѣзнь или несчастіе, или крайняя бѣдность всего чаще возбуждаютъ его отъ нравственной дремоты. Алтайцы, болѣе или менѣе, сознаютъ преимущество христіанства предъ своимъ суевѣріемъ и не прочь бы креститься, даже большими обществами, но только тогда, когда бы царь велѣлъ креститься, или подали бы въ этомъ примѣръ ихъ начальники, а безъ того какъ ни убѣждай каждаго калмыка отдѣльно, убѣжденіе остается большею частію безъ послѣдствій. Само собой здѣсь не рѣчь о недовѣдомыхъ судьбахъ Божіихъ и всесильной благодати Божіей, дѣйствующей выше соображеній человѣческихъ.

Около полудня мы отправились далѣе. Путь лежалъ по берегу Катуня. Алтай весьма богатъ сказками и легендами; многія мѣстности въ немъ извѣстны по народныхъ сказаніяхъ о геройскихъ подвигахъ алтайскихъ богатырей минувшихъ временъ. По одной изъ таковыхъ мѣстностей лежалъ настоящій нашъ путь. Здѣсь проводникъ указывалъ намъ камень съ небольшимъ углубленіемъ на подобіе стопы человѣческой; это, говорилъ проводникъ, отпечатокъ богатырской ноги; съ этого

мѣста богатырь кинулъ камень въ летѣвшее стадо гусей; брошенный камень упалъ на разстояніе 200 верстъ въ чуйской мѣстности; товарищъ богатыря перекинулъ сюда изъ чуйской мѣстности камень такой же величины. Недалеко отсюда проводникъ указывалъ намъ остатки моста, строеннаго богатыремъ; это каменные берега Катуня, значительно выдавшіеся съ двухъ противоположныхъ сторонъ. — Не менѣе интересна алтайская легенда о названіи рѣкъ Бія и Катуня. Обѣ рѣки согласились когда-то пуститься въ бѣгъ, — съ условіемъ, чтобы прежде прибѣжавшая къ назначенному мѣсту получила титулъ господина, а запоздавшая осталась съ названіемъ женщины. Путь для Біи былъ гладокъ; нѣтъ на дорогѣ ни горъ, ни камней; ровненько пустилась она въ путь. Катунь привстала, натужилась, рванулась, стрѣлой понеслась впередъ, ломая на пути скалы и раздвигая горы. Но какъ ни была бойка, а въ борьбѣ съ преградами проиграла время. Соперница уже дожидалась ее на мѣстѣ. Горько стало Катуня! Въ досадѣ она еще напрягаетъ силу, кидается на сопутницу и пересѣкаетъ ее пополамъ. Но условіе свято, и Бія получаетъ титулъ господина (*Бія*) а Катунь остается съ оскорбительнымъ для ея геройства именемъ женщины (*Кадымъ или Катымъ*).

Къ вечеру мы пріѣхали въ Едиганскіе улусы. Калмыки собрались къ намъ во множествѣ, лишь только мы раскинули палатку. Угостивъ ихъ чаемъ и сухарями, мы благовѣствовали имъ о Христѣ Иисусѣ. Въ сумеркахъ посѣтили еще нѣсколько айловъ, тремъ больнымъ дали лекарства. Вечеромъ приходили еще нѣсколько человекъ слушать рассказы объ истинной вѣрѣ.

21 Іюня. Утромъ обошли съ проповѣдію остальныхъ

юрты, въ коихъ небыли вчера. Любопытные слѣдовали за нами изъ юрты въ юрту. Навѣстивши всѣхъ, отправились далѣе. На ночлегъ остановились въ улусахъ при р. Каинзарѣ. Пока спутники раскидывали палатку, я зашелъ въ ближайшую юрту. Впереди на почетномъ мѣстѣ висѣлъ камскій бубень; хозяинъ—камъ и вмѣстѣ *шулены* (сборщикъ податей) предложилъ мнѣ сѣсть возлѣ себя. Въ юрту, между тѣмъ, собралась толпа любопытныхъ. Камъ самъ началъ разговоръ вопросомъ о созданіи міра. Разсказъ мой объ этомъ онъ слушалъ весьма внимательно, по временамъ возражалъ или указывалъ на сходство своихъ легендъ съ христіанскимъ ученіемъ. Долго говорили мы, и камъ изъ всѣхъ силъ бился, чтобы не ударить лицомъ въ грязь предъ суевѣрными слушателями; но слово Божіе побѣдоносно. Ложь при свѣтѣ Евангельскомъ была такъ очевидна, что камъ невольно сознался въ своемъ заблужденіи. Разговоръ нашъ кончился смѣхомъ присутствующихъ надъ покраснѣвшимъ отъ стыда камомъ. Опасаясь ожесточить собесѣдника, я пригласилъ его къ себѣ выпить чаю. Въ этихъ стойбищахъ мы прожили сутки благовѣтствуя о Христѣ Иисусѣ. Оттуда проѣхали въ кочевья расположенныя по рѣчкѣ *Кубі*. Благовѣтствовавши здѣсь не много, мы поспѣшили домой, потому что запасъ нашъ истощился. Въ домѣ нашемъ, остававшемся запертымъ, случилась небольшая непріятность. Какой-то несчастный позавидовалъ нашей скудости и, забравшись въ окошко, обшарилъ вездѣ, ища денегъ. Къ счастью на ту пору у меня оставалось только 3 рубля, которые и были унесены воромъ.

1—11 Августа. Жили дома занимаясь письмоводствомъ и обученіемъ мальчиковъ пѣнію. Ѣздить съ проповѣдью

по аиламъ некрещенныхъ было бы бесполезно, потому что всѣ калмыки теперь заняты полевыми работами.

12—17. Ъздилъ навѣстить достопочтеннаго о Христвѣ собрата миссіонера о Смарагда и въ братскомъ общеніи раздѣлить скудость его пустыннаго праздника—Успенія Пресвятыя Богородицы, имени Коей посвященъ Урсульскій храмъ.—22 ч. ѣздилъ въ Мыюту напутствовать захворавшаго сосѣда—миссіонера священника о. Арсенія.

26. Дема меня дождалась одна больная женщина изъ новокрещенныхъ. По истерикѣ и конвульсіямъ ея, происходившимъ въ слѣдствіе колики въ животѣ, суевѣрные родственники признали болѣзнь ея дѣйствиємъ бѣса, и еще день—два, и къ нимъ явился бы камъ съ предложеніемъ изгнать бѣса и требованіемъ разорительной для бѣдныхъ платы. Мы успѣли предупредить шамана, давъ больной лекарство, которое вскорѣ оказало благотѣльное дѣйствіе. Горе миссіонеру вовсе незнакому съ медициной; но не легче и сколько нибудь свѣдущему, но лишенному необходимыхъ средствъ. Не имѣя возможности сколько нибудь облегчить страданія больного, крещенный-ли то, или некрещенный, напрасно миссіонеръ будетъ и убѣждать его не обращаться къ шаманамъ, безъ помощи которыхъ, по мнѣнію суевѣрныхъ, нельзя спастись отъ бѣса, произведшаго болѣзнь. Калмыкъ не пощадитъ и послѣдняго своего достоянія на жертву бѣсу и на уплату шаману, часто за одно только обѣщаніе облегченія. Выходящему на поприще апостольское необходимо имѣть въ одной рукѣ Евангеліе, въ другой лечебникъ; то и другое не должны оставлять его ни дома ни въ пути ^{в)}).

в) Далѣе до 7 ноября слѣдуетъ голый перечень занятій

7 Ноября. Я возвратился въ Чемаль изъ Улалы, гдѣ пробылъ двѣ недѣли. Остававшійся дома церковнослужитель Димитрій К. и товарищъ его Юсифъ Ч. сказывали, что ночью 29—30 окт. они напуганы были стукомъ камскаго бубна, который слышанъ былъ разными лицами въ одно и тоже время въ разныхъ сторонахъ. Въ одну ночь стукъ былъ столь силенъ, что дрожали окна нашей кельи. Испуганные церковнослужители зазвонили въ колоколь, но со звономъ усилился и стукъ бубна. Нельзя предположить, что въ это время камлалъ кто либо изъ калмыкъ,—потому что стукъ слышенъ былъ нѣкоторыми небожье, какъ въ 40 саженьяхъ отъ нашего дома; иными подъ окнами пустаго дома миссіи, стоящаго на берегу Катуня, вблизи того мѣста, гдѣ похоронены нѣкогда жившіе тутъ камы, а нѣкоторые слышали стукъ вдали, на устьи Чемала, но и тамъ нѣтъ никакого жилья. Подобныя страхованія въ Чемаль не рѣдкость.

13. Приходила одна калмыцкая дочь, дѣвица, для принятія св. крещенія; скрывшись отъ родной семьи, она шла пѣшкомъ до нашего стана, и боясь, чтобы родные не увезли ее назадъ, просила поскорѣе возложить на нее крестъ. Въ церкви она произнесла отреченіе отъ своего суевѣрія и обѣщаніе до смерти принадлежать церкви Христовой. Отецъ ея и мать не замедлили явиться за ней. При крещенныхъ свидѣтеляхъ и предъ родителями оглашенная повторила свое отреченіе отъ суевѣрія отцевъ своихъ. Трудно сердцу родительскому такъ неожиданно разстаться съ единствен-

миссіонера по богослуженію, исправленію требъ, церковной и домашней проповѣди, переводамъ, леченію больныхъ, упоминается о поѣздкахъ въ Улалу по дѣламъ службы. *Ред.*

ною дочерью! Два раза отецъ и мать возвращались съ дороги проститься съ своей дочерью и силой слезъ и убѣжденій возвратить ее въ родной аилъ. Мать подходила къ окну комнаты, въ которую скрылась отъ нея дочь и со слезами уговаривала ее снять съ себя крестъ и русскую одежду, обѣщаясь скоро пріѣхать къ ней со всѣми родными. Слезы матери падали на сердце любимой и любящей дочери. Оглашенная стала колебаться, чувство привязанности къ роднымъ по плоти замѣтно стало имѣть въ ней перевѣсъ надъ высшими стремленіями духа. Вышедши изъ комнаты, оглашенная плакала, плакала надъ ней и мать. „Сними съ себя эту одежду, и погоди носить крестъ,“ говорила мать. Оглашенная окончательно растерялась. Забывъ трудъ и горе, понесенные ею на пути изъ роднаго аила, и забывъ свое обѣщаніе Богу, она съ видимымъ волненіемъ сняла съ себя крестъ и молча подала его мнѣ. Напомнивъ ей судъ Божій, ожидающій клятвоприступника, мы отпустили ее съ скорбію, но и съ надеждой въ душѣ, что пришедшій взыскать заблудшее рано или поздно взыщетъ и это горохищное овца, чтобы привести къ Отцу Своему.

Вторая половина ноября и декабрь проведены въ обычныхъ служебныхъ и домашнихъ занятіяхъ. Обученіемъ мальчиковъ чтенію и чистописанію занимался церковнослужитель Д. Куйрюковъ и Юсифъ Чевалковъ съ похвальнымъ усердіемъ и терпѣніемъ. Уроки по св. исторіи и церковному пѣнію преподаваемы были мною.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ О РАСКОЛѢ,

въ 81-мъ N Московскихъ Вѣдомостей.

Не мало удивляетъ меня, что въ послѣднее время наши публицисты, толкуя о русскомъ расколѣ, употребляютъ всѣ мѣры представить его ужасающей гидрой, увеличивая число отщепенцевъ отъ господствующей Церкви православной. Г. авторъ статьи въ 81-мъ N М. В. насчитываетъ въ Россіи раскольниковъ десять милліоновъ душъ. Предъ такою цифрою невольно призадумашься и задашь себѣ вопросъ: Если раскольниковъ дѣйствительно не менѣе десяти милліоновъ, какъ увѣряютъ господа, почитающіе себя специалистами въ дѣлѣ раскола, то ужъ не лучше ли будетъ, если правительство совершенно оставить мѣры кротости, какія принимаетъ оно, чтобы возвратить отпадшихъ чадъ къ истинной Церкви Христовой, дать раскольникамъ полную свободу дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію и понятіямъ, и дозволить незаконной австрійской лжеіерархіи распустить крылья свои по всей Россіи, которая въ настоящее время держитъ она поджавши? Но едва ли подобныя внушенія и намеки доброжелателей раскола достигнуть предполагаемой цѣли: чистое какъ солнце дѣло истинной православной восточной Церкви Христовой само вопіетъ за себя, и Глава ея Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ не допуститъ торжествовать хулителямъ и ругателямъ Церкви Его! Ни *маститый старецъ* лжемитрополитъ Бѣлокриницкій Кирилль, кото-

рый въ „Запискѣ о русскомъ расколѣ“, изданной въ Лондонѣ, такъ живописно представленъ идущимъ въ древнихъ святительскихъ одеждахъ съ осмиконечнымъ крестомъ въ рукахъ впереди Австрійскихъ войскъ противъ Россіи, ни несправедливое увеличеніе числа раскольниковъ, не заставятъ православное правительство узаконить незаконное во вредъ себѣ и господствующей Церкви.

Чтобы доказать всю неосновательность мнѣнія г. автора статьи М. В. о причинахъ, будто бы, увеличенія раскола и ошибочность въ исчисленіи раскольниковъ всѣхъ сектъ, толковъ и согласій, приведу здѣсь нѣсколько фактовъ и, какъ очевидецъ, укажу какимъ образомъ составлялись у насъ статистическія свѣденія о послѣдователяхъ раскола. Въ юности моей, когда самъ я былъ ослѣпленъ лжемудрствованіемъ и считалъ себя ревностнымъ старообрядцемъ, — по любознательности своей, я не ограничился однимъ чтеніемъ книгъ, касающихся вѣры и старообрядства вообще, а пустился изъ Молдавіи въ странствованіе по Россіи, и посѣтилъ почти всѣ раскольничьи монастыри, скиты и притоны, которые у раскольниковъ слывутъ за святыя мѣста, — чтобы убѣдиться въ истинѣ и правотѣ старообрядства. Благодаря Господа, прилежное чтеніе книгъ и странствованія помогли мнѣ выпутаться изъ душепагубнаго омута раскола и познать истину Церкви православной. Во время странствованія моего и послѣ, когда покинулъ заблужденіе, я не покидалъ и по настоящее время не покидаю любознательности своей и прилежно слѣжу за всѣмъ, что касается до раскола какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ.

Посѣтивъ всѣ тѣ мѣста заселенныя раскольниками, о которыхъ упоминаетъ г. авторъ статьи М. В., я при-

знаю цифру имъ приведенную: 827,720 душъ отщепенцевъ совершенно вѣрною и справедливою; но все-таки цифра эта съ 1826 года не могла не уменьшиться, потому что множество раскольниковъ обратилось къ Церкви чрезъ единовѣріе, и потому страннымъ кажется, что нынѣ насчитываютъ 10 милліоновъ раскольниковъ. До 1801 года отщепенцевъ во всей Россіи считали не сотнями, а десятками тысячъ, а до вышеупомянутой цифры—827,720, число ихъ достигло въ царствованіе Императора Александра Павловича, прекратившаго всякое преслѣдованіе раскола. Въ эти годы, т. е. съ 1801 по 1826 годъ совершенно устроились Стародубскія слободы съ монастырями и скитами, монастыри на Иргизѣ и скиты Керженскіе; а основанныя въ самой Москвѣ два знаменитые притона и разсадника Ѳеодосѣевщины и Поповщины—Преображенское и Рогожское кладбища пришли въ самое цвѣтущее состояніе, ворочая милліонными капиталами. Изъ исторіи Преображенскаго кладбища а) видно, что до чумы, опустошавшей Москву въ 1781 году, во всей столицѣ было только десять семей Ѳеодосѣевскаго толка и семей пятнадцать Поповщинцевъ. Лъстивыя рѣчи расколоучителей, лицемерное благочестіе и мнимая благотворительность ихъ привлекли на кладбища, многихъ стариковъ и старухъ, богачей московскихъ наполнившихъ кладбищенскіе сундуки огромными вкладами. Эти-то самые вклады сдѣлались главнымъ и сильнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго расколоучители въ самое короткое время привлекли къ себѣ огромное число послѣдователей не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи. Мнѣ случалось бесѣдовать со

а) Изданіе 1863 года.

многими стариками раскольниками, поповцами и безпоповцами, и всѣ они признавались, что отцы ихъ и дѣды были православные; точно также и въ Гуслицкой мѣстности, гдѣ теперь до 50 деревень населены раскольниками, расколъ появился въ концѣ прошлаго столѣтія и упорно держится до сихъ поръ не по убѣжденію, а ради страха потерять расположеніе и покровительство Московскихъ богачей-раскольниковъ, которые всѣ почти выходцы изъ Гуслиць. Въ 1823 году, еще будучи раскольниковомъ, нѣсколько времени проживалъ я въ Стародубскихъ слободахъ, въ Керженцѣ и на Иргизѣ, и засталъ всѣ зданія въ этихъ монастыряхъ почти совершенно новыми и основателей этихъ притоновъ еще живыми; у знаменитаго Прохора, который вмѣстѣ съ Сергіемъ основалъ нѣсколько монастырей на Иргизѣ, проживалъ я въ келліи, но и тамъ не встрѣтилъ почти ни одного прирожденнаго раскольника, а всѣ—совратившіеся православные изъ бѣглыхъ солдатъ и крѣпостныхъ людей. Точно также и за границей въ Молдавіи, въ Турціи, въ Австріи и въ Польшѣ всѣ проживающіе раскольники произошли большею частію отъ укрывшихся отъ преслѣдованія законовъ преступниковъ, бѣглыхъ крестьянъ господскихъ и рекрутовъ, которыхъ малое число раскольниковъ тамъ поселившихся принимало къ себѣ не иначе, какъ по отреченіи отъ православія.

Развитію раскола не мало способствовало упраздненіе множества православныхъ монастырей въ 1765 году, потому что иноки въ нихъ обитавшіе были всегда ревностными защитниками православія и удерживали простецовъ въ лонѣ православной Церкви, оберегая ихъ отъ хищныхъ волковъ — расколуучителей, которыхъ развелось въ то время великое множество, потому что про-

мысль этотъ доставлялъ пропагандистамъ значительныя, матеріальныя выгоды.

Самое цвѣтущее время раскола было время царствованія Императора Александра Павловича: раскольничья пропаганда торжествовала тогда и успѣшно совращала съ пути истиннаго цѣлыя селенія, въ особенности же въ Московской губерніи. Разведеніе фабрикъ и конторъ по деревнямъ богатыми раскольниками и переходъ въ расколъ бурмистровъ и деревенскихъ старость много способствовали пропагандистамъ: на фабрики и въ конторы манила крестьянъ легкая и выгодная заработка; оставшіеся же дома по принужденію совратившихся начальниковъ должны были вступать въ расколъ, чтобы избѣжать Сибири или солдатчины. И все-таки не смотря на свободу, какою пользовался расколъ въ продолженіи 25 лѣтъ, послѣдователей его во всей Россіи насчитывалось 827,720 душъ, а эта цифра куда какъ далека отъ десяти милліоновъ! Кто слѣдитъ за расколомъ, тому очень хорошо извѣстно, что въ царствованіе Императора Николая Павловича почти не было и слуховъ, чтобы кто либо покидалъ православную Церковь, чтобы уклониться въ расколъ; слѣдовательно мнѣніе г. автора передовой статьи М. В., что строгія мѣры и преслѣдованіе служатъ только къ распространенію, а не къ уничтоженію суевѣрства — неосновательно, и опровергается, сверхъ того, самымъ неопровержимымъ фактомъ: послѣ 1826 года въ одной Пермской губерніи обратилось въ православіе 61, 465 душъ изъ 131 тысячи раскольниковъ, и сооружено 43 единовѣрческихъ церкви б);

б) Архимандрита Палладія „о Пермскомъ расколѣ“, изд. 1863 г. стран. 75 и 83.

въ Москвѣ образовались два единовѣрческіе прихода на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ; въ Стародубскихъ слободахъ третья часть отщепенцевъ присоединилась къ единовѣрцію; въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Симбирскѣ, Самарѣ, Саратовѣ и въ Сибири, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, образовались по двѣ и по три единовѣрческіе церкви исключительно изъ раскольниковъ. Не доказывается ли этимъ, что расколъ не увеличился, а значительно уменьшился. Теперь невольно возражается вопросъ: изъ какихъ источниковъ гг. составители статистическихъ свѣдѣній о расколѣ начерпали 10 милліоновъ раскольниковъ? Впрочемъ если строго разобрать и рассмотреть, какъ составлялись статистическія данныя, на которыя опирается г. авторъ статьи М. В., то покажется неудивительнымъ, что господа статистики возростили расколъ до гигантскихъ размѣровъ. Приведу здѣсь извѣстные мнѣ и многимъ факты, которые укажутъ, какъ исполнялось серьезное и важное порученіе г. Министра Внутреннихъ дѣлъ объ изслѣдованіи числа отщепенцевъ въ Россіи: изъ дѣлъ Самарской консисторіи видно, что господа составители подробныхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ, записали въ расколъ нѣсколько деревень населенныхъ православными за то, что крестьяне несогласились по требованію статистиковъ собрать по рублю сер. съ души.

Въ Нижегородской губерніи Балахонскаго уѣзда Чернорѣцкая волость Государственныхъ имуществъ слишкомъ въ двѣ тысячи душъ православныхъ по милости десятка богачей изъ своей братьи, совратившихся въ расколъ, и изъ за выгодъ полицейскихъ властей, попала въ число раскольниковъ. Вотъ какъ было дѣло: вся Чернорѣцкая волость на молитву собиралась въ ветхой

деревянной церкви, едва вмѣщавшей и четвертую часть прихожанъ своихъ, и потому православные рѣшили испросить разрѣшеніе выстроить церковь каменную вмѣсто деревянной—ветхой. По совѣту начальства богачи отшатнувшіеся отъ Церкви уговорили выборныхъ отъ крестьянъ просить мѣстнаго архіерея о дозволеніи выстроить имъ каменную церковь единоверческую, въ томъ предположеніи, что Владыка не разрѣшитъ послѣдователямъ Церкви господствующей перейти въ единовѣріе, т. е. совершать службу по старымъ книгамъ со старыми обрядами; а этого только и добивались раскольники, потому что полицейское начальство обѣщало исходатайствовать имъ отъ гражданской власти дозволеніе построить каменную часовню. Такъ и случилось. Не зная о хитрой уверткѣ своихъ богачей отщепенцевъ мужички Чернорѣцкіе заготовили матеріаль на мірскія деньги и приступили уже къ работѣ, какъ вдругъ неожиданно прибылъ къ нимъ протоіерей изъ города, чтобы увѣщевать ихъ покинуть суевѣрство, къ которому, будто бы, обратились они, какъ объ этомъ стало извѣстно Преосвященному. Услышавъ такую напраслину, народъ не зналъ что и отвѣчать отъ изумленія, и когда Протоіерей объяснилъ имъ, вслѣдствіе чего духовное начальство почитаетъ ихъ за раскольниковъ, то бѣдные мужички подняли суматоху страшную; бросились къ строящейся часовнѣ, разобрали ее совершенно и вскорѣ продали весь матеріаль.

Кромѣ того всѣ вообще составители раскольниковыхъ списковъ не вникали въ свое дѣло какъ бы слѣдовало, а ограничивались однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ: посѣщая православныя селенія, они не довольствовались показаніями крестьянъ, что они православные, и списа-

ми приходскихъ священниковъ, а записывали ихъ раскольниками на томъ основаніи, что замѣчали у нихъ въ домахъ старинныя иконы или мѣдные осмиконечные кресты, кожаныя лѣстовки или подручники; а также и тѣ изъ церковныхъ, которые по привычкѣ ограждали себя двуперстнымъ знаменіемъ креста—попали въ раскольники; участи этой избѣгли и тѣ, которые не по нерадѣнію, но по превратному понятію о причащеніи по нѣскольку лѣтъ не приобщались св. Таинъ. Я зналъ многихъ истинно благочестивыхъ и богомольныхъ стариковъ, которые въ неисполненіи долга христіанскаго оправдывались тѣмъ, что они слава Богу здоровы совершенно, а что приобщаться слѣдуетъ только больнымъ однимъ.

Совершенною напраслину г. авторъ передовой статьи М. В. возводитъ на наше православное духовенство, говоря, что священники скрываютъ настоящее число раскольниковъ въ своихъ приходахъ. Это мнѣніе опровергается тѣмъ, что священникамъ рѣшительно нѣтъ никакой выгоды уменьшать или увеличивать число отщепенцевъ отъ православной Церкви, и потому, какъ я самъ убѣдился, въ нѣсколькихъ приходахъ, число раскольниковъ вездѣ показывается вѣрно и сираведливо. Еще можно бы было заподозрить священниковъ нашихъ въ то время, когда спрашивались свидѣтельства о исповѣди и причащеніи св. Таинъ отъ приписывающихся въ купечество, что въ настоящее время вовсе отмѣнено.

Июменъ Парфеній.

Спасопрображенскій
гуслицкій монастырь,
6 Юля, 1864 года.

МИЛОСТЬ И ЖЕРТВА.

Бываютъ необыкновенные случаи въ жизни, по виду-мому маловажные, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе духа и благосостояніе.

Московскій первой гильдіи купецъ Никандръ Матвѣевичъ Аласинъ болѣе полугода отыскивалъ у себя весьма важный для него документъ, затерявшійся въ бумагахъ; съ утратою его соединена была потеря значительной суммы денегъ. Это крайне его беспокоило; наконецъ въ надеждѣ найти себѣ облегченіе скорби своей онъ обратился къ Московскому Архипастырю Филарету, прося Его молитвъ и благословенія. Высокопреосвященный благословилъ его иконою Преподобнаго Сергія ^{а)}. Аласинъ, возвратясь къ себѣ въ домъ, помолился угоднику Божію; и послѣ молитвы вздумалъ еще посмотреть, гдѣ нѣсколько разъ напрасно искалъ своего документа, — и къ удивленію и радости въ этотъ разъ нашелъ предметъ своихъ поисковъ и заботъ. Глубоко проникнутый чувствомъ благодарности къ Преподобному Сергію и къ Архипастырю, онъ искалъ случая и средства, чѣмъ ее выразить. Наконецъ онъ вспомнилъ, что смежная съ его дачею церковь св. Николая Чудотворца въ селѣ Мясновѣ Серпуховскаго уѣзда, терпитъ недостатокъ въ средствахъ къ своему безбѣдному содержанію и нуждается въ необходимомъ. Г. Аласинъ пожерт-

а) Митрополитъ собственною рукою написалъ на образѣ знакъ осмнконечнаго креста и слова :

„Молитвами Преподобнаго Отца нашего Сергія, Господи спаси раба Твоего Никандра и присныя его“.

воваль въ пользу этого храма и его духовенства въ вѣчное владѣніе 26 десятинъ своей пахатной и луговой земли съ лѣсомъ, съ которой доходы могутъ увеличиться значительно, когда тамъ проведена будетъ желѣзная дорога. Такое пожертвованіе имъ сдѣлано съ тѣмъ, чтобы всегда, при совершеніи божественной миссургии, возносились, кромѣ установленныхъ, особенныя моленія о Высокопреосвященномъ Митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ: на проскомидіи, и по освященіи Даровъ.

Святая Церковь признательна къ ея благотворителямъ; на сугубой екитиніи она возноситъ моленіе за *благодѣющихъ*; въ старыхъ ея требникахъ даже положены особенныя молитвословія о творящихъ милостыню ^{б)}; нѣтъ сомнѣнія, что и въ той церкви, въ пользу которой сдѣлано щедрое приношеніе г. Аласина, съ особенною благодарностію и усердіемъ будетъ поминаемо имя ея благодѣтеля. Впрочемъ это не первый опытъ усердія г. Аласина къ Церкви Божіей. Его тщаніемъ возобновлена церковь во имя Святителя Николая и возведена вѣликолѣпная и огромная колокольня, на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ Никандръ Матвѣевичъ старостою при сей единовѣрческой церкви; а „поставивый жертвенникъ Божій, по изреченію Златоуста, даже до пришествія Христова мзду будетъ имѣти въ молитвенномъ возношеніи“ ^{в)}. Заботясь о благолѣпії дома Божія, г. Аласинъ не забываетъ

б) Книга „Правило истиннаго живота Христова“: Острогъ 1592 г. 12 и „Послѣдованіе молебнаго пѣнія Господу нашему Иисусу Христу за творящихъ милостыню“. Требникъ Петра Могилы. Кіевъ 1646 г. листъ 283.

в) Бѣсѣда 18 на Дѣянія.

и меньшей братіи Христа, хотящаго милости, а не одной жертвы, и тѣмъ самымъ избавляетъ себя отъ грознаго, но справедливаго упрека, какой дѣлаютъ богатымъ св. Отцы; они признають „человѣкоубійцами богатыхъ, не помогающихъ бѣднымъ и нищимъ; зане богатымъ дано богатство ради нищихъ“.

Хотя бы скромность нашего храмоздателя и благотворителя и чуждалась разглашенія, но не отрадно ли намъ указать на соотечественника и согражданина, который соединяетъ жертву съ милостію, любовь къ благолѣпію дома Божія съ благотворительностію ближнимъ въ отечествѣ своемъ! Недавно возвѣщено было въ чужестранныхъ и повторено въ Русскихъ журналахъ о пожертвованіи одною богатою россиянкою въ чужихъ краяхъ сотенъ тысячъ рублей на устроеніе тамъ благотворительныхъ заведеній; она напоминаетъ намъ старинную русскую пословицу: „чужую крышу кроетъ, когда своя течетъ“.

И. М.

СРЕДСТВО КЪ ПРЕКРАЩЕНІЮ УЛИЧНОЙ РУССКОЙ БРАНИ ^{а)}.

Новгородское полицейское управленіе, принявъ во вниманіе неискореняющуюся въ низшемъ классѣ народа привычку къ употребленію въ-слухъ на улицѣ бранныхъ, отвратительныхъ выраженій, противныхъ благонаравію, находитъ необходимымъ, на основаніи 368 ст. XIV Т. уст. о пред. и пресѣч. прест., *сдѣлать извѣстнымъ*, что всѣ тѣ, кто дозволить себѣ на улицѣ или

а) Изъ іюньской кн. Духовнаго Вѣстника.

въ общенародномъ мѣстѣ, произносить непотребныя слова, будуть забираемы въ управленіе и подвергаемы, согласно 1282 ст. XV Т. ч. 1, аресту, отъ одного до трехъ дней. По поводу искорененія этого унижающаго человѣческое достоинство обычая, въ кievскомъ Телеграфѣ предлагаютъ слѣдующій проэктъ: однажды навсегда запретить всякую брань и неприличныя выраженія, и на всякое лицо, нарушившее это запрещеніе, налагать штрафы: въ первый разъ 25 к., во 2-й разъ 50 к., а въ 3 разъ 1 р. сер., или же такіе, какіе покажутся болѣе согласными съ карманомъ нашего добраго, но еще неосторожнаго народа: хорошо бы эту сумму обратить въ пользу богоугодныхъ заведеній. „Мы полагаемъ, пишутъ въ Телеграфѣ, что никто изъ желающихъ всевозможныхъ благъ нашему отечеству не станетъ доказывать, что эта мѣра теперь, *въ вѣкъ прогресса* и нравственнаго развитія, не будетъ ни несовременна, ни излишня. Возможно ли, чтобы въ просвѣщенномъ краѣ и въ столь религіозной нашей Россіи порядочный человѣкъ, не говоримъ уже о дамахъ, не могъ пройти по улицамъ безъ того, чтобы не услышать *минимум* пять разъ такихъ словъ, которыя и неудобны въ печати и въ высшей степени оскорбительны для всѣхъ и каждаго?“

Да, пора бы и нашимъ гражданамъ подумать объ этомъ, и подумать серьезно; вѣдь ихнія-же жены и дочери-дѣвицы постоянно жалуются, что имъ совѣстно и стыдно ходить по улицѣ. Пора бы тоже подумать и о прекращеніи торговли въ воскресные и праздничные дни; это много будетъ способствовать не только къ прекращенію уличной брани, но и многихъ другихъ пороковъ.

ОТЪ МОСКОВСКИХЪ БРАТЧИКОВЪ ФАСТОВСКАГО БРАТСТВА.

(ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ, БѢЛОСТОКСКАГО УѢЗДА ВЪ СЕЛѢ
ФАСТАХЪ).

Читатели "Душеполезнаго Чтенія", удостоившіе нашу первую статью (*) своего вниманія, можетъ быть, не забыли, что во второй половинѣ декабря прошлаго года, мы отправили въ Фасты къ нашимъ братчикамъ богослужебныя книги, два облаченія, евангеліе, крестъ, дароносицу, хоругви, кадило и пр. Считаемо долгомъ, вмѣстѣ съ искреннѣйшею благодарностію, какъ отъ насъ такъ и отъ братчиковъ нашихъ, всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ намъ благотворителямъ, пожертвовавшимъ означенныя вещи, объявить, что все посланное дошло по назначенію и получено священникомъ В. А. Яхимовичемъ какъ нельзя болѣе кстати, именно: 1-го января въ день его Ангела.

Лицамъ, принимающимъ теплое участіе въ положеніи дѣлъ нашего братства, въ особенности же лицамъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе своими пожертвованіями, безъ сомнѣнія, будетъ любопытно узнать, какое впечатлѣніе произвело на нашихъ братчиковъ это первое пожертвованіе. Считаемо пріятнѣйшимъ долгомъ удовлетворить ихъ желанію. Вотъ что пишетъ о. Яхимовичъ:

„Изъ всѣхъ дней жизни моей, первый день сего 1864 года, въ который я праздную и день моего Ангела, былъ самымъ

(*) Душеполезное Чтеніе декабрь 1863 г.

радостнѣйшимъ и счастливѣйшимъ, ибо въ этотъ день благочинный мой, поздравивъ меня со днемъ моего Ангела и съ новымъ годомъ, вмѣстѣ поздравилъ и съ начаткомъ приношеній на Фастовскую мою церковь. Я въ первый разъ въ тотъ день послѣ потери отъ пожара священническихъ облаченій моей церкви, предсталъ въ своихъ облаченіяхъ, по милости Божіей и ревности Москвичей, предъ земный престолъ Царя небеснаго, въ Бѣлостокской кладбищенской церкви, отслужить все-нощное бдѣніе, св. литургію и благодарственное Господу Богу молебствіе съ приличными прошеніями на наступающее поприще земной жизни, не преминувъ при этомъ помолиться за жертвователей и за васъ, братчиковъ. Пусть Господь Богъ изливаетъ земныя и небесныя благословія виновникамъ обрадованія меня. Тогда же получилъ я и дорогое ваше письмо съ 10 р. с., пожертвованными вторично Н. М. Съ деньгами поступлено по росписанію вашему. Мы—причтъ, и получившіе 5 р. с. бдѣнѣйшіе изъ прихожанъ, посылаемъ бнагодѣтелю нашему Н. М. благодарность съ желаніемъ ему многолѣтія и благополучія. По его желанію, моимъ недостойнствомъ охотно и пламенно возносятся при св. литургіи молитвы Богу съ положеніемъ частицъ, о здравіи Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Филарета.

„Нѣсколько дней спустя, предъ праздникомъ Божоявленія, получилъ я и всѣ, прописанныя въ письмѣ вашемъ церковныя вещи, богослужебныя книги и книги для дѣтей моихъ прихожанъ; тогда же получилъ я и подарокъ для моихъ дѣтей: 10 арш. ситцу и 2 р. с. Онъ первый не отъ меня для моихъ дѣтей: ибо въ нашей сторонѣ жидъ—промышленникъ, въ рукахъ котораго капиталы нашей стороны, не принесетъ подарка нашему брату; панъ — иновѣрецъ не только ничего не дастъ здѣсь священнику, но еще, приласкаясь, и послѣднее готовъ у него отнять, для большаго униженія и поруганія православія предъ народомъ, представляя грубому понятію его: „видно самъ Богъ не любитъ и не благословляетъ русской вѣры, если не

даетъ русскимъ священникамъ временнаго благосостоянія наравнѣ съ римскими ксѣндзами; бѣдный крестьянинъ нашъ, подавленный гнетомъ и бѣдностію, приноситъ скудную лепту священнику только при требохъ. При такой обстановкѣ подарокъ этотъ, какъ новость, принесъ намъ большую радость. За оный Господь Богъ да наполнитъ радостию всѣ дни жизни жертвовавшей.

„Фасты лежатъ надъ рѣкою Супраслемъ. Такъ какъ прежде, при существованіи церкви, всякій годъ ходили на рѣку съ крестнымъ ходомъ для освященія воды, то и въ нынѣшнемъ году, получивъ предъ этимъ праздникомъ богослужебныя принадлежности, по предварительномъ извѣщеніи объ этомъ прихожанъ, ходили на оную рѣку для той же цѣли. Тогда мои прихожане и люди вѣроисповѣданій римскаго и евангелическаго собравшіеся помолиться Богу и взять Іорданской воды, увидѣвъ, небывалые въ прежней нашей церкви, прекрасные крестъ и св. Евангеліе, красивыя хоругви, кадильницу и очень приличное священническое облаченіе, возрадовались и возвеселились. Нѣкоторымъ изъ нихъ показаны были и всѣ присланныя пожертвованія. Послѣ освященія воды, сказавъ прихожанамъ поученіе, приоровленное къ празднику и начаткамъ жертвъ, присланныхъ изъ Москвы, я вмѣстѣ съ ними отслужилъ на рѣкѣ благодарственное молебствіе Господу Богу, что Онъ не оставляетъ насъ и нашего мѣста безъ славословія Своего и что не находя въ средѣ нашей людей, могущихъ соорудить храмъ, избралъ таковыхъ въ родѣ единовѣрномъ и единоплеменномъ намъ, въ городѣ Москвѣ, и вмѣстѣ просили Бога, чтобы пособилъ имъ успѣшно привести къ концу ихъ святое дѣло. По моему предложенію положили: какъ въ день Богоявленія явились начатки жертвъ для Фастовской церкви отъ Московскихъ благотворителей, то чтобы чрезъ всѣ грядущія времена въ тотъ день въ Фастовскомъ приходѣ возносились ежегодно Господу Богу пламенныя молитвы за жертвователей и ходатаевъ Фастовской церкви.

За этимъ слѣдуетъ благодарность жертвователямъ поименно, а также и неизвѣстному благотворителю, пожертвовавшему хоругви.

„Далѣе, продолжаетъ о. Яхимовичъ, сообщая о мѣстѣ къ постройкѣ церкви. Прежняя церковь стояла на склонѣ горы, въ началѣ села, рядомъ съ строеніями; она была почти невидна за холмами, строеніями и деревьями, которыми была обсажена. Если есть надежда въ Богѣ построить одну самую наибольшую деревянную церковь на кладбищи, а другую каменную, то было бы желательно церковь кладбищенскую построить на возвышенномъ мѣстѣ горы, гдѣ было старое кладбище, на мѣстѣ видномъ, при проселочной дорогѣ въ мѣстечко Хорошь, въ разстояніи на четверть версты отъ села. Здѣсь можно было бы возстановить прежнее кладбище, а новое закрыть. Каменную же церковь лучше построить не на прежнемъ мѣстѣ, а предъ самымъ селомъ, почти при рѣкѣ Супрасли, при большой старо-варшавской дорогѣ, на небольшой равнинѣ — мѣстѣ видномъ съ окрестныхъ дальнихъ горъ: мѣсто это на полчетверти версты отъ села. Здѣсь почва песчаная и за нею подпочва такая же, но глубже должна быть глинистая. Земля, указанная къ постройкѣ церквей, подъ владѣніемъ крестьянъ, государственная. Я полагаю построить тутъ каменную церковь и для той цѣли, чтобы проѣзжающій народъ, все католики, плѣняясь наружнымъ благолѣпіемъ храма и заходя въ него на первый разъ хоть изъ любопытства (заходить въ наши храмы католикамъ запрещено ксендзами подъ смертнымъ грѣхомъ), свыкался бы исподволь съ нашимъ православіемъ и отвыкалъ бы называть нашъ храмъ иронически: „Господи помилуй!“ и неприличными прозваніями. Удобно было бы заходить въ оный почаще и нѣмцамъ, работающимъ въ числѣ около тысячи человѣкъ на суконной фабрикѣ, расположенной за мостами рѣки Супрасли. Отъ того мѣста, сейчасъ почти, за двумя мостами по обѣимъ сторонамъ плотины, на болотистомъ мѣстѣ растеть рѣдкая небольшая ольховая роща, за которою и лежитъ суконная фабрика.

Получивъ это письмо, мы обратились за совѣтомъ къ лицамъ, принимающимъ живое участіе въ дѣлахъ нашего братства и, по совѣту ихъ, возвратились къ первоначальной мысли, именно: построить въ самоскорѣйшемъ времени небольшую деревянную церковь съ возможно-меньшими издержками и, обезпечивъ такимъ образомъ необходимѣйшія религіозныя потребности нашихъ братчиковъ, заняться понемногу приисканіемъ средствъ для построенія каменной.

Но обстоятельства расположились совершенно иначе: въ концѣ февраля мы получили отъ о. Яхимовича письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ насъ, что Министръ Государственныхъ Имуществъ разрѣшилъ построить деревянную церковь въ Фастахъ по нормальному проекту № 14, за смѣтную сумму 3001 р. 33 к. Начальникъ губерніи, признавая болѣе полезнымъ, построить вмѣсто деревянной церкви каменную, и полагая, что это можетъ быть исполнено тѣми же средствами, какія назначены министерствомъ на постройку деревянной церкви, если крестьяне согласятся наряжать изъ среды своей бесплатно разнаго рода мастеровъ и рабочихъ и посильными пожертвованіями пополнять недостающую сумму, предложилъ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ озаботиться постройкою въ Фастахъ каменной церкви. По мѣстному соображенію на постройку каменной церкви изъ кирпича нужно отъ 10,000 до 12,000 р., а изъ булыжника до 4452 р. Палата предписала сельскому правленію предложить Фастовскимъ прихожанамъ составить въ самоскорѣйшемъ времени мірской приговоръ съ положительными объясненіями по этому дѣлу: не окажется ли возможность ихъ собственными средствами

и содѣйствіемъ восполнить недостающую сумму для построенія церкви изъ кирпича или булыжника?

Фастовскіе прихожане, призванные по этому дѣлу въ свое правленіе, разумѣется, ни на что не могли рѣшиться, такъ какъ они бѣдны и среди ихъ нѣтъ мастеровыхъ; кромѣ того въ прошломъ году они потерпѣли много убытковъ отъ града, опустошившаго ихъ поля, и много пострадали вслѣдствіе прошлгоднихъ смуть. Надежды ихъ естественно обратились къ намъ: но что же можемъ мы сдѣлать съ тѣми ничтожными средствами, какія у насъ въ рукахъ?

Предполагающаяся къ построенію въ Фастахъ деревянная церковь, кромѣ свойственной деревяннымъ постройкамъ непрочности, имѣетъ еще тотъ недостатокъ, что можетъ вмѣстить не болѣе 180 человекъ, а Фастовскихъ прихожанъ 649 душъ. Оставить ихъ при такой церкви, среди почти сплошнаго католическаго населенія съ великолѣпными костелами, очень прискорбно. Выстроить церковь изъ булыжнику было бы не трудно: къ ассигнованной правительствомъ суммѣ всего стоило бы прибавить какихъ нибудь 1500 р.; но намъ сказали, что строенія изъ булыжника сыры и не прочны. Остается, въ видахъ прочности и свойственнаго храмамъ Божіимъ благолѣпія, приняться за постройку церкви изъ кирпича; но для этого надобно по крайней мѣрѣ 10,000 р. Правительство даетъ 3,000 р.; собранной суммы, исключая неприкосновеннаго капитала 750 р., наберется 700 р. все-таки недостаетъ 6,300 р. Кромѣ того нельзя терять изъ виду непредвидимыхъ расходовъ на снабженіе храма утварію, на книги; нельзя также терять изъ виду устройства школы и матеріальной поддержки при-

что и т. п. Гдѣ же взять намъ недостающую сумму при неизмѣннѣ собственныхъ средствъ ?

Правда, что и прежде имѣлась у насъ въ виду постройка каменной церкви, но постройка несрочная и не обязательная: можетъ быть, начатое нами кончилось бы другими; теперъ же, остановивъ постройку деревянной церкви, мы должны принять на себя обязательство выстроить каменную: обязательство нелегко выполнимое, если принять въ расчетъ неизмѣннѣ собственныхъ средствъ (надежда на пожертвованія сомнительна: слишкомъ велика сумма), невозможность съ нашей стороны посвятить себя исключительно такому великому дѣлу при своихъ текущихъ дѣлахъ и наконецъ возможность, убивъ имѣющуюся въ нашихъ рукахъ сумму на возведеніе стѣнъ, поставить себя и братчиковъ въ затруднительное положеніе, по неизмѣннѣ средствъ для дальнѣйшаго производства работъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ недостатокъ вѣры и упованія на помощь Божію. Намъ могутъ замѣтить, какъ уже и замѣчали нѣкоторые лица письменно и изустно: „развѣ вѣра въ промыслъ Божій и всецѣлая надежда на Его всемогущую помощь, эти два драгоцѣнныя качества истиннаго христіанина, не могутъ восполнить недостатокъ матеріальныхъ средствъ для такого святаго дѣла и осуществить то, что, по человѣческимъ расчетамъ, кажется невѣроятнымъ?“ Съ смиреніемъ въ сердцѣ принимаемъ мы этотъ справедливый упрекъ и искренно сознаемся въ своей духовной немощи: она-то и составляетъ причину нашихъ колебаній и заставляетъ съ крайнею осмотрительностію испытать свои силы для такого святаго дѣла, да не искусимъ Господа излишнею самонадѣянностію и да не уподобимся тому неблаго-

разумному храмоздателю, который, не разочтя, *еще имать еже на совершеніе... положи основаніе и не возможе совершити* (Лук. 14, 28. 29.). Однако какой же избрать выходъ изъ этого затруднительнаго положенія?

Недавно одному изъ нашихъ братчиковъ случайно на нѣсколько минутъ привелось увидать собраніе плановъ, составленныхъ для церквей западнаго края. Планъ N 14, по которому предположено строить деревянную церковь въ Фастахъ, очень не понравился ему. Разбирая планы, онъ обратилъ вниманіе на планъ N 44 для каменной церкви довольно помѣстительной и красивой, по смѣтѣ на сумму 8,800 р. Если бы оказалась возможность построить въ Фастахъ такую церковь, то лучшаго нечего было бы и желать. Мы сообщили свою мысль нѣкоторымъ благотворителямъ, и они выразили полную готовность оказать намъ свое содѣйствіе; но не имѣя предъ глазами плана, не могли дать намъ положительнаго обѣщанія въ своемъ содѣйствіи. Скоро ли намъ удастся достать этотъ планъ, не знаемъ; а между тѣмъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, уже отправлено къ начальнику губерніи представленіе о дозволеніи подрядчику, еврею К., строить въ Фастахъ деревянную церковь. Дозволенія однако еще не послѣдовало: слышно, что мѣстныя власти употребляютъ всѣ усилія для приисканія средствъ къ постройкѣ каменной церкви.

О. Яхимовичъ въ страшныхъ хлопотахъ: слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣла о постройкѣ церкви, онъ въ тоже время старается приобрѣсть небольшое казенное деревянное строеніе съ соломенною крышей, находящееся въ 4 верстахъ отъ Фастъ, чтобы, перевезя его на кладбище, устроить въ немъ временную церковь. Труды его до сихъ поръ еще не увѣн-

чались успѣхомъ: разрѣшенія на это пока нѣтъ; но онъ вполне надѣется на благополучный исходъ дѣла. О своемъ положеніи онъ сообщаетъ съ одной стороны утѣшительное извѣстіе о томъ, что жить ему теперь спокойно и безопасно: смуты кончились; съ другой—очень печальное—о проливныхъ дождяхъ, помѣшавшихъ сѣнокосу, отъ чего онъ ожидаетъ разстройства въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ. Лицамъ, желающимъ оказать посильную помощь о. Яхимовичу, считаемъ нужнымъ сообщить, что семейство его состоитъ изъ жены, 4-хъ дочерей, изъ которыхъ старшей 12 лѣтъ, и сына 2 лѣтъ.

Къ свѣтлому празднику нами были отправлены въ Фасты слѣдующія вещи:

1) Риза, эпитрахиль, поручи и поясъ, сдѣланные изъ шелковой матеріи, пожертвованной на подризникъ; остатокъ отъ ризъ пошелъ на пелену для наоя. Мы извиняемся предъ жертвовательницей, что, вынужденные крайностію, мы распорядились не соотвѣтственно ея назначенію: подризникъ у насъ былъ, а ризъ праздничныхъ вовсе не было. 2) Подризникъ шелковый, пожертвованный чрезъ братчика, свящ. А. И. Соколова; 3) эпитрахиль парчево-бархатная, пожертвованная пресв. Алексіемъ. 4) Для пасхальной службы: трехсвѣчникъ, 6 свѣчей къ нему, 8 фунт. свѣчей для раздачи въ свѣтлую утрею народу и полфунта стираксы—приношеніе почетнаго гражданина А. В. Л.....а. 5) Воздухи — пожертвованіе графини К. 6) Тріодъ цвѣтная. 7) Штука ситцу, 3 остатка ситца и 13 платковъ—пожертвованіе Н. М. А.....а. Кромѣ того отослано, назначенныя благотворителями на сей предметъ, 20 р. с. для причта и бѣднѣйшихъ прихожанъ.

Эти вещи и деньги получены о. Яхимовичемъ къ празднику и приняты имъ и прихожанами съ слезами благодарности. Мы присоединяемъ и свою искреннюю

благодарность жертвователямъ за ихъ матеріальное содѣйствіе нашему предпріятію и за нравственную поддержку: при пожертвованіяхъ нами получено нѣсколько писемъ, въ которыхъ выражалось самое искреннее сочувствіе къ предпріятому нами дѣлу, братскія одобренія и дружескіе совѣты. Въ особенности благодаримъ за участіе неизвѣстную намъ читательницу Душеполезнаго Чтенія, письмо которой послужило для насъ однимъ изъ главныхъ побужденій возвратиться къ первоначальной мысли о построеніи каменной церкви. Осмѣливаемся напомнить ей обѣщаніе своего личнаго намъ содѣйствія. Жертвователямъ изъ г. Шацка имѣемъ честь, вмѣстѣ съ благодарностію за ихъ сочувствіе, сообщить, что сгорѣвшая церковь въ Фастахъ была однопрестольная во имя Воздвиженія честнаго креста Господня; имѣющаяся вновь построиться будетъ носить конечно тоже имя.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сообщить о пожертвованіяхъ, поступившихъ со времени послѣдняго нашего объявленія:

Черезъ редакцію Душеполезнаго Чтенія: отъ неизвѣстнаго — о упокоеніи Іоанна и Елизаветы, на церковь — 15 р., на училище — 10 р., на причтъ — 5 р.; изъ Шацка черезъ свящ. соборной церкви Г. А. Строганова — 3 р.; изъ г. Кальваріи Августовской губ. отъ Ф. Н. — о упокоеніи воина Кодрата — 25 р. и Петра — 1 р. — Черезъ братчика, свящ. А. И. Соколова: отъ неизв. со спискомъ именъ для поминовенія — 50 р.; отъ неизв. о упокоеніи Іоанна и о здравіи Евгениі — 5 р. — Черезъ братчика, свящ. А. С. Ильинскаго: отъ почетн. гражд. Д. И. Хлудова — 50 р., отъ Н. М. А... на на причтъ и бѣдныхъ — 15 р.; отъ графини К. — о упокоеніи Аркадія и Евдокии — 50 р.; отъ воспитанниковъ 4-й гимназіи — 12 р.; отъ Ж — выхъ — 3 р.; отъ Московск. купцовъ: Д. П. Рогаткина — 25 р. и К. А. Серебрякова — 25 р.; отъ неизвѣстн. — 200 р.; изъ Тамбовск. губ. отъ г. Урнежевской со спискомъ именъ — 16 р. на церковь и 5 р. на причтъ, — всего 480 р. на церковь, а съ прежними пожертвованіями, о которыхъ уже было заявлено — 1460 р. 32 к. Кромѣ того на училище — 10 р., на причтъ 25 р.; изъ послѣднихъ

20 р. отправлены въ Фасты къ свѣтлому празднику, а 5 р. вмѣстѣ съ 17 р. 60 коп., процентными деньгами съ капитала, пожертвованнаго почетными гражданами Цыплаковыми, отправляются на дняхъ по назначенію.

Сверхъ того поступили слѣдующія пожертвованія вещами: отъ Московск. купчихи Е. Е. Серебряковой — 18 арш. неразрѣзнаго палеваго бархату; отъ почетн. гражданки Е. Е. Ляминой — парчевое священническое облаченіе, эпитрахиль, поясъ и поручи также парчевыя.

Списки именъ, назначенныхъ для поминовенія за здравіе и за упокой немедленно препровождаются нами въ Фасты.

Всѣ, желающіе оказать намъ свое содѣйствіе вступленіемъ въ братство, или пожертвованіями, какъ единовременными, такъ и ежегодными, на устроеніе церкви, училища и на пособіе причту, а также и бѣднѣйшимъ прихожанамъ Фастъ, — благоволятъ адресоваться въ одно изъ слѣдующихъ мѣстъ въ Москвѣ: 1. Въ редакцію Душеполезнаго Чтенія. 2. Въ редакцію Православнаго Обзоренія. 3. На Полянку, къ свящ. церкви Успенія Божіей Матери, что въ Казачьей, А. С. Ильинскому. 4. На Поварскую, къ свящ. церкви св. Симеона Столпника, А. И. Соколову.

Жертвователи благоволятъ также прилагать списки именъ живыхъ и усопшихъ для поминовенія въ Фастовской церкви, имѣющей воздвигнуться ихъ усердіемъ.

священникъ *Александръ Ильинскій.*

Петръ Поляковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Комитетъ, учрежденный для принятія и храненія припошеній на созидаіе въ Москвѣ храма во имя св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго и состоящій въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ, объявляетъ, что въ теченіи *Марта* и *Апрѣля* мѣсяцовъ 1864 года въ оный поступили пожертвованія слѣдующихъ лицъ: 1.) чрезъ преосвященнаго Евсевія, архі-епископа Могилевскаго, духовенства Могилевской епархіи: семь рублей 82 коп., 2.) раба Божія Захарія 3 руб., 3.) Саложковскаго мѣщанина Александра Михайлова съ сыновьями 2 руб., 4.) И. П. Кокорина 10 руб. 5.) двороваго Ивана Алексѣева Полякова 10 руб., 6.) Захарія Стефанова рубль, 7.) Василя Петрова 1 руб. 8.) бывшихъ дворовыхъ людей г. Храповицкаго 5 руб., 9.) Игнатія Романова 5 руб., и 10.) неизвѣстнаго 1 р. серебромъ,—итого сорокъ пять рублей 82 коп. серебромъ. А всего съ учрежденія Комитета по май 1864 года поступило десять тысячъ семь сотъ двадцать шесть руб. 74 коп. серебромъ.

Членъ Комитета, Кафедральный протоіерей *Петръ Покровскій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

РАЗСКАЗЪ

ОБРАТИВШАГОСЯ КЪ ЦЕРКВИ РАСКОЛЬНИКА.

Въ бытность мою въ Гуслицѣхъ познакомился я съ однимъ фабричнымъ, мужичкомъ весьма умнымъ и словоохотливымъ, который пользовался въ быту крестьянскомъ славою бывалаго человѣка, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ странствовавшаго по Россіи съ цѣлію отыскать настоящую, истинную, древлеправославную вѣру. Много рассказывалъ онъ мнѣ замѣчательнаго о своихъ походахъ для отысканія истинной вѣры, но въ особенности одинъ изъ рассказовъ его показался мнѣ интереснымъ и заслуживающимъ вниманія, и потому передаю его здѣсь безъ всякаго прибавленія.

Родился я, говорилъ мой знакомецъ, въ Московской губерніи въ Волоколамскомъ уѣздѣ отъ родителей православныхъ и при св. крещеніи въ приходской церкви нашей нареченъ Лаврентіемъ, по фамиліи я Роцинъ. Отецъ держалъ меня дома лѣтъ до десяти; поучилъ немного грамоты у отставнаго солдата, нашего односельца, а потомъ отвезъ въ Москву и отдалъ въ ученье на фабрику въ Преображенскомъ къ закоренѣлому раскольнику. На фабрикѣ у него насъ мальчишекъ и взрослыхъ было многое жножество; были тутъ большею частію безпоповцы и рогожскаго согласія, насъ же православныхъ

немного, да и тѣ, подростши, непремѣнно совращались либо въ тотъ, либо въ другой толкъ, смотря по главному прикащику, который управлялъ отдѣленіемъ. Я попался къ поповщину, и на девятнадцатомъ году покинулъ мать свою, Церковь православную, и переправился на Рогожскомъ кладбищѣ въ старообрядцы. Тутъ рѣкой полились ко мнѣ блага земныя, по милости совратившаго меня въ расколъ прикащика; и жизнь моя потекла, какъ по маслу. Нѣсколько лѣтъ родные и односельцы не подозрѣвали объ моемъ отступничествѣ, но наконецъ грѣхъ мой обнаружился, потому что я сталъ, бывая дома, уговаривать многихъ покинуть Никоновскую ересь и обратиться къ древнему благочестію. Раскольничество мое не укрылось и отъ нашего приходскаго священника. Послѣ долгихъ уговоровъ обратиться въ православіе бывший отецъ мой духовный, видя закоснѣлость мою, донесъ обо мнѣ начальству и я былъ представленъ въ консисторію, откуда препроводили меня въ Сергіеву Лавру на увѣщаніе, но и здѣсь всѣ старанія почтеннаго и добраго протоіерея, отца Θεодора Александровича Голубинскаго, убѣждавшаго меня недѣли двѣ, оставались напрасными. По его совѣту дали мнѣ изъ Лавры билетъ на двѣ недѣли для прохода въ Ростовъ, дабы я могъ лично убѣдиться, что святая мощи обличителя раскола Димитрія Ростовскаго почиваютъ нетлѣнными на вскрытіи. Въмѣсто раскольничьей поддевки надѣли на меня послушничій подрясникъ и круглую шапочку, и я, вооружившись посохомъ, отправился въ путь. Обошедши дня въ три всѣ обители въ Переяславлѣ, я направился далѣе къ Ростову. Пройдя верстъ пять, или шесть въ самую жаркую пору дня, я поутомился немного, присѣлъ на берегу рѣчки у мостика и, вынувъ изъ котом-

ки ломоть ситнаго хлѣба и кусокъ варенаго сухаго судака, сталь закусывать и, глядя на воду, любовался какъ рыба въ рѣчкѣ сновала взадъ и впередъ, а ея тутъ было множество, но все мелкая. Побрасывая кусочки хлѣба въ воду, которые рыбка тутъ же подхватывала, я такъ углубился въ свою забаву, что не обращалъ никакого вниманія на идущихъ и ѣдущихъ по большой дорогѣ, какъ вдругъ слова: „миръ въ дорогѣ, святой отче,“ раздавшіяся надо мною, заставили меня приподнять голову. На мостикѣ, облокотившись на перила, стоялъ мужичекъ лѣтъ пятидесяти благообразнаго постнаго вида, въ панковой поддевкѣ сшитой на раскольничій манеръ съ стоячимъ воротникомъ.

— Еще не отецъ и не святой, отвѣчалъ я на привѣтъ мужичка, снявъ шапочку и кланяясь ему.

„Такъ изъ какихъ же ты, землячекъ? Видишь, одежда-то у тебя послушническая и шапочка тоже, а макушка у тебя стриженная какъ и у меня, по старому закону,“ продолжалъ допрашивать меня прохожій ласково и съ улыбкою: „или, можетъ быть, ты недавно совратился съ истиннаго пути и промѣнялъ спасеніе на пагубу?“

— Хоть ты, какъ видится, человекъ и умный и дальновидный, а во мнѣ ошибся, не угадалъ: я, любезный, отъ древняго благочестія не отставалъ и пустился странствовать, чтобъ еще тверже укрѣпиться въ немъ и отыскать самый истинный путь ко спасенію, говорилъ я вставая и привязывая котомку свою: коли хочешь, такъ пойдемъ вмѣстѣ, если тебѣ по пути: я къ Ростову иду.

„Истинно говорю, что возлюбилъ тебя Господь, чадо мое, ибо сподобилъ тебя встрѣтиться со мною, говорилъ прохожій: если точно душа твоя ищетъ спасенія и ты твердо держишься древняго благочестія, то никто

лучше не укажетъ тебѣ пути праваго. Вонъ подѣзжаетъ моя подвода; присядь со мной, я подвезу тебя до Ростова, а между тѣмъ дорогой потолкуемъ.

Обрадовавшись попутчику, да еще своему брату—старовѣру, я съ благодарностію согласился продолжать съ нимъ путь. Мы сѣли въ просторную телегу съ кибиткой, въ которой помѣщалась толстая женщина лѣтъ сорока, окруженная подушками. То была, какъ я узналъ въ послѣдствіи, богатая вдова, московская купчиха, ѣхавшая искать спасенія души своей въ скиты поморскіе. Огромная телега была нагружена порядочно, такъ что пара здоровыхъ коней не безъ труда тащила ее по каменной дорогѣ.

Разговаривая съ новымъ знакомцемъ, я узналъ, что онъ безпоповецъ Никита Семеновичъ, о которомъ не разъ слыхивалъ я въ Москвѣ, какъ о самомъ начитанномъ и лучшемъ учителѣ безпоповскаго толка, пользовавшемся славою не только въ поморьѣ, гдѣ былъ онъ начальникомъ нѣсколькихъ скитовъ, но и по всей Россіи между своими послѣдователями.—Глухой, какъ аспидъ, при увѣщаніи и убѣжденіи истинныхъ пастырей Церкви Христовой, я распустилъ уши, съ жадностію внимаю льстивымъ словесамъ Никиты Семеновича, несмотря на то, что онъ былъ не нашего согласія. Впрочемъ, надо тебѣ сказать, что наша братья раскольники всѣ вообще до того запутаны сѣтями діавола, что готовы послушаться какого хочешь изувѣра — начетчика, будь онъ поповецъ, безпоповецъ, молоканъ, или даже еще хуже, лишь бы только онъ больше поносилъ Церковь православную. Такъ случилось и со мной: убѣжденный Никитой Семеновымъ, я попалъ изъ огня да въ полымя, и при разставаньи съ нимъ въ Ростовѣ, убѣдительно про-

силъ его принять меня въ ученики свои, общаясь, покончивъ дѣла въ Москвѣ, пріѣхать къ нему въ поморье и поселиться тамъ навсегда.

„Вижу, чадо мое, Лаврентій,“ отвѣчалъ Никита Семеновъ на мою просьбу: „вижу и уповаю, что сѣмя, брошенное мною упало на землю добрую и обильно принесетъ плодъ свой. Съ любовію готовъ принять тебя въ стадо словесныхъ овецъ моихъ. Мѣсяца черезъ два, а много черезъ три, я пошлю кое за чѣмъ въ Москву благопріятеля моего изъ нашей стороны, такъ ты дай мнѣ теперь записочку, гдѣ тамъ отыскать тебя; ты съ нимъ до насъ и доѣдешь.“

Давъ записку, облобызалъ я новаго наставника моего и, ожесточенный болѣе прежняго, не заходя въ Яковлевскій монастырь, пустился въ обратный путь въ Лавру, откуда вскорѣ отпустили меня на всѣ четыре стороны. Покончивъ въ Москвѣ дѣла свои и сколотивъ деньженокъ, сталъ я съ нетерпѣніемъ ожидать посланца отъ благодѣтеля моего Никиты Семеновича; своимъ же Рогожскимъ я ни дѣломъ, ни словомъ не далъ замѣтить, что оставилъ поповщину и прильпился къ безпоповцамъ. Наконецъ, черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ путешествія въ Ростовъ, прибылъ въ Москву давно ожидаемый благопріятель старца Никиты; а черезъ недѣлю ѣхалъ я уже съ нимъ по дорогѣ Вологодской.

Въ пути были мы двѣ недѣли, и наконецъ благополучно доѣхали до Поморья и остановились у извозчика нашего въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Бахрушевой, отъ которой неподалеку въ дремучемъ лѣсу находились и скиты Никиты Семенова. Я оставался нѣсколько дней у извозчика Іоны Яковлевича, пока старецъ мой не явился за мною. Облобызавъ какъ роднаго,

Никита повелъ меня въ лѣсъ и помѣстилъ въ скиту, гдѣ самъ жилъ съ нѣсколькими старцами и учениками. Сначала, какъ гостя новые сожители мои водили меня по прочимъ скитамъ и знакомили съ образомъ жизни своей, не принуждая ни къ работѣ, ни къ долгимъ молитвеннымъ стояніямъ. Скиты эти какъ мужскіе, такъ и женскіе построены почти всѣ на одинъ ладъ въ самыхъ глухихъ, непроходимыхъ мѣстахъ дремучаго лѣса, среди болотъ и топей, такъ что человѣку незнакомому съ тропинками ведущими къ скитамъ никакимъ образомъ невозможно добраться до нихъ. Почти около каждого скита вырыты пещерки, или подземныя келліи, довольно обширныя, въ которыхъ помѣщается большая часть скитской братіи; всѣ пещерки эти имѣютъ сообщенія со скитомъ, но входы въ нихъ такъ искусно скрыты, что постороннему ни за что не открыть ихъ. Всѣ скитскіе запасы и все драгоцѣнное сохраняется въ этихъ пещерахъ. Касательно содержанія скитники живутъ хорошо: ѣдятъ сытно и пьютъ сладко по милости благодѣтелей, богатыхъ безпоповцевъ, которые отвсюду шлютъ сюда и деньги и все потребное. Главное занятіе здѣсь: неусыпное чтеніе псалтыри и частыя собранія на молитву въ общую моленную; грамотные читаютъ и поютъ во время стояній, а безграмотные въ свободное отъ молитвы время плетутъ кошницы изъ корней или заготавливаютъ дрова по лѣсу, лѣтомъ же собираютъ грибы и ягоду морошку, которые солятъ и мочатъ въ кадушкахъ и отправляютъ даже въ Петербургъ въ большомъ количествѣ. Кадушки эти здѣсь же дѣлаются. Особеннымъ почетомъ и уваженіемъ пользуются между скитниками переписчики книгъ *по уставу*; есть такіе искусники, что пишутъ лучше печатнаго, словно

бисеромъ нижуть, въ особенности дѣвки на это большія мастерицы. Переписанныя книги начальники развозятъ въ Питеръ, въ Москву и по всей Россіи, и берутъ за нихъ немалыя деньги, особенно за „Поморскіе отвѣты“ Андрея Денисова и за „Соловецкую челобитную,“ которыя безпоповцами почитаются чуть ли не больше самаго Евангелія.

Проживши въ скитахъ съ мѣсяцъ, я сталъ сильно сомнѣваться въ благочестіи ихъ жителей, потому что пьянство, драки и безпрестанное навѣщаніе женскихъ скитовъ нашими отшельниками не могли укрыться отъ глазъ моихъ. Конечно, по общему нашему раскольниковому ученію: *согрѣшивши—покаешься, а покаившись спасешься*, должно снисходительно смотрѣть на слабости ближняго, но ужъ здѣсь пьянство и развратъ слишкомъ въ глаза бросаются. Гдѣ же тутъ быть истинному благочестію и можно ли въ такомъ содомѣ душу спасти не имѣя священника, кому бы исповѣдываться, ни причастія? Обуреваемый сомнѣніемъ, я ужъ сталъ помышлять какъ бы убраться отсюда. Наставникъ мой должно быть замѣтилъ мое колебаніе, и потому сталъ предлагать мнѣ покреститься по ихъ обычаю и дать торжественную клятву никогда не покидать ихъ общества и согласія, а всячески стараться наводить другихъ на истинный путь къ спасенію.

—„Покрестившись и давши клятву, ты прозришь совершенно очами душевными, чадо Лаврентіе, говорилъ мнѣ Никита Семеновъ: и тебѣ откроются всѣ духовныя сокровищницы, откуда ты станешь обильно черпать словеса ангельскія для убѣжденія въ правотѣ древней вѣры нашей и на пораженіе слугъ антихристовыхъ.“

—„Но вѣдь я крещенъ былъ однажды, такъ по ка-

кому же закону долженъ креститься вторично?“ возразилъ я: „въ символѣ сказано: вѣрую во едино крещеніе, такъ можетъ ли быть два крещенія? Переправиться по вашему я согласенъ, но креститься вторично мнѣ совѣсть запрещаетъ.“

Видя мое упорство и не зная, что отвѣчать противъ моихъ доводовъ, хитрый старикъ, надѣясь, можетъ быть, убѣдить меня со временемъ, по недѣлѣ и по двѣ не напоминалъ мнѣ о перекрещиваньѣ, а я всячески изыскивалъ случая улизнуть тайно изъ скитовъ поморскихъ. Уйти явно не было возможности, потому что нѣсколько глазъ слѣдили неусыпно за мною, какъ за новичкомъ, или, какъ они называютъ, *олашаннымъ*. Но вѣрно Господь умилосердился надо мною и наслалъ тугу на скитниковъ нашихъ; однажды подъ вечеръ по всему лѣсу разнеслась вѣсть, что исправникъ изъ Каргополя выступилъ съ солдатами, чтобы забрать всѣхъ скитниковъ. Вѣсть эта какъ громомъ поразила всѣхъ нашихъ отшельниковъ; поднялась страшная суматоха, благодаря которой и я утекъ благополучно и ночью прибѣжалъ въ дер. Бахрушеву къ знакомцу моему Іонѣ Яковлевичу, который, дай Богъ ему здоровья, укрылъ меня у себя въ подпольѣ отъ преслѣдованія исправника. Но настоящая опасность угрожала мнѣ вовсе не съ этой стороны, а со стороны старцевъ моихъ и наставниковъ, о чѣмъ узналъ я дней черезъ пять отъ хозяйки Іониной Ѳедоры Ивановны. Господь знаетъ, что было со мною отъ испуга и страха, когда добрая тетка Ѳедора пересказала мнѣ о замыслахъ скитниковъ противъ меня.— Когда тревога въ лѣсу отъ мнимаго нашествія исправника кончилась и скитники собрались въ свои логовища, спохватился старецъ Никита обо мнѣ и послалъ нѣсколь-

нихъ человѣкъ меня отыскивать; на грѣхъ одному изъ нихъ встрѣтился Іона Яковлевъ и на вопросъ, не видалъ ли онъ меня, объявилъ, что я у него сохраняюсь. Обрадованный скитникъ сталъ спрашивать Іону не выпускать меня отъ себя до приходу ихъ за мною въ эту же ночь, за что обѣщаль принести ему тридцать цѣлковыхъ денегъ.—Умная Ѳедора, которой мужъ пересказалъ о своей встрѣчѣ съ скитникомъ и о просьбѣ и обѣщаніи его, тотчасъ смекнула, для чего я имъ нуженъ, потому что она знала обычай ихъ не выпускать отъ себя живыми тѣхъ, которые, давъ обѣщаніе жить съ ними, потомъ измѣняли ему. Угрожая гнѣвомъ Божіимъ и судомъ человѣческимъ, добрая женщина уговорила мужа не выдавать меня изувѣрамъ, а сдѣлать доброе дѣло,—отвезти до Грязовца, куда Іона собирался ѣхать.—„Ты не бойся, Лаврентьюшка,“ утѣшала меня Ѳедора Ивановна, видя, что я отъ страха трясусь, какъ въ лихорадкѣ: „мы тебя не выдадимъ, а ворваться къ намъ въ избу насильно злодѣи твои не посмѣютъ. Только ты ни слова не говори мужу, о чемъ я пересказала тебѣ.“

Я упалъ въ ноги теткѣ Ѳедорѣ и молилъ ее избавить меня отъ смерти неминуемой. — „Будешь живъ, не бойся, и молись только Богу,“ говорила она. Между тѣмъ наступилъ вечеръ, пришла и ночь; отъ тоски и страха я не зналъ гдѣ мѣста найти: ни ѣда, ни сонъ, ни молитва на умъ не шли, а сердце, казалось, выскочить хотѣло, такъ колотилось оно во мнѣ. Но вотъ около полуночи раздался стукъ въ ворота; слышавъ его, я повалился на полъ и совершенно потерялъ память отъ страха, очнулся же я не раньше, какъ когда все стихло и злодѣи мои со стыдомъ и ругательствами уда-

лились изъ деревни въ трущобы свои. На утро Ѳедора говорила мнѣ, что былъ самъ Никита Семеновичъ съ нѣсколькими учениками своими и сначала лестно и денежными посулами уговаривалъ Іону выдать меня имъ, ради, дескать, спасенія души моей; но тотъ не согласился; тогда началъ Никита стращать обоихъ, что сожжетъ домъ ихъ, но не на тѣхъ попалъ: угрозы его не побоялись.

Измученный страхомъ, я не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣ обѣда не выѣхали мы съ Іоной изъ Бахрушевой и верстъ тридцати не отѣхали отъ проклятыхъ скитовъ поморскихъ. Въ Грязовцѣ только признался мнѣ Іона Яковлевичъ, что имѣлъ противъ меня злой умыселъ, прельстившись тридцатью рублями, и просилъ у меня прощенія. Разумѣется, я не только простилъ своего благодѣтеля, но чувствуя себя на свободѣ, досталъ зашитыя въ кафтанѣ моемъ деньги и насильно принудилъ Іону въ благодарность взять отъ меня десять цѣлковыхъ; доброй же Ѳедоръ Ивановнѣ послалъ съ нимъ въ гостинецъ мѣшокъ крупитчатой муки, да платокъ и ситцу на сарафанъ въ подарокъ. Разставшись съ Іоной, я направился къ Москвѣ и гдѣ ѣхалъ, а гдѣ и пѣшкомъ шель. На шестой, или на седьмой день къ вечеру прибrelъ я въ Ярославль и направился, по указанію одного добраго человѣка, къ дому купца старообрядца, который съ любовью принималъ къ себѣ нашего брата странника.—Отыскавъ домъ страннопріимца, я вошелъ смиренно въ кухню и, положивъ начало, низко поклонился бывшей тутъ пожилой женщиной одѣтой такъ, какъ одѣваются старицы наши на Рогожскомъ кладбищѣ, и попросился переночевать съ дороги.

—„Присядь, голубчикъ, на лавочку покамѣсть,“ ла-

сково заговорила старица: „мы вотъ сей часъ только самоваръ братцу подадимъ, и тебѣ накроемъ поужинать. Ты самъ-то откуда идешь?“

— „Московскій, матушка, отвѣчалъ я: „и состою въ древнемъ благочестіи по Рогожскому кладбищу, а теперь иду домой съ богомолья.

— „Доброе дѣло, любезный; я вотъ сей часъ объ тебѣ братцу доложу, онъ охотникъ побесѣдовать съ странниками.“

Минуть черезъ пять старица воротилась въ кухню и повела меня въ горницу; положивъ начало при входѣ, я низко поклонился хозяину, сидѣвшему около дубоваго стола за кипящимъ самоваромъ. Высокій ростомъ и дородный хозяинъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ добродушнымъ и кроткимъ, ласково поздоровался со мною и пригласилъ сѣсть къ столу и выпить чашку-другую чаю.— Я сѣлъ и на распросы его отвѣчалъ съ полною откровенностію, потому что видѣ его показывалъ человѣка добраго и честнаго.— Когда же я, рассказывая о своихъ приключеніяхъ, дошелъ до знакомства моего съ Никитой Семеновичемъ, слушатель мой улыбнулся и сказалъ:

— „Такъ ты былъ въ скитахъ поморскихъ у Никиты Семеныча? Какъ же ты оттуда живъ-то вышелъ?“

— „Самъ Господь, по милосердію Своему, избавилъ меня отъ этихъ злодѣевъ, а то бы неминуемо мнѣ положить тамъ свою голову, а душу отдать діаволу.

— „Скажу тебѣ, Лаврентьюшко,“ заговорилъ хозяинъ, когда окончилъ я рассказъ свой: „что и я бывалъ въ скитахъ поморскихъ и знаю твоего Никиту Семеныча, и видѣлъ тамъ больше чудесъ, нежели тебѣ видѣть удалось. Вотъ какъ было дѣло: ѣхавши изъ Каргополя зимой въ страшную вьюгу и метель, подъ вечеръ мы

сбились съ дороги и стали плутать по лѣсу. Эги не видно было и мы рѣшились выпрячь лошадей и дожидаться утра, какъ вдругъ въ самомъ недалнемъ разстояніи отъ насъ мелькнулъ огонекъ; обрадовавшись ему, по сугробамъ снѣга я съ прикащикомъ тотчасъ же направился на свѣтъ и наткнулся на небольшую избенку, отъ которой влѣво тянулся высокій заборъ. Отыскавъ дверь, или воротца небольшія въ заборѣ, мы стали стучать въ нихъ изо всей силы, и долго стучали по пустому; наконецъ послышались шаги за заборомъ. Кто тамъ? раздался старческій голосъ у запертыхъ воротцевъ. Проѣзжіе, любезный, отозвался я: сбились съ дороги. Сдѣлай милость, добрый человекъ, выпроводи насъ на дорогу, или укажи ближнюю деревню, гдѣ бы намъ ночевать; мы тебѣ что ты хочешь заплатимъ за хлопоты.

— „Для чего же не проводить, намъ здѣсь дороги извѣстны. Вы пообождите маленько, я вотъ только тулупъ надѣну да фонарь зажгу и тотчасъ къ вамъ выйду.“

Минуть черезъ пять вышелъ къ намъ человекъ средняго роста—это былъ знакомецъ твой, — самъ Никита Семеновичъ. Онъ сѣлъ на облучекъ подлѣ кучера и, указывая ему куда держаться, скоро вывелъ насъ на дорогу, проводилъ до деревни и привезъ на ночлегъ къ богатому мужичку, гдѣ нашли мы самоваръ и кое чего поужинать. Никита Семеновичъ остался ночевать съ нами и мы съ нимъ пробесѣдовали за полночь. Правду ты говорилъ, Лаврентій, что куда сладкоглаголивъ старецъ Никита! И мнѣ показался онъ благочестивымъ и жизни строгой, пустынной; о томъ же, что онъ безпоповецъ—не сказалъ онъ ни слова.—На прощаньѣ я поблагодарилъ его пятью цѣлковыми и обѣщалъ на бу-

дуцій годъ привезти ему въ скитъ гостинцевъ изъ Каргополя, и мы разстались пріятелями.

На другой годъ, бывши въ Каргополѣ, я вспомнилъ о своемъ обѣщаніи Никитѣ Семенову и на обратномъ пути въ Ярославль завезъ ему два мѣшка муки и еще кое-чего. Долго стучался я въ воротцы скитскія, не смотря на то что день былъ красный, а не темная ночь съ выгою, и думалъ было поѣхать въ деревню, гдѣ мы ночевали прошлый годъ, полагая, что въ скиту никого дома нѣтъ, какъ услышалъ тихій говоръ за заборомъ; я постучался опять. „Кто тамъ? спросилъ Никита Семеновичъ, котораго я узналъ по голосу; знакомый, говорю, изъ Ярославля. Минуты черезъ двѣ воротца отворились и въ нихъ показался старецъ Никита. Здравствуй, говорю, Никита Семенычъ, все ли по добру, по здорову; узналъ ли меня, говорю, замѣтивъ въ старцѣ какое-то смущеніе и даже испугъ. — „Какъ не узнать благодѣтеля, заговорилъ онъ, все еще стоя въ воротцахъ. Я ожидалъ, что онъ скажетъ „добро пожаловать,“ и потому самъ стоялъ передъ нимъ молча. Такимъ образомъ простояли мы минуты три. „Вышли-ко, Семенычъ, человекъ два учениковъ своихъ: я тебѣ изъ Каргополя гостинцу привезъ, пусть они снесутъ его куда укажешь.“ — „Спаси Христось, кормилецъ, что не забылъ пустыльниковъ, заговорилъ Никита: обожди маленько, я вотъ сейчасъ ворочусь“. Оставшись у воротъ, я удивился, что старикъ непозвалъ меня въ избу, какъ бы слѣдовало, и меня стало подстрекать желаніе какъ бы то ни было войти къ скитникамъ и посмотрѣть на житье-бытье ихъ, и только что я хотѣлъ нагнуться, чтобъ войти въ воротца, какъ показался Никита съ двумя дюжими парнями. Сдавъ имъ привезенное, я обра-

тился къ наставнику и говорю весело : а что же ты, Никита Семенычъ, не зовешь гостя въ горницу , хоть обогрѣться маленько. — „Да, оно точно надо бы непременно ублаготворить и ухлѣбить благодѣтеля, да у насъ уставъ возбраняетъ принимать мірскихъ въ келліи.“

— Уставъ маленько измѣнить тебѣ предоставлено — ты начальникъ и учитель, а что до меня, то ты знаешь, что мы старообрядцы, изъ избы сора не выносимъ.

— „Ну ишь быть такъ; пойдемъ, кормилецъ; а ты, братъ Тихонъ, какъ отнесешь мѣшокъ, поставь самоваръ.“

Никита Семенычъ ввелъ меня черезъ сѣни, которыми изба раздѣлялась на двое, въ переднюю горницу. Снявъ шубу, и положивъ начало, я снова поздоровался съ хозяиномъ, и мы сѣли къ столу подъ образами; но куда дѣвалась словоохотливость Семеныча? Бывало, въ прошломъ году, рѣчи изъ сладкоглаголивыхъ устъ его лились безъ умолку, а теперь онъ видимо стѣснялся чѣмъ-то и какъ будто нехотя отвѣчалъ на вопросы мои. Минуть черезъ пять Никиту позвали по какому-то дѣлу. — „Ты прости меня Христа ради, благодѣтель: я тебя минуты на двѣ покину; надо самому распорядиться кое чѣмъ,“ — проговорилъ онъ кланяясь и вышелъ. Оставшись одинъ, я сталъ разсматривать древнія иконы, которыми украшена была горница, какъ вдругъ послышалось мнѣ, что въ сѣняхъ кто-то стонетъ; я отворилъ дверь, но въ сѣняхъ никого и ничего не было, и уже хотѣлъ переступить порогъ въ горницу, какъ слышалъ опять стонъ и какое-то странное храпѣніе за противоположной дверью. Подстрекаемый любопытствомъ и какимъ-то невольнымъ страхомъ, я отворилъ дверь въ горницу, откуда раздавался стонъ, и что же увидѣлъ

тамъ? На полу лежали четыре трупа людей и еще не старыхъ, одѣтыхъ въ бѣлыя длинныя сорочки; руки и ноги у нихъ были крѣпко связаны веревками, изъ разбитыхъ же головъ струилась еще кровь на земляной полъ; видно было, что несчастные недавно, за часъ или менѣе, преданы смерти толстыми дубинами, которыхъ нѣсколько валялось тутъ же. Передъ иконами же, которыми уставлены были стѣны горницы, горѣли свѣчи восковыя, освѣщавшія страшное позорище. Пораженный ужасомъ и испугомъ, я стоялъ передъ отворенной дверью неподвижно. Изъ оцѣпененія вывелъ меня самъ Никита, втащивъ почти насильно въ переднюю горницу; я трясся какъ въ лихорадкѣ.— „Чему ты удивляешься, благодѣтель, и чего страшишься, заговорилъ Никита своимъ сладкимъ голосомъ: „ты видѣлъ тѣла праведниковъ, души которыхъ теперь во царствіи небесномъ; упокойники волю пришли къ намъ ради спасенія, покрестились и дали обѣты никогда и ни за что не покидать вѣры нашей и неоставлять согласія. Но врагъ діаволь смутилъ и соблазнилъ ихъ: они вознамѣрились бѣжать отсюда. Но Господь открылъ намъ умыселъ ихъ, и мы, по древнему закону Моисееву, дабы спасти души, успокоили тѣлеса ихъ, за неимѣніемъ каменіевъ, дубинками.“

— „Такъ этакъ вы, пожалуй, и меня успокоите,“ сказалъ я.

— „И, что ты, благодѣтель! Мы по уставу нашему успокоиваемъ только своихъ, а ты не нашъ—ты не покрещивался и клятвы не давалъ: мы тебя пальцемъ не тронемъ; только ты не выдай насъ слугамъ антихриста.“

— Я ужъ сказалъ разъ, что мы, старообрядцы, сору изъ избы не выносимъ, отвѣчалъ я, надѣвая шубу и торопясь вырваться на свѣтъ Божій.

„А чайку-то что же, благодѣтель?“

— Нехочется что-то, спасибо. Ну прощай Никита Семенычъ, прибавилъ я, отворяя дверь въ сѣни, и, не видя задержки и преслѣдованія, опрометью кинулся къ воротцамъ, которыя, къ счастью, небыли заперты. Я бросился въ сани, и велѣлъ парню погонять лошадей что есть мочи, какъ бы только поскорѣй уѣхать подальше отъ гнѣзда разбойничьяго.“

Было уже поздно, когда окончили мы съ хозяиномъ бесѣду нашу. Поужинали, легли спать, а утромъ я, отыскавъ попутчика, поѣхалъ въ Москву, гдѣ снова поступилъ на фабрику.

Когда я появился на фабрикѣ, то всѣ знакомые долго не давали мнѣ покою распросами своими: гдѣ пропадалъ я столько времени? Отдѣлываясь съ разными выдумками, я скоро отвадилъ отъ себя любопытныхъ; но не бросало меня духовное начальство, потому, что по приходѣ изъ Сергіевой Лавры, я просилъ дать мнѣ сроку на размышленіе и долго увертывался, прося отсрочки. Наконецъ вышло распоряженіе отправить меня въ Берлюковскую пустынь на увѣщаніе къ тамошнему строителю отцу Парѣнію; сладкія слова Никиты Семеновича отчалили меня отъ одного берега, отъ поповщины, колебавъ во мнѣ вѣру въ поповъ нашихъ, которые, правду сказать, и прежде казались мнѣ сомнительными, въ особенности понадѣланные изъ нашего брата фабричнаго Австрійскимъ архіереємъ, бывшимъ безпоповцемъ, нашимъ же сновальщикомъ, да и къ другому берегу не присталъ—къ безпоповщинѣ; такъ кажется надо бы было мнѣ подумать о душѣ своей. Но діаволъ до того осилилъ меня, что я сдѣлался упорнѣе и ожесточеннѣе прежняго противъ истинной вѣры и Церкви Христовой,

и потому рѣшился, отправляясь въ Берлоки, твердо стоять на своемъ и упорно молчать, чтобы ни говорилъ о. Парѣеній. Однако же съ первой бесѣды его со мною твердость и упорство мое рушились: отецъ Парѣеній, самъ бывший раскольникъ, такъ ясно нашими же Іосифовскими книгами доказывалъ заблужденія раскольниковъ, что я и самъ сталъ сознавать ошибки свои и увидѣлъ всю лживость мнѣній и убѣжденій какъ поповцевъ, такъ и безпоповцевъ.—Убѣждаясь болѣе и болѣе въ справедливости доказательствъ отца Парѣенія, на седьмой день я объявилъ ему, что рѣшился покинуть расколъ и присоединиться къ единовѣрью, потому что очень привыкъ къ обрядамъ своимъ. — Получивъ отъ него бумагу въ Консисторію и письмо къ единовѣрческому священнику на Рогожскомъ кладбищѣ, я отправился въ Москву, и здѣсь присоединился къ покинутой мною въ молодости истинной Церкви Христовой, имѣющей пастырей, посвящаемыхъ архіереями, пріявшими рукоположеніе отъ истинныхъ преемниковъ апостольскихъ, а не отъ бѣглаго подсудимаго митрополита Амвросія.

Иванъ Шевелкинъ.

Копія съ письма святителя Димитрія Ростовскаго къ соловецкому архимандриту Фирсу ^{а)}.

Смиранный Димитрій,

Божіею ммлослію митрополитъ Ростовскій и Ярославскій пречестныя и великія лавры святыхъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ архимандриту Фирсу съ братіею чрезъ наше смиреніе Божіе благословеніе.

Благодарствую азъ за присланное изъ вашей великой Соловецкой Лавры братскихъ трудовъ отъ морскихъ рыбъ; мы же смиренніи вышепомянутое присланное у

а) Доставлена въ Редакцію Душеп. Чтенія настоятелемъ Соловецкаго монастыря, архимандритомъ Порфиріемъ при слѣдующемъ письмѣ: „Недавно въ вашемъ журналѣ было напечатано нѣсколько писемъ святителя Димитрія митрополита Ростовскаго. Соловецкая обитель имѣеть тоже одно подлинное письмо этого святителя на имя соловецкаго архимандрита Фирса, которое съ душевнымъ утѣшеніемъ и благоговѣніемъ сохраняетъ въ своей ризницѣ на ряду съ достопамятными и священными—древними вещами. Оно писано, можно полагать, съ начала до конца рукою самаго святителя; покрайней мѣрѣ слова: „смиранный Димитрій“ заставляють не сомнѣваться въ этомъ. Года, мѣсяца и числа на письмѣ не означено. Аримандритъ жо Фирсъ былъ настоятелемъ Соловецкой обители съ 1686 до 1718 года. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ соловецкихъ настоятелей по святости жизни, характеру, уму, знанію монастырскаго строительства, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе двора и приобрѣлъ общую извѣстность и расположенность къ себѣ. Въ настоятельство Фирса Соловецкая обитель удостоилась двукратнаго посѣщенія Великаго Государя Петра Перваго, который щедро награждалъ ее царскими пожертвованіями и настоятелю Фирсу съ преемниками его даровалъ особенную привилегію въ архимандритскомъ служеніи.“ Августа 1 дня 1864. Архангельскъ.

посланнаго вашего соборнаго монаха Антонія съ любовію воспріяхомъ и съ прилучившимися у насъ благодѣтели про свое и про ваше преподобіе вкушахомъ.

И за ваше присланное, трудовъ и тщанія нашего смиренія послахомъ къ вамъ въ пречестную и великую Лавру книгу Житія святыхъ четвертую часть года три мѣсяца, іюнь, іюль, августъ; ваше же преподобіе повелитъ воспріяти и въ церквахъ святыхъ прочитати и о нашемъ смиреніи о спасеніи и о здравіи воспоминати.

Милость Божія и Пречистыя Богородицы, великихъ святителей Леонтія, Исаіи, Игнатія и Якова, епископовъ ростовскихъ чудотворцовъ, всѣхъ святыхъ молитвы и нашего смиренія благословеніе съ вами нынѣ и всегда.

П И С Ь М О

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА,

ВИЛЕНСКАГО, КОВЕНСКАГО, ГРОДНЕНСКАГО И МИНСКАГО
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА, И ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА ВИТЕБСКОЙ
И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНІЙ, КЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ
ФИЛАРЕТУ, МИТРОПОЛИТУ МОСКОВСКОМУ.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО,

Милостивый Архипастырь.

Въ минувшемъ году, по волѣ Августѣйшаго
Монарха, напутствуемый благословеніемъ Вашимъ,
я прибылъ въ здѣшній край для подавленія крамолы,
поднявшей знамя бунта противъ законнаго своего Го-
сударя и замыслившей отторгнуть отъ Россіи древнее
и исконное ея достояніе.

Съ Божією помощію и при содѣйствіи доблестныхъ войскъ нашихъ, крамола истреблена, порядокъ въ краѣ постепенно водворяется, законъ снова вступаетъ въ свои права, и можно надѣяться, что русская народная жизнь, угнетенная и подавленная здѣсь польско-католическою пропагандою—и нынѣ пробуждающаяся, утвердится на прочныхъ началахъ, обеспечивающихъ ей въ будущемъ свободное развитіе. Православіе — основа и символъ этой жизни—становится въ главѣ этого развитія, и подъ его святымъ знаменемъ въ городахъ и селахъ, при оказываемомъ усердномъ содѣйствіи главнаго и мѣстнаго нашего духовенства, начинаютъ благолѣпно возставать православныя святыни, устроятся школы, звучитъ повсюду русская рѣчь, и слово нашихъ пастырей Церкви безпрепятственно и спасительно льется въ массы народа, не заглушаемое преобладавшею здѣсь донынѣ польско-католическою пропагандою.

Исполняя Августѣйшую волю Всемилостивѣйшаго Государя Нашего—возвысить и поднять въ здѣшнемъ краѣ достоинство православія и нераздѣльно связанной съ онымъ русской народной жизни, — и вслѣдствіе того, обративъ вниманіе на улучшеніе состоянія здѣшнихъ православныхъ храмовъ, я уже приступилъ къ исправленію и сооруженію многихъ изъ нихъ и къ возобновленію тѣхъ, которые, касаясь началомъ своимъ древнѣйшихъ временъ и процвѣтая нѣкогда благолѣпнѣе, доведены были стараніемъ и вліяніемъ польской пропаганды до забвенія и уничтоженія. Въ числѣ такихъ старинныхъ памятниковъ православія, современныхъ началу христіанства въ здѣшнемъ краѣ, особенно замѣчательнъ сохранившійся еще донынѣ, но искаженный перестройками и наконецъ лишенный даже вида христіанской святыни, Пречистенскій храмъ въ г. Видно.

Основанный въ половинѣ XIV столѣтія Великимъ княземъ Литовскимъ Ольгердомъ и второю супругою его, Іуліанією Александровною, княжною Тверскою, храмъ этотъ въ 1348 г. освященъ во имя Успенія пречистыя Богородицы Всероссійскимъ святителемъ и чудотворцемъ Митрополитомъ Московскимъ Алексіемъ, бывшимъ въ то время митрополичьимъ намѣстникомъ въ Кіевѣ. Съ этого времени онъ сдѣлался первостепеннымъ соборнымъ храмомъ въ древней столицѣ Литовско-Русскаго княжества, а съ учрежденіемъ при ономъ въ 1416 году митрополичьей кафедрѣ — былъ до начала XVI столѣтія постояннымъ мѣстопребываніемъ митрополитовъ западной Россіи, отчего и получилъ названіе митрополитальнаго собора, сохранившееся и донынѣ въ народѣ.

Въ послѣдствіи, вскорѣ по объявленіи въ 1596 г. Уніи на Брестскомъ соборѣ, церковь эта отобрана уніатами, которые, воспользовавшись пожаромъ, разрушившимъ оную въ 1715 г. возстановили ее, вмѣсто прежняго готическо-византійскаго стиля, въ стилѣ и характерѣ латинскихъ храмовъ. Въ такомъ видѣ церковь эта существовала еще до упраздненія въ г. Вильно уніатской митрополичьей кафедрѣ, сохранивъ только свои древнія стѣны и своды, но уже лишенная прежняго наружнаго характера, свойственнаго православнымъ нашимъ храмамъ. Наконецъ, храму этому суждено было испытать уничтоженіе, какое только могъ допустить относительно христіанской святыни одинъ закоснѣлый фанатизмъ польско-католической пропаганды и ея ревнителей. По ходатайству польскаго магната князя Адама Чарторижскаго, бывшаго въ то время попечителемъ виленскаго учебнаго округа и впослѣдствіи ставшаго въ главѣ мятежнаго польскаго правительства, — Пречистен-

ская церковь въ 1810 году перестроена въ анатомическій театръ, а по закрытіи университета, поступивъ въ городскую собственность, обращена подъ помѣщеніе частныхъ жильцевъ, мастерскія и проч.

Въ такомъ видѣ находилась до настоящаго времени эта древнѣйшая изъ православныхъ церквей въ здѣшнемъ краѣ, въ которой первое священнодѣйствіе совершалъ Всероссійскій святитель и чудотворецъ, покоящійся нынѣ нетлѣнно въ первопрестольной нашей столицѣ.

Грустный видъ уничтоженія этой святыни становится еще поразительнѣе при мысли, что въ оной въ теченіи 2-хъ столѣтій (съ 1416 до 1609 года) приносима была безкровная жертва за благоденствіе всего православнаго міра и рукополагались пастыри и священно-служители для здѣшняго народа. Здѣсь, какъ свидѣтельствуютъ историческіе акты, погребенъ Великій князь Литовскій Ольгердъ, принявшій православіе съ именемъ Александра и при кончинѣ схиму съ именемъ Алексія; подъ стѣнами этой же церкви покоится прахъ дочери Царя Іоанна III Васильевича, Елены Іоанновны, бывшей въ супружествѣ за Александромъ, Великимъ княземъ Литовскимъ и королемъ Польскимъ, боярина Петра Ивановича Шуйскаго, и многихъ другихъ ревнителей вѣры и сподвижниковъ славы нашего отечества, имена которыхъ драгоцѣнны для cadaго истинно-русскаго.

Признавъ необходимымъ возстановить этотъ замѣчательный памятникъ въ приличествующемъ оному благолѣпій, я распорядился о составленіи проекта возобновленія Пречистенскаго собора, съ соблюденіемъ по возможности прежняго вида онаго, извѣстнаго нынѣ только по изустнымъ преданіямъ, и съ сохраненіемъ еще крѣпкихъ и прочныхъ стѣнъ стариннаго храма; вмѣстѣ съ

тѣмъ предложено мною учрежденному въ г. Вильно особому строительному комитету немедленно приступить къ возобновленію этого храма и ассигновано на покрытие необходимыхъ по этому предмету на первое время расходовъ 25,000 р. сер. изъ штрафныхъ суммъ, взысканныхъ съ лицъ польскаго происхожденія, содѣйствовавшихъ бывшему въ здѣшнемъ краѣ мятежу.

Но сумма эта далеко не достигаетъ цифры, необходимой для возстановленія древней святыни, въ томъ благолѣпіи, какое соотвѣтствуетъ историческому ея значенію и сохранившимся громаднымъ размѣрамъ этого величественнаго храма (17 саж. въ длину и столько же въ ширину, и 12 саж. въ вышину внутри зданія до сводовъ).

Въ слѣдствіе сего, и въ томъ предположеніи, что русскій народъ,—искони славный любовью и преданностію къ вѣрѣ своихъ предковъ и благоговѣйнымъ уваженіемъ къ священнымъ памятникамъ православія,—не замедлитъ и въ настоящемъ случаѣ придти въ помощь на обновленіе столь драгоцѣннаго свидѣтеля русской народной жизни въ здѣшнемъ краѣ, — испрашиваемо было мною Высочайшее разрѣшеніе Государя Императора — открыть повсемѣстную подписку въ Имперіи на сооруженіе этого храма, и нынѣ, получивъ на то соизволеніе Его Императорскаго Величества, я обратился къ начальникамъ губерній о приглашеніи всѣхъ сословій къ участію въ подпискѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Московскаго Генераль-Губернатора — сдѣлать о томъ извѣстнымъ жителямъ г. Москвы, будучи вполне увѣренъ, что наша первопрестольная столица и всѣ сословія оной, примутъ горячее участіе въ дѣлѣ возобновленія храма, съ которымъ

связаны священныя и драгоцѣнныя для сердца каждаго русскаго, а тѣмъ болѣе для сердца Россіи — Москвы, воспоминанія.

По важности сего предпріятія въ смыслѣ поднятія въ краѣ достоинства православія, пограннаго врагами нашей Церкви и врагами Россіи, и утвержденія какъ въ самомъ г. Вильно, такъ и въ цѣлой странѣ незыблемыхъ символовъ искони господствовавшей здѣсь вѣры нашихъ предковъ, — я обращаюсь къ Вашему Высокопреосвященству, какъ первенствующему въ Москвѣ и чтимому во всей Россіи представителю православной Церкви, съ покорнѣйшею просьбою—благословить благопріятное начатіе и дальнѣйшій успѣхъ возобновленія Виленскаго Пречистенскаго собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу молитвы Вашей у гроба святителя Алексія, да осѣнитъ Онъ нынѣ чудотворною силою Своею этотъ храмъ, въ которомъ пять вѣковъ тому назадъ принесъ первую безкровную жертву, и да будетъ твердымъ и незыблемымъ оплотомъ православія въ странѣ, которая съ подавленіемъ въ оной крамолы и мятежа, возражается къ свободной гражданственной жизни подъ священнымъ знаменемъ православія и русской народности.

Поручая себя Архипастырскимъ молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтѣніемъ и совершенною преданностію

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА

Покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Муравьевъ.

О ПРАВИЛАХЪ ДЛЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВЪ.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА (ПО 1-МУ ДЕПАРТАМЕНТУ).

1864 года Юня 10-го.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующій Сенатъ слушали рапоръ Министра Внутреннихъ дѣлъ, за N 3710-мъ, слѣдующаго содержанія: Составленный, по соглашенію его, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, проэктъ основныхъ правилъ для учрежденія Православныхъ церковныхъ братствъ внесенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно положенію Комитета, въ 8-й день Мая сего Высочайше повелѣть соизвоилъ: 1) Православными церковными братствами именуется общества, составляющіяся изъ православныхъ лицъ разнаго званія и состоянія, для служенія нуждамъ и пользамъ Православной церкви, для противодѣйствія посягательствамъ на ея права, со стороны иновѣрцевъ и раскольниковъ, для созиданія и украшенія православныхъ храмовъ, для дѣлъ христіанской благотворительности и для распространенія и утвержденія духовнаго просвѣщенія. 2) Братства учреждаются при церквахъ и монастыряхъ, съ благословенія и утвержденія Епархіальнаго Архіерея. 3) Каждое братство имѣеть свой уставъ и можетъ дѣйствовать не иначе, какъ на основаніи и въ предѣлахъ этого устава. 4) При учрежденіи братствъ, въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть сохраняемы употреблявшіяся въ древ-

нихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и внѣшніе мѣстные обычаи. 5) Въ уставахъ братствъ могутъ быть излагаемы съ большею или меньшею подробностію, по желанію учредителей, цѣли учрежденія братствъ, обязанности, возлагаемыя на ихъ членовъ, условія, которымъ они подчиняются, и порядокъ исполненія или соблюденія этихъ обязанностей и условій. Но въ нихъ не можетъ быть постановляемо правилъ о такихъ взысканіяхъ или принудительныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приводимы въ исполненіе не иначе, какъ содѣйствіемъ Правительственной власти. Равнымъ образомъ не допускается причисленіе къ предметамъ вѣдомства или занятій братствъ такихъ дѣлъ, которыя выходили бы изъ круга дѣятельности, опредѣленнаго статьею 1-ю настоящихъ правилъ. 6) Желающіе основать или возстановить братство обращаются съ просьбою о томъ къ Епархіальному Архіерею и представляютъ проэктъ устава. Преосвященный, если найдетъ предположеніе правильнымъ, сообщаетъ проэктъ устава, для соображенія въ гражданскомъ отношеніи, Начальнику губерніи, и, по полученіи его отзыва, утверждаетъ уставъ, и разрѣшаетъ открытіе братства. *Примѣчаніе:* Уставы тѣхъ братствъ, кои были открыты до изданія настоящихъ правилъ, должны быть Епархіальными Начальствами сообщены для свѣдѣнія Начальникамъ губерній. 7) Недопускается никакихъ отступленій отъ утвержденныхъ для братствъ правилъ. Если бы оказалось что нужнымъ что либо измѣнить или дополнить въ утвержденномъ уставѣ, то на измѣненіе и дополненіе испрашивается разрѣшеніе тѣмъже порядкомъ, какъ на самый уставъ. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ ему, Министру Внутреннихъ

Дѣль, Управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, онъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, доноситъ Правительствующему Сенату для надлежаго распоряженія. Приказали: о такомъ Высочайшемъ повелѣніи, для свѣдѣнія и должнаго, до кого касаться можетъ, исполненія, увѣдомить Его Императорское Высочество Намѣстника Кавказскаго, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, однихъ указами, а другихъ чрезъ передачу къ Оберъ-Прокурорскимъ дѣламъ копій съ опредѣленія Сената, и дать знать указами: Губернскимъ, Войсковымъ и Областнымъ Правленіямъ, Главнымъ Начальникамъ и Начальникамъ губерній; въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія сообщить вѣденія, а въ Контору Сенатской Типографіи, для припечатанія, въ установленномъ порядкѣ, извѣстій.

ЧУДЕСНОЕ ИЗЦѢЛЕНІЕ

ОТЪ ЖЕСТОКОЙ БОЛѢЗНИ ДѢВИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПАВЛОВОЙ, ДОЧЕРИ МОСКОВСКАГО КУПЦА ПАВЛА ПЛАТУНОВА.

Въ концѣ 1860-го года означенная дѣвица Елизавета Павлова, 14 лѣтъ, отъ простуды получила ломотную болѣзнь въ ногахъ, которая, несмотря на всѣ усилія искусныхъ врачей излечить ее, болѣе и болѣе усиливалась; потомъ открылось трясеніе въ лѣвой сторонѣ ея тѣла и продолжалось до конца этого года. Въ началѣ 1861-го года появились у ней судороги и трясеніе уже во всемъ тѣлѣ; ее всю корчило и ломало, отъ чего она и руками и ногами иногда билась, а иногда сплетала

ихъ съ такою силою, что самые сильные мужчины не могли разнять ихъ. Находясь въ оцѣпенѣломъ и безчувственномъ положеніи, она голову такъ крѣпко прижимала къ подушкѣ, а тѣло къ постелѣ, что отнять ее отъ нихъ не было никакой возможности. Иногда судороги тѣло ея приводили въ такое движеніе, что она бросалась на полъ и на ономъ то кувыркалась, то вертѣлась кругомъ четверть часа, иногда и болѣе. Дабы воспрепятствовать симъ страшнымъ и сокрушительнымъ для тѣла конвульсіямъ, ей связывали иногда руки и ноги полотенцами, иногда все тѣло опеленывали крѣпкимъ полотномъ, но она все это и сорочку или разрывала, или вытаскивъ изъ связокъ руки и ноги, наносила сама себѣ сильные удары, отъ которыхъ боевые знаки почти никогда не сходили съ ея тѣла. Послѣ этого она приходила въ такое расслабленіе всѣмъ тѣломъ, что сама ни встать, ни идти не могла, ее подымали съ пола и клали на постель. Лежа на постели въ крайнемъ изнеможеніи, она приходила въ изступленіе, говорила ясно, и изъ словъ ея можно было замѣчать, что ей представлялся Господь Иисусъ Христосъ съ Ангелами: ибо она называла ихъ именами, всѣмъ тѣломъ двигалась къ нимъ съ улыбкою, какъ бы ловила ихъ руками, цѣловала и была въ самомъ восторженномъ состояніи. На третьемъ году ея страданія усилились до неимовѣрности, она вся ослабѣла и едва едва могла произносить слова и то не внятно; лишилась аппетита на пищу и почти ничего не ѣла. Врачи, не находя никакихъ средствъ къ излеченію ея, отказались продолжать леченіе. Родители, видя ея безнадежное положеніе, прибѣгли къ таинствамъ вѣры, призвали ея духовнаго отца, который исповѣдалъ и причастилъ ее святыхъ Христовыхъ таинъ, а

наконецъ и освятилъ св. елеемъ; и такимъ образомъ она какъ бы была приготовлена къ исходу жизни. Послѣ сего она по ночамъ начала быть покойною, засыпала на малое время, и во снѣ ей всегда представлялись какія либо видѣнія. Однажды она видѣла какого-то святителя (соображаясь съ мѣсяцемъ и числомъ, должно быть святителя Іону), благословляющаго ее и дающаго ей въ чашѣ выпить чего-то въ родѣ мѣра или масла, съ словами: *да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!*

Въ такомъ разслабленномъ и предсмертномъ положеніи она находилась до дня свѣтлаго воскресенія 1863-го года. Родители ея отпраздновали въ церкви, оставивъ ее съ прислугою; какъ скоро ударили въ колоколъ къ утрени, сердце ея вострепетало, вѣра препобѣдила всѣ ея страданія и она умиленною душою вознесла молитву ко Господу и сказала: „Христосъ воскресъ! Господи! святая Церковь теперь торжественно воспѣваетъ твое воскресеніе, и я прежде участвовала въ семъ торжествѣ, но теперь оставлена, лежу недвижима; воззри на мое горестное положеніе, прости руку твоего милосердія ко мнѣ, истаевающей отъ сей болѣзни, воскреси меня изъ сего полумертвеннаго состоянія.“ Лишь только она произнесла сіи слова, вдругъ почувствовала движеніе во всѣхъ членахъ своего тѣла, перекрестилась, встала, сама одѣлась въ платье и сѣла на постели. Когда родители пришли отъ утрени, то увидѣли ее сидящею; при нихъ она встала и едва могла передвигать ноги; ходить же могла только задомъ, а впередъ переступать ногами не могла. Въ такомъ положеніи, сѣ, какъ бы по какому внушенію, вложилося въ сердце сильное желаніе ѣхать въ городъ Воскресенскъ, въ монастырь, называемый—*Новый Іерусалимъ,*

о чемъ она умоляла своихъ родителей, — и родители, удовлетворяя ея желанію, собрались туда, взявъ съ собою нѣкоторыхъ другихъ дѣтей; пріѣхали они туда мая 1-го дня 1863-го года, а 2-го числа съ трудомъ довели ее до храма и то задомъ; простоявъ литургію, она пошла къ гробу Господню въ пещеру и какъ только приложилась къ нему, то получила исцѣленіе и начала ходить свободно, лицомъ впередъ. Родители, увидѣвъ ея изцѣленіе, пошли съ нею и прочими дѣтьми ко гробу Господню и попросили отпѣть благодарный Господу молебенъ, а послѣ панихиду по патріархѣ Никонѣ; послѣ сего, какъ только она приложилась во второй разъ къ гробу Господню, то почувствовала такую крѣпость во всемъ тѣлѣ, что, вышедши изъ пещеры, скоро взшла по лѣстницѣ на верхъ собора и тамъ обошла всѣ мѣста; оттуда сойдя, обошла всѣ святыя мѣста и въ монастырѣ и внѣ монастыря безъ всякой усталости. Теперь находится въ совершенномъ здоровьѣ, безъ всякихъ признаковъ прежней ея слабости и страданій.

Въ истинности событія удостовѣряютъ отецъ, мать и другіе родственники исцѣленной, отецъ ея духовный, московской Троицкой на Шаболовкѣ Церкви священникъ Николай Бобринскій, Воскресенскаго монастыря іеромонахи Филаретъ и Павелъ, и монахъ Венедиктъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

часть III-я.

М А Й.

страниц.

1. Женихи и невѣсты. *Священ. В. Нечаева*..... 3
2. Очерки быта народа Божія. *Н. З—ва*..... 24
3. Слово въ день обрѣтенія мощей Святителя Алексія. *Свящ. В. Нечаева*..... 36
4. Ученіе Святаго Апостола Іакова объ осторожности въ словѣ..... 46
5. Изъясненіе заимствованныхъ изъ Вѣтхаго Завѣта наименованій Пресвятыя Богородицы, содержащихся въ благодарственномъ ей канонѣ и акаѣистѣ (*окончаніе*). *Діакона Николая Воинова*... 96

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Четыре письма Святаго Димитрія, Митрополита Ростовскаго.—Село Ворсино. *Діакона Василя Руднева*.—Письмо изъ Мозыря. Протоіерея *Георгія Тарнопольскаго*. — Изъ быта крестьянъ. *Свящ. В. В—ва*. — Попеченіе промысла Божія о напущиваніи умирающей. — Отвѣты на нѣкоторыя недоумѣнія и вопросы. — Второй годъ Попечительнаго Совѣта о приходскихъ бѣдныхъ, учрежденнаго при Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви, къ Москвѣ.

І Ю Н Ъ.

1. О христіанскомъ дѣвствѣ. *М—ю*..... 87
2. Очерки быта народа Божія. *Н. З—ва*..... 130
3. Изъясненіе чина сятаго таинства крещенія. Три поученія *Свящ. Василя Владиславлева*..... 151
4. Письма къ искавшимъ совѣта: I. Отвѣтъ на слово: *желаю спастися*. 170
II. Готовящемуся къ исповѣди..... --
III. Къ жаловавшемуся, что не можетъ молиться..... 172
IV. О болящемъ..... 173
V. По вопросамъ о храмовомъ праздникѣ Воскресенія Христова..... 174

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Приглашеніе Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, М. Московскаго, обращенное къ настоятелямъ московскихъ церквей и старостамъ церковнымъ.—Записки миссіонера Алтайской Духовной Миссіи іер. Макарія, за 1863 годъ.—Христіанская помощь во время. *М.*—Чудесное изцѣленіе отъ мощей святителя Митрофана Воронежскаго. *Іосифа архіепископа Воронежскаго*.

1. Святый Владиміръ Равноапостольный, Великій князь Кіевскій и всея
Руся. *Ив. Блѣева*. 187
2. Очерки быта народа Божія. *Н. З—ва*. 233
3. Изъясненіе чина святаго таинства крещенія. Три поученія. *Свѣц.*
Василія Владиславлева. 240
4. О благотворительныхъ увеселеніяхъ. Письмо второе. *Протоіеря*
Алексыя Ключарева. 260

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Записки миссіонера Алтайской Духовной Миссіи іеромонаха Макарія за 1863 годъ.—Нѣсколько словъ по поводу передовой статьи М. В. о расколѣ. *Иумена Парвенія*.—Милость и жертва. *И. М.*—Средство къ прекращенію уличной русской брани.—Отъ московскихъ братчиковъ Фастовскаго братства (Гродненской губерніи, Бѣлостокскаго уѣзда въ селѣ Фастахъ).

АВГУСТЪ.

1. Святый Василій Блаженный. *И. Снеирева*. 293
2. *Госиоди, или хошу, или не хошу, спаси мя.* (изъ молитвы на сонъ
грядущимъ). *Діакона Николая Воинова*. 309
3. Еманципация женщинъ. *Е. П—ой*. 317
4. Очерки быта народа Божія. *Н. З—ва*. 339
5. Саровская пустынь въ 1823 году. (Изъ путевыхъ записокъ
Дмитрія Деменкова) 349

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Разсказъ обратившагося къ церкви раскольника. *Ивана Шевелкина*.—Копія съ письма святителя Дмитрія Ростовскаго къ соловецкому архимандриту Фирсу.—Письмо Михаила Николаевича Муравьева къ Высокопреосвященнѣйшему Филарету, Митрополиту Московскому.—О правилахъ для учрежденія православныхъ церковныхъ братствъ. Чудесное изцѣленіе отъ жестокой болѣзни дѣвicy Елизаветы Павловой, дочери московскаго купца Павла Платунова.